

Светлана Черникова

Голубой Цветок

Филосовско-поэтическая драма-сказка
для – не – просто театра –
и – против войны
в 3-х частях

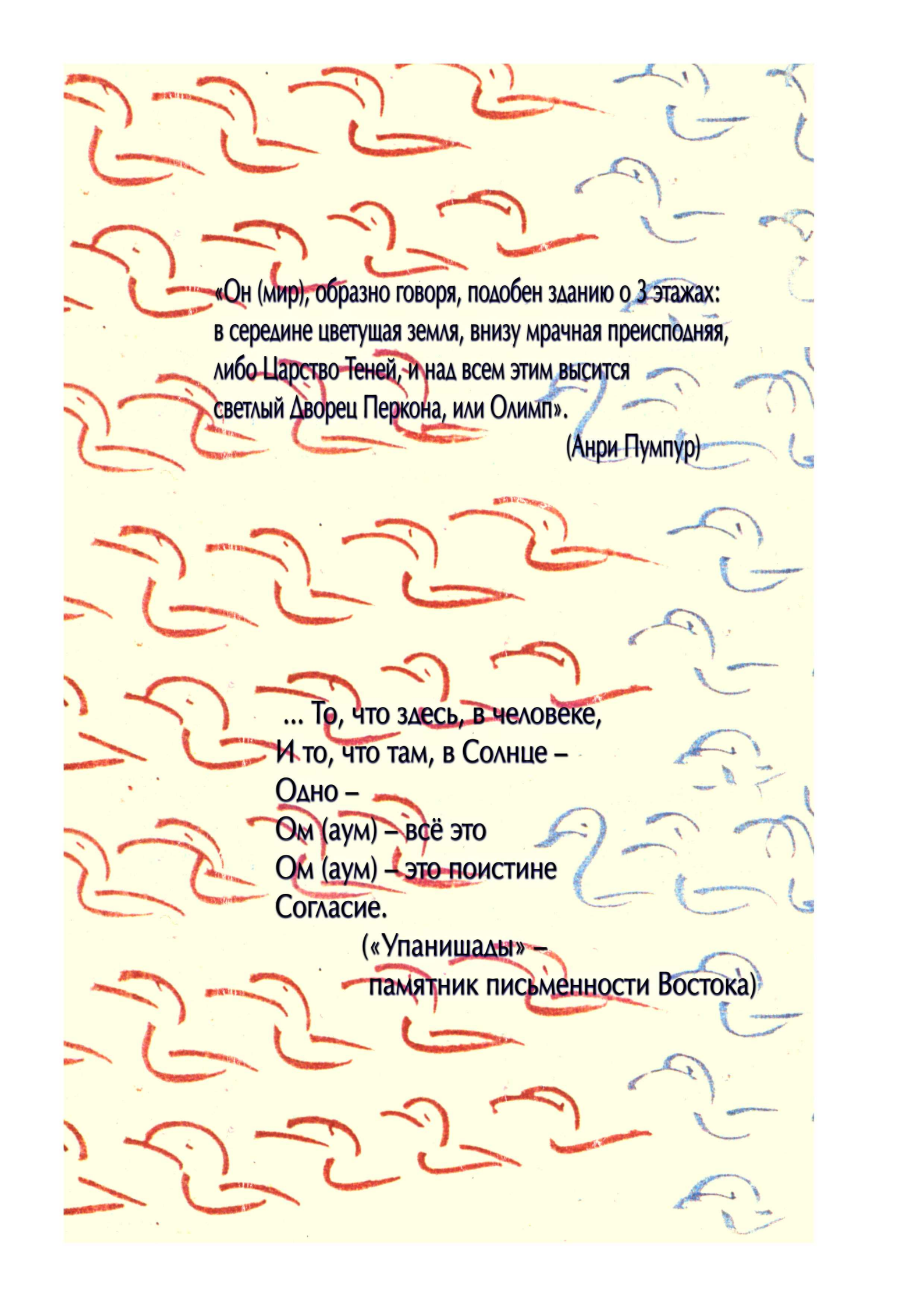

Памяти индийского учителя, Шри Чинмоя,
философа, композитора, художника, спортсмена,
духовного мастера,
частью бескорыстного служения человечеству которого
являлись проводимые Шри Чинмоем, начиная с 1970 года
медитации Мира при штаб-квартире ООН в Нью Йорке.
Окружающие называли его Послом Мира
и Первым целостным человеком XX века.
Он называл себя Возлюбившим Бога и учёным,
занимающимся проблемами Мира на земле.

Согласие

Историко-патриотическая
сказка-притча
по мотивам произведения Анри Пумпура
«Лачплесис»

«Он (мир), образно говоря, подобен зданию о 3 этажах:
в середине цветущая земля, внизу мрачная преисподняя,
либо Царство Теней, и над всем этим высится
светлый Дворец Перкона, или Олимп».

(Анри Пумпур)

... То, что здесь, в человеке,
И то, что там, в Солнце –
Одно –
Ом (аум) – всё это
Ом (аум) – это поистине
Согласие.

(«Упанишады» –
памятник письменности Востока)

Часть 1

«Согласие»

Историко-патриотическая сказка-притча

(По мотивам произведений Анри Пумпура «Лачплесис») 6

Часть 2

«Солнечный Кот или Танцующие деревья»

Музыкально-поэтическая драма (симфония) в 4 частях

(По мотивам произведений Ф. Ницше и латышских народных преданий) 113

Часть 3

«Голубой цветок»

Философско-поэтическая сказка

(По мотивам произведений Г. Гессе, Новалиса и стихам грузинских поэтов) 206

Предисловие

«Субъект-художник, он уже свободен от своей индивидуальной воли и стал как бы медиумом, средой, через которую единый истинно-сущий субъект, празднует свое освобождение в иллюзии. Ибо, прежде всего для нашего унижения и возвеличения – нам должно быть ясно то, что вся эта комедия искусства разыгрывается вовсе не для нас, как бы для нашего исправления и образования, что мы даже ничуть не являемся действительными творцами этого мира искусства, но вправе, конечно, предположить о себе, что для действительного творца этого мира – мы уже образы и художественные проекции, и что в этом значении художественных произведений лежит высшее достоинство, ибо только как **эстетический феномен** бытие и мир **оправданы** в вечности, хотя, конечно, наше сознание в этом своем значении едва ли ничем не отличается от того, которое написанные на полотне войны имеют о представленной на нем битве. А если так, то и все наше художественное знание по существу своему вполне многогранно, ибо мы, как знающие, не едины и не тождественны с тем существом, которое, будучи единственным творцом и зрителем этой комедии искусства, в ней созреет и находит себе вечное наслаждение.

Лишь поскольку гений в акте художественного порождения сливается с тем первохудожником мира, он и знает кое-что о вечной сущности искусства, ибо в этом последнем состоянии он чудесным образом уподобляется жуткому образу **сказки**, умеющему оборачивать глаза и смотреть на самое себя, теперь он в одно и то же время поэт, актер и зритель.»

Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки»

Действующиелица: *

Боги Балтии

Пукис
Гномы
Ликцепур
Перкон
Патримп
Стабарадзе
Атримп
Дочки Стабарадзе
Пакол
Лиго
Месяц (тот же Пукис)
Властитель судеб
Тикла
Лайма
Зиедонис
Добрые Духи

А также:

Лачплесис, юноша
Старый Кунинг, отец Лачплесиса
Лаймдота, дочь Стабарадзе
Буртниека, отец Лаймдоты
Кангар
Юноша на плоту
Старая Ведьма и Девушки
Люди на плоту
Медведь
Конь Лачплесиса
Кокнесис
Спидала
Айзрауклис, ее отец
Дитрих
Птицы лесные
Птицы морские
Ласточка
Рыбак

* – примечания в конце страниц даны по книге «Лачплесис» (М. 1975, редакция Восточной литературы)

Глава 1

Медный Сад – место пребывания богов Балтии.

Вечное Царство Света. Замок Перкона. Белое море, над которым царит веселье и радость. В центре воды – остров в форме раковины. Вокруг алмазные горы, напоминающие блестящую чешую дракона. Море усыпано цветами и яркими звездами, боги Балтии катаются по морю на сверкающих колесницах, кони украшены розами. В воздухе застыли крупницы янтаря – блестящие, золотистые. Добрые Духи и Гномы сидят на Алмазных горах и тронах, смеются, поют.

Кует кузнец в небесах
Сыплет угли в Даугаву:
Дочке Сауле¹ кует сакту,
Сыну Диева² – меч...
За Даугавой Медный сад
На белой песчаной горочке
Там цветут золотые розы,
Серебристый мак.
Сыны Диева, юноши,
Украшают свои шапочки
Дочки Сауле, девушки,
Делают веночки.
Чудо свершилось в завечности!
Девушка – Свет породила.
Дивный сын Бога явился
В день, что судьбою назначен.
Мудро, прекрасно учил он
Смертных познанию Бога
Как жить им в правде, бессмертным,
Подобясь величиям духа.
Злые восстали – и смерти
Предали этого Бога;
Но пекло не удержало
Его в своей власти ужасной
Вышел могучий из пекла
На небо в славе вознесся.
Имя его вам известно:
В подлунной зовется он Кристус.
Доброе вскоре ученье
Приняли мира народы.
Но злые в новом ученье
Все доброе в зло обернули.
Судьбы решили, что будет
В Балтии новая вера
Но могут старые боги
Над волею смертных владычить»

Звучит музыка. На воду падают цветы и снег). Перкон, поднимаясь с Алмазного трона.

Даже мы – боги – не властны
Противиться Судеб веленью

¹ Сауле (лат.) – богиня Солнца

² Диев (лат.) – бог

Но клятвенно я обещаю
Хранить народ мой латышский.
Слушайте, что я скажу вам:
Христово учены не ново, –
Возникло оно на Востоке.
Но веры носителей этой
Умысел тайный имеют:
Забрать Балтийские земли
И в рабство народ мой повергнуть
Я на пришельцев восстану,
Не уступлю ненавистным!
Как я раскалывал скалы,
Дубы разбивал вековые,
Так сокрушать не устану
Молниями и громами
Всех, кто народ мой латышский
Начнет утеснять и бездолить
Я на балтийские нивы
Дождик пошлю благодатный.
Днем – ветер свежий навею
А ночью звезды затеплю...

Высекает алмазный огонь, очищающий воздух. Дует теплый ветер. Боги Балтии, остановив Золотые колесницы, прислушиваются к словам Перкона.

Перкон:

Всюду, всегда неотлучен
Буду с народом в природе,
Пусть же он слышит мой голос!
Пусть мое имя запомнит!
Всем вам велю я примеру
Этому следовать твердо –
Каждому в свою долю
И чередом своим строгим.

Патримп (бог плодородных нив, веселый, украшенный цветами сидит в своей Алмазной колеснице, запряженной тремя конями):

Балтия – край урожайный.
Дам я селеньям латышским
Под осень богатое жито
Пусть урожаем богатым
Дарят их Балтии Нивы,
Но пусть враги свои сохи
О пни новизны поломают!

Плещутся волны Белого моря, из волн, рассыпая брызги утонувшего Солнца, поднимается бог моря – юный Атримп. Золотые волны кажутся прекрасным цветком, одиноко выросшим из глубины.

В том море, белом, Балтийском,
Где ветры Севера дуют,
Где волны о скалы дробятся,
Я корабли чужеземцев
Стану топить неустанно,

Пока от вражеских весел
Балтии волн не очищу!

Темнеет вода моря, Пакол – бог Тьмы, встав с Алмазного трона, бросает свой черный фрак, обращает в тень скалы, словно выросшие из морских глубин, как пик, как гигантская рукоятка меча. Черные глаза бога Пакола, сверкают будто алмазные звезды.

Пакол:

В пекле есть место незваным,
Но души наших героев
Будут над Балтией реять
В сполохах ярких – и страхом
Оледенять чужеземцев,
А приходя в ночь умерших –
Благословлять своих внуков!

Боги Балтии (*рассыпая по небу алмазы звезд*): Мы согласны с Паколом! Пакол прав!

Пакол: (*утирая слезы*): Спасибо вам, боги...

Юный Лиго (*светлокудрый, светлоокий, играет на флейте*):

Чьи это кони, чья повозка
У Диевых ворот.
Диевы кони, Лаймина повозка
Ждут, когда Сауле усядется.
Я средь богов почитаюсь,
Младшим в латышском народе,
Но Судьбы предсказали
И мне не последнее место!
В сердце народном храню я
Песенный дар драгоценный,
Сладостью душу тревожа
Гордостью и печалью.
И вечно будет жить имя
Лиго в латышском народе.
И если старые боги
Забудутся через столетья, –
Все же в песнях прекрасных
Будете вы прославляться,
Перкон, и Лайма, и Тикла,
И светлые дочери Солнца.
Ведь имена эти в песнях
Вновь оживут и воспрянут,
Душу народа разбудят,
В бой поведут за свободу.

Тихо, под музыку флейты, выходит из Хрустального Замка, отделившись от скалы Стабураг, девушка. Легко касаясь стопами волн, она пролетает над морем, и, склонив голову, останавливается, заслушавшись песни Лиго.

Стабарадзе: Прекрасны песни твои, Юный Лиго! Я покровительница девушек, простых и бедных – Стабарадзе...

Лиго (*тихо*): Ты прекрасна...

Стабарадзе:

Но слушайте, милые боги
Из дому шла я
Поведать совету бессмертных
О том, что со мной этой ночью

У омута врат приключилось...
Пряла туманы я ночью
На стабарагском утесе.
Уже Солнцево веретенце
Всю пряжу мою намотало.
Петь петухам было время.
Вдруг вижу двух ведьм, высоко
Над Даугавою летящих
Верхом на колодах корявых.
Тут обе ведьмы внезапно
На одну колоду уселись,
Другую бросили в омут
И быстро обе умчались.
Я разузнать захотела,
Зачем они так поступили,
В омут на дно опустилась,
К себе притащила колоду.
И удивилась, увидя
В дупле дубовой колоды
Юношу прелести дивной.
Лежал он без чувств, неподвижно.
На руки взяв, отнесла я
Юношу в Замок Хрустальный.
Переодев, положила,
На ложе из раковин нежных.
В юноше признаки жизни
Приметив едва я помчалась
К тебе, о, Перкон могучий,
А ты укажи, что мне делать.
Знаю, что в омут упавший,
Смертный становится камнем,
Из тех камней вырастает
Мой Стабураг все выше и выше.
Юношу в мир я могла бы
Вывести чрез Замка ворота,
Но там окуют его чары
И станет он камнем навеки!
Думаю, было бы лучше,
Что б у меня он остался,
В моем Хрустальном чертоге,
И там бы зажил счастливо...

Тикла быстро подходит к Стабарадзе, обнимает ее.

Тикла:

Не волнуйся, моя дорогая,
Я – богиня добродетелей,
Но я – женщина, понимающая
Твою печаль...

С улыбкой.

Верю, тебе надоела
Стабарадзе, плакать о милом,
Устала ты мертвые скалы
Века орошать слезами...

Стабарадзе (*закрыв ладонями лицо*):

Нет, нет! Я – вечно юная,
Как сама любовь... Но...

Тикла (*резко*):

Сын человеческий нужен
Тебе для любовной утехи!

Стабарадзе (*смущенно*):

Нет, строгая, не затем я
Спасти его захотела,
Ныне, я знаю, все в мире
Стало иным, чем бывало;
Благословенный богами
В бой с темными силами вышел.

Лиго играет на флейте, на колеснице, украшенной звездами, по Небу скользит богиня Счастья.

Лайма:

Подруги! Судьбами я управляю,
И я сама позабочусь,
Что мне для юноши сделать.

Перкон (*в сердцах*):

Женщины, спор прекратите!
Юноша этот прекрасный
Назначен для цели высокой.
Ведьмы забросили в омут
Лачплесиса молодого.
Стабарадзе, спасибо!
Ты доброе сделала дело.
К гостю домой возвращайся,
Уход ему нужен и отдых;
Потом, не боясь превращений
Веди его сквозь Ворота.

Лайме:

Лайма, а ты позаботься,
Чтоб он невредимым остался,
Покуда свое назначение
Великое он не исполнит.

Стихает музыка. Боги Балтии, обратившись в Алмазные звезды, исчезают в Небе, над Белым Морем. Звездные узоры напоминают золотые волшебные колесницы. Маленькие Гномы собирают в траве светлячков, украшают свои колпачки. Поют.

Гномы:

По ту сторону реки – раскидистая липа
По эту сторону – зеленый дубок,
Дай Бог урожайное для ячменя лето –
Заколышется липа подле Дуба.

Смеются, прячутся в траве.

Глава 2

Берег Даугавы. Лиелвардский замок ¹.

Теплое весеннее Солнце согревает землю, траву, деревья, первые цветы. На лесной опушке резвятся белки и зайчиха с зайчатами. Прекрасный бог весны, юный Зиедонис, окруженный стаей птиц, украшенный цветами, шлет ласковые улыбки Земле и Небу. Он касается стопами речных волн Даугавы и смеется, счастливый, безмятежный.

Над замком Лиелвардов сияет, словно огненный цветок – весеннее Солнце.

Старый Кунинг ² с юным Лачплесисом проходят вдоль берега, на их плечи садятся птицы, что-то поют, тихое, тайное, волшебное.

Кунинг (с нежностью в голосе):

Сынок!
Как близко боги
Себя нам являют
В чудесных силах
Щедрой природы,
В долах, лесах,
В небесах и на водах...

Лачплесис (смеется, играет с птицами): Пойдите, сейчас я и вас догоню!

Бежит, падает в траву, в цветы. Кажется, что Небо завертелось над цветущим берегом Даугавы. Над старым Замком Лиелвардов, над землей, словно в калейдоскопе, отражая в быстром потоке времени события, времена сражения, даты, любовь...

Лачплесис почувствовал слабый вкус одуванчика на губах, проглотил слюну, приподнялся.

Лачплесис (тихо): Отец! Ты где?

Его слова сплелись с ветром и пропали, исчезли среди гудящих стройных стволов высоких сосен, превратившись в белые кувшинки на воде.

Послышался треск сучьев на лесной опушке. Отчаянно захлопали крыльями птицы, закричали, будто что-то хотели сказать юному Лачплесису важное, быстрое, предупредить о чем-то неминуемом...

– Отец! – закричал Лачплесис и, повинуясь ритму сердца и Неба, будто на птичьих крыльях взлетел над лесом. Огненный меч дрожал в его руках, он взмахнул им несколько раз, зажмурился, не видя ничего, ударил во что-то темное, косматое, вскрикнул от боли и упал...

Цветы сомкнули над ним белые крылья и в тот же миг сотни птиц забарабанили клювами по стволам сосен, скликая зверей. Лачплесис открыл глаза: перед ним, перед ним на траве лежал истекающий кровью медведь. Голова его была разрублена, из разорванной пасти сочилась кровь. Рядом лежал отец Лачплесиса – Старый Кунинг. Глаза его были закрыты, но грудь вздымалось, тело дышало порывисто, по-юношески требуя жизни, победы, любви.

Лачплесис (бросаясь к отцу): Отец! Я убил его! (трясет за плечи). Вставайте же, отец!

Наконец, Кунинг открыл глаза.

Старый Кунинг: Лачплесис! Я вижу, и впрямь ты избранным витязем станешь. Как про тебя напрогночено было.

Лачплесис:

О, бог мой!
Отец мой!
Ты жив!

Обнимает его

¹ В окрестностях Лиелварде в XIII в. Среди ливов жили латыши. Лиелвардское, ливское население изображается в оригинальном тексте автором, как лат. замок.

² Кунинг – от лит. Kunigas – лат. кунгс – вождь племени, повелитель.

Расскажи! О да, Расскажи...
(тихо) Говори... говори...

Старый Кунинг (смотрит на убитого медведя):

Лет восемнадцать с тех пор миновало...
К берегу челн одинокий причалил...
Вышел оттуда старец почтенный,
Бережно нес на руках он ребенка
Юной походкой направился к Замку
И мне Судьбы объявил повеленье,
Что должен этого мальчика взять я
И воспитать, словно сына родного...
Вайделот ¹ был мой гость благодатный
Сказывал он, что в лесу был им найден
Малютка этот, кормящийся мирно
Грудью молочной медведицы дикой.
Сказывал он, что волей бессмертных
Ребенок станет героем народным,
Чье имя ужас посеет повсюду
Средь супостатов края родного.
«Мощные духи с Запада встали, – молвил он, –
Перкона власть ненавидя,
Словно сполохи крестоподобные,
В небе Востоку грозят.
боги сразятся. Выживут боги!
А наш народ потеряет свободу
Полягут славные витязи наши
В бронях неравных с врагом чужеземным
Вайделем бывши, прожил я долго
У Крива – в Ромовой роще священной.
Много вестей и отрадных, и скорбных
Я приносил вождям и народу
Ныне с последней горестной вестью
К тебе пришел я, Лиелварды Кунинг!
Не приходилось вестей тяжелее
Мне приносить на веку моем долгом.
Но не печалься, славный в народе!
Пройдут столетья – народ наш проснется
И вновь свободу себе завоюет,
Подвиги предков своих вспоминая.
Судьбы решили: я не увижу
Ярма на шее народа родного.
Садится Солнце, меня призывает,
Балтии Солнце златое заходит.
Высказав это, он в челн свой уселся
И вдоль умчался вниз по теченью.
В глубоких думах, взволнованный сердцем,
Вслед ему с берега долго глядел я.
Глухо гремел в отдалении Кегум,

¹ Вайделот – древнепрусский жрец. В Пруссии, в Надраве было некогда место Ромове (Romovi). Здесь жил Крив (Criwe). Крив, подобно папе, управлял не только язычниками Пруссии, но и литовцами и другими прибалтийскими народами. Криву были подчинены жрецы – вайделоты. В ветвях вечно зеленого дуба в Ромове находилось изображение трех богов – Ratollo, Potrimpo, Rercuno. Вайделоты – прорицатели, приносящие вести предводителям народов. (По мнению автора книги «Древние времена Лифляндии» Меркеля).

И челн швыряли свирепые волны;
Лучи последние Солнца померкли,
Скрылись и челн и пловец за стремниной...

Вздыхает.

Канули в вечность быстрые годы.
Свято то исполнил я судеб веленье.
Прекрасным юношей вырос младенец,
Вайделем данный мне. Ты – этот юноша!
Лачплесис будешь ты зваться отныне,
О дне великом сегодняшнем в память,
Когда отца от гибели спас ты,
Когда свершил ты первый свой подвиг.
Конь быстроногий в бранном убранстве
И ратный меч тебе подобают.
Копье и щит, и блестящие шпоры,
И кунью шапку в цветах дам тебе я.
Так снаряженный, в путь отправляйся
К нашему славному Буртниека ¹ Замку,
К доброму другу лет моих юных,
К старому Кунингу в Буртниека Замке.
Ты поклонись ему! Ты ему молви,
Что, дескать, Лиелварда ты наследник,
Что ты отцом сюда послан учиться
Разуму в школе премудрости древней
Буртниека любовно там тебя примет,
Откроет он сундуки пред тобою
Где наши древние свитки хранятся, –
Вести в них есть о судьбе сокровенной
Древние свитки правде научат,
Восточных стран расскажут преданья,
Споют про наших латышских героев,
Вечного неба раскроют глубины.
Ты семилетье там пребывая,
Обогатишь ты свой разум наукой,
Как войны надо вести, ты узнаешь,
Как побеждать супостата в сраженьях».

Лачплесис обнимает Старого Кунинга, оба подходят к Замку. Лачплесис принимает из рук отца щит и боевое копье, одевает куньего меха шапку, едва сдерживает коня.

Лачплесис (окруженный птицами): Отец! Хранят тебя боги! Прощай! (Целует его).

Старый Кунинг (сажает на плечи Лачплесиса маленькую белокрылую Ласточку. Словно крохотное сердечко, она трепещет, сложив крылья в морщинистых грубых ладонях старика):

Лиелвардов племя славно в народе –
Героями наши прадеды были.
Никто о них слова дурного не скажет.
Лачплесис, сын мой, эту же участь
Вершитель судеб тебе уготовил.
К великой цели стремись неуклонно,
– Боги тебя охранят и поддержат.
Миры соблазнов юношей губят,

¹ Буртниека (лат.) – кунинг, певец, древний повелитель племени, жил в Замке у Буртниецкого озера. Мудрец, философ, искусный в письменности. Буртниеки – род воинов, умеющих читать магические письмена – **Бурты**.

Но сами они в том бывают повинны,
Живи не так, чтоб тебя поучали,
А что б ходили к тебе за советом.
Ведать всю правду еще труднее.
Кто эти трудности преодолееет –
Всех выше будет великой душою.
Чти неизменно обычай народа,
Храни ревниво отцовскую веру
Лести лжецов коварных не слушай,
Помни – они ненавидят свободу.
Только корысти низкой алкая,
С именем бога в устах выбирают
Жертву они, – приблизятся тайно
И адским зельем смертельно отравят.
В вольной Отчизне вольный народ наш
Досель владык наследных не знает,
В пору войны вождей выбирает,
Мудрых старейшин – в мирное время,
Лучших венчая этой честью.
Кто заслужил уважение народа.
Твердых мужей народ выбирает,
Славу поет им в песнях прекрасных.

Лесные звери и птицы окружают Старого Кунинга и Лачплесиса. Юноша обнимает отца, кивает, вскакивает в седло. Конь, будто на крыльях, уносится в Небо, мчит юного Лачплесиса выше облаков, задевая кончиками ушей крылья птиц. Под его копытами клубится туман и огромное блестящее Солнце, похожее на растаявший янтарь, отражается в глазах крохотной Ласточки, сидящей на плече юноши.

Глава 3

Айзрауклеский замок на берегу Даугавы.

У окна сидит Спидала, юная дочка Айзрауклиса. Старый Айзрауклис с любовью смотрит на нее, в лучах утреннего Солнца ее лицо кажется необычно светлым, будто бы невесомым, напоминая прозрачное облако.

Спидала перебирает бусы, кольца, драгоценности, сложенные в изящном ларце. На миг поднимает глаза, встретив взгляд отца, поспешно подходит к нему, порывисто обнимает.

Спидала: Отец, прости, я, верно, увлеклась своими мыслями, совсем забыла...

Айзрауклис (садится рядом с дочерью у окна):

Спидала!

Все собираюсь спросить у тебя я,

Где ты взяла ожерелья и кольца?

Что они так тебе полюбились?

Спидала (со смущением):

Все это дарит мне старая кумэ,

Что в гости ходит к нам! А у ней дома

Много сокровищ в ларцах золоченых.

Айзрауклис (тихо):

Доченька,

Я тебе милая, не позволяю

Впредь принимать от старухи подарки.

Люди толкуют, что старая кумэ –
Ведьма и Пукиса в дом свой пускает ¹,
Кормит его человеческим мясом.
Всяким добром ее тот одаряет:
Все украшения у ней колдовские,
Дочке моей их носить не пристало.

Спидала (обернувшись к отцу, прячет лицо):

Гость у нас будет, видно, сегодня.
Юный тот воин, что въехал в ворота.

С удивлением оба замирают у окна. В Замок Айзрауклиса редко заезжают гости. Путь через лес, к дальнему берегу Даугавы мрачен и опасен, только потайными тропами путник может пробраться туда.

Спидала (увидев коня Лачплесиса, у окна замковой башни): Ах!

Айзрауклис (волнуясь): Скорей води в дом его, дочка!

Входит Лачплесис, на его плече сидит Ласточка.

Лачплесис (кланяется):

Добрые люди, простите,
В дороге замешкав,
Прошу у соседей ночлега.

Спидала (нетерпеливо): Но как твое имя?

Лачплесис: Лачплесис,

Славитого Кунинга Лиелварды
Я сын...

Спидала (злобно, с огнем в глазах):

Здравствуй, храбрец,
Разорвавший медведя!
Будущего я вижу героя...

Пожимает его руку.

Айзрауклис: Здравствуй, сынок... (обнимает юношу, Спидале):

Ужин обильный скорей приготовь нам!

Глава 4.

Берег Даугавы.

Звезды над водою. Деревья застыли, не шелохнутся от ветра, словно сказочные волшебные рифы. Спидала опускает в воду взгляд, видит, как тихо колышутся водоросли у ее ног, чувствует, как

обволакивает туман, словно киселем, стопы. Становится тепло, уютно, она смеется. Над водой вспыхивает алая полоса, похожая на след от кометы, тянется она вдоль берега. Несколько звезд падает в воду, в траву, покрывая поцелуями землю. Искры светлячков вспыхивают в Небе. Журчат в прибрежной траве, на застывших стволах деревьев.

Большой Пукис ² с грустными глазами летит по Небу, тянет за собой огненное пламя, будто длинный воздушный хвост. Он опускается на берег, сверкая, как гигантская комета. Спидала подходит к нему, обнимает.

Спидала:

Милый мой друг!
Как хорошо, что ты пришел.
Сегодня к нам в Замок пожаловал гость,
Тот самый, о котором ты мне говорил.

¹ Кумэ – свидетельница на церемонии наречения.

² Пукис – дракон, змей, живущий в воде, требующий человеческих жертв.

Пукис:

Лачплесис, убивший Медведя.
Я знаю, Медведь был жених твой.
Но – бойся! Лачплесис –
Любимец богов.

Спидала (обнимает Дракона): А ты – мой...

Пукис (тихо):

Люди боятся меня...
Подумай, Спидала...
Ты не знаешь главного...

Помолчав.

Когда-то очень давно,
Я совершил огромное зло,
Благодаря которому
Люди возненавидели меня.
И богами я приговорен
Жить на дне озера...
Я похитил древние руны
У старого Видуведа...
Он прятал их на дне океана,
Но в этих рунах – судьба Балтии.

Спидала: Где ж теперь эти руны?

Пукис: Очень скоро завладеет ими Лачплесис!

*На Небе вспыхивает огненная молния, будто пронесся меж звезд таинственный
Всадник в черном плаще.*

Спидала: Я не боюсь ничего. Ты – один, кто может хлеб переносить по Небу из одного места в другое, огненный след оставляя, как мост среди звезд. (Смеется). Ты, только ты один приносишь своим друзьям хлеб и деньги.

Пукис (растроганно): Ты одна осталась, Спидала, кто еще любит меня... Злые люди выдумали, что я только и живу жаждой крови...

На миг его печальные глаза загораются ярким пламенем. В этих искрах видит Спидала себя, горящей, и не сгорающей. В этих искрах видит она крутой обрыв над берегом и падающих с обрыва Рыцарей, огромного Медведя, лежащего у ног Кунинга. Кажется ей, что видит она в Небе лицо Лачплесиса, тянущего к ней руки, зовущего, и кажется ей – еще миг, и обратится она в дикую Медведицу.

Спидала (вскрикнув): Нет! (Достает кинжал, ранит палец. На шее Дракона пишет кровью свое имя. На темном небе среди звезд, загораются пламенеющие буквы "Лачплесис").

Спидала: Скажи, скажи скорей мне милый, как погубить этого юношу?

Пукис (с грустью): Сядешь в колоду, лежащую у ограды Отцовского Замка, толкнешь клюкою землю... И в Небо взлетит кривая колода... (Помолчав). Туда, куда ворон костей не заносит... Там – спросишь совета.

Обувает Спидалу в золотые сапожки, в руки дает клюку, улетает. Спидала спешит, счастливая к Отцовскому Замку, совершенно не замечая, что следом за ней, словно летя по темному Небу, на прекрасном серебристом коне, мчится Лачплесис, его тень то теряется между ночных облаков, то падает в траву призрачным Лунным светом, то блестит, мерцая, между стволов деревьев.

Незаметно покинул юноша замок Айзлаклиуса в разгар веселья, незаметно, влекомый страстным любопытством, последовал он за красавицей Спидалой и теперь, едва сдерживая готовое выскользнуть из груди сердце, летел ей вслед, веря и не веря своим глазам.

Спидала, испуганно озираясь по сторонам, выбежала к Замковой ограде. Увидела колоду. Вскрикнула от удивления. Зажмурила глаза, в мгновение ока вскочила в колоду, произнесла заклинание, несколько раз ударила клюкой по деревянной колоде...

Взвилась в воздух, точно стрела. Ее черное блестящее платье развевалось на ветру, цепляя верхушки деревьев, точно молния.

Лачплесис, с огромными от удивления глазами, мчался за ней на серебристом коне. Несколько раз Спидала оборачивалась, будто чувствуя где-то вблизи чье-то незримое присутствие. Но лишь капли серебристого тумана застилали ночное Небо и янтарный свет тихой Луны освещал путь.

«Сегодня холодная ночь! – поежилась Спидала. – Звезды падают, словно дождь... Как зябко...»

Глава 5

Спидала вздохнула. Опустилась, будто упала на землю у Чертовой ямы ¹.

Скрылась внутри. Провалилась под землю.

Лачплесис подбежал к деревянной колоде, заглянул в нее, присвистнул от удивления, залез внутрь. Его Конь тихо побрел вдоль речного берега, сливаясь с туманом, почти растворяясь в нем, как в облаке.

Прошло несколько минут. Хвостатые Пукисы, Ведьмы кружились, визжали вокруг колоды, одна из Ведьм подхватила ее, подбросила, словно маленький камешек, загромыхала тяжелая колода, закатилась в пропасть черной пещеры.

Лачплесис выглянул. Под закоптелым куполом блестело пламя. В центре на углях грелся котел. Черный Кот помещивал варево. Гудели и шептали Совы. Лачплесис схватил горсть сухой травы, спрятал лицо в цветы. Из низенькой дверцы вылезла косматая старушонка – Старая Ведьма.

Старая Ведьма:

Ах, вы, мразь ползучая!
Кто чужой вошел сюда –
Шею сам свернет себе!

Выхватывает у Кота черпак

Дочки, время ужинать!

Бьет черпаком о котел. Двенадцать молодых Ведьм выскочили из темных углов пещеры. Съели варево.

Старая Ведьма:

Ну-ка, все на кухню!
Чтобы я глаза вам зрячими сделала!
Женихи-молодчики вскорости появятся!
И пора красавицам к встрече подготовиться.

Достает с полки горшочек, птичьим пером мажет девушкам глаза. Они уходят, одна за другой – безмолвной вереницей.

Лачплесис (прижимая к груди маленькую Ласточку): И я – попробую, что будет..? Как ты думаешь?

Ласточка чирикнула, словно блеснула во тьме крохотная улыбка – и – стихла.

Лачплесис (мазнув свои ресницы): Что вижу я! (Ласточке) Смотри-ка!

Как слепой бродит по пещере, ощупывая невидимые предметы.

В котле, где стыли ужина подонки,
Я с ужасом увидел детские ручонки.
И не колбасы там кровавые плавали,
А змеи черные в подливе кровавой.
(Тихо) Ведьмам вслед пойду я...

¹ Образование ям, речных омутов чаще всего связывалось с именем Черта, как результат его усилий для причинения вреда людям.

Двигается, будто на ощупь.

В первые двери... Вот.
Все из красной меди... в той пещере...
В плахе топор торчит с медной рукоятью,
А на что он нужен – непонятно.
Все в другой пещере серебром блестит:
Стол и подсвечники, стулья и стены.
В третьей пещере – все золотое...
Стены, и своды, и сводов устои...
Гляди-ка! *(Неожиданно смеется)*
Меж колон сияют золотом постели,
На постелях красные покрывала рдеют.
Во второй пещере ведьмы стали раздеваться
Донага, как будто собрались купаться...

Замирает, прислушивается, замечая Спидалу. Старая Ведьма достает украшения, одевает Девушкам на руки и шеи. Девушки становятся в круг кровавой плахи. Спидала укрывает плаху одеждой.

Спидала берет топор, ударяет по плахе ¹:

Вот я первая рублю,
Завтра не признаю!

Из плахи вылетает парень, обнимает Спидалу, оба улетают в покой, где постланы постели. Остальные Девушки-ведьмы также улетают со своими парнями. Из колоды появляется Ликцепур ².

Ликцепур *(шипя Старой Ведьме)*: Все ль у вас готово?

Старая Ведьма: Все готово!

Ликцепур ударяет по плахе. Серное пламя озаряет пещеру, плаха обращается в Золотую повозку, топор становится Пукисом. Пукис разваливается на блестящем полу пещеры, вдыхает из пасти искры, дым и пламя.

Ликцепур со Старой Ведьмою уезжают в Золотой повозке. С грохотом и визгом катаются они по пещере.

Старая Ведьма *(ударяет клюкой)*: Входите!

Дрожат своды, стены, входят косматые Уроды, вытаскивают белого Человека – пленного Кангара, отшельника. Лачплесис, оцепенев от ужаса, ждет...

Лачплесис *(шепотом, Ласточке)*: Неужели они принесут в жертву Кровожадному Пукису доброго Кангара??

Кангар:

Пощади, могучий,
Дай отсрочку! Я ж тебе послужу по-прежнему.

Ликцепур *(подумав)*:

Не мольба твоя, другие причины смогли бы
В этот час спасти тебя и отсрочить гибель.
Средь подвластных Перкону изменников мало.
С Перконом бороться нам очень трудно стало.
Но на счастье наше в Балтию вскоре
Люди чужеземные придут из-за моря,
Будут завоевывать землю Балтийскую,
Новую веру навязывать силою.
Власть их новой веры хочу я видеть в Балтии,
Принести должна она мне много прибыли.

¹ Так в преданиях о бесовских игрищах говорится, что ведьмы вызывают себе женихов – чертей.

² Ликцепур – старший из чертей.

Веры той носители моими стали слугами.
В этом деле помощи от тебя требую,
Тридцать лет за это дам тебе жизни,
Пукиса пастью, злодей, поклянись мне,
Поклонись бороться с нами против Перкона.

Кангар: Я клянусь бороться с вами против Перкона!

Ликцепур: Поклянись, что будешь родины предателем!

Кангар: Я клянусь, что буду родины предателем!

Ликцепур: Истреблять защитников народа!

Кангар: Истреблять защитников народа!

Ликцепур: Ради пользы пришлых свой народ обманывать!

Кангар: Ради пользы пришлых свой народ обманывать!

Ликцепур: Приводить слугителей чужеземной веры!

Кангар: Приводить слугителей чужеземной веры!

Ликцепур: Убивать клянусь всех, кто сопротивляется¹

Кангар: Убивать клянусь всех, кто сопротивляется!

Ликцепур: В рабство обратить, в конце концов – всю Балтию.

Кангар: В рабство обратить, в конце концов – всю Балтию.

Ликцепур: Встань же и живи назначенное время.

Кангар встает, его все приветствуют.

Ликцепур: Мне уезжать пора! Прощайте!

Ведьмы прижимаются щеками к полу, вспыхивает серное пламя. Ликцепур с громом, в огне скрывается под полом пещеры. Лачплесис, воспользовавшись общим оживлением, осторожно пробирается сквозь дым, хватая несколько древних свитков, Ласточка крепко сжимает их в клювике.

Лачплесис:

Пусть остаются в знак того,
Что побывал я в Чертовой пещере,
В ужасной яме,
Что был свидетелем всех мерзостей...
Бежим!

Пробирается сквозь серный дым на ночной свежий воздух, прячется в колоду. Из пещеры выходит Старая Ведьма и Спидала.

Старая Ведьма:

Спидала, скажу тебе нечто нехорошее:
Лачплесис тайком был здесь во время ужина.
Видал, как с подругами ты здесь веселишься.

Спидала (бледнея от удивления): О, проклятье! Только не это!

Старая Ведьма:

Дерзкий, он нашел бы гибель в пасти Пукиса,
Только повелителю не хотелось вмешиваться.
Решено однако: жить не должен Лачплесис:
Он тебя в дупле колоды дожидается,
Вы сейчас домой летите вместе с Серничкой¹
Вверх по Даугаве, до утеса Стабурага.
Ты над самым омутом прыгай на колоду к ней,
А свою колоду вниз бросай с заклятьем.
Пусть с колодою Лачплесис рухнет в бездну омута,
А живым оттуль не выходил никто еще!

¹ Серничко – имя ведьмы из Серене. Являлся омонимом названия жителей Серенской вол. на левом берегу Даугавы

Спидала ударяет по колоде клюкой, взлетает в наполненный серебристым туманом воздух.

Спидала: Конечно, это он пришел, чтобы похитить древние руны, в которых написана судьба Балтии... Мой Пукис принес их со дна океана.

Глава 6 **Тихий туман расстилагает** **печальная Стабарадзе по земле.**

Мягкие облака тянутся вокруг Замка легкими струнами и кажется, что скала, на вершине которой стоит Замок, на миг оторвалась от земли и поет, взлетая в далекую холодную недоступную Вечность.

И теперь – Стабарадзе – на Небе плывет, плывет и плетет серебристый туман из звезд, укрывает туманом поля, леса и землю.

Стабарадзе:

Долго ль,
Грустящей от века
В объятой дремотой громаде,
Скорби копящего Стабурага
Средь вечных богов, одинокой,
Долго ль –
Плакать еще
О горестных Балтии судьбах?
Или – никогда не забыть –
Умолкшую древнюю славу?

Из туманного Замка выходят девушки – Дочки Стабарадзе, смеются, устилают туманом землю.

Дочки Стабарадзе:

Там, где обычаи прадедовы
Живы доныне, любовно
Она по утрам от заморозков
Туманом поля укрывает.
В темную ночь она лодочников
Отводит от водоворота,
В полдень водой родниковую
Поит пастухов и прохожих.
Есть у ней дело излюбленное:
Средь девушек доброго нрава,
Лучших порой выбирает она,
В особое время рожденных,
И под свои адамантовые
Подводные своды уводит.
Девушек многому учит, затем
Замуж сама отдает их,
Зовут их «Дочками Стабурадзе».
И тот, кому Лайма назначит
В жены такую избранницу
Счастливым считается в мире.

Рассветный туман укрывает скалу, на которой возвышается Замок, в одной из комнат пробивается Солнечный луч, падает на постель из нежных раковин, юный

Лачплесис просыпается, открывает глаза. Слышит прекрасное пение, долетающее из тумана.

Отчего нарядные, отчего красивые
Девушки Стабарага?
Стабарадзе шелк прядет,
Родник нитку сучит,
Отчего Стабским девушкам
Яркие узоры не носить?
Стабарадзе ткет, сшивает,
Родник нитку сучит.
Отчего Стабским девушкам
В шелковых платьицах не ходить.
Стаба ткет, Стаба прядет,
Нитку шелковую сучит.
Стабурагские пахари
Пашню засеяли
Повесили золотые сеялки
На серебряные вешалки.

Лачплесис (с удивлением осматривая комнату Замка): О, боги! Где я?

Отворяется дверь в хрустальной стене, появляется Дочка Стабарадзе.

Лачплесис (восхищенный ее красотой):

Дверь отворилась в хрустальной стене,
И девушка в ней появилась...
Лунному свету подобна она,
Слитому с маковым цветом.

Пытается встать, подойти к девушке.

Мне кажется, богиня
Явилась ко мне...
Как благодарить тебя, прекрасная, за спасение?

Дочка Стабарадзе (не позволяет ему подняться):

Тише! Мой рыцарь!

Смеется. Выпускает из рук Ласточку Лачплесиса. Ласточка, щелкая, садится на плечо юноши, держа в клюве древние свитки, похищенные из Черной пещеры.

Беречь надо силы...
После всех приключений своих
Ты еще не оправился.

Лачплесис:

Дай мне ответ,
Где я нахожусь?
Как эти чертоги зовутся?
Дай мне ответ, создание Неба,
Как мне величать тебя можно?

Дочка Стабарадзе:

Зовут меня дочкою Стабарадзе,
И ты в ее Замке хрустальном
Она из бездонного омута
Тебя принесла в этот Замок.

Лачплесис:

Какое счастье! Значит
Ты – не богиня, девушка – чудо,
Ты – просто – человек?!

Смеются. Дочка Стабарадзе оставляет ему мед, молоко, лепешки и уходит. Лачплесис выпивает мед, отворяется дверь и перед ним появляется Стабарадзе.

Стабарадзе:

Здравствуй, мой друг!
Как здоровье твое?

Лачплесис (*улыбается*):

Спасибо, богиня!
Я в добром здоровье,
И – вечно бы жил в алмазовом
Твоем Дворце, благосклонная!

Стабарадзе (*с загадочной улыбкой*):

Может быть, позже встретимся вновь
И вечность не будет столь долгой.
Ныне же боги судили тебе
На жизненный путь возвратиться
И богатырскими подвигами
Стране послужить и народу
Славу в народе себе завою
И счастье у сердца любимой!

Лачплесис (*вздвигнув сердце*):

Мудрым богам благодарствую,
Рад послужить я Отчизне!
Все совершу, что завещано мне,
И счастлив, что вижу в лицо я
Светлую, вечную Стабарадзе
С прекрасной Дочкою своею!
Обе великой опорой мне
Вы будете в жизни отныне.

Стабарадзе:

Успеха тебе мы желаем!
Трудно придется, витязь, тебе
Бороться со злыми врагами,
Что поджидают исподтишка,
Как Спидала – Ведьма и Кангар.
Некое зеркальце, маленькое
Я дам тебе, витязь, на счастье,
И начнут тебя одолевать
Враги твои, ты покажи им
Зеркальце это, и мигом они
Рассеются перед тобою!

Достает из сундучка зеркальце и отдает юноше.

Береги – пуще своего глаза.

К Лачплесису подходит Дочка Стабарадзе, улыбается.

Лачплесис:

Благодарю тебя, богиня Стабарадзе,
За такой подарок!

Дочке Стабарадзе:

Девушка также прошу –
Подари что-нибудь
Мне на прощанье.

Девушка снимает со своих кос блестящую ленту, украшает ею высокую шапку

Лачплесиса.

Дочка Стабарадзе:

Дара чудесного нет у меня,
Но шапку твою украшаю,
Другом отныне считаю тебя
И счастья тебе я желаю!

Лачплесис:

Не знаю, что и сказать тебе,
Так я растроган.

Стабарадзе:

Спешить надо, витязь!
Вверх, на скалу я тебя поведу,
Как Перкон великий велел мне

Посмотрев на Дочь, потом на Лачплесиса

Лаймдотой девушку эту зовут
И скоро ее ты увидишь...
Лента же девушки биссерная,
С волос ее снятая русых,
Тебе еще лучше, чем зеркальце,
В опасное время послужит.

Выходят из Замка, утопающего в тумане. Будто по облакам ступает Лачплесис след – в – след за Стабарадзе, подходят к Воротам Небесного чертога.

Стабарадзе (*берет его за руку, подводит к арке*): Не бойся превращений, Лачплесис! Иди сквозь Ворота!

Еще миг – и Свет глубокого взгляда Лаймдоты обволакивает его душу, будто обсыпая множеством цветов. Кажется ему, что падает, летит он с непостижимой высоты – вниз, вверх, вниз... И за спиной – из тумана – как из бисерной ленты – будто вырастают крылья, цветочные крылья, сотканные из разноцветной утренней росы, крылья, согретые Солнцем и женским теплом.

– Чив – чив! – прощбетала маленькая Ласточка.

Каменная глыба упала на влажную землю и вверх, в Небе, на недоступной высоте, возвышался Замок Стабарадзе, и слышалось оттуда тихое женское пение, напоминающее птичий разговор:

Сиди, девушка, жди своего часа,
Зато твоя Лайма¹ не сидит,
Вспотели Лаймины кони,
Пока она для тебя место выбирает.
Ладит Лайма завязку,
Сидя на горе.
Привяжи ты меня, Лайма, этой завязкой
К желанному отцовскому сыну.
Ай, Лайма, укажи мне
Моего пахаря, сеющего ячмень.
Я накормлю его коня
Отборным овсом.

Глава 7

Ветреный день, крутой берег Даугавы.

Из-за леса среди туч появляется Золотая Колесница, запряженная белыми конями. На колеснице – седой Перкон, он пролетает над Стабурагом, щелкает бичом, в землю вокруг Замка ударяют молнии. Раскаты грома и обвалившихся камней будят стаи речных птиц. С клетотом они прячутся на противоположном берегу реки. Огонь Перкона еще раз ударяет в камни, искры согревают землю, вокруг камней шепчется трава и вырастают первые цветочки, крохотные, как речная галька.

¹ Лайма (лат.миф.) – богиня счастья.

Лачплесис вытягивает, словно стебли, свои застывшие руки, поднимает голову, тянется к Солнцу, к теплу. Над ним щебечет маленькая Ласточка.

Лачплесис *(с трудом обретая свое тело, радуется, увидев птицу):* Я будто лист, будто цветок, вырастающий на песке, из неживого камня...

Осматривается, видит, как один за одним, среди камней, осыпавшихся с горы Стабураг, вырастают прекрасные цветы.

Лачплесис: О нет, и камни – теперь мне кажутся живыми!

Пытается вспомнить что-то, запрокинув лицо к Небу, туда, где среди облаков возвышалась скала Стабураг.

В памяти женских два образа
Ярко запечатлелись:
Спидала – злобно коварная
И Лаймдота – чистое сердце.
Клятву себе я крепкую дам:
От первой подальше держаться,
А заслужить уваженье второй
Достойными славы делами.

Сажает Ласточку на плечо, делает несколько шагов и подходит к реке. У парома стоят люди, переминаются, не решаясь сесть в лодку.

Лачплесис *(Юноше):* Отчего вы все стоите и смотрите вдаль, но никто не садится в лодку?

Юноша: Переправиться все мы хотели на другой берег, но боимся взяться за весла, на реке слишком крутые пороги.

Лачплесис: Мне тоже нужно переправиться на тот берег. Садитесь в лодку, я вывезу вас!

Люди восходят на паром. Лачплесис берется за весла. Ударяет гром и несколько молний, словно стрелы, падают в воду. Словно прутья, ломаются в руках Лачплесиса тяжелые весла. Их подхватывает течение и мчит через пороги.

Люди: Спасите! Мы тонем! Беда!

Лачплесис выпускает вперед Ласточку, она указывает путь, с трудом летя против ветра. Лачплесис гребет ладонями, наперекор буре.

Юноша на плоту:

Люди! Мы спасены!
Сильно, глубоко взбуравя волну,
Он плот удержал на стремнине.

Люди:

Он могучей стремнины сильней –
И вскорости к берегу выгреб!

Юноша:

Неслыханная, дивная сила!

*Выходят на противоположный берег реки. К Лачплесису подходит **Кокнесис**¹. Он, как соломинки держит на плече десяток бревен.*

Кокнесис:

На подвиг твой
Я глядел с кругояра...

Кланяется.

Люди зовут меня Кокнесис,
И здесь я считаюсь сильнейшим.
Бревна таскаю для крепости я
Из близ растущего леса

¹ Кокнесис – «носящий деревья»

Рою я рвы, насыпаю валы,
Бревенчатый тыл воздвигаю. –
Надобна крепость надежная нам
Укрыться от бед и напастей.

Лачплесис (с улыбкой):

А мое имя Лачплесис.
К Буртниека Замку спеша
Я в старом лесу заблудился...

Несколько секунд разглядывает Кокнесиса.

Впрочем, это довольно долгая история...

Оба смеются.

Кокнесис: Мне кажется, у нас еще будет время поговорить обо всем, что с тобой приключилось... Верно? Я предлагаю тебе свою дружбу.

Лачплесис (радостно):

И вместе мы будем
Путь продолжать,
Чтобы выучиться
Премудрости в Буртниеком Замке?!

Кокнесис: Точно!

Обнимаются, убегают, вдоль берега, шлепая по воде босыми ступнями. У лесной обочины пасутся два коня. Лачплесис с радостью узнает своего любимца. Вскакивает в седло.

Над лесом, над рекой хлещет ливень. Но струи воды – теплые, легкие. Как крылья Ласточки. Сейчас она тихо спит, спрятав клюв с древними свитками на плече юного Лачплесиса. Вздрагивает Лачплесис, невольно оборачивается при каждом ударе грома, будто все еще слышится над ним гневный шепот Спидалы:

– Скачи хоть до Солнца,
Тебя я настигну повсюду...

– Не бойся Лачплесис, – успокаивает юношу Кокнесис. – Я чувствую, что злые Ведьмы ищут тебя, но еще ни одной из них не удалось справиться со мной!

Смеется.

Замок Буртниека на берегу озера. Навстречу всадникам выходит Буртниека. Лачплесис и Кокнесис с радостью здороваются с ним и входят учениками в старинный Замок.

Глава 8

Кангарские горы, окруженные болотами.

Между холмами вьются серебристые туманные змейки. Из лесу доносятся крики хищных птиц и рычание зверей. У края болота – усадьба Колдуна Кангара. При свете факела Кангар пересчитывает сокровища, которыми набита его кладовая.

Кангар (любываясь своим богатством): М-да! (вспоминая недавнюю встречу с Ликцепуром в Чертовой яме, ежится).

Впрочем, не слишком ли дорого я от них откупился?
Нагцепур требует страшного... Впрочем, что ж я? Об этом Больше никто не узнает, Ведьмы, боясь наказания Слова не скажут. И почитать по-прежнему люди Будут меня за святого. А в глупости их и в доверье Выгода скрыта моя. Дурачки мне нужнее, чем эти, Как там их?... родина, совесть народ! Не хочу быть героем, Ради народа и родины всякие беды терпящим...

Кутается в теплый кафтан, прислушивается к вою ветра. Неожиданно вздрагивает.

Как будто кто-то в дверь входную постучался
Прислушивается.

Кто мог так поздно стучать?

Снимает с дверей крюки и засовы. Быстрыми шагами входит Спидала.

Спидала:

Здравствуй!
Ты гостей, наверно, так поздно
Нынче не ждал?

Кангар *(с удивлением):*

Не ждал. Тем более
Рад я соседку прекрасную видеть!
Ну, как живется?

Спидала:

Плохо живется.
Похоже, что сами
Мощные боги орудуют против меня! И решила
Я у тебя совета просить; может быть, если вместе
Действовать будем, скорей своих целей достигнем.

Кангар:

О, говори! Что же случилось, прекрасная?

Спидала *(с гневом):*

Лачплесис – витязь
Ночью недавно тайком пробрался в Чертову яму... И еще...

Кангар *(с усмешкой, тихо):*

Он свидетелем был...
Всех ваших мерзостей...

Спидала *(не слыша его):*

После же в омут брошенный,
Чудом каким-то остался в живых – и – доньше
Жив и здоров, а теперь обитает он в
Буртниеком Замке.
Он похитил древние руны!

Кангар *(охваченный внезапным страхом):*

Вот он, свидетель живой, в тайну проникший...

Спидале:

Ты поступила умно, сообщив мне об этом!
Вижу, судя по всему, что боги его охраняют.
Витязь, хранимый богами, опасным противником будет.
Хитрые средства должны мы придумать, так чтобы сам он
Славы ища, на себя навлекал смертельные беды.
Есть у меня на уме два способа, очень пригодных,
Чтобы его погубить! Вот один: много лет уже не был
Калапуйс, эст-великан, во владениях латышских. Пошлю я
Весть Великану на озеро Пейпус, что время настало
Очень удобное, чтобы напасть на наши селенья,
А латышей подговаривать буду ответно на эстов
Выйти войною. Понятно, что Лачплесис – витязь отважный –
Дома не высидит, а на войну отправится вместе
С Буртниеком. Тут-то его и смерть ожидает. Ведь если
Встретится он с Великаном – конец ему. Нет для эстонца
В землях латышских противника.

*Внезапно ударяет гром и молния в крышу усадьбы Кангара. Ливень застилает
стекла сплошной завесой.*

Кангар (*подходит к окну*):

Ну и гроза! Ты сегодня
Не доберешься к себе! Грозу прежде в моем доме!

Прикрывает окно, гасит светильник, уводит дрожащую от страха гостью в боковую камору.

Кангар (*тихо*): Если погибнет Лачплесис, древние руны не отдам никому! Главное – заполучить их.

Глава 9

Берег Даугавы. Ночь.

Волны, сливаясь с дождем, раскачивают, бросая из стороны в сторону, корабль без мачты и ветрил. С кормы слышны крики о помощи. Стаи птиц вьются вокруг корабля, не выдержав напора ветра, словно брызги падают вниз. Со дна реки поднимается ил, песок, водоросли. В прибрежном лесу воют филины, режут медведи и другие дикие звери. Огненные стрелы срываются с темного неба и пронзают речную глубину – до сердца, до крохотной гальки. Кажется, сама Даугава просит о пощаде Старого Перкона, плачет, шепчет навстречу ветру: «Солнца! Солнца!» Но до восхода еще несколько часов. И бесконечно падают проливным дождем сорванные с неба жемчужинки звезд. Тонким биссером рассыпаются они по волнам.

Качается, тонет чужеземный корабль в волнах Даугавы. И уже откуда-то с берега слышится треск коряг, чьи-то быстрые шаги, шепот, крик о помощи, простой человеческий голос, похожий на звук кокле ¹...

Утреннее Солнце освещает Усадьбу Кангара.

Кангар просыпается, открывает глаза, ежится от сумрака и холода.

Кангар (*смотрит на спящую Спидалу*):

Брр... Ну и жутко же было!
Добро, что ночь миновала.
Думал я, Перкон решил уничтожить
Всех йодов ². Отроду,
Страсти такой я не видел!

Одевает кафтан, кричит, выходит на крыльцо, озирается.

Крыша сворочена с дома,
Посередине двора повалились
Крест-накрест деревья,
Изгородь сломана...

Замечает двух незнакомцев, идущих по узкой тропинке к его Усадьбе.

Кангар:

В одном из них
Я узнаю Ридзиньского Рыбака...

...Пауза.

Другой – мне неизвестен...

Вглядывается

В длинной белой одежде
С крестом на груди, изнуренным
Выглядит он...

¹ Кокле (куокле) (лат.) – музыкальный инструмент, похожий на гусли.

² Йоды – черти

Незнакомец и Рыбак подходят к Кангару, кланяются

Рыбак:

Сегодня в Даугавы устье
Ночью разбился наш корабль...

Кангар (*смотрит на Незнакомца*):

А этот... Кто?

Рыбак:

Этот... В белой одежде
Был одним из спасенных,
Он увидаться хочет
С кем-нибудь из старейшин.
Кангар, ты ведаешь лучше,
Как поступить, потому и привел
Я к тебе чужеземца.

Кангар и Незнакомец пристально смотрят друг на друга.

Незнакомец:

Дитрих зовут меня.
Жрец я великого бога,
Сына на землю пославшего,
Чтобы весь мир осчастливить.
Прибыл сюда я с людьми,
Что хотят здесь торговлей заняться.
Буря расстроила замыслы наши.
Но мы благодарны
Богу за наше спасенье!
Приходится нам задержаться,
Здесь, пока на помощь немецкий
корабль не прибудет.
Я же хотел бы с вождями племен
познакомиться!

Кангар:

Привет тебе, Дитрих ¹, в землях балтийских!
Знаю, зачем ты пришел сюда!
Но меня ты не бойся,
Нет, я не буду мешать
Твоему могучему богу.
И хоть ты мне не веришь, и я тебе
Тоже не верю,
Но отведу тебя к славному Каупо в Турайды Замок.
Там для посевов своих ты найдешь
Благодатную почву,
Если возьмешься за дело с умом!
А сегодня останься
Здесь, у меня, отдохни день, другой
Поразмысли, что боги
Балтии тоже сильны!

Отпустив Рыбака, Кангар уводит Дитриха в горницу. Навстречу выходит Спидала, протягивает гостю бокал с вином.

¹ Дитрих – самый первый миссионер, явившийся в Латвию. Исторический Теодорих – один из первых миссионеров, распространявших католическую веру в Латвии.

Глава 10

Озеро возле Замка Буртниека.

По тропинке, устланной камнями, среди цветов, бродит Лачплесис и его возлюбленная Лаймдота.

Лаймдота (вдыхая аромат утренних цветов): Лачплесис! Как я счастлива, что мы с тобой снова встретились здесь, в замке Света...

Лачплесис: Как ты сказала, в Замке Света?

Лаймдота (смеется): Да, конечно! И мы теперь вместе с тобой – ученики мудреца Буртниека... Моего почтенного отца...*(Украшает юного Лачплесиса цветами, он улыбается).*

Лачплесис: Я слышал, что многие называют Замок Буртниека Замком Света... Мой отец, старый Кунинг, послал меня сюда учиться... *(Вздыхает, будто слышит в шепоте ветвей голос старого Кунинга).*

Голос ветвей:

Буртниека любовно там тебя примет,
Откроет он сундуки пред тобою,
Где наши древние свитки хранятся.
Вести в них есть о судьбе сокровенной,
Древние свитки правде научат
Восточных стран расскажут предания
Споют про наших латышских героев
Вечного Неба раскроют глубины...

Ласточка слетает с ветвей, садится на плечо Лачплесиса, щебечет.

Лаймдота: Спасибо тебе, маленькая птица, ты принесла в своем крохотном клюве такие древние сокровища, письма, вырванные из Чертовой ямы... Хочешь, я расскажу тебе о Замке Света, а ты споешь о нем другим птицам?

Звучит музыка. Лаймдота поет.

Лаймдота:

В первозданной колыбели
Блюл народы брат Восток.
Им в любом земном пределе
Всяк завидовать ты мог.
На Востоке на далеком
В древней вековой тиши
Под опекой сына бога
Пребывали латыши.
Божий сын искусствам разным
Подданных своих учил,
Пагоды красы чудесной
На столбах златых возносил.
Прамшан ¹ в этот край с Востока
Наших праотцев привел
Перкон во главе их ехал
Йодов, нечисть, поражал.

Смеется, срывает цветы, бросает в озеро.

Когда-то очень давно, племена древних латышей обитали на Ганге, в далекой Индии...

Ласточка радостно щебечет в ответ.

Там никто их не тревожил. И Западное море называли они Белым. Они были легкими и свободными, как цветы и птицы. Легендарное племя буртниеков пришло в

¹ Прамшан – мифологическое божество

эти земли и построило нынешний Замок. В этих стенах столько священных древних рун, бурт ¹ ! Мой отец умеет их читать! Там все – и песни, и легенды, и истории, и что-то очень серьезное, то, что понимает только мой отец. Тот, кто прикасается в стенах этого Замка к музыкальным инструментам – обязательно становится искусным музыкантом и прекрасным танцором!

Подбрасывает цветы, смеется, танцует. Ласточка кружится, перелетая с ветки на ветку. Лачплесис украшает Лаймдоту волшебной лентой, расшитой бисером, улыбается, счастливый.

Лачплесис:

Лаймдота! Твоя шитая бисером лента,
Чудо свершила,
Если тебя здесь я встретил!

По тропинке к озеру спешит Кокнесис, он чем-то встревожен. Ласточка летит ему навстречу.

Лачплесис:

Что с тобой друг!
Ты выглядишь очень печально...

Кокнесис (кланяется Лаймдоте):

Слушайте, о чем я недавно узнал!
Калапуйс ² лютый обосновался!
Грабит селенья и беспощадно людей убивает.
Ужасом люди были объаты. Не находилось
Храброго, кто бы осмелился
Против насильника выйти.
Буртниец кликнул клич по стране,
Что, мол, если Калапуйса
Кто-нибудь из Кангарских дебрей изгонит
Или убьет, то он, Буртниец,
Ни пред какою наградой
Не остановится, дочь свою
Выдаст за витязя замуж...

Быстрыми шагами к ним подходит Буртниец, обнимает Лаймдоту

Лаймдота: Это правда, отец?

Буртниец: Да, моя милая...

Лачплесис: Я готов сражаться сейчас же!

Кокнесис: Я с тобой поеду, друг!

Лаймдота: О, нет, отец! (*Прячет лицо на груди Буртниеца*)

Буртниец:

Боюсь и я за питомцев...
Но зная обоих дивную силу,
Все ж отпускаю,
Доброй удачи им пожелавши!

Юноши садятся на коней, бродящих вдоль берега, уезжают.

Лачплесис (Лаймдоте): Я обязательно вернусь!

Она сжимает в ладонях волшебную ленту, украшенную бисером, плачет.

¹ Бурты (лат.) – древние письмена

² Калапуйс – великан с Кангарских гор, много лет лежащий там, в своем ложе. Миротворитель, помогающий людям. На голову выше самого высокого дерева в Кангарах.

Картина 11

Кангарские дебри.

Лачплесис и Кокнесис продираются во тьме сквозь сцепившиеся ветви деревьев, еловые лапы загораживают путь, закрывают Лунный свет... В Небе почти беззвездно. Из глубины чащи слышится стук копыт, двое Конных Вестников настигают юношей, Кокнесис преграждает им путь огромной деревянной колодой, обнажает меч.

Кокнесис:

Чем обязан вам, в столь поздний час?!

1 Конный Вестник (*спрыгнув с коня, бросает меч к ногам Лачплесиса*):

Не биться с вами мы пришли!

Послушайте, друзья!

2 Конный Вестник:

Сильные полчища эстов,
Переваливши границу,
Грабят и жгут
Беззащитные села и просят селяне
Мудрого Буртниека,
Чтобы послал им
Войско на помощь!

1 Конный вестник:

Кто же возглавит
Войско Буртниека,
Если обоих вас, Лачплесис и Кокнесис,
Самых ловких и сильных,
Отправил Буртниека сражаться
С Великаном?

2 Конный Вестник:

Что станет с нами?

Бросает свой меч к ногам Лачплесиса

Лачплесис (*поднимает оба меча, несколько минут задумчиво смотрит на шелестящие в ночи верхушки сосен. Ласточке, сидящей на его плече*): Скажи, милая Ласточка, как поступить?!

Ласточка протягивает ему маленькое волшебное зеркало, подаренное Стабарадзе. Лачплесис смотрит в зеркало. Кокнесис подходит к нему, оба разглядывают зеркальце, отражение, в котором сверкает ослепительное утреннее Солнце. Будто алмазными буквами на Солнечном диске читают они ответ, в Солнечных лучах находят знаки своей минувшей и будущей жизни.

Лачплесис (*Конным Вестникам*):

Посоветовались мы, как поступить нам разумней...

Помолчав

Буртниеку тоже
Надобны будут добрые руки
В битвах с лютым врагом...
Все обсудив, порешили.
Что одному из нас надо
С Гонцами назад воротиться...

Лачплесис держит перед собой зеркальце, подаренное Стабарадзе, в его ладонях спит Ласточка. Кокнесис берет из его рук меч, отдает Конным Вестникам.

Кокнесис: Я поеду с вами обратно! (*Лачплесису*):

Лачплесис! Друг!

Пускай ты заслужишь Лаймдоты руку!

Видя любовь вашу
Я отрекаюсь, споря с тобою.

Лачплесис обнимает друга. Тяжело вздыхают и скрипят в темноте деревья. Всадники садятся на коней и исчезают в лесной чаще. Поднимается ветер, срывает с Неба озябшие звезды, они, дрожа, падают на зеркальце, отражаются большими белыми цветами.

Лачплесис (улыбается): Вот и чудо. Вот и утро...

Маленькая Ласточка весело взлетает в Небо. Над лесом поднимается белое блестящее Солнце, медленно движется оно по Небу, осыпая искрами света, словно перламутром, тяжелые темные ветви.

Глава 12 Мельница.

На склоне горы, над обрывом полдничал Великан Калайпус. У шалаша, на вертеле, жарились молодой бык и кабан. Ветер раскручивал из стороны в сторону мельничные жернова. Заметив Лачплесиса, Великан хватает огромную палицу из исполинной сосны, раскручивает над своей головой, поднимая гудящий вихрь.

Великан (хохочет):

Как
Такого птенца
Мать на верную смерть
Отпустила?

Лачплесис (Приближается к нему, взмахивает палицей Кокнесиса):

Не смейся, Калайпус!
Я не боюсь тебя!
Великанов пора миновала,
Ныне последнего отправлю
К Паколу в пекло!

Пробиваясь сквозь ветер, погоняет коня, бросается на Великана, размахивая палицей. Калайпус с хохотом отбрасывает палицу, выбивает коня из-под Лачплесиса. Юноша с конем оказываются в болоте. Цепляясь за коряги, Лачплесис встает на ноги, выхватывает меч и бьет Великана в бедро. Великан падает, хватается за вековую сосну, с корнем вырывает ее. Могучий ствол со скрипом валится ему на грудь.

Лачплесис взмахивает мечом над головой Калайпуса.

Калайпус:

Пощади, витязь могучий!
Дай перед смертью слово мне!
Ты, вероятно, Лачаусис ¹ будешь?
Мне еще в юности мать предсказала,
Что из-за Даугавы
Явится некогда Лачаусис – витязь,
Что одного его надо мне в будущем остерегаться;
Пусть берегутся тогда здесь народы, – море извергнет
Неких чудовищ в железной броне, с ненасытной пастью.
Все пожрут они: хлеб и людей, и животных, и землю...
Мир заключим! Перед угрозой всеобщей
Было б нелепо
Нам убивать друг друга,
Народы свои без защиты
Бросив в опасности.
Я же, мой витязь, тебе обещаю,

¹ Лачаусис – Лачплесис

Выйдя отсюда, поддерживать
Вечный мир между нами
Буду в дальнейшем
Оберегать я наши морские
Все острова, и, покамест я жив,
Чужаки на родную
Землю не ступят!
А, умирая, лягу я в Зунде ¹.

Лачплесис (*Помогает встать Великану, протягивает ему руку*):

Мир навсегда!
Пойдем и разнимем наши народы.
Там, под горой, на равнине, они уж, должно быть, дерутся.
Пусть эта битва будет последнею меж латышами
И между эстами!

Перевязывает бедро Великану. Великан встает вместе с Лачплесисом, выходит на равнину, где идет сражение, ударяет палицей в землю, осыпаются деревья, как полевые цветы, падают камни с горных обрывов. На поле боя воцаряется тишина.

– Мир, наконец-то, – вздыхает Калайпус.

– Мир, – повторяют облака, опускается на землю туман.

– Мир, – щебечет Ласточка, смеется Лачплесис, отзывается. На том месте, где недавно лежал раненый великан – огромная яма, по краям которой колышутся молодая трава и первые цветы.

Войско Буртниека, словно вылепленное из глины, на мгновение оцепеневшее, смотрит, не шелохнувшись, на юного Лачплесиса. Юноши-воины кажутся Лачплесису застывшими древними статуями, вырезанными из дерева, вылепленными из земли и песка. Он вдруг смеется, выпускает Ласточку на поле боя. Она щебечет, кружась над неподвижным, словно спящим войском Буртниека.

Ласточка:

Пышноветвистые, узорнолистные
Еще красуются в Балтии дубы.
Скажите, Отчизны герои отважные
Еще не вывелись в нашем народе?

Птицы слетаются к полю битвы.

Сестры, сплетайте венки им зеленые!
В песнях прекрасных их воспевайте!

Птицы (*танцуют в Небе*):

Дочери Латвии,
Лачплесиса пойте!
Лачплесис ударил и падает Калайпус,
В диких горах победил его Лачплесис,
Мира просить Великана
Заставил он.
Эсты к нам больше прийти
Не посмеют,
Грabbить добро и пугать
Наших девушек.

Из Замка Буртниека в поле спешит Лаймдота с подругами, осыпает цветами юного Лачплесиса.

¹ Зунд – морской пролив между Сарема и мысом Колка (на севере Курземского пролива).

Лаймдота:

Братья!
Корчуйте новины лесные!
Матери! Осенью пиво варите!
Весело будет
На дружеских свадьбах
Петь, пировать и плясать поезжанам.

Птицы:

Первому – Лачплесису –
Пожелаем –
Милую по сердцу
Выбрать невесту!

Лаймдота украшает Лачплесиса венком из свежих дубовых листьев.

Лачплесис и Юноши-Воины:

Где есть дубы, там и липы красуются.
Где есть герои, есть девушки милые.
С радостью жизнь отдадут наши воины,
Родину оберегая от недругов
И охраняя сестер своих, девушек.

Лачплесис:

Ярче пусть блещут веночки расшитые,
Пусть этот блеск никогда не туманится!
Лайминя – мать их растила для Латвии –
Милых, усердных, разумных, приветливых,
И если мне ниспошлет тебя, Лайминя,
Лаймдота, милая дочь моей Латвии,
Жить для тебя поклянусь я любимая!

Лаймдота уводит всех в Замок, угощает медом. Играет кокле. Над Замком, над озером танцуют птицы.

Глава 13

Поздний вечер.

Освещая факелом путь, под земные своды Замка входит Лачплесис. На его плече сидит Ласточка. Тени от огня факелов карабкаются по темным стенам, напоминая хребты древних скал, задумчиво глядящих в холодное темное озеро прошлого.

Лачплесис:

Я сразу по звуку шагов
Догадался,
Что в Замок попал затонувший...
Что над крутыми
Сводами Замка глубокого озера
Высятся воды...
Много покоев,
Наполненных разным добром, миновал я,
Древним оружием, какого дотоле нигде я не видел.

Из дальней палаты Замка видится Лачплесису мерцающий свет. Тихими шагами он входит в палату¹.

¹ Заколдованный Замок в «Лачплесисе» А. Пумира представляет собой обиталище легендарного латышского племени буртниексов. Предания повествуют о погружении на дно Буртниекского озера древнего Замка. Иногда упоминается о Замке, ушедшем в гору в Замковый холм. Юрис Алупан в своем

Лачплесис (*Ласточке*): Смотри-ка! На полках всюду – лари, с древними бирками, досками и письменами... Посередине – каменный стол...

Замечает склонившуюся над столом, спящую Лаймдоту. Она поднимая голову, улыбаясь смотрит на Лачплесиса.

Лачплесис:

Лаймдота! Ты не сердись, что покой твой нарушил!
Мне благосклонная Лайминя встретиться здесь предсказала,
В это чудесном чертоге, с тобою, как с доброю феей.
Дверь потайную нечаянно я наверху обнаружил
И в подземелье спустился, пришел в этот Замок волшебный.
Здесь ты сегодня, позволь хоть мгновенье побыть мне с тобою!
В тайные древние свитки позволь заглянуть! Мне сдается
Этот чертог затонувший тот Замок и есть, о котором
Ты мне рассказывала.

Ласточка тихо щебечет в тишине факелов.

Лаймдота:

Да, тот самый.
Как это дверь я сегодня
Закреть позабыла?
Только отец ее ведал да я.
Но уж раз обнаружил
Ты затонувший наш Замок, останься!
Читать будем вместе
Праотцев наших преданья и их прекрасные песни.

Лачплесис:

Ах, как хотелось бы мне с такою подругой прекрасной
Вместе остаться навек у наших преданий великих!

Лаймдота:

О, никогда сгоряча
Не высказывай сильных желаний!
А то подслушают боги,
И неожиданно наше желанье мгновенно исполнят, –
Так, чтоб потом не раскаяться! Знай: с околдованным Замком
Связано счастье мое. Последняя Буртниекс дочка
Сужена в жены герою тому, кто в Замке пробудет
Ночь и останется жив. Тогда рассеются чары,
И на поверхность озерную вместе с отважным героем
Замок поднимется.

Лачплесис (*взяв ее за руку, с жаром*):

Лаймдота!
Буртниекс славных последняя дочка!
Здесь, в сокровищном чертоге отцов твоих, правду скажи мне!
Можешь ли ты полюбить сердцем Лиелварда сына?
О, если бы так!.. Я найду в себе силы на дело любое!
В Замке остаться и чары разрушить горю я желаньем!

сборнике писал: «А когда буртниексы утонули в озере, кое после них и по сей день Буртниекским зовется, с ними и все латышские песни, в ее духовное наследие древних латышей в том озере погибло». В балладе Аусеклиса «Замок Света» – замок – как символ былой свободы народа, его древней культуры, а поднятия Замка со дна озера – как символ обретения свободы. В большинстве преданий Замок может подняться из недр земли, при условии, если будет угадано его название. «В Лачплесисе» Пумпура для того, чтобы заклятие оказалось снятым, чтобы Замок всплыл на «рассвете к Солнечному Свету», Лачплесису надо провести в нем ночь.

Лаймдота (*тихо*):

Могу!
И жить будем вместе
И, если надо, вместе умрем за народ наш латышский.

Лачплесис обнимает девушку. За древними стенами Буртниецкого Замка плещутся темные волны озера. Месяц отражается на дне, переливается, будто обернутый блестящей драконьей чешуей. Водяная Змея выползает из озера, заглядывает в окно Замка. Пронзительно смотрит в глаза Лачплесиса.

Змея (*голосом Спидалы, шепчет*):

Вот я первая рублю,
Завтра – не признаю.

Вздрагивает Лачплесис. Выпускает с ладоней Ласточку. Она кружит под темными сводами, крылья трепещут, как лепестки маленького цветка.

Лачплесис (*счастливый*):

Раз только в юности прежней любовью
Счастье такое даруется людям в обманчивой жизни.
О, быстроекрылое, краткое счастье! Зачем ты так рано
Прочь улетаешь? Ты рай на земле создаешь мгновенно
И в то же мгновенье из рая избранных прочь изгоняешь.
Но неужели мгновение счастья не перевесит
Века трудов и мучений? Да! Перевесит! Мгновенье
Яркого счастья любви и долгие годы страданий –
И, наконец, всезабвение смерти, когда безразлично,
Счастлив ты был, человек, иль несчастен за век свой
короткий.

Ласточка подлетает к окну, замечает Водяную Змею, тревожно щебечет.

Лаймдота (*вдруг*):

Поздно уже, друг мой!
Близится полночь, надо наверх
Уходить поскорее...

Лачплесис:

Но я твердо решил
Здесь на ночь остаться!

Лаймдота:

Но... Ты ведь знаешь...

Лачплесис:

Ни слова, Лаймдота!
Теперь – все уговоры напрасны!

Лаймдота уходит вверх по темной гулкой лестнице. В Замке становится холодно, морозно. Некоторое время Лачплесис бродит по Замку, находит обломки старого ларца, поджигает их, греется у костра. Ласточка вьется, словно крохотное пламя, из стороны в сторону, тревожно щебечет. Вихрь кружит по подземелью. Распахивается дверь. Семь Эфиопов втаскивают огромный гроб, в котором лежит Чудовище, клыкастое, с синей мордою.

Лачплесис (*испуганно*):

О, боги!
У него ногти, точно сабли...

Чудовище (*ерзает в гробу*):

Ой, как мне холодно!
Ой, как я зябну!

Лачплесис, дрожа от ужаса, сильнее разжигает свой костер. Собравшись с духом вытягивает Чудовище из гроба, сажает к огню.

Лачплесис:

Грейся, негодный,
И не ори так противно!

Чудовище вопит, пытаясь ухватить Лачплесиса за косматые уши.

Лачплесис (смеется): Тебе я вижу, понравились мои Медвежьи уши! Так знай, я
выкормлен Медведицей и сила моя в этих косматых ушах!

Чудовище (рычит): Я знаю это!

Лачплесис (с гневом): Ах, вот как!

Сажает Чудовище в пламя костра.

Чудовище: Отпусти меня, витязь!

Лачплесис:

Не пущу тебя, прежде,
Чем этот Замок со дна наверх
Не поднимется к Свету!

*Дверь распахивается, вползает Водяная Змея, шипит, превращается в Спидалу –
Ведьму, визжит, хохочет. Со Спидалою Семь Эфиопов.*

Ласточка:

Лачплесис, держись!
У них в руках раскаленные вилы!

Семь Эфиопов и Спидала танцуют вокруг Лачплесиса, угрожая ему.

Спидала:

Заколю! Первая заколю его!
Он убил моего жениха – Медведя!
Он украл древние руны!

Лачплесис:

Ох! Надоело мне
Нечисти сопротивляться!

*Вынимает из-за пазухи зеркальце Старабарадзе, выставляет перед врагами. С
отчаянным воплем они падают на пол. Через мгновение – удирают, поднимая столбы
пыли.*

Лачплесис:

Спасибо тебе, Старабарадзе!
Спасибо тебе, дорогая Ласточка!

*Освещается древнее подземелье, из дальней палаты Заколдованного Замка выходит
Старец. Держит в ладонях руны, похищенные Ласточкой из Чертовой ямы.*

– Витязь мой! Счастья желаю
Я тебе и народу латышскому! Выгнал ты нечисть,
Освободил из-под дьявольской власти Буртниекский Замок.
Завтра, чуть свет, он к Свету дневному
Поднимется снова.
Свет принесет он народу в духовных сокровищах предков.
Есть среди них и законы, данные некогда мною,
Мною полученные от бессмертных создателей мира
Многие руны со дна океана Пукис похитил
И отдал Ликцепуру.

Видувед¹ я! От меня народ происходит латышский.

Обнимает юношу.

Будь же счастлив, мой сын! Усни сегодня спокойно!
Дочки мои до утра тебя песнями будут баюкать.

Лачплесис (со слезами): Отец....

¹ Видувед – по А. Пумпуру «основал латышский народ, дал ему законы, соблюдая которые, народ процветает и вечно бессмертен».

В тот же миг подземный Замок наполняется туманом, прекрасным ароматом густого облака, в котором легким как стекло, звоном, растворяется Старец Видувед.

Входят Три Девы. В их руках простыни, покрывала и травяная подушка. Они расстилают постель, укладывают Лачплесиса спать, поют что-то тихое, светлое, как слеза Ласточки... Лачплесис закрывает глаза и уплывает, по серебристой глади озера плывет он, а следом за ним плывут к далекому Солнцу лари и свитки, цветы, птицы, звезды...

Глава 14

На светлом острове, выросшем из воды.

На светлом острове, выросшем из воды, сидят Лаймдота и Лачплесис. Опустив ноги в воду, они слушают пение птиц и журчание воды. Издалека раздается радостный голос Буртниека и ликование окрестных жителей.

Голоса: Замок свободен!

Быстрыми шагами к Лачплесису подходит Буртниека, обнимает его.

Буртниека: Лачплесис! Сынок! Лаймдота мне обо всем рассказала!

Лаймдота (смеется, щурясь от сверкающего пестрыми узорами цветов Солнца):

Да, да!

Я рассказала...

Как витязь остался

На ночь вчера в заколдованном Замке,

И всех нас освободил.

Буртниека:

Отныне лишь тебе Лаймдота принадлежит.

Прими мое благословенье

Отеческое! Да сольются навеки два славных рода,

Коим дано просвещать и хранить народ наш латышский!

Лачплесис (целует Лаймдоту):

Моя ты отныне...

Лаймдота:

С этой поры

Каждый день посещать

Будем Замок старинный.

Лачплесис:

И сокровенные свитки читать...

Буртниека уходит. Ласточка приносит в клюве один из свитков, отдает Лаймдоте.

Лаймдота (разворачивает свиток):

Сегодня

Я прочитаю тебе о нашем давно затонувшем

И из пучины тобою снова поднятом Замке.

Лачплесис (радостно):

Читай!

Лаймдота:

Так началось: на Востоке из-за семи отдаленных ¹

Царств Семи Королей, с края света, где Солнце восходит,

Облако белое в Небе, как белый конь, появилось.

Перкон сидел на облаке, как на коне, и огромным

¹ По А. Пумпуру, племя буртниеков явилось на берега Балтийского моря откуда-то издалека, с Востока. Восток по Пумпуру «колыбель народов», согласен с Молбергом, который в 1856 г. В статье «Краткие сведения о том, откуда латыши взялись, и какие обычаи у них в старину имелись» говорит, что латыши, также, вероятно, как русские и немцы, вначале обитали в Азии, на Ганге.

Щелкал бичом и молнии сыпал кругом, так что скалы
В щебень раскалывались и долины и горы дрожали.
С облака Перкон воззвал, потрясая просторы земные:
«Кто пожелает за мною последовать и подчиняться
Мне, тех на Запад с собой поведу я, на новую землю!»
Люди молчали внизу, испугавшись грозного бога.
Буртниеков род отозвался один, род могучих и храбрых
Воинов и мудрецов, говоря: «Мы пойдем за тобою,
Перкон великий, и будем служить тебе, слушаться будем
Голоса мы Твоего. Веди нас на новую землю!»
Перкон поплыл впереди на облаке, буртниеки следом
Шли по земле. По дороге немало врагов им встречалось
Оборотни, людоеды, и змеи, и всякая нечисть
Злобно на них нападали, Перкон разил их громами,
Буртниеки били мечами, покамест над Западным морем
Перкон не остановился; и стали там люди на отдых.
Там их никто не тревожил; и Запада море назвали ¹
Белым они. Посреди той страны плодородные земли
Вскоре открыли они и навеки там обосновались.
Крепкий построили Замок, в долине леса корчевали,
Сеяли лен и ячмень. Перкон вовремя дождик давал им.
Солнышко им наливало колосья, а Узинь под осень ²
Медом одаривал. Дети богов научили их делать
Хмельную брагу и пенное небо. Буртниеки пили
И веселились. Юноши их выбирали прекрасных
Девушек в жены. Разросся народ на балтийских просторах
Зиедон сходил к ним, Лиго слетал с золотым куокле.
Песни веселья бесконечно звенели в лесах и долинах.
Светлые то времена, золотые для Буртниеков были ³.
Йоду, завистнику Перкона, это пришлось не по нраву.
Вихорь послала он на Белое море, и Вихрю велел он
Смерч водяной исполинский скрутить, и, поднявши на воздух,
Целое бурное озеро вод опрокинуть в долину
Буртниеков, чтобы утопить их. Увидели люди – огромный
Смерч водяной, шумя и крутясь, к ним от моря несется,
И, налетев, над землею завертелся и остановился.
Некий старик, видя это, решил со смерчем сразиться.
Вилы он взял, обошел вокруг смерча, шепча заклинанья,
И размахнулся, прицелясь вилами в смерчево сердце.
Рядом стоящий сказал: «Подожди! Я сейчас водяное
Слово шепну. Мне сдается, что целое озеро, вихрем
Поднятое, ищет места себе, чтобы наземь пролиться».
Но не послушался старик! Вилы метнул. И мгновенно
Вихорь утих. И озеро с шумом упало
На землю и затопило долину и Буртниеков Замок.
Буртниеки все бы погибли, если бы Лиго случайно
Не оказался поблизости. Петь и играть на куокле

¹ А. Пумпур связывает название Балтийского моря со словом «balts» – «белый», имея ввиду, что последнее зачастую выступает в латышских народных песнях как положительный эпитет. Подобная этимология встречалась и до А. Пумпура

² Узинь, Усинь – здесь как бог пчеловодства. В народе он считался покровителем лошадей, но наряду с этим именовался «пчелиным божеством».

³ Древнейшая доисторическая эпоха или весь период до нашествия крестоносцев в произведениях латышских писателей и публицистов, она изображалась как «Золотой век» Латвии. Само понятие «Золотой век» заимствован из античной литературы (Гесиод, Овидий).

Лиго на дне озерном принялся, играть – да так сладко, что
камни
Мягкими стали, скала расступилась, и Буртниеки вскоре
Из затонувшего Замка пещерой и ходом подземным
Здравы и невредимы вышли, к Солнцу, на волю.

*Солнце опускается в озеро. Лачплесис задумчиво смотрит в воду, наблюдая за
белым цветком кувшинки, льнущим к песчаному берегу.*

Лачплесис (*тихо*): На волю...

Лаймдота (*с улыбкой*): Тебе нравится эта «Песня нашей Ласточки»?

Лачплесис: Читай дальше, Лаймдота, Я с удовольствием слушаю...

*Голос девушки звенит, будто первые весенние цветы, благоухают ее слова легкими
каплями росы, как нектар наполняют сердце Лачплесиса радостью и силой.*

Лаймдота:

«Не было ничего вначале.
Лишь в беспредельных
Далях витал изначальный свет, из которого после
Все появилось. И был это свет
Без конца и начала –
Мира душа, прародитель духов,
Старый, предвечный
Бог. А с ним рядом жил Черт.
Он еще был послушен
Богу в то время, еще не отпал
По злобе от Бога,
Хоть и тогда уж торчали
Его корыстные думы.
Мир сотворить наконец
Надумал бы и сказал он
Черту: «Поди отыщи на дне
Болотной трясины
Твердо слежавшийся ил,
Горсть его загреби и проворно,
Мне притащи!» Черт нырнул в болото, и
Черного ила
Горсть ухватив, подумал:
«Зачем он надобен Богу?
Ну-ка и я прихвачу, чтоб мне
В дураках не остаться!»
И запихнул себе за щеку
Первую горсть, а вторую
Богу наверх притащил.
А Бог, эту горсть разбросав,
Молвил: «Да будет земля!» –
И в просторах земля появилась
Ровная. Стал разрастаться
Спрятанный в пасти у Черта
Ил. Не выдержал Черт
И его выплевывать начал.
И наплевал на гладкую землю
Высокие горы.
Бог захватил своего сияния горсть,
И, рассеяв,
Молвил: «Да будет Солнце!
Да будет Луна!» – и над миром
Солнце взошло золотое,

А следом серебряный Месяц.
Солнце в те дни и земля были девушками и настолько
Были прекрасны, что Бог
Полюбил их и женами сделал ¹.
В те времена родились дети бога и дочери Солнца
Солнцеву старшую дочку Месяц взял себе в жены.
Тысячи звездочек ясных от брака их народились,
Боги – сыны были дивно сильны
И сами богами стали они.
Мирозданье они меж собою поделили.
Первый был Перкон средь них с пятью сыновьями своими
Свод над землей он воздвиг –
Обиталище духов бессмертных.
Солнышку дали коней золотых,
Чтоб легко ему было
За день успеть все Небо объехать
И запыленных жарких коней своих выкупать в море.
Море же Атримп
Взял во владычество. Вечером Атримп Солнце встречает
И перевозит его через море
В ладье золоченой
Вместе с конями к восточному берегу,
К месту восхода.
Патрим землю избрал. Ее он с Зиедоном вместе
Шелком зеленым, парчой золотой, серебром одевал.
Пакол дорогу мстил от земли до высокого Неба.
Все ж из-за Черта многое стало другим,
Чем вначале.
Много напортил он. Камни вначале
Мягкими были.
Черту наказывал Бог, чтоб тот
Не топтал их, и покамест
Сами не станут они
Рассыпчатой, мягкой Землею.
Но любопытствовал Черт:
Что же будет, если он камни
Станет ногами топтать?
И много камней навалил он
И наступил на них. Сразу все камни
Твердыми стали.
Есть над Даугавой камень один,
На котором доныне
Виден ступни отпечаток;
Зовут его Чертовым камнем.
Не было в те времена у деревьев
Ветвей и развилин.
Черт косою владел
И сам сенокосничал ею,
Бог же имел долото,
Что ковали Перкона дети.
Раз, когда черт задремал,
Взял бог его косу и ею

¹ Мотив «Лачплесиса» – брак Диева с Землею – перекликается с древнегреческим мифом о браке Геи (олицетворяющей Землю) с Ураном (олицетворяющим небо).

Много себе накопил травы.
Черт проснулся и очень
Был удивлен: как бог накопил
Долотом столько сена?
Сено косить долотом он решил
Испробовать тоже.
Бросил в траву долото,
А оно ненароком вонзилось
В дерево. И с той поры
Пошли на деревьях развилья,
Ветви и сучья.
В ту пору водились у Черта коровы
С нераздвоенным копытом,
С синею шерстью.
Бог же настроил хлебов. Черт спросил:
«Какую скотину
В эти хлева ты загонишь?
Ведь ты коров не имеешь?»
Бог отвечал ему: «Были б хлева»,
А коровы найдутся!».
И только ночь наступила,
Из чертовых стойл
Перегнал он
Чертовых синих коров к себе,
Рога им приделал,
Синюю шерсть их раскрасил пестро,
Раздвоил им копыта.
Черт проснулся с зарей,
Чтоб коров на пастбище выгнать,
Видит он: стойла его пустые стоят,
А у бога – много коров,
Но совсем незнакомой,
Новой породы,
Все – с кривыми рогами на лбу,
С раздвоенным копытом,
Все – разномастные –
Дымчатые, буренки, пеструхи,
Черные, рыжие. И не признал
Свою он скотину.
Вскорости бог завести собаку решил.
И сказал он Черту:
«Возьми посошок, выйди в поле –
И сделай из глины
Четвероногого зверя с двумя глазами, с ушами,
С шерстью, хвостом, а потом
Посошком ударь его трижды,
Молвив: «Бог тебя сотворил!» –
И станет живой он!
Черт из глины собаку слепил,
Ударил клюкою,
Трижды сказав: «Бог тебя сотворил!» –
Собака вскочила и побежала
За богом, виляя хвостом. Захотелось
Черту и для себя завести собаку. Слепил он
Нового зверя, но телом крупнее

И шерстью пышнее.
Выдрав пучок из бровей своих,
Сделал зверю он брови.
Трижды ударил он клюкою и молвил:
«Черт тебя создал!»
Но не вставало животное. Нечего делать. И черту
Трижды пришлось повторить:
«Бог тебя сотворил!» – Мигом ожил
Зверь и кинулся Черту на грудь
С оскаленной пастью.
Черт закричал: «Ишь-ты, волк!» –
Зверь отпрянул и в умчался.
Бог, наконец, человека решил сотворить. Из чистейшей
Глины слепил он его; две руки,
Две ноги ему сделал.
Но один только глаз и ухо одно,
И промолвил:
«Доброе только должен ты видеть,
Доброе слышать,
Доброе делать вдвойне
И путями добра неуклонно
Прямо ходить!» –
И одну ноздрю в носу человека
Бог просверлил и дунул в ноздрю
И молвил: «Ты будешь
Вечным богам подобен,
Рожденный из глины и духа!»
Начал дышать человек, еще спал он
Первым спокойным сном.
«Спи пока до утра!» – Бог сказал. –
А Солнышко утром,
Встав над землею, тебя к счастливой
Жизни разбудит!»
Только что бог на ночлег удалился,
Черт появился.
Сделал он ухо второе
И глаз второй человеку
Молвил: «Зло. Ты, увидишь,
Зло да услышишь, да будешь
Делать и зло, и добро!» –
И вторую ноздрю человеку
Черт просверлил и дунул в нее.
А поутру Солнце,
Встав, разбудило самое дивное
В мире создание,
Вольным, божественным духом
Полно и дерзанием смелым,
К дивной цели – к добру –
Стремится оно и, к познанию
Жизнь отдает свою
Самоотверженно, неустрашимо,
Только б достичь совершенства!
Даны ему от природы
Ум величавый и воля железная;
В мире подлунном

Нет сильней никого – ему
Сами боги покорны!...
Может, однако, оно страшным стать:
Дыша вероломством,
Смерть и гибель
Нести добру и красе
Во всем мире
Бог увидав, что работа его
Испорчена Чертом,
Вечным проклятием проклял Черта
И вверг его в пекло.
Черт наплодил там несметное множество
Нечисти всякой.
Вверх затем поднялся
И войну против бога затеял.
Боги и дети богов – все пошли воевать.
Грохотала буря, земля колебалась, качалась.
Высокие горы –
В бездну проваливались,
А море, вздымаясь до Неба,
Материки затопило...
Но вот вся нечисть обратно
Загнана в пекло была,
Где она предается доныне
Мерзостям всяким
И на землю ночью тайком выползая.
Ткет свои гнусные сети
И слабых людей соблазняет,
Перкон же, адскую нечисть заметив,
Гонит обратно».

На несколько минут Лаймдота отложила в сторону старинный свиток, с улыбкой посмотрела на Лачплесиса. Он водил прутиком по воде, играя с белой кувишкой.

Лаймдота:

Лачплесис, послушай,
Буду читать я
Премудрого Видуведа
Наставленья,
Писанные лишь для тех, кто их может понять
И исполнить.

Ласточка радостно защебетала, услышав слова Лаймдоты, села на ее плечо.

Лаймдота:

«Время уходит,
Время приходит,
Но не иссякает;
Время безбрежное – Вечность,
И вне его вечного круга
Вечность иную
Искать неразумное будет стремленье.
Солнцу, земле и богам
На вечную жизнь его хватит;
Лишь человеку его не хватает;
А за короткий миг бытия
Лишь каплю от вечности
Он испивает.
Но человечеству в мире дано

Безграничное время.
Кто сосчитает
Минувшие годы с тех пор,
Когда первый в мире
Открыл глаза человек?
Кто сегодня предскажет
День, когда смертный
Последний навеки закроет зенит?
И человек умирает,
И могут народы исчезнуть –
Лишь человеческий род будет жить,
Пока мир существует.
Ради великого, ради бессмертного
Рода людского
Жить и трудиться,
И совершенствоваться неустанно,
И умереть за него.
И человек, и целый народ
Благородством высоких
Нравов и мудрого
Может подняться
Вровень с богами.
Но с той поры человек
В богов своих старых не верит.
Низкими старые боги мнятся ему,
Создает он –
Новых высоких богов, прекрасную новую веру
И вот... *(с трепетом в голосе)*
Когда все народы богам уподобятся в мире,
Ненависть, горе, вражда и нужда
Без следа расточатся...
Люди, поняв свое прошлое,
Смогут без горьких блужданий
Правильный путь в настоящем найти
И согласно устроить
Будущее,
Прекрасное, полное счастья.
Каждый, трудясь для высокой
Всечеловеческой цели,
У своего народа родного
И рода людского
Добрую славу заслужит
И благодарность потомков.
Дух же его будет жить
Средь богов. В обители света.»

Лаймдота *(сворачивает свиток, связывает, кладет в ларец):*

Здесь еще много
Повестей и наставлений, Лачплесис...

Лачплесис:

Чтобы их все прочитать,
Нужны будут многие годы.
В будущие времена,
Может, народа сыны – их
Вынесут к Солнцу,
Пыль отряхнут с их

И – перед народом
Скрытые в них
Возгласят поученья,
Преданья и знанья...

Ласточка взлетает в бескрайнее Небо, весело щебечет.

Глава 15

Просторная рига в Замке Буртниека.

Лаймдота готовит угощение для долгожданных гостей-велей. Лачплесис и Кокнесис сдвигают плотно шесты для снопов, выметают пол, посыпают его белым песком и легко нарубленной хвоей. Ласточка украшает листьями дуба стены.

Лаймдота:

Рига ¹ всегда была
Местом любимым
Всяких домашних духов.

Буртниеку

Правда, отец?

Буртниека (улыбается):

В яме
Под печкой Гномы гнездились.
За печкой
Жил Домовой.
А у злых и скупых соседей
Под крышей
Прятался огненный Пукис.
Зимой, как овсы обмолят,
В ригах пустых приведения являлись
И Черти гуляли.
Ночью же велей все духи и черти
Бросаются в бегство,
Место они отдают
Почитаемым душам
Усопших...

Лаймдота покрывает столы льняными скатертями, раскладывает на столах мед, молоко, лепешки. Расставляет блюда с мясом и разваренным ячменем. Буртниека раздвигает на окнах щиты, прислоняет лубяные скаты.

Буртниека:

Чтобы вельи могли легко,
Как на санках, скатиться...

Лаймдота с подругами расставляет корзины с шерстью, раскладывает тонко расчесанный лен.

Лаймдота и Девушки (поют):

Аугшлеците, Землеците ² !
Закатись в корзиночку,
Отдохни в корзинке с шерстью,
В камышовом креслице!
Велей мать, лети, родная

¹ Рига – специальное жилое помещение, место для проведения встречи с домашними духами. Здесь готовятся к встрече с душами умерших – празднику «велей». Это день, когда они могут навестить живых.

² Народная обрядовая песня «Аугшлеците», «Землеците» (лат.) – высокопрыгающая, «низкопрыгающая». Видимо речь идет о жабе, считалось, что она приносит богатство.

Прямо в ригу батюшки,
Чтоб следочков не осталось
На песке серебряном.
Просим мы тебя, отведай,
Наше угощенье,
Наших кушаний попробуй,
Для тебя состряпанных!
Береги меня, что б вечно
Я была красоткою,
Чтобы весь свой век со мною
Счастлив был мой суженый.

Загораются факелы и лучины. Часы в Замке бьют полночь. В тишине слышится трепетанье крыльев Ласточки.

Буртниец:

Дети, идите и
Спите спокойно!
Я здесь останусь один
Дождаться милых умерших.

Лаймдота:

Чтобы молчанье
Ночи святой не нарушить,
Мы до утра разойдемся.

Уходит, следом девушки, за Девушками – Лачплесис и Кокнесис. Гаснут факелы и огни, в ночи из-за окон долетает шум волн Буртниецкого озера, ветер раскачивает тяжелые стволы деревьев, со скрипом они сгибаются, будто цепляются их косматые тени за стены Замка. Над озером ухают совы. И маленькая иволга, проснувшись, жалобно чирикает, молит о дожде. Ветер гоняет тучи над озером, гоняет до рассвета. Только перед восходом утреннего Солнца – стихает, усталый неодолимый. Улыбается Солнце, согревает Небо, согревает землю. И птиц.

«Как жаль, что не было сегодня дождя, – прочирикает Иволга и заснет, согретая тихим рассветом. Другие птицы ее разбудят и вместе начнут день. Через – мгновение. А сейчас – спит усталая Иволга. Маленький миг – спит, что-то ласковое ей снится.

У двери комнаты Лаймдоты – неожиданное оживленье.

Буртниец (стучит в дверь).

Дочка, Лаймдота, открой!

В раздумье, Лачплесису:

Сын мой, минувшей ночью явились мне вещие знаки,
Нам и стране испытаний тяжелых
Сулящие много.
Дочке они и тебе обещают
Нелегкие судьбы
Только бы Перкон и боги
К добру это все обернули!

Лачплесис:

Не понимаю...
Ночью мы разошлись,
Чтобы молчанье
Ночи святой не нарушить...
Поутру вместе Лаймдоту мы ждали...

Буртниец:

Кушанье велей
Она должна была утром из риги
В дом принести,

Чтобы все освященную
Пищу вкусили...

Стучит в дверь.

Где же замешкалась Лаймдота наша?

К двери подходят Девушки – подружки Лаймдоты и Слуги.

1 Девушка:

Должно быть,
Лаймдота вышла...

2 Девушка:

Никто из нас
В это утро
Девушку дома не видел...

Буртник:

Ломайте дверь!

*Лачплесис со Слугами ломают дверь, входят в комнату Лаймдоты. Видят
несмятую кровать.*

Лачплесис:

Лаймдота, значит,
И спать не ложилась...

Девушки: Страшно здесь!

Буртник: Обыскать Замок!

*Стража, Девушки и Лачплесис убегают, через некоторое время возвращаются,
впереди всех летит Ласточка.*

Лачплесис:

И Кокнес
Исчез в это утро.

Стража:

Кокнес и Лаймдота
Оба пропали, куда – неизвестно.

Буртник (убитый горем):

Сын мой!
Значит, угодно
Стало богам тяжело испытать нас.
Но сокрушаться
Нынче не время.
Я думаю, дочь оказалась во власти
Вражьего умысла.
Быстро поэтому
Действовать надо!
Всех моих воинов ты созови
И, не медля ни часу,
Вслед злодеям скачи.
Может быть, ты их и догонишь.

Лачплесис:

Нет, мой отец!
Твои ратные люди
Сами пусть ищут особо,
Меня они только задержат.
Я же отправлюсь один
И свято тебе обещаю
Или вернуться обратно
С Лаймдотой в Буртникский Замок.
Или же вы никогда меня
Не увидите больше!

Ласточка согласно щелкает клювом, садится на плечо юноши, словно обещая свою преданность и поддержку. Лачплесис вооружается, обнимает старого Буртниека, садится на коня, уезжает.

Глава 16

Турайдский Замок. Берег устья реки Ридзини.

На берегу оживление. У причала качается, кружит немецкий корабль. Готовящиеся к скорому отплытию Купцы, меняют разный немецкий товар на мед, дорогие меха.

Немецкий Купец (стоя на палубе корабля): Ливы и латыши! Мы прибыли из Германии, чтобы строить город у устья Ридзини! И хотим среди вас найти помощников! Вы получите много денег за свой труд.

К устью реки подъезжает на колеснице старейшина Каупо. В сопровождении Дитриха он взбирается на корму корабля под громкие крики приветствия.

Каупо:

Братья мои дорогие!
Дошли ко мне дивные слухи
О несказанно богатых
Прославленных землях немецких.
С немцами дружбу поэтому
Я заключить предлагаю
И разрешить им на нашей земле
Новый город построить,
Чтобы отныне торговые
Здесь пролегали дороги,
Чтобы цвела наша родина!
Множилось наше богатство!
Дабы проверить чудесные
Слухи о Западе, сам я
Еду в Неметчину и обо всем вам расскажу, вернувшись,
Что я там видел.
И что нам потребно
Для нашего блага.
Ждите меня терпеливо
И с немцами дружно живите!

Народ на берегу:

Славный
Да здравствует Каупо!
Пускай живут иноземцы,
Если с намереньем добрым,
Они нашей дружбы желают!

Корабль снимается с якоря и, подгоняемый попутным ветром, уплывает. Люди вслед ему машут шапками. Кангар-предатель в толпе находит Спидалу, шепчется.

Кангар:

Я – то всех лучше
Знаю, что дружба
С балтийским народом
Надобна немцам...

Спидала (тихо):

О чем ты знаешь?

Кангар:

В Турайдском Замке
В зале большом они
За беседой сидели...

Спидала:

Кто?

Кангар:

Дитрих и Замка хозяин,
Каупо славный.
Немец, пронырливый Дитрих
Быстро сумел, незаметно
Властно – горячего Каупо
Сетью своею опутать.
Много рассказывал Дитрих ему
О землях немецких,
О городах, о науках,
О славе князей иноземных
И о единственно праведной вере,
Которая в жизни святость дает,
А по смерти – бессмертие
И вечную радость.
Дальше рассказывал Дитрих
О римском великом всаднике,
Как он с общиной рыцарей верных
Решил всем народом,
Мир населяющим, преподнести
Свою правую веру.

Спидала:

А ты помогал Дитриху?
Ты ведь дал клятву
Ликцепуру в Черной яме –
Или не помнишь?

Кангар *(испуганно)*:

Нет, что ты!
Благодаря этой клятве – Чертовой ямы – я – жив...
Конечно, помню... Я обещал...
Я во всем с ним соглашался...

Спидала *(довольно)*:

Никто не знает об уговоре в Чертовой яме!

Кангар:

Вот так же – как я,
И Каупо стал сомневаться
В силе богов своих древних.
Дитрих ему рассказал,
Что прибыл корабль
Из немецких стран,
Что заморские люди
Хотели бы обосноваться
Здесь – при слиянии
Ридзини с Даугавой
Город построить;
И говорил, что большая
Была бы для Балтии польза,
Если бы город построить
Кунинг позволил пришельцам.

Дальше читал ему Дитрих
Послание римского папы:
Тот, мол, приветствует Каупо,
И шлет ему благословенье,
И приглашает его погостить
В прославленном Риме.

Спидала:

Ну? Еще? Вспоминай,
Что было еще?
Ликцепур обязан знать все!
А я избрана Пукисом!

Кангар:

Дитрих еще говорил, что Каупо
Сам тогда сможет
Видеть воочию дальних земель
Чудеса и навеки
Дружба святого отца
В честь ему будет и славу...
Так посланье святого отца его сердцу польстило,
Что обещал разрешить иноземцам он город построить,
Сам же на их корабле плыть решил
В заморские земли ¹.
Дитрих ему обещал сопутствовать всюду и в Риме
К папе его отвести самолично. Они же после ночи
Велей решили, не мешкая, сразу же
в путь отправляться!

Спидала (довольная):

Это – все?

Кангар:

Все...

Спидала (с блеском в глазах):

Поклянись – истреблять защитников народа!

Кангар:

Клянусь!

Спидала:

Приводить служителей
Чужеземной веры!

Кангар:

Приводить служителей
Чужеземной веры – клянусь!

Спидала:

В рабство обратить
В конце концов, всю Балтию!

Кангар:

Клянусь!

Голоса из толпы на берегу:

Калапуйса победитель –
Лачплесис тут!

Толпа расступается, Лачплесис спрыгивает с коня, хватая за ворот Кангара.

¹ Летом 1203 Каупо в сопровождении Теодориха Турайдского отправились в путешествие по Германии. Они проехали большую ее часть...(Хроники Ливии, VII, 5), побывали у Римского папы. Осенью 1204 года вернулись в Ливскую землю.

Лачплесис:

Старый злодей!
Отвечай немедля:
Где моя Лаймдота,
Буртниека дочь,
Или череп
Я раздроблю тебе;
Знаю я хорошо, кто виновен
В исчезновении ее!

Спидала: *(ехидно указывая на быстро уплывающий корабль):*

Там она! Вместе с парнями немецкими
За море едет!

Лачплесис *(гневно):*

Злодеи! Убийцы народа!
Люди, не слушайте этих обманщиков!
Я – то их знаю!
Кангар бесчестный и Спидала
Адовой нечисти служат,
Ради корысти своей предадут
И народ свой, и веру!
Также не верьте и этим пришельцам, немцам коварным,
Если вам дорога свобода
И прадедов вера!

Люди, затаив дыхание, слушают страшные слова обвинения.

Кангар *(быстро собравшись с духом тихо...):*

Так и я могу потерять
Сразу всю добрую славу свою,
Что нажил годами...

Громко:

Юный рыцарь мой!
Будь в твоём обвиненье
Истины сотая доля,
Пускай меня Перкон раздавит
Здесь же на месте.
Но ведомо мне, что тебя обманули
Верь мне: за благополучье
Сородичей наших ответит
Каупо, который и сам
Плывет с ними в дальние страны,
Чтоб самолично рассказы
Людей чужеземных проверить.
Слушай, и сам ты свое обвиненье
Признаешь напрасным:
Лаймдоту не похищали, нет!
Сама захотела с Кокнесисом, –
Его она втайне и раньше любила, –
Сесть на этот корабль. А тот ведь
Давно уже проведаль,
Что собирается Каупо
Ехать в немецкую землю.
И из дружины своей
Взять юношей самых толковых,
Чтоб премудростям всяким заморским

Они обучались.
Кокнесис очень хотел
С ними за море ехать учиться,
Прошлою ночью обоим им
С Лаймдотой выпал удачный
Час, чтобы старого Буртниека
Дом незаметно покинув,
С Каупо вместе уплыть
В немецкие дальние земли.
Но успокойся, мой витязь!
Теперь не терзайся напрасно!
Правду узнай: тебя никогда она не любила,
Лишь уважала она твои подвиги
И не хотела
Горя тебе причинять
На любовь отвечая отказом.
Сердце же требует прав своих тоже!
И Лаймдота нынче
Счастлива, соединяясь со своим
Настоящим любимым!

Меч Лачплесиса, занесенный над головой Кангара, медленно, бессильно опускается, вонзается в землю, в берег реки Радзини. Плещутся волны, омывая горячее лезвие.

Лачплесис (*тихо*):

Лезвия
Иступленной боли
Изрезали сердце...
Что ж это? Кокнесис первый
Мой друг, так обманул?...
А Лаймдота, ради которой
Отдал бы я сто жизней,
Лгала мне? Да неужели
Все это правда?

Собравшись с силами, вырывает меч из земли. Отпускает Ласточку в Небо.

– Лети вперед к отцу, в Лиелварде...
Я там подожду, пока воротится Каупо
Или другой чей-нибудь корабль
Мне вестей не доставит.

Громко:

И берегитесь тогда вы, лукавые,
Если солгали!

Вскакивает на коня, скачет вдоль Даугавы. Ласточка, быстро перебирая крыльями, теряется среди облаков.

Спидала (*радостно хохочет вслед Лачплесису*):

– Скачи хоть до Солнца,
Тебя я настигну отовсюду!

Пробиваясь сквозь ветер, скорбь, злобный шепот Спидалы, раздвигая мохнатые лапы высоких крепких елей, разбивая скрученные сухие ветви высоких деревьев, утопая в болоте, скачет Лачплесис вслед за Ласточкой. Будто по Небу чертит она крыльями в воздухе путь к Отцовскому Замку.

– В Лиелварде! В Лиелварде! – бьется сердце юноши.

Старый Кунинг поднимает его обессиленного, уснувшего на речном берегу, у самого Замка.

Старый Кунинг (*утирая слезы на лице юноши*): Не отчаивайся прежде времени, сын мой!

Ласточка садится на плечо Лачплесиса, держит в клюве цветочек.

Лачплесис: Милая птичка! Ты даришь мне жизнь! (*Улыбается, берет цветочек*).

Старый Кунинг:

Помолчав.

Ласточка мне
Обо всем рассказала...

Дивны дороги Судьбы!
Не теряй надежды!
Хоть с виду
Все против Лаймдоты,
Но, я уверен, она невиновна,
Любит тебя одного
И верною тебе останется!

Мирно шумит Даугава, седые волосы Старого Кунинга блестят в лучах Заходнего Солнца, в глазах – печаль и улыбка.

Ласточка (*Склонив головку, прислушивается к шепоту речных волн*):

Слышишь, Лачплесис,
Река говорит с тобою...
И сердцем твоим...
Она просит тебя –
В доме отцовском остаться,
Раздумать в тиши о дальнейшем...
Может, придется тебе –
С Северным Ветром поспорить,
На Севера Дочь подивиться,
Может быть, Севера Дочь,
Владычица бурь и сполохов,
Рану души уврачуе,
Остудит горящее сердце.

Лачплесис бросает в воду маленький цветок, принесенный Ласточкой.

Лачплесис: Что ж, пусть так и будет.

Уходят.

Глава 17

Рим. Городская площадь.

Окончание Рыцарского турнира. В пестрой толпе у рынка мелькает Паяц. Будто только прыгнув с подмостков площадного театра, он размахивает своим ярким колпачком, звенит разноцветными бубенчиками, роняя на землю масляные, нарисованные тушью, слезы.

Паяц (*поет*):

В Риме старом,
Вечном Риме,
Где святой отец живет,
Войско рыцарей собрали
Для похода в Балтию.
Балтию Марии-деве
Посвятил отец святой,
Кровопийцам и убийцам,
Дал он отпущенье
Всех грехов чтоб к правой вере
Обратить могли они
Балтии народ несчастный,

Гибнувший в язычестве.
Им на новые убийства
Дал благословение.
Строить каменные замки
Он велел им в Балтии.
Много всяческого сброду
На призыв откликнулось,
Много нищей, безземельной,
Хищной рвани рыцарской,
Всюду ужас наводящей,
По дорогам грабящей.

К Паяцу подбегает ярко накрашенная Девушка в театральном костюме служанки Смеральдины, бросает в него тухлым яйцом. Он смеется, уворачивается. Вокруг «балаганного театра» собирается толпа, начинается импровизированное сценическое действие

Смеральдина (лупит Паяца):

Ах, вот негодник!
Только послушать его!

Очень серьезно, почти чопорно:

Сам святой отец сегодня
Принял войско рыцарей.
Полководцев им назначил,
Дал своих епископов.
Под конец отцу святому
Двух людей представили.
Это Дитрих был и Каупо,
Что пришли из Балтии.

Толкает в бок Паяца, выставляет вперед ножку. Паяц, сплюнув, целует ее туфельку, пытается обнять, она отталкивает его, смеется.

К целованью туфли папа
Допустил паломников,
Через толпачей любезно
С Каупо он беседовал.
Спрашивал его о нравах
И о людях Балтии,

Насмешливо:

Захотят ли христианства
Благодать принять они.

Паяц отчаянно бьет себя в грудь.

Паяц:

«Люди нашей веры – братья
Меж собой!» – он сказывал. –
Так и новообращенным
Братьям предоставлено
Будет, наравне со всеми,
Пользование благами!
И щедротами земными,
Что увидел в Риме ты
И в других местах обширной
Западной империи.
Но все эти блага мира –
Прах, пустяк, ничтожество
Пред блаженством, после смерти
Верных ожидающим!

Обнимает Смеральдину, щиплет ее за щеку.

Смеральдина:

Дает ему пинка, Паяц перекувыркнувшись, падает, толпа шумит, хохочет.

Каупо,
И на самом деле
Ослеплен был
Сказочным
Блеском и великолепьем,
В Риме увиденным.
Слабыми ему казаться
Стали боги прадедов
Пред могучим, щедро льющим
Миру счастье Господом.

Томно закрывает, закатывает глаза.

И душой пред чуждым блеском
Славный Лив не выстоял
С племенем своим креститься
Дал он обещание.
И святой отец за это
Щедро одарил его;
Милостиво князя ливов
Посвятил он в рыцари,
И к себе его приблизил –
В свиту знати избранной.

Паяц трясет шапкой с бубенцами; Публике:

– Вы только послушайте!
Откуда наша Смеральдина,
Эта глупая бестолковая
Девуца
Знает самые свежие
Новости?
Ну-ка, развяжем-ка
Ее остренький язычок.

Публика хохочет. Паяц, схватив Смеральдину, щиплет ее, она пытается вырваться, рвет свои юбки.

Паяц:

Не иначе, ты добралась
Сегодня ночью
В спальню
Нашего Святого Отца...

Всеобщий смех, Смеральдина дает оплеуху Паяцу.

Смеральдина:

Каков наглец!

Паяц (*скачет с колпачком, звенит вокруг нее*): Ну! Ну! Только скажи, откуда ты все это знаешь? Или сама выдумала?

Смеральдина (*увидев сидящую на Башне сороку*): Вон – видишь, Птичка принесла...

Смеется. Пока Паяц рассматривает Птичку, сидящую на Башне, Смеральдина заигрывает с кем-то с публики. Паяц, встрепенувшись, вытаскивает ее на подмостки.

Смеральдина:

Чуть позже
Я спою тебе новую песенку,
Ее я выучила
Сегодня ночью со своим возлюбленным! (*Томно вздыхает*).
Так вот... Выслушав напутствие,
Рыцарское ополчение,
В край Балтийский двинулось

Юношей, что в Рим с собою
Вывез Каупо – вирсайтис,
По монастырям монахам
В обучение отдали
Был меж ними – и юный Индрикис¹...

Томно вздыхает:

Паяц:

Неужели – имя твоего нового возлюбленного?
Ах, мое бедное сердце!

Смеральдина (*топнув*):

Успокойся, не знаю я его, не видела
И никогда в жизни не увижу... (*хохочет*).

Поет:

Там, где Ридзиня впадала
В Даугаву, там тьмы людей
Рыли, сваи забивали,
Новый город строят,
Окружают крепким валом.
Посредине каменный
Встанет там собор, покрытый круглым
И тяжелым куполом. Будет из Ридзини возникший
Город названный Ригою...
Под броней соборных черных
Станет епископ Альберт там
Властвовать. Попов с войсками
Рассылать оттуда он.
Замок Икшкиле и замок
Убивать, крестить и грабить
Станут в стране они.
Саласпилс построят.
Ужасом объята будут
Жители окрестные.
Люди все поймут, да поздно,
Что были обмануты.
И оплотом станет Рига
Чужаков и хищников.
Сложат о ней
Песню эту горькую.

Смеется, пританцовывает Паяц, играет бубенцами.

Смеральдина:

О, эту песню мне сегодня
Принесла Птичка.
А Птичку научил
Петь Ветер...

Поет, горько смеется.

Рига, сколько ты убила
Наших юных сыновей!
Рига, сколько породила
Ты рыданий, стонов, слез!

¹ Исторические источники, в т.ч. хроника Генриха Латвийского, позволяет предположить, что в XIII в. В Германии действительно готовили священников или иных церковных служителей для Прибалтики из среды ее коренных жителей. В эпосе говорится, что Каупо, отправляясь с Дитрихом в путешествие по Германии и в Рим, взял с собой «из своего Замка юношей. В Германию они были отданы, чтобы учиться «немецким наукам». А. Пумпур считает, что среди этих юношей был и «Знаменитый Индрикис», т. е. Генрих Латвийский.

Рига, сколько потравила
Ты зеленых наших нив!
Рига, сколько ты спалила
Наших гумен и домов!
Рига, сколько осушила
Бочек нашей браги ты!
Рига, сколько истребила
Ты богатства нашего!
Рига, сколько погубила
Ты народу нашего!
Так скажи: чем же больше
Пожелать могла бы ты?

Публика аплодирует.

Голоса толпы на площади:

- Ай, да девчонка!
- Не промах!
- Еще спой, птичка!
- Хочу сегодня, глазастая, вечером встретиться с тобой!

Заметив издали рыцарей Папского войска, Паяц и Смеральдина, обнявшись, убегают.

Глава 18

Ночь.

От стен Монастырского Замка скачет немецкий всадник, тело заковано в тяжелый панцирь, на голове – шлем. Одной рукой он держит уздечку коня, подгоняя, что есть силы, другой, придерживая прекрасную девушку, связанную по рукам и ногам, неподвижную, как фарфоровая статуэтка, она не может пошевелиться или позвать на помощь. Все ее тело обвито прозрачной тканью. Месяц опускается на краешек темных ветвей, и, кажется, вот-вот коснется всадник своими ледяными устами щеки своей пленницы. На ее глазах блестят, отражаясь пучком света, хрусталики слез. Следом за всадником скачут его приятели – отряд немецких рыцарей. Утомленные кони хрипят, пытаясь обогнать друг друга. Неожиданно тяжелая тень преграждает путь беглецам, будто сам Месяц упал с небес и обернулся Человеком. На мгновение становится темно и зябко.

Немецкий всадник: Кто здесь? *(Останавливает коня).*

Град ударов обрушивается на отряд немцев. Страшной палицей вдребезги разбивает их Отважный Незнакомец. Сорвав шлем с Немецкого Всадника, держащего на руках девушку, он на миг останавливается.

– Конечно, ты сын графа!
Пес немецкий! Разбойник!
Знаешь ли, что гордая
Дочь свободного народа
Стольких совершенств полна,
Что любой из ваших графов
Недостоин воду ей
Подавать! Умом высоким,
Красотою светлою
Ни одна в немецких землях
Дева не сравнится с ней!
Расскажи своим, бездельник,
Подлецам-приятелям,

Что когда они посмеют
К нам явиться в Балтию,
Там же, как теперь я с вами,
С ними там расправятся!
В этот раз, до новой встречи,
Отпущу живым тебя!

Испуганный немецкий всадник отдает незнакомцу девушку, прищипорив коня, поспешно скрывается среди деревьев. Незнакомец снимает со своей головы шлем. В Лунном свете узнает девушка своего спасителя.

– О Боже, Кокнесис!

Кокнесис срывает с нее прозрачные ткани и веревки. Перед ним теперь – прекрасная Лаймдота, невредимая и испуганная.

Кокнесис:

О, спасибо добрым духам,
Что поспел я вовремя!

Лаймдота:

Кокнесис! Какое счастье!

Кокнесис:

Но теперь скорей, скорей бежим отсюда.
Лучше здесь не мешкать нам.
О своей судьбе тебе я
Расскажу дорогою.

Садятся на двух коней, скачут прочь по лесной тропе. Сердце девушки стучит, будто выпрыгивает из груди, на щеках – слезы. Она плачет – и – улыбается. Сама не знает, чему.

Лаймдота:

Ночью велей
К Замку Буртниека
Пробрались
Ведьма Спидала и Кангар.
Что-то искали они...
Мне о них так много
Говорил Лачплесис...
Я сразу их узнала...

Вздыхает:

Спидала явилась мне
В виде мертвой матери.
И в засаду за собою
Ночью меня завела.
Связали меня
И умчали в Турайду.
А оттуда – прямо к морю
Той же ночью вывезли.
И не помогли не просьбы,
Не слезы мои...
На корабль втащили меня,
Увезли в Неметчину...
Приходил в пути ко мне Дитрих,
Утешать хотел...

Смеется:

Говорил, чтоб не боялась,
Что вреда не будет мне.
Что на корабле со мною едут
Многие сородичи
Добровольно и что со мною

Едет Каупо-вирсайтис,
Что жизнь в немецких землях
Посмотреть хотят они...
Что предрешена мне
Слава несказанная,
Что себе меня в невесты
Избрал Кристус – Бога сын.
Но ему я отвечала:
«Если Кристус твой насильно
Может брать невест себе, –
Хоть была бы я свободна
Не могла б любить его!
Я обещана в Отчизне
Молодому рыцарю,
На союз любви отец мой
Дал благословение.
Отпусти меня на волю
Не томи, не мучь меня,
Иначе жених мой, рыцарь,
Страшно отомстит тебе!
Я же человечья
Дочь, людьми рожденная,
Никакому сыну бога
Не гоюсь в невесты я!»
Совесьь вытравивший в сердце,
Дитрих, лжец испытанный,
Весь побагровел от злобы,
Услыхав такой ответ.
И оставя уговоры,
Он меня покинул...

*Над лесом вспыхивают Звезды, светлеют макушки деревьев, листва выделяется на
темном полотне ночи светлыми птичьими трелями.*

Кокнесис (чуть замедляет коня, прислушивается к пению утренних птиц):

Говори, дорогая Лаймдота,
О, говори!

Лаймдота (роняя слезы):

Словно птичка,
Умоляла о защите
Каупо-Вирсайтиса я...
Он сказал: «Никто не будет
Над тобой насильничать,
Но уж если в край немецкий
Занесла судьба тебя,
Ты останься здесь, покамест
Не вернусь из Рима я...»
Но в ту же ночь
По лукавому совету
Дитриха решил он
Оставить меня
В некой девичьей обители...

Смеется. На ее ладонь садятся Птицы, поют.

Птичка:

Эту песенку я слышала
Недавно в Риме...

Понравится она тебе,
Лаймдота?

Напевает:

Рига, сколько ты убила
Наших юных сыновей!
Рига, сколько породила
Ты рыданий, стонов, слез!
Рига, сколько потравила
Ты зеленых наших нив!
Рига, сколько ты спалила
Наших гумен и домов!
Рига, сколько осушила
Бочек нашей браги ты!
Рига, сколько истребила
Ты богатства нашего!
Рига, сколько погубила
Ты народу нашего!
Так скажи: чем же больше
Пожелать могла бы ты?

Лаймдота (*удивленно*):

Неужели о будущем
Нашей Балтии
Слагают песни в Риме?

Птичка:

И не только птицы.
Необычный город будет построен
На берегу моря!
Необычная будет у него судьба!

Птицы щебечут в предрассветной дымке.

Птицы:

Мы видели в Риме
Твоего мучителя
Каупо-Вирсайтиса!
Он был так ошеломлен Римом,
Что, вернувшись потом на свой корабль,
Совсем забыл про тебя...
А Дитрих словом не напомнил,
Ибо видел ясно он,
Что за жемчуг драгоценный
Им подарен Западу

Обнимают крылышками обнаженное тело Лаймдоты.

И что будут благодарны
Здесь ему за пленницу...

Лаймдота:

О, Боже мой!
Кокнесис, ты слышишь,
Если бы не ты,
Я могла бы навеки
Остаться в этой
Темной монастырской обители...

Кокнесис подъезжает на своем коне к Лаймдоте, набрасывает на ее озябшие плечи свой плащ. Тихо, будто в лад неспешному цокоту копыт и утреннему эху, говорит Лаймдота. Мягкие лучи Солнца золотят ее волосы, в глазах плещутся солнечные зайчики, она щурится, смеется. Ей кажется, что весь мир меняется с ней вместе, радуется, прорастает, будто тонкий стебель лазурного цветка – к Солнцу и теплу.

Лаймдота *(глядя в Небо):*

Смотри, Кокнесис,
Сейчас весь мир меняет цвет.
Серое ночное Небо стало розовым,
Потом – золотым, цветущим.
А вот – светлые голубые полосы
На позолоте...
Словно огромный душистый Голубой Цветок,
Дарящий жизнь
Всему живому... И моей родной Латвии...

Вздыхает.

О, нет!
Неужели я смогла бы
Когда-нибудь от этого
Отказаться?
Ни за что!

Вдруг помрачнеет:

В монастыре...
Настоятельница со мною
Ласкова сперва была,
Лишь надоедала часто,
Муча уговорами
Позабыть богов Латышских,
Поклоняться Кристусу,
Видя тщетность уговоров
Начала запугивать...
Отдать грозила Графу...
Мол, сделает меня
Он сразу – своей наложницей.
О, боже мой, Кокнесис!
Я знала еще, что
Беспутный родственник
Настоятельницы –
Некий рыцарь –
Был в обители,
Что видел он меня,
Случайно,
И, пленяясь моею красотой,
Захотел завладеть мною.
Ибо, думал граф, для этой
Некрещеной грешницы
Нет защиты и закона
В просвещенном мире их...
... Я просила дать мне
Срок на размышление:
На чудесное спасенье
Втайне я надеялась.

Солнце всходит, будто карабкается по стволам, разбрасывает улыбки, высоко в Небе резвятся Ласточки, из-за леса слышатся крики Чаек и далекий шепот волн... Теперь стволы тяжелых сосен кажутся исполинами-великанами, способными защитить от Ночной тьмы. Словно равномерные удары маятника, звучат эхом в лесной тиши копыта коней Лаймдоты и Кокнесиса.

Лаймдота:

Долго я чуда ждала...
Но однажды утром

Свой ответ
Должна была дать
Игуменье.
От богов родных отречься,
Позабыть великие
Книги, что я читала
В древнем Замке Буртниеков...
Нет, отрадней смерть,
Чем это страшное решение!
Там я решила
Вечером, упав на ложе,
Умоляла добрых духов
Прилететь ко мне
На помощь...

Смеется.

Но на помощь
Духи послали мне
Разбойников...
В полночь в Монастырском Замке
Страшный шум послышался,
Топот, крики, лязг оружия,
Треск ворот ломаемых...
На пороге кельи стали
Люди, в сталь одетые,
Старые Монахи, слуги
Замка окружали их...
И один, заплывши жиром,
Обратился к рыцарям:
«Если только вы хотите
Взять у нас язычницу,
Отдаем ее с охотой
И благословляем вас...
Много дней она священный
Монастырь поганила!
Забирайте! Увозите!
Только нас не трогайте!»...
И железными руками
Ухватили меня,
Вынесли за стены Замка,
Подняли в седло...
С добычей поскакали
К лесу похитители...

Кокнесис:

Разбойник,
Который хотел оскорбить тебя...
Был сыном Графа...
Мерзавец!
Спасибо добрым духам
Что успели вовремя...
Перед ночью велей Кангар
Повстречался со мною,
Рассказал мне, что Каупо
Едет в земли римские
И перед отъездом важной
Вестью должен с отцом твоим,

Буртниеком старым,
Поделиться. Если же Буртниеком
Занят встречей с велями,
Просил он меня пойти с ним.
Чтобы весть принять от Каупо.
Пошел я, полный доверия...
Вместе с Кангаром.
Прибыв в Турайду, встретил я там
Юношей, мне знакомых...
Они собирались
Вместе с Каупо
Ехать за море.
Просили до корабля
Проводить их...
Я согласился охотно
Кангар сообщил,
Что весть от Каупо
Будет только лишь завтра...
Так, прибыв на корабль
Мирно сели мы завтракать...
Кангар подносил вино.
Дитрихом даренное,
Пили его до тех пор,
Пока сон глубокий
Не одолел...
Проснувшись, увидел я,
Что корабль
Качается
Среди моря
Взволнованного...
Небо да вода – кругом.
С тяжелой головой,
Сердитый,
Сам себя стыдился я,
Что беспечно, без опаски
Пил вино немецкое.
Против воли на чужбину
Плыть пришлось мне.
А другие утешали,
Говоря, что я смогу
Сам воочию увидеть
Чудеса заморские.
Тем я был и успокоен.
С юношами прочили
Я в монастыре старинном
Предался учению¹.
На досуге посещал я
Ближний Замок рыцарский,
И, участвуя в турнирах,
И в забавах рыцарских,
Местных витязей дивил

¹ Юноши с земель Двины, Торанды и др. воспитывались в немецких монастырях и впоследствии верно исполняли поручения епископа Альберта в Ливонии. Среди жителей Латвии, были люди, стремящиеся к знаниям, только завоеватели использовали это в своих целях.

Ловкостью и силой.
Я не знал, что здесь,
В земле немецкой,
Ты, Лаймдота...
Но прослышал, что в соседней
Девичьей обители
Пленница есть молодая,
Девушка из Балтии,
И что Графский сын задумал
Тайно увезти ее.
Зная же, какая злая
Доля ждет несчастную,
Я ее решился вырвать
Из когтей насильника.
И когда у монастырских
Стен тебя увел я,
Гневу не было предела,
Милосердья не было...
Потому я так свирепо
Перебил разбойников
И унизил сына Графа,
Оскорбив пощадою.

Ближе и ближе крики чаек из-за просыпающегося леса.

Кокнесис:

Слышишь, Лаймдота?

Лаймдота (с радостью):

О, да!

Кокнесис:

На морском берегу
В одеянье рыцарском
Взойдешь ты
На палубный корабль,
Чтобы вернуться
Неузнанной
В родную Балтию.

Спрыгивает с коня, одевает Лаймдоту в костюм одного из убитых немецких рыцарей.

Лаймдота:

А ты, Кокнесис?

Кокнесис:

Что бы не случилось,
Поеду с тобой!

Выходят на опушку леса. Великолепный морской простор, будто бьющееся дышащее единое сердце Земли и Неба, раскрывается под Солнцем.

Лаймдота (тихо):

Знаешь,
Кокнесис, о чем я подумала сейчас?

Вдруг, смеясь машет Птицам

О том, что Земля круглая –
Как янтарь Латвии...

Смеются. Волны брызгают им в лицо.

Кокнесис (тихо):

«Ту грудь, что некогда питала его,
Он сжимает, охваченный страстью.
В том лоне. Что некогда породило его,

Он предается наслаждению...
Тот, что был его отцом – Снова сын,
Тот, что сын – снова отец...
Так, в круговороте бытия,
Словно вращающиеся ковши
Водочерпального колеса,
Блуждает Человек,
Рождаясь в материнской утробе.
И – приходит в миры ¹.

Замолкает, будто тонет взглядом в бесконечном высоком морском просторе.

Лаймдота: Откуда ты знаешь эти стихи?

Кокнесис: Лачплесис читал мне их В Буртниеком Замке... Когда-то он вместе с Ласточкой похитил их из Черной ямы...

Взволнованные и счастливые идут они к морю, кони бредут следом.

Глава 19 Снег.

Белая стена заслоняет Солнце, словно падают с Неба диковинные белые цветы. Падают великолепные, теплые, искристые, что-то успевают шепнуть им Северный ветер, и эхом волн, бьющихся в серые камни, гудит его пылкое признание, гудит и разбивается – в снежную тишину, как только коснутся холодной воды лепестки белых цветов из снега.

По белой глади плывет корабль, ослепительной белизной паруса бьют в глаза стоящему на корме Лачплесису. Он щурится и видит гигантского дракона, будто поднимающегося со дна моря. Чешуя дракона блестит холодным невыносимым блеском.

Лачплесис (громко, Старому Корабельщику): Поторопись, друг!

Охваченный ужасом при виде разинутой блестящей пасти Чудовища, Старый Корабельщик и его друзья едва справляются с парусом. Неожиданно ветер подхватывает корабль и, словно затерявшийся лепесток снежного цветка, несет его дальше, дальше, в белый туман, в хлопья, в снег. Теряется в морской дали серебристое чудовище с разинутой пастью. Холодные волны бьются о корму, бесконечно белый снег устилает палубу. Лачплесис открывает глаза. Ему кажется, что стал он совсем маленьким, как крохотная одинокая звездочка. Встал на цыпочки, как в детстве, протянул руки к маме – далекой большой Медведице – и полетел, быстрее, легче, почти не чувствуя холода. Огни далеких и близких звезд вспыхивали радугой в его глазах, разбивались, на их месте из снежных хлопьев вырастали цветы, теплые, струящиеся к невыразимо прекрасному, как аромат и любовь. Он был маленьким легкокрылым эльфом, порхающим с одного цветка на другой. И в сердце каждого цветка звучала удивительная музыка, похожая на сказку Большой Медведицы.

– Сколотил отец мне лодку ²,
Мать мне парус выткала,
Чтобы я искать поехал
Дочь Зимы прекрасную.
День я ехал, ночь я ехал,
Дочь Зимы не повстречал,
Гору увидал. Там трое
Великанов мелют снег.
«Добрый день вам, снегомолы!

¹ Строки из «Йогататтва упанишады».

² Латышская народная песня.

Где найти нам Дочь Зимы?». «Дальше, к северу плывите, Мореходы. Добрый путь!»
День я ехал, ночь я ехал,
Дочь Зимы не повстречал.
Гору увидал. Там трое
Великанов лед куют.
«Добрый день вам, ледоколы!
Где найти нам Дочь Зимы?». «Дальше, к северу плывите, Мореходы. Добрый путь!»

В одном из цветков качалась лодка с белым парусом. У руля стояла прекрасная девушка, подплыв к кораблю Лачплесиса, она подняла его на свою ладонь и согрела дыханием.

Дочь Зимы:

Вы к себе своей прекрасной
Песней привлекли меня.
Вот я – Дочь Зимы! А что же ¹
От меня вам надобно?

Корабельщики (потрясенные, в изумлении смотрят на нее):

Лик твой снежный,
Словно отсвет сполохов,
А глаза – как след Небесный
В ясный день на Севере.
Ниже плеч переливаются
Косы цвета золота.
Стан высокий, стройный,
В одеянье радужном. Виллайне белее снега
На плечи накинута
Не венок, а шлем блестящий
На прекрасной
Твоей голове.
А на дне ладони лежит
Доброе оружие;
Меч и щит, и лук и стрелы
С остриями медными.
В песнях прославляемая
Такая и есть ты,
Та, что управляет бурями,
Та, что в Небо подымаясь
Далеко на Севере,
Видит воинов убитых
Полчища великие.
И когда они мечами
Блещут, забавляясь,
Люди на земле страшатся:
Мор, война, чума идут...

Маленький корабль Лачплесиса качается в ладони Дочери Зимы, будто в колыбели Созвездия Большой Медведицы. И кажется Лачплесису, что он вновь всего лишь маленький пушистый комочек снега в бескрайней сверкающей бездне темного Неба.

¹ Дочь Зимы – т.е. Дочь Зиемелиса (Севера, Северного Ветра. Это сверхъестественное сердце, прекрасное, возвышенное. «Красота земли и неба».

Лачплесис (*подняв глаза*):

В холодном море,
Заплутав, кружимся,
Хотим дорогу отыскать
На родину.
Скажи мне, Дочь Зимы,
Могла бы
Ты помощь дать нам
В бедствии?

Дочь Зимы:

Очень трудно
Это будет выполнить,
Ибо редко, очень редко
Удавалось путникам
Выйти из пределов страшных,
Где царит отец мой.

Подумав

Но теперь родитель мой
В ледяном чертоге спит,
И еще, пожалуй, с месяц
Будет спать без просыпу,
И пока в моих владеньях
Отдохнуть могли бы вы,
Ну, а я для вашего спасения,
Что возможно сделаю...

Потянулись к Северу караваны звездных судов, похожие на маленькие Солнца. У самого края Неба высился крутой, скалистый остров, заваленный льдом и обломками света. На отмель ступила Дочь Зимы, вслед за нею – Корабельщики и Лачплесис.

Пройдя мимо ледяного Замка, за снежным полем они увидели клубящийся дым. Теплый ветер согрел щеки и тела. Просыпаясь, сонно защебетала маленькая Ласточка на плече Лачплесиса.

– Будто весна пришла! – удивленно произнесла она.

Среди неожиданной цветущей зелени сада в середине острова стоял колодец. Лачплесис заглянул в колодец, будто в пекло... Пламя из глубины его поднималось до неба, сверкая, разбрасывая во тьме искры снега и маленькие звезды...

Дочь Зимы:

Это пламя
Сердца Мира
Одно оно
Превращает
В прекрасный Сад
Середину острова.

Тяжелые яблони склонили плоды свои к светлому журчанию рек, между стволов деревьев мелькали звери, пели птицы, щелкали олени с золотыми рогами. Дочь Зимы ударила по щиту своим звонким мечом, со всех сторон острова к ней сбежались маленькие человечки, Жители Предела Мира. Расставив столы, они принесли угощения. Медовый нектар разлился по жилам и телу Лачплесиса цветочным сказочным благоуханием и негой.

С щемящей сердце тоскою и грустью смотрел он в глаза Большой Медведицы и видел в их, будто бы в зеркале, всю свою жизнь... Кто-то окликнул, позвал его... Крохотная Ласточка, подарок отца, Старого Кунинга... Что-то жесткое кольнуло в сердце юноши, немой укором коснулась упавшая с Неба звезда его ладоней, превратилась в слезу...

Ласточка:

Милая Дочь Зимы!
Пожалуйста, укажи дорогу
Лачплесису – к дому!
Ведьма – Спидала.
Колдовством, коварством,
Лаймдоту отняв у Лачплесиса,
Злобу все же свою
Не утолила,
Зло им всегда причиняла.
По далеким островам летала,
Со старухой-ведьмой Спидала
В море ветры, бури подымала
И угнала судно рыцаря
В ледяное Северное море.
Ищет она гибели рыцаря,
Потому что знает он тайну Чертовой ямы...
Потому что выкрала
Я оттуда древние руны
О судьбах Балтии
И отдали мы их доброму мудрому Буртниеку!
В Замок Света!

Дочь Зимы:

Я обещаю –
Указать ему дорогу,
Но хочу, чтобы рыцарь
Выслушал мой совет;
Пусть своей дорогой старой
Он не возвращается,
Так как там подстерегают
Лютые враги его,
И теперь его наверно
Погубить удастся им.
Но ему я укажу
Новый путь на родину.
Долгий этот путь, опасный,
Но врагам неведомый.
Пусть он землю ту, где злые
Обитают сумпурни ¹,
Всю обыщет и по краю
Света выйдет к Балтии.
Сумпурни подобны людям
С мордами собачьими, –
Мясо лишь едят сырое,
Пьют лишь кровь горячую.
Это звери-людоеды,
Злые, кровожадные,
Путников подстерегают
И живьем съедают их.
Но спастись от них возможно,
Только надо задником
Наперед обути в дорогу

¹ Сумпурни – псоглавцы. В латышских сказках и преданиях обитают в лесу. Но есть варианты, говорящие о некой земле сумпурцев или острове сумпурней.

Постолы ременные...
А на самом крае света ¹,
В глубине пещер живут
Маленькие человечки,
Зла они не сделают.
И растет там Сад, откуда
Солнце поднимается.
Небо там стоит так низко,
Что рукой дотянешься.
При восходе Солнца надо
Там в пещеры прятаться,
Чтобы не истлеть от жара
Солнца восходящего.
Полок, вешалок, укладок
В той земле не ведают.
Пообедав, лошки, плошки
Там суют за облако.
На Небо вальки бросают,
Отстиравшись, девушки.
Едущим по краю света,
Небеса не видимы.
Только океан безбрежный
И безбрежный мрак под ним.
А средь океана срока
Есть гора Алмазная,
Ярким светом блещущая, –
Далеко видна она.
Мимо той горы придется
Проплывать им по морю
Только пусть не пробуют
Подыматься на гору!
Дальше будет снова Небо,
Снова будет свет дневной,
Там увидят мореходы
Некий остров на море,
Он заманчиво прекрасным
Издали покажется.
Но пускай корабль их близко
Не подходит к острову,
Так как обладает свойством
Остров тот притягивать
Корабли к себе и лодки,
По морю плывущие.
Много путников беспечных
Гибель там нашли себе.
Если он в пути со всеми
Справится с преградами,
То с другого края мира
В край родной воротится.

¹ По некоторым латышским народным поверьям, земля – «большущая гладкая равнина, плоская и круглая, как тарелка, где-то далеко она сходится с Небом...Это край Земли. Там есть невидимая стена. Дойдешь до нее – и дальше шагу не ступить. Что за этой стеной, никто не знает. Моряки рассказывают, кто на нее взглянет, тот онемеет, лицо у него блаженное делается, и он сразу же прыгает на ту сторону». (Из латышских сказок).

Лачплесис с корабельщиком спешат к берегу.

Ласточка: Спасибо тебе за все, добрая дочь Зимы!

Внезапный гром прокатился по Небу, откололись от берега горы льда.

Ласточка: Что делать нам?

Дочь Зимы:

Уезжайте прочь!
Спасайтесь!
Просыпается отец мой!
Буря поднимается.

Снежный вихрь разбивает осколки звезд, будто алмазные зеркала, белые, голубые, розовые лепестки снежных цветов падают на землю, превращаясь в лед и туман. Лачплесис крепко держит белоснежный парус своего корабля. Сейчас, вровень со снежным туманом, он вновь могучий и сильный. Маленькая Ласточка прячет в перышки озябший клюв, что-то напевает наперекор ветру и снежному сну, обволакивающему Небо и Землю.

– О чем ты поешь Ласточка? – сквозь ветер спрашивает Лачплесис и уже почти не слышно его слов, осколки льда разбиваются в воздухе крохотными искрами...

– Я пою о твоей земле, о твоей Родине, Лачплесис! – доносится сквозь ветер. – Пусть Мать Моря поможет нам!

Снежная морская глыба качает слова Ласточкиной песни, будто теплые слезы... Уносит их в безбрежный туман. В фиолетовую даль...

Ласточка: Смотри, Лачплесис, впереди берег!

Лачплесис (вглядываясь в очертания земли, к которой снежный вихрь прибил его судно):

Хмурая, неприветливая земля!
Лишь стадо диких оленей
Под утесами...
И скалы.... Голые скалы...

Корабельщики принимаются за ремонт своего судна. С берега доносятся выстрелы. Несколько охотников быстро выбегают на берег, тянут за собой подстреленных оленей. С лаем и визгом вслед за ними несется стая сумпурней. В один миг они раздирают и сжирают охотников.

Ласточка:

Берегись, Лачплесис!
Это псоглавцы!
Они поедают людей!

Лачплесис обнажает свой меч, одного за другим он рубит сумпурней.

Ласточка:

Корабельщики!
Что же делать?
Сумпурни, как волки, ловко
На него набросились
И жестоко искусили
Бедра и бока его!

Старый Корабельщик:

Все – на корабли! Отчаливаем!

Корабельщики быстро отплывают от берега.

Лачплесис! Позади тебя пещера,
Где живут псоглавые,
Прячься туда немедленно!
Все сумпурни на берегу...
В пещерном устье узком
Встав, без труда
Своим мечом оборонятся
Сможешь ты...

Лачплесис: Ждите меня на корабле.

Грозно завывали сумпурни, пугая отважного рыцаря. Тяжелыми камнями замуровали жерло пещеры.

Осторожно, наощупь, пробирается Лачплесис по лабиринтам пещеры.

– Точно в «Чертовой яме», – проносится у него в голове.

Слышит он теперь откуда-то из-за тяжелых серых скал голос Спидалы: «Скачи хоть до Солнца, тебя я настигну повсюду!»

Гневно взмахнул мечом Лачплесис, будто пытаясь рассечь надвое Тьму. Услышал треск камней, глыба за глыбой падали они ему под ноги, будто рушился неведомый панцирь дремлющего чудовища – хозяина Тьмы.

– Сюда, Лачплесис, сюда, – тихо шепнула Ласточка.

Он уже смог разглядеть ее. Узкая трещина меж камней – и выпорхнула вместе с дневным светом его надежда, его крохотное сердечко.

– Я здесь, здесь, – отозвалось каменное эхо.

Он выламывал камни своим мечом и, казалось, боролся с самым огненным Пукисом. Вот и корабль.

Быстро ухватив парус, теперь он, обессиленный, плакал, стоя на корме, а на плече щебетала счастливая маленькая отцовская Ласточка.

Глава 20

Край света. Колыбель народов ¹. Яблонево́й сад Алмазной горы.

В светлых роцах журчат ручейки, дети Перкона играют с золотыми яблоками, в алмазной лодке отдыхает Солнце, укрывшись закатной тенью свисающих к воде вьющихся растений. Резвые Солнечные кони купаются в море. Когда восходит на Небо Месяц – по тонким стеблям белых цветов опускается Солнце на холм и держит золотые вожжи в ладонях, встречая выходящих из моря своих скакунов. Огненное сияющее золото деревьев ослепило Лачплесиса, впервые ступившего на эту землю. Ранним утром еще раз увидел он Солнце. В золотой повозке оно объезжало Землю и рассыпало над миром свет.

– Здесь обитель Любви и Утро моей Родины, – сказал Лачплесис и, мысленно простившись с Солнцем, добавил. – А нам еще только предстоит найти ее.

Старый Корабельщик (положил ладонь на плечо Лачплесиса): О чем ты, сынок? О Балтии?

Лачплесис:

И о Лаймдоте...
Пора нам в путь!
А сейчас к Алмазной горе
Нам нельзя подходить...

Помолчав:

Пока живы...,
Это царство богов

Один из Корабельщиков, не послушавшись Лачплесиса, быстро влазит на гору.

1 Корабельщик: О, Боже, как прекрасно здесь!

Падает, пропадает бесследно

2 Корабельщик (тотчас взбирается следом): Боже, как прекрасно здесь! (*падает, пропадает*).

3 Корабельщик: Позволь мне, Лачплесис (*протягивает веревку Лачплесису, один конец привязывает к себе, взбирается на гору*). Очень хочется увидеть, что же там, в божественной жизни...

¹ Край света – как обитель богов – сыновей Перкона, Солнца, дочерей Солнца, сыновей Диева – и счастливых людей. Это одновременно Восток, сказочное Восточное царство, здесь использован мотив народных песен о Солнце, о «Золотом яблоке», которое «бросают», и катают Небесные Божества.

Корабельщики и Лачплесис крепко держат край веревки, смеются.

3 Корабельщик *(ступая по Алмазной горе):* Боже! Как прекрасно здесь! Я не хочу возвращаться! *(Пытается бежать, освободиться от веревки, которой крепко привязан он. Лачплесис и Корабельщики быстро оттаскивают его на землю. 3 Корабельщик, онемев от счастья, жестикулирует, не в силах больше произнести ни слова).*

Лачплесис:

Больше не мешкайте, друзья!
Попутный ветер!

Восходят на судно.

Скоро вернемся мы
В родную Балтию!

Корабельщики *(поют):*

Рига, сколько ты убила
Наших юных сыновей!
Рига, сколько породила
Ты рыданий, стонов, слез!
Рига, сколько потравила
Ты зеленых наших нив!
Рига, сколько ты спалила
Наших гумен и домов!
Рига, сколько осушила
Бочек нашей браги ты!
Рига, сколько истребила
Ты богатства нашего!
Рига, сколько погубила
Ты народу нашего!
Так скажи: чего же больше
Пожелать могла бы ты?

Глава 21

Неожиданный попутный ветер несет корабль Лачплесиса к прекрасному далекому острову.

Лачплесис:

Гребите прочь,
Корабельщики!
Этот остров заколдован!
С чудесной силой он
Корабли притягивает
К дивным берегам своим!

Ласточка:

О нем мне говорила
Дочь Зимы!

Лачплесис *(пытаясь удержать паруса):*

Помогайте же мне!

Старый Корабельщик:

Невозможно, Лачплесис!
Словно околдованный,
К земле корабль наш несется!

Ласточка *(испуганно):* Что будет с нами?!

Сильный порыв ветра вышвыривает судно на берег. Ревущие волны разбиваются вдребезги, в осколки о его бока и, испуганные, мчатся обратно в море, унося с собой

мелкий береговой песок, гальку, водоросли. Берег покрыт морской пеной и камнями. Повсюду остатки различных кораблей, лодок, разорванные паруса, сбитые ветром и морем корабельные мачты, тросы.

Окаменелые тела матросов – разбросаны вдоль берега среди песка и гальки.

Лачплесис (*тихо*):

На острове этом пустынном
Жизни признака
Не видно...
Только лес шумит...

Ласточка:

Смотрите!
Из леса в море
Мост высокий переброшен!
На конце ж моста, из моря прямо,
Дом большой прекрасный высится...

Лачплесис: Вперед, за мною, Корабельщики!

Пройдя по мосту, вскарабкавшись по крутым лестницам, моряки быстро оказались посередине просторной комнаты, в центре которой стояли длинные столы с едой и питьем. Рядом, в соседнем помещении были постланы мягкие постели. Не дожидаясь приглашения, Корабельщики уселись за столы и утолили голод и жажду, и вскорости уснули.

Лачплесис:

Что ж, видно, мне
Самому придется
Сегодня здесь
Стоять на страже...

Ласточка:

Я с тобой, Лачплесис!

Взяв меч, Лачплесис стал на страже с краю моста. В ночной тишине не раздавалось ни единого звука, только изредка вместе с ветром долетали с ближнего берега будто чьи-то сонные вздохи...

Лачплесис: Словно камни поют, ты слышишь, Ласточка?

Ласточка (*вдруг*): Гляди, Лачплесис! Из чащобы всадник выехал!

Лачплесис (*прислушивается к приближающемуся цокоту копыт*): Он перед мотом остановился... Конь пятится, шарахается... Боится чего-то...

Ласточка (*шепчет*): Тише...

Всадник (*коню*):

Чего ты испугался?
Нет здесь недруга!
Только Лачплесис
Был нас достоин,
Но он кружит
В море Северном,
Да и молод – не дорос рассудком,
Чтоб найти в морях
Дорогу к нам!

Лачплесис:

Чепуху ты мелешь, чучело!
Я дорос кой до чего рассудком,
У твоих ворот
Я жду тебя!

Всадник, вскочив на мост, разглядывает Лачплесиса, хохочет. Лачплесис успевает различить в темноте трехголового иода.

Йод:

Если впрямь ты будешь, Лачплесис,
Выйдем силами померяться!

Круто развернув своего коня, скачет на остров, туда, где со всех сторон растет непроходимый лес.

Йод (останавливается):

Сдуй-ка этот лес!
Чтоб просторно
Было биться нам!

Лачплесис:

Сам сдувай!
Ведь у тебя три глотки!
Иль боишься опозориться?

Йод дует, почти весь лес исчезает, будто сожженный. Йод с хохотом бьет палицей рыцаря по шапке. От внезапного удара Лачплесис на миг теряет сознание, кружит над ним маленькая Ласточка, щебечет что-то по-своему, по-птичьи, выгоревшая, будто черной краской выкрашенная трава и пни, вся обугленная, черная земля несется на Лачплесиса, внутрь ее проваливается он, почти по пояс...

Ласточка:

Держись, Лачплесис!
Открой глаза!
Не бойся! Я с тобою!

Рыцарь, по пояс вкованный в землю, открывает глаза, видит трехголового Йода, спокойно вдохнув, размахивается и двумя ударами отсекает все три головы у чудовища.

Ласточка:

Счастье! Счастье!
Мы спасены!

Лачплесис осторожно высвобождает ноги из земли, прячет в лесной чаще труп убитого Йода.

Лачплесис (Ласточке):

Только ни о чем не говори друзьям!

Ласточка:

Торопись, Лачплесис,
Солнце над лесом восходит,
Если не хочешь,
Чтобы приятели
Отправились
Тебя искать повсюду!

Поспешно взбегают по мосту. Над лесом, над окаменевшим берегом поднимается робкое утреннее Солнце.

Глава 22

Песня Ласточки

Над мертвым островом, над морем раскидывает солнечные трели и белые цветы Маленькая Ласточка:

За Даугавой – Медный сад
На белой песчаной горочке;
Там цветут золотые розы,
Серебристый мак.
Сыны Диева ¹, юноши,
Украшают свои шапочки.

¹ Диев – бог

Дочки Сауле ¹, девушки,
Делают веночки.
Что там сверкает,
Что сияет
В том конце леса?
Сыны Диева сверкают,
Кидая золотое яблоко.
Идет Сауле к вечеру –
Золотое яблоко, кидает,
С утра вставая,
Сеет чистое серебро.
Сауле своего коня
Купает в море,
Утром рано восходя,
Вечерами заходя.
Сауле своих коней
В море купала;
Сама на холме,
Золотые вожжи в руках.
Заходит Сауле с вечера –
Падает в золотую лодку;
Встает Сауле утром –
Лодка пустая качается...

Глава 23 Полночь.

Мост из леса в море. Над мостом темно и беззвездно. Снова на страже стоит Лачплесис. Вместе с Ласточкой, прислушивается к приближающемуся цокоту копыт. Из темного леса выехал всадник, и через несколько мгновений остановился перед мостом его конь, заржал, испуганный. Всадник ударил коня.

– Что ты ржешь, трусливая скотина? (хохочет, спрыгнув с коня). – Где ты, братец, запропастился? Эгей-гей! (прислушивается к звуку своего голоса, тонущему в ночной тиши).

Ласточка: Слышишь? Он ищет своего брата?

Лачплесис: Тише!

Йод (блуждая во тьме):

Уж не с Лачплесисом повстречался?
Только быть не может этого!
Заблудился он в студеное море
И оттуда не воротится...

Лачплесис (ударяет мечом в землю рядом с Йодом):

Ну и чушь ты мелешь, чучело!
Лачплес – я! Не твоему ли братцу
Я отсек вчера все головы?

Ласточка:

Смотри-ка!
Этот – Шестиголовый...

Шестиголовый Йод:

Если брата моего убил ты,
Палицею пришибу тебя!

¹ Сауле – богиня Солнца

Размахивается, но потом внезапно останавливается, хохочет, посмотрев в сторону леса.

Шестиголовый Йод:

Сдуй-ка этот лес,
Чтоб место было
Биться нам!

Лачплесис *(насмешливо)*:

Сам сдувай,
Ведь у тебя
Шесть глоток!
Иль боишься опозорится?

Йод дует, столетний береговой лес, обратившись в пух, разлетается над заколдованным островом. Хохочет Йод, размахивается и бьет Лачплесиса по шапке дубиной. Снова по пояс в земле оказывается Лачплесис, собрав все силы, еще наносит и еще раз ударяет Шестиголового Йода. Дрожит заколдованный остров под ногами, слышатся глухие стоны над берегом, будто движутся, угрожая Лачплесису, серые камни, оживают, прорастают человеческими руками, ногами, пальцами, тянутся к жизни...

Ласточка: Скоро утро, Лачплесис Первый луч Солнца уже согрел землю, листва золотится вдали...

Лачплесис, изловчившись, отсекает последнюю голову Йоду, выбирается из ямы, прячет убитое чудовище в лесу.

Лачплесис:

С Чертовой ямы
Начались мои мученья...
Наверно, коварная
Спидала-ведьма,
Вновь вспоминает меня...
И шлет свои проклятья...

Ласточка:

Я с тобою!
Я всегда с тобою, Лачплесис!

Уходят по мосту навстречу Солнцу.

Ласточка *(поет)*:

Выплывали из-за моря
Два чалых коня,
На одном – попона звездная,
У другого – звездная уздечка...
Они знали край земли,
Дно морское они знали.

Глава 24

Новый вечер.

Новый вечер над Заколдованным Островом был душным и сухим. Моряки с нетерпением ожидали в Замке захода Солнца. Лачплесис открыл окно, вдохнул, но долетающий с берега ветер не принес облегчения и желанной прохлады.

Юноша взял чашу, налил чистой воды, поставил посередине стола перед зеркалом Стабарадзе. Корабельщики с недоумением посмотрели на него.

Старый Корабельщик: Чем ты сегодня ночью собираешься заняться, Лачплесис? Не станешь ли ты предсказывать будущее?

Все оживляются, смеются.

И, может ты, наконец, расскажешь, где ты был ночью, почему вернулся такой усталый и проспал почти полдня? И долго ли нам еще сидеть здесь? Ты стал такой скрытный.

Корабельщики: Может, что-то произошло, Лачплесис? Расскажи нам!

Лачплесис:

Хватит! Довольно шуток!
Сегодня в ночь
Опять на страже
Стану я.
Но чтобы вы всю ночь
Не спали!
Чтобы сидели дома,
Бодрствуя!
Быть может,
Придется
Этой ночью
Помогать мне.

Берет в руки чашу, подносит к зеркалу.

Когда вода в той чаше
Чистой до утра останется.
Вы спокойно дома отдыхайте,
Помощь ваша мне не надобна.
Ну, а если ночью станет в чаше
Чистая вода кровавою,
Выходите вы тогда на помощь
Все ко мне, без промедленья,
И с собой – смотрите, не забудьте! –
Захватите это зеркало!

Корабельщики: Все сделаем, Лачплесис!

Лачплесис вооружается, на Небе показывается Месяц, в окно дохнуло влагой, теплыми водорослями и солью. Стемнело. Юноша смело взошел на мост. Сонный, словно слепой Кот, янтарный Месяц, прищурившись, смотрел на него.

– Я рядом, рядом! – *щебетала маленькая Ласточка.* – Не бойся, Лачплесис!

Лачплесис: Я не боюсь, милая Ласточка! Как-то тревожно на сердце у меня...
(Еще раз, рапрокинув голову, смотрит в Небо, улыбается). Вот... еще раз Месяц улыбнулся мне...

Ласточка:

Я здесь, Лачплесис!
Я тоже с тобой!

Слышится тяжелый топот копыт. Из леса выезжает черный конь. Встает на дыбы перед мостом, шарахается из стороны в сторону.

Всадник на Черном Коне:

Чего боишься?
Что тебя перепугало так?
Если б даже Лачплесис явился,
Братья с ним давно бы справились!

Черный Конь испуганно бьет копытами.

Лачплесис:

Я убил твоих
Обоих братьев!
И тебя
Судьба их не минует.
Вот я – Лачплесис!
Я жду тебя!

Девятиголовый Йод (взревев):

Если ты и вправду Лачплесис,
Силою померяйся
Со мною.
Выходи! Сдуй лес на острове!

Лачплесис:

Девять крепких
Глоток ты имеешь,
Сам сдувай!

Йод дует, поднимается буря. Столетний лес летит на рыцаря, поднятый внезапным ураганом с земли на Небо. Огромные сучья, вечные стволы деревьев разбиваются вдребезги. Лачплесис едва успевает уклониться от ударов крутой палицы Девятиголового Йода и падающих деревьев.

Сильный неожиданный удар по шлему забивает Лачплесиса по пояс в землю. Рубит, зажмурив глаза от пыли и ветра, одну за одною, шеи Девятиголового Йода, Лачплесис. Кажется ему, что мир перевернулся с ног на голову, словно стоит не на земле, а на Небе, качается на волнах в изумрудной лодке, а рядом вечный Стабураг, будто долетает до него сквозь ветер, сквозь облака голос Стабарадзе:

– Не бойся превращений, Лачплесис!

– Я с тобой! Я с тобой! – *щебечет маленькая Ласточка.*

Янтарный Месяц, прищурившись, как слепой Кот, выгнув спину дугой, несет его, такого малюсенького Лачплесиса, по Звездному Небу. Дошь Зимы откуда-то из диковинного цветка машет ему, зовет, о чем-то говорит, но хлопья снега застилают ее лицо, ветер уносит голос вдаль... в темноту.

– Лачплесис! – *щебечет Ласточка совсем близко. – Смотри, одна голова осталась...*

Лачплесис *(тихо закрывает глаза):* Не могу... Лети... Зови кого-нибудь...

Снежные хлопья, словно птичий пух, застилают землю и Небо... Из белой темноты плачет кто-то, плачет, а потом смеется.

«Может, Лаймдота?» – проносится в голове Лачплесиса. Но он не в силах пошевелиться. В небе видит он крошечную точку, похожую на цветок. Это Ласточка, набравшись сил, она своим хрупким тельцем пробила запертую дверь, от грохота проснулись Корабельщики, испуганные, вскочили...

Старый Корабельщик *(посмотрев на чашу):*

В чаше кровь клокочет,
Через край переливается!

Взяв оружие, они побежали по Мосту, следом за Ласточкой.

Черный Йод, размахнувшись, хотел нанести новый удар по шлему Лачплесиса, чтобы вогнать его заживо с головой под землю, но в последний миг маленьким осколком ужаса и любви сверкнуло в ладонях Лачплесиса зеркало Стабарадзе.

Ласточка: Держи его, Лачплесис!

Черный Йод заглянул в зеркало, в ту же секунду упал на землю, окаменев от ужаса.

Ласточка: Скорей откопайте Лачплесиса! Скорей!

Она быстро перебирала в воздухе крыльями, словно пытаясь помочь Корабельщикам.

Тяжелыми мечами быстро откопали моряки своего рыцаря, поставили на ноги. Он вздохнул глубоко, взмахнул мечом и отрубил окаменевшему Йоду последнюю голову.

Ласточка: Мы спасены!

Садится на плечо юноши. Корабельщики обнимают его.

Лачплесис: Если бы не Ласточка, мы все уже давно бы погибли!

Старый Корабельщик: Прости нас, Ласточка, прости, Лачплесис, но, видимо, остров заколдован глубоким сном...

Лачплесис:

Все – позади...
А теперь мы будем

Властвовать над этим островом!
Только вдоль и поперек
Сначала мы не раз должны
Пройти его.
Может быть, еще у братьев Йодов,
Есть еще на острове сообщники!

Глава 25

Цветущая поляна.

Посередине поляны – колодец. Над ним – густая Яблоня. Корабельщики бросаются к колодцу. Лачплесис едва успевает преградить им путь.

Лачплесис: Не пейте эту воду!

Он ударяет по колодезному срубу, высекает треугольник. Вода в колодце превращается в кровь. Из глубины слышатся тяжкие стоны. Белый ветер поднимается над островом, сворачивается в туманные кольца, опускается на дно колодца, растворяется, теряется в глубине. Со дна вылетают прекрасные белые бабочки, машут крылышками, трепещут, исчезают в цветущей густой траве. Маленькая Ласточка садится на край колодца, заглядывает на дно...

Ласточка: Не бойтесь! Смотрите! Здесь вода чистая – как янтарь. (Пьет).

Лачплесис и Корабельщики подходят к колодцу.

Лачплесис:

Пейте теперь!
От такой воды
Вреда вам не будет.

Корабельщики и Лачплесис пьют. Ласточка, вспорхнув на ветку Яблони, склонившейся над колодцем, тихо щебечет. Корабельщики подходят к Яблоне, тянутся к ветвям, чтобы сорвать спелые плоды.

Лачплесис: Стойте, друзья!

Размахивается, хочет ударить мечом по Яблоне. Шелестят листья, будто шепчутся крохотные бабочки на ветру.

Яблоня: Не убивай меня!

Небо окрашивается в ярко-розовый цвет, Яблоня, ломая ветви, сбрасывает листву, зелеными мрачными кольцами улетают вдаль листья, тают в глубине Неба. Из середины ствола выходит молодая прекрасная девушка. Увидев ее, бледнеет Лачплесис, отступает на шаг, замирает, будто вкопанный.

Лачплесис (тихо): Спидала...

Спидала падает к его ногам, плачет.

Спидала:

Пощади меня, рыцарь,
Умоляю!
Обещаю до конца жизни
Больше не сделаю
Тебе зла...
Клянусь!

Лачплесис:

О, боги, Спидала!

Отталкивает ее.

Ты – виновница всех моих бед!

Замахивается мечом, Ласточка садится на плечо юноши, щебечет.

Ласточка:

Лачплесис! Опомнись!
Рыцарь отважный,

Чудовищ поражавший,
Воевать не станет
С женщиной!

Лачплесис:

Пусть поклянется,
Что расскажет, где моя невеста?
Где Лаймдота?!

Спидала:

Князь, все расскажу!
Не убивай меня, рыцарь!

*Лачплесис опускает меч. Спидала поднимается на ноги, дотрагивается до кончика
меча Лачплесиса, ранит руку.*

Спидала:

Клянусь тебе, Лачплесис,
Жизнью своей!
Только слова мои – правда!
Я и Кангар заманили
В сети Лаймдоту и Кокнеса.

Лачплесис:

О, боги!

Спидала:

Твой друг и милая невеста
Всюду и всегда верны тебе были.

Ласточка:

Вот видишь, Лачплесис!
Я так и знала!

Спидала:

Ведьма та,
Которую когда-то,
Видел рыцарь в яме Чертовой,
Колдовала здесь, притягивала
Корабли и лодки к острову,
Моряков же в глыбы каменные
Превращала Ведьма старая
Были сыновьями Ведьмиными
Йоды, тобою, Лачплесис, убитые,
И порой, когда полакомиться
Им хотелось человечины,
Им на завтрак оживляла она
Двух или трех корабельщиков.
А как сынов ее убил ты,
Обернулась ведьма старая
На твоём пути – лесным колодцем,
Я же – дикой Яблоней...

Плачет.

Если б из колодца люди пили
До того, как трижды ты
Мой рыцарь, надрубил его,
Непременно – все они бы
Тут же в страшных муках
Умерли.
Но колдунья от твоего удара
Умерла на дне колодезном.
Это и со мной случилось бы,
Если бы меня не пощадил ты!

Ты победил, Лачплесис!
От чудовищ, Сумпурней и Йодов
Боги Балтии спасли тебя.
Но теперь в Отчизне нашей милой
Ждут тебя труды великие.
Знай, пока ты по морям блуждаешь,
Чужаки терзают Родину!
Воротись в родимые пределы,
Прогони толпу начальников!
Как бы я помочь тебе хотела,
Если б я была свободною,
Если была чиста душою,
Как твоя невеста Лаймдота!
Но никто не сможет воротить мне
Договор мой вечный с Пукисом,
Что сама писала я когда-то
В страсти гнева кровью собственной...

Закрывает ладонями лицо. Будто из темноты Белой Ночи видится ей огонь, пляшущие по звездному Небу злоеющие знаки букв таинственного и страшного имени «Лачплесис». Распадаются буквы, точно искры, но тьма остается в сердце, огромный кошачий глаз янтарного Месяца смотрит в душу из глубины Белой ночи и снова тянет Спидала руки к нему – будто сам огненный Пукис прячется в плеске звездных волн... Будто зовет ее...

Спидала (плачет, открывает глаза): Прости меня, рыцарь...

Подбегает к колодцу, достает со дна клюку Ведьмы, уныло проходит по берегу, что-то бормочет, дотрагивается клюкой до окаменелых тел моряков. Переходит от одного разбитого судна до другого.

Лачплесис: Что ты задумала?

Спидала (оборачивается):

Это Ведьмина клюка...
Буду я делать доброе дело
Так же усердно,
Как делала она злое...

Смеется.

Может, теперь мертвые
Станут живыми?
Ведь когда-то... живые
Стали – мертвыми?

Еще и еще раз стучит клюкой по окаменелым телам. Что-то плачет, поет. Под звуки голоса каменные тела оживают, начинают двигаться, танцевать на ветру.

Старый Корабельщик: Смотрите! Они оживают!

Корабельщики: Это настоящее чудо!

Ласточка:

Спидала – ты добрая Волшебница!
Ты никакая не Ведьма!
Поверь мне, маленькой птичке!

Спидала (улыбаясь):

Ах, если бы так!
Я счастлива, что
Сделала добро!

Лачплесис:

Смотрите!
Радостно с высоких палуб,
Люди толпами сходят на берег!

Узнает среди толпы «оживших» Кокнеса и Лаймдоту

Кокнесис:

Кажется мне,
Что мы проспали
Только ночь на этом
Острове!

Лачплесис обнимает друга и невесту.

Лаймдота:

Лачплесис! Любимый!
Ах, если б знал ты,
Какие странствия далекие
Судьба нам подарила...
Отважный Кокнесис
Освободил меня из рук злодейских...
Пройдя долгий путь,
Мы достигли
Берега морского
И увидели корабль,
Поднявший паруса
Пред дальним плаваньем.
Должен он был некий новый город
Посетить при устье Даугавы.
Мы с Кокнесисом не знали
Ничего о новом городе,
О родных, о милых сердцу также...
Как живет им, не ведали...
Потому-то нам и не терпелось
Поскорей попасть на Родину.
Но на нас дорогою наслала
Ветры, бури Ведьма злая...
Заблудился наш корабль
В тумане...
Без пути носился по морю.
Долго-долго в море проблуждали,
В некий день наши пловцы увидели
На краю небес красивый остров
И корабль к нему направили.
Приближаясь к острову,
Корабль наш,
Мчался, как гонимый бурей,
И быстрее, и неудержимей
Силой выбросился на берег.
С берега навстречу нам
Вышла –
Бабушка с лицом приветливым,
Позвала нас всех с собою по мосту
В дом и славно угостила.
Угостившись, воротились люди
На корабль свой и уснули там,
И глубоким спали сном,
Покамест
Спидала не разбудила их!

Лачплесис: О, радость какая!

Спидала (бросаясь к Лаймдоте):

Прости меня, Лаймдота!
Это я ночью велел

Смущенно.

Явилась к тебе
В образе мертвой матери
И увела за собой...
Так предательски
В лапы чужие отдав!

Плачет

Совсем не потому,
Что Лачплесис когда-то
Убил Медведя,
Хотела отомстить я ему...
Он был единственным
Свидетелем договора
Кангара с Ликцепуром...
Он видел все...
И слышал все...
Ведь только он один
Мог помешать
Осуществить
Все планы Ликцепура...
Заполучив древние руны,
В которых было предсказано
Будущее Балтии,
Он был единственным
Кто мог их Буртниекам
Передать и древний дух
Самого Видуведа вернуть!

Лаймдота:

Я тоже Балтию свою люблю!

Смеется

А теперь – ты
Спасла нам жизнь...

Видно, быть нам
Вечными друзьями...
Чтобы ни случилось,
Вместе быть в беде и в радости...

Корабельщики снаряжают корабль к отплытию. Некоторые из «оживших» мореплавателей осматривают остров.

Спидала:

В доме йодов
Тайники и склады
Знаю я...
Отопру вам
Кладовые, полные
Несчитанных сокровищ...

Лачплесис:

Назначим старейшину
Для тех, кто навек
Пожелает остаться
На острове этом...
А нам... *(тихо)* Если б
Всего дороже в мире
Не была нам только Родина,
То и мы совсем бы жить остались

На прекрасном этом острове...
Но не такова наша доля
Беззаботно, в счастье век прожить...
Властно нас зовет к себе Отчизна...
Радость, горе и борьба ее!

Некоторые из «оживших» мореплавателей уходят вслед за Спидалой к Дому Йодов, чтобы навеки остаться на таинственной древней и еще никому неизвестной земле...

Глава 26 Над морем.

Над морем плещутся голубые звезды. Падают на воду, обращаются в тонкий плеск волн, стихают на миг, как трепетные лепестки цветов, сорванные внезапным ветром. У берега покачивается готовый к отплытию Корабль Лачплесиса. Между лесом и морем на Звездной Алмазной колеснице проезжает богиня счастья Лайма, разбрасывает ночные фиалки. Посередине поляны, у колодца, в котором погибла Старая Ведьма, стоит Спидала. У ее ног догорает пламя костра. Спидала сжимает в ладонях узорную клюку Ведьмы. Плачет. Бросает клюку в огонь.

Кокнесис, стоя на берегу, замечает разгорающееся пламя, спешит к колодцу. Заметив Спидалу, прячется за сосну.

Спидала (шепчет):

Уходите прочь,
Развейтесь вихрем,
Как летучий дым исчезните!
Ваша власть бессильна
Надо мною,
Навсегда от вас свободная!

Огромный столб огня со свистом вырывается из костра, обращается в Огненного Пукиса; на чешуе змея загораются начертанные кровью Спидалы буквы таинственного имени «Лачплесис». Берег покрывается легким туманом и в Небе можно прочесть только отражение тающих на ветру букв. Словно лепестки огненного цветка они рассыпаются разноцветными искрами-змейками, фейерверками падают в траву, гаснут.

Огненный Пукис:

Почему, Спидала,
Ты в печали?
Почему в слезах глаза твои?

Спидала (подняв голову):

Вновь на Будущее я надеюсь.
Эти слезы – слезы радости.
Верю я, что жизнь начну сначала,
Темное забыв прошлое...

Огненный Пукис (с грустью):

Втайне сохраню
То, что сбыться никогда не может...

Помолчав.

Если буду в силах,
Сберегу от гибели Лачплесиса,
Если же нет – расстанемся навеки!

Хочет обнять ее.

Спидала:

Темное забыто прошлое! Оставь меня!

Огненный Пукис (*заметив в темноте Кокнесиса*):

Если мы
Расстанемся навеки –
Все ж тебя не позабуду я!

Рассыпаясь искрами, исчезает среди ближних звезд...

Кокнесис подбегает к Спидале, утирает слезы на ее щеках. Спидала, увидев его, вздрагивает.

Кокнесис (*хватает ее за руку*):

Знай, Спидала!
Твою тайну
Навсегда похороню в себе!

Спидала (*тихо*):

Это было мое прошлое!
Ты видел его?..

Кокнесис:

Что мне прошлое?
Я знаю только
Избавительницу милую!

Смотрит с восхищением на прекрасную, будто вышедшую из пламени костра, прекрасную девушку.

Кокнесис:

Но теперь тебе я неотложно
Должен вернуть тайну некую,
Если только сердцем ты ее услышишь!
Спидала! Иди со мною в жизни
Вечно вместе! Я люблю тебя!

Спидала (*со слезами на глазах*):

Кокнес, знаешь ли,
Кем была твоя любимая?

Кокнесис:

Не знаю...
Видел только я, как Пукис – жених твой, улетел...

Помолчав

Даже если ты была его невестой...
Если ты любовь мою отвергнешь,
Лучше мне лежать всегда на взморье
Бездыханной глыбой каменной...

Спидала (*обнимает его*):

Если так любовь твоя прекрасна,
То и я хочу любить тебя!
Не могу иначе! Буду верной,
Любящей везде всегда тебя!

Белыми и сиреневыми фиалками, точно звездами, осыпает их богиня Счастья – Лайма, проезжает на алмазной колеснице к звездному мосту, улыбается.

Кокнесис:

Пойдем на корабль, Спидала!
Мать моря, попутно вея,
Также, как и Лайма,
Будет в плаванье
Оберегать тебя!

Счастливые, взволнованные они уходят в сиреневую рассветную дымку.

Берег Даугавы. Костер в священной роще.

У Синей горы старейшины и вайделоты собрались у костра, греют озябшие сухие ладони, глядят потемневшими от напряженных бессонных ночей глазами, в тоскливое Небо.

Старый Кунинг Лиелвардский (*с грустью*): Сегодня Янова ночь, а на Небе почти не видно звезд, везде, повсюду хмурые тучи, сердце болит... (*Вздыхает*).

Айзрауклис:

Не печаль сердце свое раньше срока, почтенный Кунинг...
Слышишь, щелкает
Над речной излучкой
Соловей!
Праздник Лиго, полночь Лиго
Снова воротилась к нам...

Старый Кунинг Лиелвардский печально качая головой, срывает луговые цветы, бросает в огонь. Над освященной рощей поднимается аромат ночных трав.

Старый Кунинг Лиелвардский:

Щелкай,
Над речной излучкой
Ласковой, соловушка!
Праздник Лиго,
Полночь Лиго
Может, воротится
К нам...

Вздыхает, льет ароматное масло в пламя костра.

Как костры пылали ярко
Над горою Синею ¹!
Как рога трубили звонко,
Созывая родичей!
Шли на зов отцы и деды,
Юноши и девушки.
Старцы мед несли и пиво,
Жены угощение.
Молодежь – цветы и травы
И венки весенние.
Все венками украшались
На великом празднике,
Пили, ели, песни пели,
Утешались плясками!
Жертвенники возжигали
Лигусоны ² важные
Хмельный мед на пламя лили,
Масло ароматное.

¹ Синяя гора – древние латыши устраивали праздник Лиго, ночи Лиги на Синей горе, «пред лицом богов своих». Эта гора, как будто подернутая синей дымкой, туманом. Из всех Синих гор самой примечательной является гора в северной Видземе. Некогда эта гора считалась священной и была известна благодаря источнику, которому приписывались целебные свойства. Празднование Янова дня и ночи на Синей горе иногда приравнивалось к древнегреческим Олимпийским играм.

Янов день – праздник плодородия, который отмечают с приходом лета.

Лиго – означает движение Солнца. Его покачивание, вращение – это праздник летнего солнцестояния.

² Лигусоны – фигурируют в договоре Немецкого ордена с древними пруссами в 1249 г. Судя по этому договору лигусоны у пруссов были чем-то вроде жрецов. Предстают как жрецы Лиго-латышского божества.

И пока светло пылало
Пламя благовонное,
Всем народом запевали
Песню восхваления.

Поет.

Объезжай поля и нивы, Лиго!
Сохрани их от потравы,
Лиго, Лиго!
Дай лугам густые травы, Лиго!
Нашим телкам
Корм на славу, Лиго!
Дай овса нам в изобилие
Лиго, Лиго!
Чтобы кони сыты были, Лиго!
По горам и по долинам,
Лиго, Лиго,
Рассыпай свои цветы нам, Лиго!
Чтоб слетали наши дочки,
Лиго, Лиго
Из цветов свои веночки, Лиго!

Буртние (*вливает в пламя костра мед, вспоминает*):

А когда той песни звуки
Лес и дол наполнили,
Появились в древней роще
Под дубами темными
Тени прадедов умерших.
Добрых покровителей.
Вайделоты, лигусоны
Славных духов видели
И почтительно склоняя
Головы, встречали их...

Смотрит в сторону рощи, там, у речного берега, у подножья Синей горы, поют собравшиеся юноши и девушки.

Юноши:

В Янову ночь две звезды
Горят посреди неба;
Горят сердца у парней,
В кругу молодых девушек.

Девушки:

Коротка, Янова ночь,
Короче всех ночей;
Не успела всех песен
И половины пропеть.

Юноши:

Забреду я в Янову ночь
На батраков луг.
Три года этот луг
Золотым туманом туманился...

Девушки:

Возьми, Яний, Сивого коня,
Объезжай мое ржаное поле, вытопчи полевицу,
Вытопчи сорный костер,
Чтобы рос чистый хлеб!

Юноши:

Видал я Яновой ночью,
Как три Солнышка всходили.
Одно – ржаное,
Второе – ячменное,
Третье – чистое серебро...

Девушки:

На всю жизнь я запомню
Что получила в Янову ночь;
Получила коня с седлом,
Получила своего пахаря...

Юноши (*подходят ближе к толпе девушек, каждый подхватывает свою избранницу.
Начинают вместе общий веселый танец, поют*):

Провожаем Янов день
До дальних гор,
Пусть проводят его
Рижские девушки
До самого моря...

Смеются, украшают друг друга цветами, прыгают через костер.

Старый Кунинг Лиелвардский (*смотрит на догорающие языки пламени костра на Синеи горе*):

Вижу я, старейшины,
Вы еще не знаете,
Что беда нависли грозно
Над свободной Балтией.
Что у Даугавы на взморье
Пришли торговые
Люди с позволенья ливов
Город свой построили.
Позже, каждою весною
Прилетали с Запада
Воины, закованные
В панцири железные.
Стал теперь тот новый город
Крепостью могучею.
Крепостями также стали
Саласпилс и Икшкиле.
И оттоль враги, как звери,
На охоту вышедшие,
Поначалу, как лисицы,
Добрыми прикинутся,
А потом, как злые волки,
На людей бросаются!
И теперь пришельцы эти
Разоряют начисто
Землю ливов, жгут их нивы,
Грабят их селения.
Истязают, убивают
Всех, кто им противится,
Остальных в чужую веру
Обращают силою.
Лютый замысел лелеют:
Захватить всю Балтию...

По окрестностям Синей горы стихают праздничные песни, в конце слышатся крики: «Лачплесис!», «Наши Лачплесис!». У костра в священной роще появляется Лачплесис. Обнимает отца. Лаймдота и Спидала также радостно здороваются со своими отцами.

Юноши:

Мы с тобой,
Рыцарь Лачплесис!
Клянемся!

Старый Кунинг Лиелвардский:

Солнце встало над Синей горой,
Нам пора по домам
Расходится!
Клянемся, если придется
Край родной
Грудью своей
Защищать!

В светлых водах Даугавы отражаются утренние лучи Солнца. Над Синей горой, будто выскользнув из древнего сна, проносится одинокий Черный Всадник. На мгновение присмотрелся к нему Лачплесис – и вздрогнул. Огненными языками пламени были высечены буквы его имени на темном плаще всадника. Еще миг – и синий туман облаков, казалось, безвозвратно поглотил их.

Глава 28

Замок Буртниека.

К воротам подъезжают сваты. С провожатыми – Лачплесис и Кокнесис. По старинному обычаю, словно незнакомые, прося для себя ночлега и приюта для коней, они ступают в ворота. Наконец, старый Буртниека приглашает их в Замок. Там стоят приготовленные для пира столы, кресла, женихи усаживаются в кресла.

Лачплесис:

Покажите нам
Самых лучших девушек!

Подходят с поклоном девушки, среди них Лаймдота и Спидала. В прекрасных одеждах, украшенные жемчужными венками.

Девушки: Какая из нас твоя невеста?

Кокнесис (берет за руку Спидалу): Эта – настоящая....

Лачплесис (берет за руку Лаймдоту, усаживает на свое кресло): Эта – настоящая!

Остальные девушки, также празднично одетые, уходят.

Кокнесис (игриво):

Продайте нам свои веночки!

Лачплесис:

Золотом и медью
Заплатим вам!

Девушки молчат, улыбаются.

Лаймдота:

Нельзя продать
Веночки
И за пурю золота...

Спидала:

Нельзя забрать веночки
Ни войной, ни силою...

Прецениеце¹:

Отдайте нам
Вместе с веночками
Девушек!

Старый Буртнийек и Айзрауклис:

Поручаем
Ваши судьбы – Лайме.

Девушки-подруги осыпают молодых хмелем и дубовыми листьями, поют:

Как в лесу хмелинка вьется
Вкруг ствола дубового,
Обовьется пусть невеста
Так вокруг любимого!

Лаймдота и Спидала отдают венки женихам. Лачплесис и Кокнесис взамен отдают им бархатные шапочки, украшенные мехом, расшитые серебром. В Замке играет музыка. Гости и хозяева усаживаются за столы, начинается веселье, танцы.

Глава 29

Вдоль изрезанного оврагами берега реки.

Вдоль изрезанного оврагами берега реки Гауя летит маленькая Ласточка, щебечет, зовет лесных Птиц.

Ласточка:

Подружки дорогие!
Птицы балтийские!
Летите скорей сюда!
Песни по окрестным лесам разнесите!

Лесные, морские и речные Птицы слетаются к ней со всех сторон. На Алмазной колеснице по небу медленно проплывает Властелин Судеб.

Вокруг него порхают Гномы, играют на кокле и скрипках. Следом – на такой же Алмазной колеснице, озаренная утренним светом, проплывает богиня Солнца – Сауле. Юный Лиго в венке из пахучих трав и цветов, едва касаясь ступнями облаков, танцует в Небе, окруженный птицами.

Ласточка (поет):

Где оврагами лесными
Гауи берега, там много
Возвышалось крепостей,
Обнесенных насыпями,
Рвами опоясанных,
Населенных племенами
Вольными латышскими;
В те лесные дебри войско
Лайчплесиса двинулось,
И везде, где основались
Выходцы немецкие,
Словно гнезда змей, те замки
Выжигались начисто.

1 Гном (поет):

Замка Дабреля достигло
Воинство латышское.
Много в Замке том засело
В черных латах рыцарей.
Этот старый замок немцы

¹ Преуениеце(сваха) – со стороны женихов.

Укрепили заново.

2 Гном:

Все же Лачплесис ворвался
В крепость неприступную,
Много немцев в этой битве
Потеряло жизнь свою.
Дальше, дальше, как стремнины
Вод неудержимые.
По лесам и по долинам
Шли дружины витязя.

3 Гном:

Наконец они достигли
Замка Каупо в Турайде,
Всюду здесь на землях ливов,
В хуторах, в селениях,
След немецкого был виден
Хищного владычества.
Золотились, колосились
Ливов нивы тучные;
Ливы сеяли, а немцы
Брали урожай себе.
На лугах паслись коровы,
Телки, овцы жирные;
Чужаки их мясо ели,
Продавали шкуры их.
Под защитой замков церкви
Крестоносцев выросли.
В церкви те людей сгоняли
Немцы – и крестили их.
В рабство всех крещеных ливов
Обратили пришлые,
Обложили население
Тяжкими поборами.
Те же, что верны остались
Дедовским богам своим,
По глухим лесам, по дебрям
Непролазным прятались,
Вырубали, выжигали
Новины заветные.
Строились в лесных тущобах
И молились Перкону.
Но и здесь их настигали
Рыцарей разведчики
И опять их облагали
Непосильной податью.

4 Гном:

А когда на землю ливов
Вышел с войском Лачплесис,
Испугались чужестранцы,
Бросили имения,
И дома свои и в замке
Турайды попрятались.
Лачплесис тот крепкий замок
Окружил осадой.
Но нелегким дело было

Взять твердыню Турайды.
Очень много меченосцев
Заперлося в крепости,
Тучи стрел они метали
В осажденных воинов.
Лачплесис велел народу
Лестницы сколачивать,
И по ним на стены замка
Поднялись воители.
Закипела битва насмерть.
На высоких насыпях.
Бились тяжело, отступали
Та и эта стороны.
Звон железа, стоны, крики
Окрест раздавался.
Впереди своей дружины
Бился славный Лачплесис,
Сокрушая беспощадно
Меченосцев панцирных.
Испугалось силы грозной
Войско чужеземное
И пощады запросило,
Побросав оружие.

5 Гном:

Сам владелец замка Каупо
В это время в Риге был,
Где подолгу проживал он
Гостем у епископа.
Лачплесис его берлогу
Разорить дотла велел,
Церкви и монашьи кельи
Сделать пепла грудой,
Чтоб впредь пришельцам чуждым
Не было пристанища!
Немец Дитрих, льстец коварный,
В замке был среди рыцарей
Лачплесису говорил он
Лживым языком своим,
Что сюда явились немцы
По желанью Каупо,
Им, гостям своим, хозяин
Предоставил замок свой
И просил, чтоб как гостям им
Жизнь была дарована.

6 Гном:

Лачплесис, еще глубоко
Уважавший Каупо,
Внял в конце концов тем просьбам
Дитриха лукавого.
Ливы все же убеждали,
Чтоб не верил Лачплесис
Дитриху, клялись, что это
Самый беспощадный их
Враг, что он сто раз своею
Лестью их обманывал.

А уж раз пощаду немцам
Дать решился Лачплесис,
Пусть щадит, но на расправу
Пусть им выдаст Дитриха.

7 Гном:

Лачплесис велел немедля
Выдать ливам Дитриха.
Ливы Перкону решили
Дитриха пожертвовать,
Но когда в священной роще
Конь гнедой под Дитрихом
Трижды левою ногою
Меч переступил, тогда
Стало ясно, что и боги
Подлецом гнушаются.
Вот как Дитрих нечестивый
Вновь ушел от гибели.
Взял ружье, латы, шлемы
Лачплесис у рыцарей
И велел их в город Ригу
Гнать простоволосыми
Воротил он ливам все их
Прежние владения
И с надежною дружиной
Там оставил Талвалда,
Чтоб от немцев охранял он
Славный берег Гауи.
Сам же с другом Кокнесисом
И со старшим Лиелвардом
Сквозь леса повел он войско
Прямо к замку Лиелварде.

Юный Лиго под звуки кокле танцует в Небе героический танец. Лесные, морские и речные птицы вьются вокруг него, щебечут, танцуют, словно звуки маленьких печальных скрипок в Солнечном Свете. На край Алмазной Колесницы Властелина Судьбы садится Лиелвардская Ласточка, с тревожным, бьющемся от волнения сердцем, она начинает свою песню Солнцу.

Ласточка:

Милые подруги Птицы!
Немцы в Лиелварде засели
Так же как и в Турайде,
Как и в прочих замках прочно
На житье устроились.
Всех безжалостнее бил их
Главный – Даньел Баннеров.
Это был злодей без чести
И без искры совести.
Снес он старый, ветхий замок
И построил новую
На скале над Даугавой
Крепость неприступную.
Но людей, как хищный ястреб,
Налетел оттуда он,
Села жег, терзал и мучил
Беззащитных жителей.

Видя ужасы такие,
Многие старейшины
Со своими племенами
По лесам попрятались.
Баннеров внезапно бросил
Грабить и насильничать,
Вестников послал в леса он,
Беглецам сказать велел,
Что отныне в мире с ними
В дружбе жить желает он,
А для заключенья мира
Приглашает в замок свой
Всех старейшин. Зла не видя,
Люди простодушные
Из своих убежищ в гости
К негодяю прибыли.
Он их принял в новой клети ¹
За стенами крепости
Угощал питьем-едою,
Дружески беседовал.
Но пока еще сидели
За столом старейшины,
Даньел вышел и снаружи
Запер дверь тяжелую.
Клеть со всех сторон велел он
Обложить соломой
С четырех сторон солону
Сам поджег он факелом.
Быстро запылали стены
Клетки деревянные. Старики внутри кричали,
Задыхаясь в пламени.
Старики благодарили
Своего спасителя,
Со слезами обнимая
В несказанной радости,
Рассказали, как жестоко
Обманул их Баннеров.
Услыхав рассказ их, страшно
Лачплесис разгневался
И немедленно на крепость
Начал наступление,
Хоть оборонялись крепко
Латники немецкие,
Все ж до наступленья ночи
Занял крепость Лачплесис.
Всех засевших в ней, велел он
Перебить без жалости,
Кроме Даньела. Живым он
Взять велел мучителя.
И расправу над злодеем
Поручил старейшинам.
Чтобы те за все насилья
Отомстить могли ему.

¹ Клеть – жилое помещение, где совершались обряды и просто встречал гостей.

Властелин Судьбы делает знак лесным, речным и морским птицам, те подлетают к нему, окружают Алмазную колесницу, щебечут тихо... тревожно... Лесные звери усаживаются у ног Властелина Судьбы, замирают в ожидании.. Играет кокле, плачут над рекой скрипки маленьких Гномов, танцует свой героический танец Юный Лиго, тянет руки к богине Солнца – Сауле, прося, моля, требуя помощи и спасения.

Речные птицы:

Зашумели, полетели
Вести! Лачплес в Лиелварде!
Радостно встречали эту
Весть селенья Латвии,
Ликовали люди, словно
Жизнь увидев заново.
Те, что по лесам скитались,
В темных дебрях прятались,
Радостные возвращались
К старым очагам своим,
А оттуда направлялись
Прямо в замок Лиелварде –
Поблагодарить героя
За освобождение.
В замке Лиелварде победу
Праздновали весело,
Пир устроил для народа
Старый Кунинг Лиелвардский.
Пили, пели и делились
Боевой добычей;
Под конец про Баннерова
Вспомнили старейшины.
Вывели его на Берег
Даугавы и молвили:
«Пес немецкий, сжечь в проклятой
Западне хотел ты нас!
Милостивы мы! За это
Отдадим воде тебя!»
Доску толстую достали
И на доску Даньела
Положили, прикрутили
К той доске веревками
И с издевками пустили
Доску вниз по Даугаве.
«Уплывай домой!» – сказали –
Поищи родных своих!
Пусть с тобою уплывает
Вера, нам ненужная!»

Птицы морские:

Страх и ужас обуяли
Чужеземных рыцарей.
Слыша вести о победах,
Рыцаря латышского,
Все они бежали в Ригу,
Побросав дома свои,
В городе ища спасенья,
За стенами толстыми.

Но и сам епископ Альберт ¹
Не был в безопасности.
Видел он, что очень скоро
Здесь погибнет власть его,
Ежели он не получит
Подкрепленья сильного.
Сел он на корабль,
Не мешкав,
И уплыл в Германию
Сколотить большое войско
Альберт там надеялся,
Чтобы будущей весной
Вновь нагрянуть в Балтию.
А взамен себя оставил
Альберт в Риге Каупо,
Каупо обещал защиту
Уцелевшим рыцарям.
Лачплес, видя, что угрозы
Нет пока над Балтией,
Распустил свои дружины,
Сам остался в Лиелварде.

Лесные птицы:

Хорошо, привольно зажил
Там он с милой Лаймдотой.
Лаймдота хозяйством в доме
Правила, а Лачплесис
Укреплял отцовский замок
И работал на поле.
Кокнес тоже восвояси
В замок свой со Спидалой
И со старым Айзраклиусом
Вскорости отправился.
Проводили их сердечно
Лачплесис и Лаймдота.
Обнялись друзья. Друг другу
Пожелали счастья.
Провожать домой поехал
Лиелвард друга Буртниека,
Старики пожить хотели
Вместе в замке Буртниеком.
И остались в старом доме
Лаймдота и Лачплесис,
Осененные любовью,
Славою венчанные.

Ласточка:

Там на берегу прекрасной
Даугавы нашли они
И любовь, и мир, и счастье,
И почет страны своей!

¹ Те крестоносцы, которые прибывали в Ливонию на время, проводили здесь один год. В отличие от тех, кто являлся сюда на постоянное поселение («Братство христовых Рыцарей»), в хронике Генриха Латвийского, они именуются пилигримами. Пилигримы прибывали в Латвию каждый год весной, за ними в Германию отправлялся епископ Альберт.

Ровно плещется, точно пульс самого Неба, согретая Солнечным теплом, светлая Гауя. Птицы, звери, Гномы и Юный Лиго, украшенный цветами и облаками, выходят на берег, любясь отражением огромного мира, словно вместившегося теперь в голубой ленте небольшой Балтийской реки. Высокие мачтовые сосны, словно мачты кораблей, готовых отправиться в неведомые путешествия, качаются в глубине реки. Шепчет теплый речной ветер о чем-то птичьем, легком, серебряном, шепчет прозрачным волнам, высоким соснам, облакам, птицам, зверям, шепчет, словно касаясь звуком кокле и печальным смычком самого сердца богини Солнца – Сауле...

Тогда – Солнечный Свет – роняет свои стрелы в реку, будто разноцветные перья летят они – и – улыбаются со дна крохотной галькой.

– Крупицы песка

Как лепестки Голубого Цветка

Качают Небо.

Балтии, – смеются Птицы, словно подслушав чей-то вздох.

Улыбается Ласточка.

На Алмазной утренней колеснице проплывает по Небу, как по воде, Властелин Судеб, превращаясь в туман, в изумрудное пушистое облако, подарив Сердцу Балтийской Земли еще одну птичью мудрость, еще один Солнечный вздох, еще одно новое утро.

Глава 29

Весенний вечер.

В усадьбе Кангара – цветут деревья.

Кангар заканчивает окапывать саженцы, подновляет изгородь. На его лице – усталое недовольство. Не радуют его первые весенние фиалки с едва уловимым вечерним ароматом, не удивляется он, как когда-то цветению слив и молодых яблонь. Несколько новых глубоких морщин отпечатались на его лице сумрачными, будто вылепленными из глины, извилинами.

Кангар (у изгороди смотрит на заходящее Солнце):

Не радует меня Солнечный
Свет... Почему так?...

Вздыхает

Знаю...
О, горе Балтии,
В котором
Тяжко я повинен был:
Теперь, как всем,
Плоды дурные,
Принесло мне...

Оглядывается, наблюдает за соседними усадьбами. Вокруг – ни души.

Поселяне перестали
Посещать меня...
Немцы и вовсе без вниманья
Оставили...
Но всего больнее сердцу
То, что жив и счастлив,
И прославлен Лачплесис,
Также, что освободилась
Спидала от власти Пукиса...
Кровожадного...
И один я должен
Конца ужасного

Ожидать со стесненным сердцем
В черном одиночестве...

Смеркается. Над усадьбой восходит Месяц. Кангар отдыхает в тени деревьев, в саду, прислушивается к каждому шороху, будто предчувствуя что-то.

Голос из тьмы: Эй, Кангар!

Кангар вздрагивает. Поднимает голову, видит перед собой Дитриха, вздыхает с облегчением.

Кангар:

Удивляюсь, как надумал
Вновь ты навестить меня?
Иль жаркое надоело
Кушать в замках каменных?

Дитрих *(с усмешкой):*

Не жаркое надоело.
А его не будет вовсе,
Если ты на помощь нам
Не придешь, пока не поздно.
Обещаю все тебе,
Что ни спросишь ты в награду,
Если ты поможешь нам!

Кангар:

Но скажи мне
В чем же дело?
Может, помогу тебе!

Дитрих:

С большою военною
Силой Альберт из-за моря
Вскоре возвращается,
Только все напрасно будет,
И пока Лачплесис
Жив, Балтию завоевать
Немыслимо...
А поэтому и нужно
Поскорее вывести
В чем заключена такая
Сила у латышского
Рыцаря, чтоб можно было
Хитростью сразить его.

Кангар:

Много раз я сам на рыцаря
Насылал могучих Йодов,
Но напрасно было все –
Одолел их Лачплесис,
Невредим ушел от них

Шепотом сам себе:

Если ж, как ботву, он рубит
Иноземных рыцарей,
Мне и горя мало!..

Вслух:

Есть причины тайные –
И во мне они
Вражду питают
К рыцарю могучему.
И хотя я сам еще не знаю
Тайну силы Лачплеса,

Быть может, слуги-духи
Дадут совет мне...

Дитриху:

Если гость моим убогим
Даром не гнушается,
Пусть задержится тогда он
Здесь на время некое...

Уходит в подклеть, запирая изнутри дверцу. Часы бьют полночь. За окнами усадьбы Кангара поднимается ветер, шумят и скрипят стволы цветущих деревьев, разбрасывают деревья по саду, по ветру свои весенние бутоны, словно невысказанную любовь, словно первые слезы... Скрипит и шатается дом Кангара, словно вот-вот рухнет и разлетится вдребезги, как спичечный коробок. Из-за двери подклети, куда скрылся Кангар, слышатся воркотня и стоны. Темные ночные филины, незнакомые уродливые птицы и летучие мыши заглядывают, бьются в стекла усадьбы. Дитрих не в силах пошевелиться, волосы на его голове поднимаются «дыбом», посиневшими от страха, помертвевшими губами шепчет он молитвы, пытается креститься... Лицо его становится белым, как опавшие лепестки яблони. Он закрывает глаза, падает в изнеможении. Мережится ему, что над ним, лежащим в темной сырой пещере, склонились кровожадные Пукисы и смотрят в его душу огромными красными воспаленными глазами...

«Кровь, откуда здесь кровь? – бормочет во сне Дитрих. – Не надо, не пейте крови...»

Его тело пронзает озноб, он дрожит как беспомощный младенец на темном полу, капли холодного пота покрывают лоб, лицо, шею... Он набирает воздуха, вздохнув полной грудью, будто в последний раз – и – кричит! Словно с горы падает тяжелей каменной глыбой.

Узкий утренний луч, коснувшись его лица быстрым прозрачным поцелуем, возвращает ему слух и зрение. Дитрих открывает глаза. Ощупывает в рассветном мраке свое тело... Руки, ноги, грудь, голова – все на тех же местах, где и прежде. Дитрих встает на ноги, цепляясь за стену. Перед ним открывается дверца подклети, оттуда выходит, не менее бледный, чем сам Дитрих, постаревший, осунувшийся Кангар. Тусклыми глазами, прищурившись, смотрит он на Дитриха, усмехается, потом смотрит на Солнце, бьющееся в стекло усадьбы, просящее улыбки и сердечного тепла...

На глазах Кангара выступают слезы.

Кангар:

Пусть он будет проклят – этот
День, открывший тайну Лачплесиса!
Мы, как черные злодеи,
Также будем прокляты,
Все же зло и впредь, вовеки
Будет только зло творить.
Одного с тобой мы нрава,
И тебе я все скажу:
Лачплесис в лесу дремучем
Был рожден Медведицей;
Там отец его, отшельник,
Жил, храним бессмертными.
Лачплесис Медвежьи уши
От косматой матери
С богатырской дивной силой
Вместе унаследовал.
Если кто-нибудь сумеет уши отрубить ему,
В тот же миг его покинет Сила непомерная.

Дитрих:

О, Боже! Я несчастен!
Я проклят навеки!

Кангар (*злобно смеется*):

Слушай все,
Если хотел ты...
Рыцарей большое войско
Вывел из Неметчины
Альберт в Ригу.
Собирался
Воевать он сизнова.
В войске там был некий Черный
Рыцарь. Годы многие
Промышлял он грабежами
У себя в неметчине.
Матерью своею – Ведьмой –
Рыцарь заколдован был,
Так что никакая рана
Не была смертельною.
Для него. Его назначишь
Ты – стать орудием
Сатанистского коварства,
И убийства Лачплесиса.
Помощь в этом скромном деле
Ты попросишь у Каупо,
Обещав ему за это
Царствие Небесное...

Хохочет

Кончил я. Иди! Не нужно
Никакой награды мне.

Поднимает нагрудный крест Дитриха на толстой металлической цепочке, упавший ночью на пол, с презрением бросает ему в лицо. Дитрих молча поднимает крест, уходит, не сказав ни слова.

Глава 31 Лиелвардский Замок.

За столом Лачплесис и Лаймдота. Лаймдота смотрит на маленький букет весенних цветов, стоящий на окне, ее лицо тихое и задумчивое.

Лачплесис:

Отчего, Лаймдота
Вот уже много дней
Ходишь ты
Тихая и задумчивая?
А теперь совсем печальной
И унылой сделалась?

Лаймдота (*подходит к окну, берет вазу с цветами, прижимает к груди, снова ставит на подоконник*):

Я не знаю, мой любимый,
Чтобы это значило?
Грусть меня одолевает,
Страх сжимает сердце мне...
Я так счастлива, мой милый,

Я так счастлива....
Что мне страшно, как чего бы
Не стряслось, что нашему
Счастью помешать могло бы,
Разлучить меня с тобой!

Входит Стражник.

Стражник:

Перед воротами
Люди стали верховые
И впустить их требуют,
Объявляются друзьями.

Лачплесис подходит к окну.

Лачплесис:

Латники стоят чужие....
Но впереди их Каупо....

Стражнику

Откройте ворота
Перед достойным Каупо
С его людьми!
Принять их должно,
Как гостей, достойных
Уваженья всякого.

Стражник уходит. Через некоторое время замок наполняется гостями. Каупо с воинами усаживаются за столы. Лаймдота делает знак Слугам, подают еду, Музыканты играют на скрипках, кокле и дудочках. Угощение сменяется развлечениями, состязаниями, борьбой, военными играми. Лачплесис занят разговором с Каупо.

Каупо:

Друг мой Лачплесис!
Я послан к тебе епископом,
Разговор вести о вечном
Мире и Согласии.

Лачплесис:

Никогда
Ни с кем без нужды
Я не вел войны,
И охотно вступаю
С тобой в переговоры...

В Замке воцаряется веселье, рыцари состязаются в ловкости и силе, шуты и музыканты развлекают гостей. Лаймдота с тревогой наблюдает за переговорами Лачплесиса и Каупо. К ней незаметно подходит Черный Рыцарь.

Черный Рыцарь:

Я многое
Сегодня слышал
О силе Рыцаря Лачплесиса...
Не знаю, верить ли?..

Лаймдота (вздрагивает, оборачивается):

Что?
Ах, да, конечно...

Улыбается.

Он постоять
Сумеет за себя
И Балтию. Спасибо...

Подходит к окну, берет в руки вазу с цветами. Отчего-то тревожно бьется ее сердце, словно птица, готовая выпорхнуть в Небо. Маленькая Ласточка садится на ее плечо, поет.

Ласточка:

Едет Сауле по Небу
На двух золотых конях.
Ах, Саулите любезная,
Не притомились они у тебя?
– Притомились, не притомились
Некогда мне дать им отдохнуть ¹.

Помолчав миг, снова поет

Из разума рождена Луна,
Из глаза родилось Солнце,
Из уха – и ветер, и дыхание,
Из сердца рождается
Все сущее...

Перелетает в другой конец залы, садится на плечо Лачплесиса, беседующего с Каупо, поет.

Да будет он подоем ребенку...
Его природа – свобода от уз и непорочность...
Да будет он подобен дереву,
Не гневается и не колеблется
Даже когда его рассекают.
Да будет он подобен
Цветку Лотоса...
Да пребывает он в истине...
Сердце всех запахов – земля,
Сердце всех вкусов – вода,
Сердце всех образов – огонь,
Сердце всех прикосновений – ветер,
Сердце всех звуков – пространство... ²

Лачплесис (*прислушивается к песне Ласточки, тихо*):

Сердце всех состояний –
Непроявленное...

Тихо

Эту песню я слышал
В раннем детстве...

Закрывает глаза, задумывается. Над его головой снова плещутся звезды. Млечные волны раскачивают дикий цветы. В одном из цветов спит его Мать – Большая Медведица. Она шепчет сквозь сон забытые слова песни, той, что он слышал теперь, то, что пела ему сегодня Маленькая Ласточка...

Лачплесис (*тихо*): Мама, скажи, где я...

Дотрагивается до лучистого цветка, в котором млечные воды вечности качают звезду Большой Медведицы. Золотой блеск, точно лунные искры, падает на плечи, волосы и лицо юноши... Мама подходит к нему, накидывает звездный плащ на его плечи.

Медведица:

Золотой блеск,
В котором покоятся
Все эти миры, Лачплесис,
Он разделен надвое:
Половина – женщина,
Половина – мужчина.
Став богом, этот блеск

¹ – латышские народные дайны (песни)

² Здесь и далее в словах Медведицы – стихи Упанишад (из памятников письменности Востока)

Сотворил богов...
Он сотворил деревенских
И лесных жителей, скот,
Одну он создал коровой,
Другого – быком,
Одну – кобылой,
Другого – жеребцом,
Одну ослицей, другого – ослом,
Одну – Вседержительницей,
Другого – Вседержателем...
В конце существования...
Он сжигает всех существ...
Тогда земля растворяется в водах,
Воды растворяются в огне,
Огонь растворяется в ветре,
Ветер растворяется в пространстве,
Пространство – в чувствах,
Чувства – в тонких частицах,
Тонкие частицы растворяются
В первоначале существ.
Первоначало существ
Растворяется в великом,
Великое растворяется в
Непроявленном,
Непроявленное растворяется в
Неуничтожимом,
Неуничтожимое растворяется
Во тьме.
Тьма становится одним
С высшим богом, –
За его пределами
Нет ни существующего,
Ни несуществующего,
Ни существующего и
Несуществующего
Одновременно...

Ласково погладив его по голове, Медведица засыпает, обратившись в звезду, дремлющую в глубинах Цветка. Проплывает мимо на Алмазной колеснице богиня Утренней Зари, Дочь Солнца – Аустра, прикасается ладонью к глазам Лачплесиса, он, словно очнувшись от сказочного сна, видит себя в звездном плаще, на котором, как раньше, в Небе, там, где проскользил когда-то страшный Черный Всадник, золотыми искрами, было высечено его имя...

... В замке царило веселье...
Черный Рыцарь побеждал
Всех в соревнованиях
Шутя, подошел он к Лачплесису.

Черный Рыцарь:

Могу ли надеяться
Быть твоим соперником в борьбе,
Доблестный рыцарь?

Лачплесис (вздрагнув, пытается улыбнуться):

Нет, мой друг!
Нельзя с мечом на гостя
Выходить хозяину.

Черный Рыцарь злобно хохочет.

Черный Рыцарь (гостям):

Наверное,
Все, что сегодня слышал
Я про силу Рыцаря,
Просто болтовня пустая,
Хвастовство, безделица!

Гости смеются. Лачплесис оглядевшись, находит взглядом Лаймдоту. Она со слезами на глазах смотрит на него.

Лаймдота (тихо):

Не смей!
Слышишь, не смей,
Любимый. Я этого
Не переживу. Не выходи
Сражаться с ним!

Лачплесис (с улыбкой):

Что ты, просто
Это же шутка. Гляди...

Берет меч, нехотя, словно шутя, отражает удары Черного Рыцаря, надеясь вскоре окончить бой. Лаймдота закрывает лицо ладонями, плачет. Черный Рыцарь быстро и метко, взмахнув мечом, отсекает одно ухо Лачплесису. Лачплесис в ответ тотчас рассек его стальные латы. Кровь льется сквозь латы, заливая пол Замка. Черный Рыцарь падает, замечает, что от этого удара сломался меч Лачплесиса. Собравшись с силами, он рубит по второму уху безоружного Лачплесиса. Лачплесис обхватывает Черного рыцаря, поднимает его на воздух, выносит из замка, утопая в крови, бежит к берегу. словно в догонку ему Закатное Солнце бросает послушный луч улыбки, надежды, любви.... В воду Даугавы.... Валится с крутого обрыва тяжелое тело черного Рыцаря.

Плещутся, разбиваясь о берег волны, отсчитывая минуты. Часы, годы...

...Принимает народ латышский иноземную немецкую веру...

...Увлекаемый тяжестью грузных лат врага, падает в сумрачные воды Даугавы Лачплесис... Вода пеленой покрывает оба тела... Его и Черного Рыцаря... Блестящая чешуя огненного Пукиса промелькнула упавшей звездой по Небу – и – угасла – разбилась осколком янтарного Месяца в темной речной воде, кто-то грустный и усталый смотрел в далекое Небо из глубины, прося, моля, требуя любви и тепла.

«Не успел, не успел спасти Лачплесиса», – шептали, смеясь и рыдая холодные волны, и отражение бледного янтарного Месяца плакало со дна в ответ... Вместе с последним упавшим навзничь лучом закатного Солнца утонул в реке отчаянный крик Лаймдоты.

Выронив весенние цветы, она вонзает меч в свою грудь. Маленькая Ласточка, будто Сердце Любви, вырывается из стен Замка, летит над Даугавой, словно пытаясь догнать, опередить, вернуть утраченные судьбы и время... Вернуть утраченное, живое...

Неравная битва разворачивается на берегу Даугавы, у Лиелвардского Замка. Янтарный Месяц, похожий на пушистого золотого Кота, опускается в реку, качается на волнах маленькой лодкой. Ласточка садится на край лодки и будто чье-то теплое дыхание согревает ее, уносит за собою в Звездное Небо, в страну Несбывшейся Мечты и Белых Цветов.

Ласточка:

Кто ты, куда ты несешь меня!?
Я душа Лиелварды,
Я – сердце Любви Лачплесиса и Лаймдоты...

Месяц: И еще ты – Душа Балтии. А я в этой жизни был Пукисом. Обещал и не успел спасти Лачплесиса. Те, кто уходят из этого мира, все идут к Луне. Благодаря их жизненным силам она растет в первую половину месяца и во вторую половину месяца заставляет их родиться снова. Поистине Луна – это Врата Небесного Мира. Кто отвечает ей должным образом, того она отпускает. Кто же не отвечает ей, тот, став дождем проливается здесь дождем; тот снова рождается здесь червем или насекомым, или рыбой, или птицей, или львом, или змеей, или тигром,

или человеком, или в каком-либо ином состоянии, согласно своим деяниям, согласно своим знаниям.

И каждого пришедшего Луна спрашивает также: – Кто ты? И приходящий отвечает: – Приведите меня к Бессмертию... Я есть Ты... Тогда Луна отпускает его.

Ласточка (*тихо*): Но кто же теперь ты?

Месяц: Я – это тоже ты... Все, что существует, это ты... И у нас одно сердце... Я твое Согласие, Душа Балтии...

Молча и медленно они проплывали по реке, поднимались к звездам и смотрели на родные берега Балтии, будто через много-много лет... Белая земля была усыпана весенними цветами, голубые фиалки улыбались птицам и морям. Вишневые и яблочные сады благоухали сказочным ароматом, на Алмазных колесницах вместе с богами Балтии ездили взрослые и дети. Тихая Сирень шептала ветру о любви.

Месяц:

Иногда в полночь
Видят лодочки,
Как на темной круче
Борются два призрака.
Огонек вспыхивает
В этот миг, в развалинах
Замка. И к обрыву ближе,
Ближе борющиеся
Подступают, и в пучину
Волн обрушиваются.
Гаснет огонечек.
В башне
Крик тоскливей слышится...

Лаймдота глядит на битву,
Ждет победы рыцаря,
И придет однажды время –
Лачплесис противника
Одного с утеса сбросит
И утопит в Даугаве.
И народ тогда воспрянет
К новым дням, свободным дням!

Солнечный Кот или Танцующие деревья

Музыкально-поэтическая драма
(симфония) в 4 частях

По мотивам произведений Ф. Ницше
и латышских народных преданий

Действующие лица:

1. Густав Малер (композитор)
2. Тень, Эвридика, его Душа, Жена.
3. Сверхчеловек (Шри Чинмой, индийский учитель, поэт, музыкант, философ – Цветочный эльф)
4. Лесной гном
5. Заратустра – мудрец, пророк,
6. Звери Заратустры: Орел, Змея, Кот
7. Канатный плясун
8. Толпа на Рыночной площади
9. Ночная Тишина (невидимая)
10. Карлик
11. Пастух
12. Солнце
13. 1 Король
14. 2 Король
15. Совестьливый Духом
16. Мрачный Прорицатель
17. Чародей
18. Папа
19. Самый Безобразный Человек
20. Добровольный Нищий
21. Странник и его тень
22. Осел
23. Марта
24. Пастушок
25. Данута
26. Мать Дануты
27. Мать Пастушка
28. Белая Ласточка
29. Ели, Сосны
30. Воробей
31. Диев-бог
32. Черт
33. Серебряный Ручей
34. Лебеди
35. Катрина
36. Подруги
37. Птицы
38. Корова
39. Коза
40. Юноша, Рыбак
41. Лея, его невеста
42. богиня Солнца – Сауле
43. Дочь Солнца – юная Королевна
44. Юноша – сын Диева
45. Стража
46. Принцы, Рыцари
47. Заяц
48. Крот
49. Медведь
50. Волк
51. Гуси, утки
52. Белая чайка
53. Иволга
54. Белый Ворон
55. Другие птицы Земли
56. Духи Земли

Содержание

1 часть: «Веселая наука».....	4
2 часть: «Что рассказал мне бог» («Смеющиеся львы»)	29
3 часть: «Что рассказали мне дети»	88
4 часть: «Солнечный Кот или танцующие деревья»	115

Вместо предисловия:

Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки»

... «Чтобы выжить, ... (в древности) греки должны были по глубочайшей необходимости создать (новых) богов.

... **Из первобытного титанического порядка богов ужаса через посредство указанного аполлонического инстинкта красоты путем медленных переходов развития олимпийский порядок богов радости:** так розы пробиваются из тернистой чащи кустов.

Как мог бы иначе такой болезненно-чувствительный, такой неистовый в своих желаниях, такой из ряда вон склонный к страданию народ вынести существование, если бы оно не было представлено ему в его богах, озаренным в столь ослепительном ореоле!

Тот же **инстинкт, который вызывает к жизни искусство, как дополнение и завершение бытия**, соблазняющее на дальнейшую жизнь, создал и ритмический мир, как преображающее зеркало, поставленное перед собой эллинской волей. *Так боги оправдывают человеческую жизнь, сами живя этой жизнью.* Существование под яркими солнечными лучами таких богов ощущается, как нечто само по себе достойное стремления и действительное страдание человека уже связано с уходом от жизни, прежде всего, со скорым уходом, так что теперь можно было бы сказать об этом человеке обратное изречению Силеновской мудрости: «Наихудшее для него скоро умереть, второе по тяжести – быть вообще подверженным смерти. Эта с таким вожделением и тоской созерцаемая человеком гармония, это единство человека с природой, для обозначения которого Шиллер пустил в ход термин «наивный»...

Часть I

«Веселая наука»

Глава 1

Среди руин античного Дворца звучит музыка. Высокие колонны украшены цветами. Среди колонн ходит прекрасная девушка в длинном древнегреческом хитоне, ее волосы распущены по плечам, украшены необыкновенными цветами. Она тянет руки к Восходящему Солнцу, словно пытаясь сравняться с ним, раствориться в тихом янтарном свете. Это Эвридика – Душа чешского композитора Густава Малера, его Тень, его Жизнь, его музыка, его Возлюбленная.

На протяжении пьесы она будет являться к нему и лишь в конце растворится в Солнечном свете, обратившись в блестящее Солнце, похожее на застывший янтарь.

Девушка ходит среди колонн. Осыпаются лепестки цветов. В каждом из лепестков – музыка Малера, строки его писем. Она улыбается, украшает себя цветами, будто звездами.

Тень (поднимает один из лепестков): «Милый Фриц! К сожалению, я не смогу быть у тебя; завтра ты должен уезжать. Лето принесло мне Третью – может быть, это самое зрелое и своеобразное сочинение из всего, что я до сих пор сделал.

Мне важно знать, какое примерно впечатление производит одно чтение заголовков, то есть, удалось ли мне направить читателя на тот Путь, которым я хочу двигаться вместе с ним.

Пожалуйста, тотчас сообщи мне что-нибудь об этом в Гамбург. Сердечно преданный тебе Густав Малер».

Тень поднимает другой цветок, прикалывает к волосам, танцует.

«Милый Фриц! Моя новая симфония будет длиться примерно полтора часа. Все в ней выдержано в большой симфонической форме. Я выражу это так:

- I. Что рассказывают мне цветы.
- II. Что рассказывают мне звери.
- III. Что рассказывает мне ночь (человек).
- IV. Что рассказывают мне утренние колокола (ангелы)
- V. Что рассказывает мне любовь.

Это резюме моих чувств перед лицом всего сущего. При этом дело не обходится без глубоких горестных тревожений, которые, однако, постепенно разрешаются в блаженную уверенность.

Как заключение – «Райское жительство», однако, я дал ему окончательное название – «Что рассказывает мне ребенок»

В № 1 – «Лето шествует вперед» – должно быть выражено юмористически-субъективное содержание. Лето задумано, как победитель, шагающий среди того, о чем мы лишь догадываемся (ангелы – колокола – трансцендентальное). И над всем парит в нас вечная любовь – так лучи собираются в одном фокусе..

Теперь ты понимаешь?

Это самое своеобразное и самое богатое мое сочинение.

№ 1 еще не сделан и с ним надо будет еще подождать до лучших времен. Напиши же мне несколько строчек о том, понял ли ты теперь меня. Сердечно преданный тебе Густав».

Читает, смеется.

«Симфония номер три «Веселая наука»

Сон в летнее утро

- I. Лето шествует вперед.

– Ты непременно встретишься с ним, когда родишься вновь, – услышал он чей-то тихий голос.

В траве, у пруда, промелькнул Лесной Гном, потрянул колпачком и – скрылся.

– Слышишь, Гном, он подарил мне Цветы Любви и Музыку, – позвал Заратустра.

Но ему никто не ответил. Только Музыка все еще звучала в его сердце.

– Я – Человек, – робко, но твердо сказал себе Заратустра и рассмеялся.

Побежал по горному склону. Навстречу закатному Солнцу.

Он знал, где-то там, за спиной, следом за ним, идет его тень. Раньше ее звали Жизнью, Душой, Счастьем или Музыкой.

Солнечный луч упал на землю, и Тень изменила свой облик. Она превратилась в каплю росы, уместившись на ладони Заратустры. Он поднял ладони к лицу – и – умылся.

Это прикосновение Тени оживило его, он понял, что не одинок на своем Пути.

В крохотной капле росы отражался целый мир, время, Вселенная. В ней вмещалось все пространство – Земля, Небо, города, цивилизации, – все что дышит и цветет...

Человек умылся росой и – был счастлив.

Он танцевал, как павлин, на снежной вершине горы, воображая себя быстrokрылой Птицей.

К нему пришли звери, он разжег очаг – на вершине горы. И – оставил греться у огня – Орла – Устремления своей мечты, Змею Мудрости и домашнего Кота, в глазах которого отражался золотой блеск Солнца и далекие звезды.

Человек погладил Кота, ему захотелось стать далекой звездой, чтобы когда-нибудь упасть в чьи-то ладони, отразиться в чьих-то пытливых доверчивых глазах, в звонком смехе, в трепете белых крыльев, в лепестках роз, в легком шорохе сандалий – еще и еще – вновь – и – вновь.

Глава 3

Город за лесом. Рынок. Толпа перед сценой на рыночной площади. Канат, натянутый через площадь, над площадью Заратустра взбирается по канату, взмахивает руками, словно пытаясь взлететь. Его фигура оставляет тень, упав на рыночную площадь, эта тень напоминает фигуру Орла.

Толпа: Это Заратустра!

– Мудрец из мудрецов!

– Нет, он злой колдун!

– Это отчаянный смельчак!

– То, что вытворяет он, идя по канату, не под силу никому!

– Смотрите, он пляшет над пропастью!

Заратустра *(смеется, прыгает на канате):* Эй! Друзья! Я учу вас сейчас о Сверхчеловеке. Человек – есть нечто, что должно превзойти! Что сделали вы, чтобы превзойти его? Все существа и цивилизации до сих пор созидали что-нибудь выше себя. А вы, похоже, хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека?

Голоса из Толпы: Неужели мы так похожи на обезьян?

Заратустра *(смеется, перебирая ступнями канат):* Вы совершили путь от червя к человеку, но многое в вас еще осталось от червя. Некогда были вы обезьяной, и даже теперь еще человек больше обезьяны, чем иная из обезьян! *(Смеется, жонглируя на канате).* Даже мудрейший среди вас есть только разлад и помесь растения и призрака. Но разве я велю вам стать призраком или растением? *(Смеется).* Смотрите, я учу вас о Сверхчеловеке! Пусть же ваша воля говорит: да будет Сверхчеловек смыслом земли! *(Подкидывает шары на глазах у изумленной толпы, кувыркается, бросает шары, люди ловят их).* Я заклинаю вас братья мои, оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах, они – отравители, все равно, знают ли они это или нет. Они презирают

жизнь, эти умирающие и сами себя отравившие, от которых устала Земля! Некогда смотрела душа на тело с презрением – и – тогда – не было ничего выше, чем это презрение, она хотела видеть тело тощим, отвратительным и голодным. Так думала она бежать из тела и от земли, о, эта душа была еще тощей, отвратительной и голодной, и жестокость была вожделием этой души. Но скажите мне, братья мои, скажите, что говорит ваше тело о вашей душе? Разве ваша душа не есть бедность и грязь, и жалкое довольство собою?

Человек – это грязный поток. Надо быть морем, чтобы принять в себя грязный поток, и не сделаться нечистым!

Смотрите, я учу вас о Сверхчеловеке! Он – это море, где может потонуть ваше великое презрение! *(Висит, держась одной рукой за канат над площадью. Дудит в раковину).*

Вот – все самое высокое, что можете вы пережить. Это голос великого презрения. Час, когда вы говорите: «В чем мое счастье! Оно – бедность и грязь, и жалкое довольство собою. Мое счастье должно было бы оправдать мое существование». Наступает час, когда вы говорите: «В чем мой разум? Добивается ли он знания, как лев своей пищи? Он – бедность и грязь, и жалкое довольство собою!» Час, когда вы говорите: «В чем моя добродетель? В чем моя справедливость? Я не вижу, чтобы я был пламенем и углем. А справедливость – это пламень и уголь». *(Снова танцует на канате).* Наступает час, когда вы говорите: «В чем моя жалость?». Разве жалость не крест, к которому пригвождается каждый, кто любит людей? Но моя жалость – не есть распятие!

Не ваш грех вопит к Небу ничтожеством ваших грехов *(Смеется, замирает на канате с вытянутыми руками. Смотрит на Солнце).* Но где же та молния, что лизнет вас своим языком? Где то безумие, что надо бы привить вам? Смотрите! Я учу вас о Сверхчеловеке. Он – это молния, это безумие. Он – лучше, чем танцующий над пропастью.

Голоса из Толпы:

- Где же твой Сверхчеловек?
- Мы слышали уже о нем от тебя!
- И ты говорил нам о Канатном Плясуне!
- Покажи нам его! *(Хохочут).*
- Мы хотим видеть сейчас, здесь, Канатного Плясуна или Сверхчеловека!
- Хлеба! Зрелищ!

Заратустра прыгает вниз, теряясь в толпе, словно проваливается в ревущую пучину. Над площадью появляется Канатный плясун, он одет во все черное, медленно двигаясь над базарной площадью, он чертит в воздухе узоры, похожие на узоры звезд. Идет, к чему-то прислушиваясь, не оборачиваясь.

Канатный плясун: Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком. Канат над пропастью.

Заратустра: Браво! Это так!

Канатный плясун: Опасно прохождение, опасно быть в Пути, опасен взор, обращенный назад, опасны страх и остановка. В человеке важно то, что он – мост, а не цель, в нем можно любить то, что он – переход и гибель.

Я люблю тех, кто не умеет жить иначе, как чтобы погибнуть, ведь он идет по мосту. Я люблю великих ненавистников – ведь они великие почитатели и стрелы тоски на другом берегу. Я люблю тех, кто не ищет за звездами остановки, чтобы погибнуть и сделаться жертвой, а приносит себя в жертву земле, чтобы земля некогда стала землею Сверхчеловека! Я люблю того, кто живет для познания и кто хочет познавать для того, чтобы когда-нибудь жил Сверхчеловек. Так хочет он своей гибели.

Я люблю того, кто трудится и изобретает, чтобы построить жилище для Сверхчеловека и приготовить к приходу его землю, животных и растения. Я люблю того, кто любит свою добродетель, ибо добродетель – воля к гибели и стрела тоски. Я люблю того, кто не бережет для себя ни капли духа, но хочет

всецело быть духом своей добродетели: ибо так, подобно духу, он проходит по мосту

Заратустра, услышав слова Канатного Плясуна, едва сдерживая удары сердца, готового, как птица, выпорхнуть из груди, вспрыгнул на канат и побежал навстречу этому человеку в черном.

Заратустра: Послушай, Плясун! – крикнул он. – Не танцуй! Не пой больше им! Смеются они над тобою, не понимают тебя, твои слова не для их ушей!

Канатный плясун *(не оборачиваясь, в сердцах)*: Неужели нужно сперва разодрать им уши, чтоб научились они слушать глазами?! Неужели надо прогреметь как литавры или как проповедники покаяния?!

Заратустра *(вздыхнув)*: Они не понимают иной речи!

Канатный плясун: Слушайте! Нужно носить в себе хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду!

Голоса из толпы:

– Наши души давно чисты!

– В них нет хаоса!

Канатный плясун: В вас есть еще хаос!

Заратустра: Горе! Приближается время, когда человек не родит больше звезды!

Канатный Плясун медленно неумолимо движется над площадью.

Заратустра: Горе! Приближается время самого презренного человека, который уже не может презирать самого себя! Смотрите! Я показываю Вам последнего человека!

Смеется, приседает на канате, делается маленьким.

Канатный плясун: «Что такое любовь? Что такое творение? Устремление? Что такое звезда?» – так говорит последний человек и моргает.

Заратустра хлопает ресницами, поддерживая, одобряя Канатного Плясуна. Толпа аплодирует, хохочет.

Заратустра *(громко, в сердцах, перекрикивая смех)*: Земля стала маленькой, и по ней прыгает последний человек, делающий все маленьким!

Заратустра прыгает по канату.

Его род неистребим, последний человек живет дольше всех!

Толпа хохочет.

Голоса толпы:

– Хлеба!

– Зрелищ!

Над рыночной площадью тихо и медленно идет Канатный Плясун, будто грозовая туча плывет по небу.

Заратустра *(пародийно хлопая ресницами)*: «Счастье найдено нами!» – говорят последние люди и моргают. Захворать или быть недоверчивым считается для них грехом, т.к. ходят они осмотрительно. *(Семенит по канату, оборачиваясь)*. Одни безумцы еще спотыкаются о камни или кусты. Они еще трудятся, ведь труд для них развлечение. Но они заботятся, чтобы развлечение не утомляло их. Не будет больше ни бедных, ни богатых, то и другое слишком хлопотно. Нет пастуха, одно лишь стадо! Каждый будет желать равенства и все будут равны! Кто чувствует иначе – добровольно идет в сумасшедший дом. *(Толпа хохочет)*.

Заратустра: «Прежде весь мир был сумасшедший» – говорят самые умные из них и моргают!

Довольный рев толпы.

Заратустра: Все умные знают все, что было, так что можно смеяться без конца. Они не ссорятся, но скоро мирятся, иначе это расстраивало бы желудок. У них есть свое удовольствие для дня и свое удовольствие для ночи, но здоровье прежде всего.

«Счастье найдено нами», – говорят последние люди и моргают.

Над площадью медленно шествует Канатный Плясун в черном. Толпа ликует.

Голоса из Толпы:

– Дай нам этого последнего человека, Заратустра!

- Сделай нас похожими на этих последних людей!
- И мы подарим тебе Сверхчеловека!

Заратустра (*с печалью смотрит на Канатного Плясуна*): Ты видишь, они не поймут тебя, они ничего не поймут! Очевидно, я слишком долго жил на горе, слишком часто слушал ручьи и деревья. Непреклонна душа моя и светла, как горы в час дополуденный. Но они смотрят на меня и смеются, лед в смехе их.

Канатный Плясун (*кричит*): Нужно носить в себе хаос, чтобы родить танцующую звезду!

Толпа аплодирует, хохочет. Неожиданный удар грома рассекает Небо. Канатный Плясун неожиданно оборачивается, падает вниз, поскользнувшись на канате летит, будто черная сверкающая молния. Ахнув, толпа расступается, смолкает. Заратустра прыгает следом за Канатным Плясуном. Внезапный ливень над рыночной площадью. Заратустра держит на коленях упавшего Канатного Плясуна.

Канатный Плясун (*шепчет*): Что же делать? Я давно знал, что черт подставит мне ногу! Он тащит меня в преисподнюю!

Заратустра: Клянусь Небом, друг, не существует ничего – ни преисподней, ни черта. Твоя душа умрет скорее, чем твое тело. Не бойся ничего!

Канатный Плясун: Если ты говоришь правду, то теряя жизнь, я ничего не потеряю! Я немного больше животного, которого ударили и впроголодь научили плясать!

Заратустра (*с улыбкой*): Не совсем так. Ты из опасности сделал себе ремесло. А за это нельзя презирать. Теперь ты гибнешь от своего ремесла, за это я хочу похоронить тебя своими руками.

Канатный Плясун находит руку Заратустры, смолкает. Заратустра сидит один на базарной площади под проливным дождем, держа на руках мертвого канатоходца. Глаза Заратустры наполнены слезами. Дует ветер.

Заратустра (*сквозь слезы*): Прекрасный улов сегодня у Заратустры. Он не поймал человека, не удержал человека над пропастью, зато труп поймал он... (*Помолчав*). Я хочу учить людей смыслу их бытия, этот смысл есть Сверхчеловек, молния из темной тучи, называемой человеком. (*Взяв раковину, что-то играет*). Темны пути Заратустры. Идем, друг. Я отнесу тебя туда, где я похороню тебя своими руками.

Их окружают тени людей в черном с факелами в руках. Словно скорбные изваяния следуют они за Заратустрой. ...Дождь стихает. В небе рождаются звезды. Они освещают путь Заратустры, который поднимается в горы. Гудят в ночи деревья. За Заратустрой движутся люди с зажженными факелами, среди них нищие, калеки, больные, они медленно поднимаются в гору.

Глава 4

На сцене вновь освещены колонны Древнего античного Дворца. Тень Малера собирает цветы. Звучит музыка.

Тень (*читает*): «Милостивый государь! С самой ранней юности я сочинял все, что только можно сочинять. Своими основными произведениями считаю три большие симфонии, их которых первые две прозвучали уже несколько раз, а из последней (Третьей) «пошел в ход» и был исполнен только один отрывок «цветы». Теперь его требуют дирижеры многих концертных учреждений. Безусловно, этим я обязан доброжелательной критике, которой до сих пор не слишком избалован...

В нынешнем сезоне этой маленькой скромной пьесе часто придется «истекать кровью» у подножья статуи Помпея и представлять меня публике в качестве «задумчивого» воздушного певца природы: и никто, конечно не знает, что эта природа таит в себе все, что только есть страшного, великого, но также нежного (а ведь в целом произведении я хотел показать слушателю именно это, своего рода эволюционное развитие).

Меня всегда очень задевает то, что большинство людей, говоря о «природе» думают всегда о цветах, птичках, лесном аромате и т.д.

Бога Диониса, великого Пана, не знает никто.

Итак, вот вам уже своего рода программа, то есть пример того, как я сочиняю музыку. Всюду и везде она – только голос природы.

...Там, где чувство должно превратиться в представление, необходимо слово. На помощь приходит членораздельный человеческий голос... тогда сам мир, природа, как целое, пробуждается от непостижимого молчания и начинает звучать и звенеть

Глубоко уважающий Вас, Густав Малер».

Из письма Малера к Рихарду Батке, чешскому музыкальному критику и историку музыки.

Глава 5

В глубине лесной чащи, в дупле высокого дерева похоронил Заратустра Канатного Плясуна. (Музыка). Заратустра прислоняется к влажному стволу, покрытому мхом. Звезды рассыпаны по высоким деревьям, как крупинцы янтаря. Заратустра находит взглядом Утреннюю звезду, улыбается:

Заратустра: Пусть дупло дерева спрячет тебя, друг, от волков и других хищников. А звезды пусть вечно светят тебе! *(Безмятежно, грустно улыбается словно ребенок).* Мои звезды! Скажите, как могут люди настоящего родить танцующую звезду?! Если переносится мой взор вновь и вновь от настоящего к прошлому, блуждая среди звезд, и всюду находит он тоже самое: обломки, отдельные части человека и ужасные случайности – и ни одного счастливого, цельного человека. Поистине, дорогие мои звезды, я хожу среди людей, как среди рассыпавшихся облаков, и – будто среди отдельных частей человека...

Когда я шел из своего уединения и впервые проходил по этому мосту над рыночной площадью, я не верил своим глазам. Я вдруг увидел людей истерзанными... калеками. Я увидел, что одному – не достает глаза, другому – уха, третьему – ноги, есть и такие, которые утратили язык, или нос, или голову. Я вижу и видел худшее... и много столь отвратительного, что нельзя и объяснить, которым недостает всего, кроме избытка их... Я видел людей, которые не что иное, как один большой глаз... или...один большой рот, или, одно большое брюхо, или, вообще, одно что-нибудь большое. Калеками наизнанку назвал я их.

Иногда я шел из своего уединения и впервые проходил по мосту над рыночной площадью, я не верил глазам своим, непрерывно смотрел, и, наконец, сказал себе: «Это – ухо! Ухо величиной с человека!». Я посмотрел еще пристальнее, и, действительно, за ухом двигалась еще нечто, до жалости маленькое, убогое и слабое. И, поистине чудовищное ухо сидело на маленьком тонком стебле, и этим стеблем был человек! Вооружаясь лупой, можно, наверное, было бы разглядеть маленькое завистливое личико, а также отечную душонку, которая качалась на этом стебле. *(Смотрит с надеждой в темное ночное небо, будто пытаясь по звездам прочесть нечто).* Народ же говорил мне, что большое ухо не только человек, но даже великий человек, гений. Но никогда не верил я народу, когда говорил ему о великих людях. Я остался при убеждении, что это калека наизнанку, у которого всего слишком много. Самое ужасное для взора моего – это видеть человека раскромсанным и разбросанным, как будто на поле кровопролитного боя и бойни. И если переносится взор мой от настоящего к прошлому, всюду находит он одно и то же – обломки, отдельные части человека и ужасные случайности. И – ни одного Человека! *(Закрывает на миг глаза).*

... Над лесом восходит Утренняя звезда. Легкий туман и роса покрывают траву, деревья, высокую ель, под которой стоит Заратустра. Он чувствует, как становится тихо и светло вокруг него, над ним. Лишь птичий гомон постепенно наполняет поляну утренней лесной прохладой.

Заратустра: Никогда еще не было такой тишины вокруг меня! – *(улыбается).* Сердце мое радуется, тихо трепещет.

Голос Ночной Тишины: Знаешь ли ты... Заратустра...

Заратустра прислушивается, приглядывается, но не находит никого, кто бы мог говорить с ним.

Голос ночной тишины: Знаешь ли ты... Заратустра?.. Ты знаешь что-то, но не говоришь об этом....

Заратустра *(с улыбкой)*: О чем?

Голос Ночной Тишины: Твой Сверхчеловек вызывает страх у людей, живущих рядом с тобой. Они называют его драконом...

Заратустра смеется. Вокруг него не было ни души.

Заратустра: Что ж, значит, сегодня Заратустре придется говорить с Утренней Тишиной. Добрые и праведные люди, о которых я говорю, не способны родить танцующей звезды – Сверхчеловека! В них, действительно есть много смешного и особенно их страх перед тем, что они до сих пор называют «драконом» или «дьяволом». Так чужда их душа всего великого и страшней был бы им Сверхчеловек в своей доброте! Они бежали бы от Солнечного Зноя той мудрости, в. Которой Сверхчеловек купал бы с радостью свою наготу. Высшие люди, каких встречал уже мой взор! Я угадываю и смеюсь, они называли бы моего Сверхчеловека «дьяволом». Но с «высоты» своего пути, проходя по Мосту, я увидел их нагими, всех лучших людей, тогда у меня выросли крылья, чтобы унести в далекое будущее.

Голос Ночной Тишины: Куда?

Заратустра: В далекое будущее, в более южные страны, о коих не мечтал еще ни один художник, туда, где не Бог, а боги стыдятся всяких одежд!

Голос Ночной тишины: Что ж, скажи свое слово, Заратустра, и – разбейся. Что тебе за дело, что случится с тобою! Иди к людям, ищи людей...

Заратустра: Еще мое слово не двигало горами, и то, что я говорил, не достигало людей. И хотя я шел к людям, но еще не дошел до них.

Голос Ночной Тишины: Что знаешь ты об этом? Роса падает на траву, когда ночь вся – безмолвие.

Заратустра: Они смеялись надо мною, когда нашел я свой собственный путь и пошел по нему, и дрожали мои ноги...

Голос Ночной Тишины: Что тебе до насмешек их? Ты тот, кто разучился повиноваться. Теперь должен ты повелевать! Разве ты не знаешь, кто наиболее нужен всем? Кто приказывает великое.

Заратустра отрицательно качает головой.

Самое непростительное в тебе: у тебя есть власть, и ты не хочешь властвовать.

Заратустра сорвал цветок и поднес к губам.

Заратустра *(тихо)*: Мне не достает голоса льва, чтобы приказывать!

У его ног зашелестела трава, влажная от прошедшего дождя и сверкающая росой.

Голос Ночной Тишины: Самые тихие слова – те, что приносят бурю. Мысли, ступающие голубиными шагами, управляют миром. Заратустра, ты должен идти, как тень того, что должно наступить! Так будешь ты приказывать и, приказывая, идти впереди.

Заратустра: Мне мешает стыд.

Его сердце больно кольнуло что-то жесткое. Он осекся на полуслове. Маленький Лесной Гном с длинной седой бородой подбежал к дереву, заглянул в дупло, туда, где похоронил Заратустра Канатного Плясуна. Хрустнула ветка, еще одна. Раздался скрипучий строгий голос, словно старое дерево, преодолевая время и раны, заговорило с человеком.

Голос Дерева: Не верь словам уходящей Ночной Тишины, Заратустра. Дождись Солнца и тогда верь сердцу своему.

Заратустра: Кто здесь?!

...Он подбежал к дуплу, но Лесной Гном с седой бородой, перепрыгивая как белка с ветки на ветку, уже скрылся среди густой зелени.

Голос Ночной Тишины (*звучит вдогонку уходящей ночи*): Ты должен еще стать ребенком, Заратустра, чтобы стыд не мешал тебе. Гордыня юноши тяготее на тебе, поздно помолодел ты, но кто хочет превратиться в дитя, должен преодолеть еще свою юность...

...Заратустра увидел, как что-то темное, шуришащее пролетело мимо него, скрылось в траве, будто растаяв. Утренние лучи осветили Небо, обрисовали контуры деревьев, осветили листву и цветы.

Заратустра: Я не хочу!

Он сказал это отчетливо, задрожав всем телом. Услышал злое смех вокруг себя, над своей головой, под ногами...

Голос Ночной Тишины (*шелестом, ускользая*): Ах, Заратустра, плоды все созрели, но ты не созрел для плодов своих. И оттого надо тебе опять уединиться, что ты должен еще дозреть!

Голоса Лесных Духов, смех, щебет ранних птиц, – все сплелось в какую-то неоконченную музыкальную тему над головой Заратустры. Он упал на траву почти без чувств, пот ручьями стекал по его лбу. Огромное великолепное Солнце глядело на него с высоты, и он, только что казавшийся себе большим и значащим, вдруг разрыдался, как ребенок.

Заратустра: Я хочу остаться таким.

Глава 6

Тень, присев на камень, лежащий у озера, рядом с Дворцом, набирает воду в кувшин. Поливает цветы на берегу. Цветы издают легкий, будто летящий звон, похожий на плеск волн теплого моря. Тень с улыбкой прислушивается к звучащей музыке.

Тень (*подбирая опавшие лепестки*): Письмо Густава Малера Йозефу Штейнеру, другу композитора, 1879 г.

Дорогой Штейнер!

Не сердитесь на меня за то, что я так долго не отвечал Вам.

Но вокруг – глухая чаща, и я пробираюсь через нее, с треском ломая сухие сучья жалкого существования. Много произошло в моей душе за то время, пока я не писал Вам, но рассказать об этом я не могу. Скажу только, что я стал другим: лучше ли – не знаю, но, во всяком случае, не счастливее. Яркий огонь радостных жизненных сил и снедающая жажда смерти попеременно царят в моем сердце; порой они сменяют друг друга ежечасно. Знаю только одно: так больше нельзя! Если омерзительное лицемерие и лживость, тяготеющие над нами, довели меня до того, что я сам себе кажусь бесчестным, если кабальная зависимость от того положения, в котором оказались и наше искусство, и наша жизнь, смогла поселить в моем сердце отвращение ко всему, что было для меня святого – к искусству, к любви, к религии, – то какой же еще остается выход, кроме самоубийства? Мощным усилием я разрываю цепи, которые сковывают меня в отвратительной трясине прошлого существования, с упорством безнадежности цепляюсь за свое страдание, ибо в нем – мое единственное утешение.

Но вот Солнце мне улыбнется – и лед в моем сердце тает, я снова вижу голубое небо и колеблемый ветром цветок, и мой язвительный смех разрешается слезами любви. И я не могу не любить этот мир с его обманом и легкомыслием и с его вечным смехом. О, если бы божество сорвало покров с моих глаз, если бы мой ясный взгляд мог проникнуть в самую глубину земли! О, если бы посмотреть на нее, на эту землю, в ее наготе, без украшений, без прикрас, какою лежит она перед взорами своего творца!

Я хотел бы предстать перед ее гением.

«Я знаю тебя, лжец, ты не обманул меня своим притворством, не ослепил меня своим блеском!

О, взгляни сюда! Вот человек, замороженный твоей блестящей лживой игрой, уязвленный страшными ударами твоей насмешки, и все-таки – несгибаемый и сильный! Пусть тебя встречает страх, где бы ты ни скрылся! Из долины человечества возносится к тебе на твои холодные пустынные высоты непрерывный гул.

Понимаешь ли ты, что несказанные бедствия в течение веков копились там внизу и теперь громоздятся горами?

А ты восседаешь на их вершинах и смеешься! Как же хочешь ты, когда придет срок, оправдаться перед мстителем, – ты, который не смог искупить страдания даже одной единственной запуганной души?»

Тень уходит, скрывается среди колонн дворца.

Глава 7

Заратустра весь день провел у дупла дерева, где похоронил сегодня своего друга – Канатного Плясуна. Перед глазами все еще стояла базарная площадь, серая, усыпанная искалеченными обезображенными полулюдьми, и одинокая фигура юноши в черном, медленно движущаяся, как неотвратимость, как рок, как судьба – навстречу гибели. Заратустра погладил ствол дерева, мысленно прощаясь со своим другом.

Заратустра: Что ж, если мне предназначено уединение, если теперь мне предназначено смотреть вниз на самого себя и даже на свои звезды в отражении реки. Пусть будет так. Пусть будет это последней вершиной. Я принимаю свою судьбу, от дупла этого дерева начинается мое уединение, мое последнее уединение!

Что ж, наперекор духу, увлекавшему меня и тебя, мой единственный друг, Канатный Плясун, наперекор духу, тянущему нас вниз, Духу тяжести, моему демону и смертельному врагу! Горько плакал весь день Заратустра, а теперь он хочет проститься с тобой, Канатный Плясун, и вернуться...

Заратустра посмотрел в сторону горной долины, через цветущий луг, над которым мирно жужжали пчелки; дотянулся взглядом до горных склонов, едва обозначенных, теряющихся в листве деревьев. Там, в далеких горах, слышалась чья-то песня и звуки одиноких охотничьих выстрелов время от времени разрывали тишину.

Мрачные, искореженные, искалеченные люди, почти не похожие на человеческие существа, двигались вверх по склону, будто проходя сквозь время. Над их головами звучали настоящие выстрелы, будто стреляли не в зверей, а в людей, но они шли, падали, снова шли, не обращая ни малейшего внимания на то, что происходит вокруг! Их внимание целиком было поглощено чем-то иным, неведомым, непонятным Заратустре.

Заратустра (шепотом): Человеческий, человеческий мир, как похож он на золотое море древней Эллады, сумевшей найти гармонию со всем, что вокруг. Боже, как страшно смотреть сквозь время. Благо, что тогда еще не кричали в долинах: «Слушайте, или я ударю вас бичом Божьим!!!»

Вдруг с ветки дерева на Заратустру упал небольшой камень, еще один. Камни были достаточно тяжелые, и для того, чтобы убить человека, хватило бы трех-четырех ударов. Заратустра пошатнулся, глянул вверх. На его плечи прыгнул кто-то, похожий на лесного зверька и вцепился когтями в волосы. Это был Карлик, хромой, кривой и уродливый.

Карлик: О, Заратустра! – запищал он гнусаво. – Ты камень мудрости? Ты ходишь над пропастью? Ты грезишь о Сверхчеловеке? Ты – сокрушитель звезд! Но каждый брошенный камень должен упасть! Приговоренный к самому себе и к побиению себя камнями; о, Заратустра, как далеко бросил ты камень, но на тебя упадет он!

От злости Заратустра не знал, что сделать. Он попытался схватить Карлика за шиворот и стянул со своих плеч.

Заратустра: Карлик! Ты или я! – закричал он. – Я похоронил здесь Канатного Плясуна и свой Дух Тяжести! Прочь от меня!

Карлик только сильнее стиснул шею юноши.

Карлик: О, в тебе еще есть мужество? Не иначе – человек – мужественное животное.

Заратустра: Именно так, гнусная тварь! – закричал Заратустра, изо всех сил пытаюсь освободиться от Лесного уродца. Человек победил всех животных. Победной музыкой преодолел он всякое страдание, а человеческое страдание – самое глубокое страдание... Мужество побеждает даже головокружение на краю пропасти. А где же человек не стоял бы на краю пропасти! Разве смотреть в себя самого – не значит смотреть в пропасть?!

Изловчившись и схватив Карлика за ногу, Заратустра подвесил его кверху ногами на суку.

Заратустра: Запомни, гнусный мерзавец, мужество – лучшее смертоносное оружие, мужество убивает даже сострадание... Сострадание наиболее глубокая пропасть, ибо насколько глубоко человек заглядывает в жизнь, настолько глубоко заглядывает он и в страдание. Мужество забивает даже смерть до смерти, ибо оно говорит: «Так это была жизнь! Ну что ж, еще раз!» И в этих словах громко звучит победная музыка. Слышишь ли ты ее, мерзавец?!

Заратустра снял с пояса раковину и протрубил что-то печальное, побеждающее, тянущееся к свету, не имеющее имени.

Заратустра: Или ты, или я, гнусный Карлик!

Карлик смеялся, вися на ветке

Карлик: Ты борешься сейчас за душу своего погибшего Канатного Плясуна! Я угадал? Ведь так?

Его тельце извивалось на суку, как змея.

Заратустра (в отчаянии): Кто же сильнейший из нас двоих? Нет, упрямый Карлик, или ты или я! Но я – сильнейший из нас! Ты не знаешь самой бездонной мысли моей! Ее бремени ты не мог бы нести!

Карлик: Отвяжи меня Заратустра! Отпусти!

Заратустра посадил Карлика на большой камень под елью. Лесной уродец съезжился, молчал. Наконец, посмотрев вниз, на раскинувшийся внизу город, на городские ворота, увидев бесчисленную толпу людей, рыночную площадь, а рядом – непреклонные горные вершины, блестящие, покрытые снегом.

Карлик: Куда пойдешь теперь, Заратустра?

Заратустра молчал несколько минут.

Заратустра (тихо, нетвердо): Взгляни на эти ворота, Карлик! У них два лица! Две дороги сходятся тут: по ним никто еще не проходил до конца. Этот длинный путь позади – от тянется целую вечность. А этот длинный путь впереди – другая вечность. Эти пути противоречат один другому, они сталкиваются лбами именно здесь, у этих ворот они сходятся вместе. Назначение ворот написано вверху: «Мгновение».

Но если кто-нибудь по ним пошел бы дальше и дальше – все дальше, то думаешь ли ты, Карлик, что эти два пути себе противоречили бы всегда?

Карлик: Все прямое – ложь, всякая истина – крива, само время есть круг.

Заратустра рассмеялся. Ударил по стволу дерева, где был похоронен его Канатный Плясун в черном.

Заратустра: Ах, значит вновь Дух Тяжести! (Смеется, говорит со злостью). Что ж, если Дух Тяжести теперь вошел в твою Душу, я оставляю тебя здесь, где ты сидишь, хромой уродец, а ведь я нес тебя наверх!

Карлик скривился в презрении.

Карлик: Засунув меня в дупло дерева, ты, верно решил, что я возвышусь?

Заратустра: Нет, всего лишь пустишь новые ростки в Небо. (Быстро). Взгляни на это Мгновение! От этих ворот Мгновения уходит длинный, вечный путь назад – позади нас лежит Вечность. Не должно ли было все, что может идти, уже однажды, пройти этот путь? Может все, что может случиться, уже случилось? И если все уже было, что думаешь ты, Карлик, об этом Мгновении?! Не должны ли были и эти ворота уже однажды Быть? И не связаны ли все вещи так прочно, что это

Мгновение влечет за собою все грядущее? Следовательно, еще и самого себя? Что все, что может идти, не должно ли оно еще раз пройти этот длинный путь вперед?!

И медлительный паук, ползающий при лунном свете, и лунный свет, и само Солнце, и ты, и я, – разве все мы уже не существовали? И не должны ли мы вернуться и пройти этот другой путь – внутри нас, этот длинный жуткий путь – не должны ли мы... вечно **возвращаться**?

Где-то совсем рядом завывала огненная собака. Заратустра обернулся, огляделся. В мгновение исчез с согретых Солнцем камня его Карлик. На месте Карлика сидела огненная собака, с ошетилившейся мордою...

Заратустра (шепчет): Как же так...

Заглянул в дупло дерева, где был похоронен его Плясун. Из дупла выползла шипящая змея. Быстро проползла вниз, по стволу и то, что случилось дальше, заставило Заратустру вздрогнуть всем сердцем. У камня лежал юноша, молодой Пастух, задышающийся, испуганный. Змея свилась у его рта.

Заратустра (вслух): Видно, он спит.

Бросился к Пастуху, рванул змею, но тщетно. Змея впилась в глотку юноши.

Заратустра (кричит): Отпусти! Отпусти!

*Это была первая мысль, которая пришла к нему в голову
– Откуси ей голову!*

Солнце палило траву и было похоже на шаровую молнию. Пастух откусил змеиную голову, через несколько секунд он вскочил, светлый, смеющийся.

Заратустра: Никогда на земле не смеялся человек так, как он смеется! Это не просто смех человека! Так смеясь, можно победить не только жизнь, но и смерть!

Заратустра вдруг вскрикнул от боли, зажмурился, будто это его укусила змея. Огненный пес сидел рядом с ним. Юноша бесследно исчез, будто привиделся.

Огненный Пес: Ты – Орфей, который пришел в ад? Ты пьешь обильно из моря, это видно по словам твоего красноречия!

Заратустра смеется.

Заратустра: Похоже, ты сердисься, Огненный Пес! Тогда послушай о другом Огненном Псе, который, действительно, говорит из сердца земли. Его дыхание из золота дождя... Смех выпархивает из ушей, как пестрые тучи, противно ему твое бурчание! И золото дыхания и смех берет он из Сердца Земли, ибо Сердце Земли из **золота**.

Огненный Пес, не дослушав Заратустры, убегает. Заратустра смотрит ему вслед. На камне, у дупла теперь никого не было. Не было ни уродливого Карлика, ни Таинственного Лесного Гнома, ни Шипящей Змеи, ни Огненного Пса, ни светлого юного Пастушка.

Заратустра стоял один среди высоких деревьев, раскинув руки, высокий, подтянутый, смотрел он в глубины Неба и напоминал дерево, перешептывающееся с янтарным Солнцем.

Заратустра: Что ж, видно, это все были мои тени! (Смеется). Значит надо быть крепче! (расправив плечи, засмеялся). Солнце! Ты, как мне кажется, знаешь что-то об одиноком страннике и его Тени?! Почему же ты не поможешь мне? Разве я призрак? Отчего ты не хочешь вернуть мне мою возлюбленную Душу, мою нежную невесту, мою Эвридику! По моему мне пора встретиться с ней.

Солнце загадочно улыбнулось, отразилось в глазах Заратустры.

Солнце: Пора? Почему пора?

Не выдержав ослепительного света, Заратустра жмурится.

На блестящей римской арене он вдруг увидел себя гладиатором. Разъяренный бык неся на него, глаза быка были тупы, залиты злом и кровью. Заратустра не отвел взгляд. Он ударил мечом, и голова быка отлетела в сторону, как игрушечная. Из рта высыпались искры. Заратустра засмеялся. И – погас его смех, повис на ниточке, крошечный, ненужный. Прямо на Заратустру надвигалась тень. Это был римский гладиатор, гроза всех состязавшихся.

«Идущие на смерть приветствуют тебя!» – крикнул он в лицо Заратустре. Тот, не успев ответить и понять, что же произошло. Ни с кем не договаривался он участвовать в смертельной схватке, но возбужденная, одичавшая, обезумевшая толпа, напоминающая единую искаленную Душу, уже хлопала и кричала:

– Хлеба!

– Зрелищ!

И он ударил. Меч пронзил тело юноши, тот как-то легко осел, упал, как подкошенный.

– Бог един! – прохрипел умирающий юноша, и из последних сил ударил Заратустру по спине.

Заратустра упал и умер.

– Хлеба!

– Зрелищ! – кричала толпа, аплодируя поединку.

– Пора? Почему пора? – загадочно спросило Солнце.

Заратустра: Потому что сердце мое уже надрывалось не раз со смеху, оно хотело вырваться – и не знало куда. Поймите, я думал, умру или задохнусь от смеха, слушая людей...

Уже давным-давно пришел конец старым богам, и, поистине, у них был хороший веселый божественный конец. Они не «разозлились» до смерти, напротив, однажды они засмеяли себя «до смерти» Это случилось, когда самое безбожное слово было произнесено одним Богом:

– Бог един! У тебя не должно быть иного Бога, кроме меня.

И эти слова повторили тысячи людей. Старая Борода, сердитый и ревнивый Бог до такой степени забылся... И все боги смеялись тогда, качаясь на своих тронах и восклицали: «Разве не в том божественность, что существуют боги, а не Бог!»

От ствола дерева, где я похоронил своего Канатного Плясуна, мне оставались два пути: быть опять в своей пещере, у своих зверей, быть с моим Орлом и моей Змеей, или идти к людям, в толпе которых я буду вечно покинутым, диким и чужим... Когда я на рыночной площади стоял в нерешительности возле трупа, мой Орел парил где-то высоко в Небе моей Души, он парил **надо мною и умолял** меня радоваться близости возвращения...

Пауза. Звучит тихая музыка. Поднялся ветер – и – улыбнулось над лесом – Солнце.

Солнце: Оставь все, Заратустра. Не жалуйся на людей. Подуй на них шумящими ветрами крыльев своего сердца. О, Заратустра, чтобы все увядшее скорей улетело. Ты встретишься со своей возлюбленной Душой, с Эвридикой. Пой мне, о Заратустра!

Солнце обронило несколько янтарных слез на лицо Заратустры. Как лепестки роз, они были чисты, были нежны и легки их прикосновения.

Пой мне, о, Заратустра! И пусть ведут тебя твои звери!

Заратустра (взяв раковину, поет):

Стебли, злаки, травы – вечно зеленеют,
Сквозь бураны, сквозь метели к Солнцу вечно рвутся.
Перекатывая гальку, воды льются,
Серебристый мох стволов деревья греет.
На ветру песок звенит.
Пусть летит стрела в зенит,
Сердце вечно за звездой следит
Сердце вечно за звездой следит
Вечно в розе сфер небесных
Та звезда горит.
Стебли, злаки, травы – вечно зеленеют,
Из земли, пробившись, к Солнцу выются,
Никогда над морем птицы с полдороги не собьются
Им заря призывно светит и все время раздаются

Уверенья: «Тот, кто любит – все преодолееет»...
Все преодолееет,
Кто свободу и весну любить умеет,
Если ввысь мечты несутся,
И подобно буре в звездных он просторах реет.
Стебли, злаки, травы – все, что зеленеет,
Пусть в душе его звенит
Ввысь нестись по ветру жизни
И не оглянуться!
Если жизнь свою пустить
Стрелою ввысь, в зенит.

Заратустра (*восторженно*): О, блаженная тишина, меня окружающая! Где же вы, мои звери – Орел моего чувства – устремления к небу и Змея Мудрости и Познания? Сюда, сюда, Орел мой и Змея моя! Я только теперь знаю и чувствую, как люблю вас, звери мои! Ах, мои милые друзья! Когда-то, сидя над своим колодцем, я поднимал из глубины образы новых и новых богов. И вот однажды я увидел образ мертвого бога, который повелевал любить его, только его...

«Да не будет у тебя больше никакого Бога, кроме меня», – так говорил он... Не знал я тогда, как научиться мне любить такого Бога, как и не знал, как научиться любить Ближнего, как самого себя, если любить самого себя я не умел. (*Вздыхает*) Тогда, сидя у своего колодца, я увидел образ мертвого бога... И призвал на помощь вас, мои звери, так как во мне было много похожего на вас. А мне было очень одиноко. Люди пытались жалеть меня, считая мою Душу погибшей, но я не люблю сострадательных, блаженных в своем сострадании. Слишком лишены они стыда! Если должен я быть сострадательным, все-таки не хочу я называться им. И если я сострадателен, то только издали...

Среди людей всегда Я буду диким и чужим. Я люблю скрывать свое лицо и убегаю, прежде чем узнан я; так советую я делать и вам, звери мои!

Пусть моя судьба ведет меня дорогою тех, кто, как вы, всегда свободны от сострадания, и с кем я вправе делить надежды, пиршество и дикий мед!

Я делал и то, и другое для всех, кто страдает, но мне казалось всегда, что лучше я делал, когда учился больше радоваться! С тех пор, как существуют люди, человек слишком мало радовался, **лишь это**, братья мои, наш **первородный грех!** И когда мы научимся **лучше радоваться**, тогда мы тем лучше разучимся причинять другим горе и выдумывать его.

...Лучезарное Солнце сверкало в зените, поднявшись над лесом, как огромный одуванчик. Его свет – точно лепестки, рассыпался во все стороны среди облаков.

Высоко под Солнцем парил Орел Заратустры. У ног его спала Змея.

Заратустра: Тень Души моей подошла. Ко мне, самая молчаливая и легкая тень! Красота Сверхчеловека приблизилась ко мне, как Тень! Ах милые звери, братья мои! Что мне теперь до богов!

Я хочу, чтобы жил на земле Сверхчеловек!

Ведите меня в мою пещеру, в мое уединение, где были мы с вами так счастливы!

Легкое облако покрыло голову юноши, будто волшебный венок из роз. Он засмеялся, взял в руки раковину, запел.

Песня его летела через лес, через небесную даль, через холмистые вершины, едва касаясь земли, легкокрылая, как тень Птицы, летела вслед за Орлом, сквозь золотой туман Солнца, куда-то высоко, в страну вечной Любви и Света... Не дотянуться...

И Заратустра летел, растворившись в песне, за своей Тенью, легко раскинув руки, как крылья, унося на золотом солнечном жезле, прекрасном, как античный скипетр, спящую Змею Мудрости и Познания.

Заратустра (*поет*):

В твои глаза заглянул я недавно, о Жизнь!
Золото мерцало в ночи глаз твоих

Сердце мое замерло от этой неги:
Челн золотой, как в зеркале,
Мерцал там на взорах ночных,
Точно качалка, ныряющий и всплывающий,
И все снова и снова кивающий челн золотой!
На стопу мою, падкую к танцу,
Ты метнула свой взор
Свой печально-улыбчивый,
Дымчатый, вспыльчивый взор:
Только дважды коснулась ручонками ты
Погремушки своей – и уже
Закачалась нога моя в приступе танца –
Пятки мои покидали уже землю,
Замер я на носках, тебе внемля.
Ведь уши танцора – в цыпочках его!
К тебе прыгнул я – ты отпрянула вмиг;
И лизнули меня на лету
Зашипевшие змеи волос вдруг взлетевших твоих!
От тебя я отпрянул назад
И от змей твоих прикосновений
Ты стояла уже, обернувшись слегка,
И глаза были полны желаний.
Глазами дразня, учишь меня ты
Стезям криведным; на стезях
Криведных учится стопа моя – козням
Я люблю тебя дальней,
Ты вблизи мне пуще неволи;
Твое бегство манит меня,
Поиск твой полонит меня, –
Я страдаю, но разве ради тебя,
Я не готов и к юдоли!
Ты, чей холод, как зуд, чье презрение – искус,
Чей уход – точно жгут,
Чья насмешка – укус.
Ты ль не была ненавистна всегда,
Ты, вязальщица, повивальщица,
Зазывальщица, домогальщица и находчица!
Ты ль не была и любима всегда непорочная,
Нетерпячая, ветроногая,
Детоокая грехотворница!
Куда же ты тащишь меня
Неугомонка и невиданка?
И вновь избегаешь меня,
Сладкая-сладкая горлица и грубиянка?
Я в танце несусь за тобою,
Я с ритмом твоим неизбытно един.
Где же ты? Протяни мне руку!
О, взгляни, я лежу, ты, спесивая,
И молю о милости!
Мне бы с тобой бродить по тропинкам жимолостным –
По тропинке любви сквозь кусты пятнистые, немые!
Или там вдоль озера; в нем
Резвятся и пляшут рыбки золотые!
Ты устала? Взгляни, вон овцы и в воздухе за вечерело:
Ну разве не сладко

Уснуть под звуки пастушьей свирели?
Ты валишься с ног? Я тебя понесу,
Опусти только руки.
И если ты хочешь пить, скажи –
Я нашел бы, чем тебя утолить,
Но тебе не до этой услуги!
О, что за чертовка-плутовка,
Так ловко исчезла змею-скользьянкой!
Куда? Но от рук два пятна
На лице горят, точно красные ранки!
Я, право, устал, изрядно пастушить твоих ягнят!
До сих пор, о ведьма, я пел для тебя,
Нынче ты завизжишь у меня!
Будешь плясать и ахать
Плетке моей вслед!
Я не забыл – таки плетку? Нет!

Тень (*закрыв уши*):

О, Заратустра!
Не щелкай так страшно своей плеткой!
Ты ведь знаешь! Шум убивает мысли –
А ко мне как раз пришли такие нежные мысли,
Мы с тобою оба – сущие, не – добродееи и не – злодеи.
По ту сторону добра и зла
Обрели мы свой остров
И зеленый свой луг – мы вдвоем, одни!
Уже оттого и должны мы ладить друг с другом!
И если мы и не любили друг друга
От чистого сердца, то гоже ли злиться на то,
Что не любишь от чистого сердца?
И что я лажу с тобою, и часто слишком лажу,
Ты знаешь это. И все оттого,
Что ревную тебя я к мудрости твоей.
Ах, это мудрость! Полоумная старая дура!
Если бы мудрость твоя сбежала однажды от тебя, ах!
Тогда мигом сбежала бы от тебя и моя любовь!

Задумчиво.

Ты, Заратустра, недостаточно мне верен!
Ты любишь меня вовсе не так сильно, как говоришь;
Я знаю, ты думаешь о том,
Что хочешь скоро покинуть меня,
Есть старый тяжелый-тяжелый колокол-ревун;
Он ревет по ночам до самой твоей пещеры:
Когда ты слышишь, как колокол бьет полночь,
Тогда между первым и двенадцатым ударом
Думаешь ты о том –
Ты думаешь о том, Заратустра,
Я знаю. Это, что ты хочешь
Скоро покинуть меня!..

Заратустра: Да... Но ты знаешь также (*шепчет что-то ей на ухо*).

Тень: Ты знаешь это, о, Заратустра! Этого не знает никто!

*Снимает венок из облачных Роз с головы Заратустры, одевает на свою голову.
Смеется, поет, танцуя.*

Раз!
О, внемли, друг!
Два!

Что полночь тихо скажет вдруг?
Три!
Глубокий сон сморил меня, –
Четыре!
Из сна теперь очнулась я.
Пять!
Мир так глубок,
Шесть!
Как день помыслить бы не смог
Семь!
Мир – это скорбь до всех глубин!
Восемь!
Но радость глубже бьет ключом!
Девять!
Скорбь шепчет: сгинь!
Десять!
А радость рвется в отчий дом –
Одиннадцать!
В свой кровный дом!

...Заратустра плыл в Небе и смеялся. Среди облаков он видел улыбающееся лицо Пастушка, у которого не осталось и ранки от укуса ядовитой змеи. Лицо Пастушка было светлым, будто сотканное из облаков и водяных лилий. Кто-то невидимый, сверху рассыпал над ним розы. Юноша танцевал высоко в Небе.

Заратустра (в восхищении): Такой должна быть красота Сверхчеловека!

Тень: Иди вперед, Заратустра! Пусть Солнце и звезды ведут тебя! И пусть ведут тебя твои звери. Я всегда буду любить тебя. Пусть знаком нашей встречи и любви будет «Смеющийся лев со стаей голубей».

Часть II

«Что рассказал мне Бог»
(«Смеющиеся львы»)

Глава 1

На сцене освещены колонны античного дворца. Тень срывает белые цветы, бросает в воду. Письма композитора звучат издали тихой музыкой.

Тень: Письмо Густава Малера Анне Мильденбург, возлюбленной композитора.

...В третьей симфонии речь идет все же не о той любви, о какой ты думаешь. Эпиграф к этой части (№ 7) гласит:

«Отец, взгляни на раны мои!

Нельзя, чтоб гибли творенья твои».

Итак, ты понимаешь, о чем идет речь? Здесь должна быть обозначена вершина, высшая ступень, с которой можно оглядеть весь мир. Я мог бы назвать эту часть примерно так: «Что расскажет мне Бог?» Правда, именно в том смысле, что Бога можно мыслить только как «любовь». Таким образом, мое произведение представляет собой музыкальную поэму, которая объемлет все ступени развития в постепенном нарастании.

Начинается от безжизненной природы и поднимается до божественной любви! Людям понадобится немало времени, чтобы разгрызть орешек, который я стрясу им с дерева...

Тень смеется, играет с лепестками цветов.

Зато вы непременно получите что-то хорошее. Лето шествует вперед, и ты не можешь себе представить, как все звенит и поет вокруг. Все расцветает. И среди этого ликования – снова нечто таинственное и горестное, словно безжизненная природа в тупой неподвижности ждет приближающуюся жизнь. Это нельзя выразить словами.

Глава 2

По дороге, ведущей от леса в горы, к недоступным снежным чертогам Заратустры, ехала повозка. Телега с запряженным в нее ослom. На последнем сидели два Короля.

Заратустра (*кричит*): Эй, Орел! Ты летишь, почти касаясь крыльями Солнца! Долети-ка до моей пещеры и встречай гостей, а я, чувствую, придется мне немного задержаться.

Орел согласно коснулся крылом плеча Заратустры и унесся в облачный простор, туда, к снежным вершинам, где начиналось и кончалось Царство Заратустры...

Заратустра пригляделся к повозке.

Заратустра (*тихо, вслух*): Странно! Как увязать это? Я вижу двух Королей и только одного осла!

Короли, услышав эти слова, обернулись.

1 Король: Ты слышал?

2 Король: Да... Это, должно быть, козопас... Или отшельник, слишком долго живший среди скал и деревьев. Ибо отсутствие всякого общества тоже портит добрые нравы.

1 Король (*громко, с негодованием*): Добрые нравы? Кого же сторонимся мы? Не добрых ли нравов? Не нашего ли «хорошего общества?» Поистине, уж лучше жить среди отшельников и козопасов, чем среди нашей раззолоченной, лживой, нарумяненной черни, – хотя бы она и называла себя «хорошим обществом». Я предпочитаю ей здорового крестьянина – грубого, хитрого, упрямого и выносливого, сегодня это самый благородный тип. Крестьянин сегодня лучше всех других; и крестьянский тип должен быть господином! И однако теперь царство толпы – я не позволяю себе более обольщаться... Но «толпа» значит: всякая всячина.

Добрые нравы! Все у нас лживо и гнило. Никто уже не умеет благоговеть. Этого именно мы все избегаем. Это заискивающие, назойливые собаки, они золотят пальмовые листья. Отвращение душит меня, что мы, Короли, сами стали поддельными, что мы обвешаны и переодеты в старый пожелтевший прадедовый блеск, что мы лишь показные медали для глупцов и пройдох. И для всех тех, кто ведет сегодня торговлю с властью.

2 Король: Твоя старая болезнь возвращается к тебе, мой бедный брат! Но ты ведь знаешь, кто-то подслушивает нас...

Заратустра подходит к Королям, решается заговорить.

Заратустра: Кто слушает вас – слушает охотно... Вы – Короли? А я тот, кто называется Заратустра. Я – Заратустра, который однажды сказал: «Что толку еще в Королях!» Простите, я обрадовался, когда вы сказали друг другу: «Что нам до королей!» Но здесь, на Пути, ведущим к снежным холодным вершинам, мое Царство и мое господство... Чего могли бы Вы искать в моем Царстве? Но может быть, дорогою нашли вы то, чего я ищу: **высшего человека!**

1, 2 Короли: Мы узнаны!

1 Король: Мечом этого слова рассекаешь ты густейший мрак наших сердец. Ты открыл нашу скорбь, ибо, видишь ли, мы пустились в Путь, чтобы найти Высшего человека; человека, который выше нас. Мы, Короли, ему ведем этого осла. Ибо Высший человек должен быть на земле и высшим повелителем.

2 Король: Нет более тяжкого несчастья во всех человеческих судьбах, как если сильные мира, не суть также и первые люди.

Тогда все становится лживым, кривым и чудовищным. И когда они бывают даже послушными, и более скотами, чем людьми, когда поднимается толпа в цене, и, наконец, говорит даже добродетель толпы: «Смотри, лишь я – добродетель!»

Заратустра восхищенно слушает.

Заратустра: Что слышал я только что!.. Какая мудрость у Королей! Я восхищен!

1 Король: Как хорошо, Заратустра, мы сделали, что пришли повидать тебя. Своими изречениями ты давно проникал в наши души и сердца, но мы боялись тебя, твоей язвительной усмешки...

Заратустра (смеется): Ну, что ж, вот дорога, ведущая к пещере Заратустры. И пусть у сегодняшнего дня будет долгий Вечер!

Чей-то неожиданный голос, словно птичий крик, рассыпал на части тишину.

Заратустра: Мне – пора. Меня зовет ваш крик о помощи. Идите в пещеру и там ждите меня. Мне будет оказана честь, если Короли будут сидеть и ждать меня в моей пещере. Ведь вся добродетель какая сейчас осталась у королей называется **умением ждать**.

Короли чопорно раскланялись и ушли по дороге, ведущей к пещере Заратустры. Заратустра проводил их взглядом и пошел по горной тропе. Проходя мимо лесного болота, он не заметил, как наступил на Человека.

Заратустра (горячо): Прости меня! Прости и выслушай. Я не хотел причинить зло тебе. Как путник, мечтающий о далеких вещах, нечаянно на пустынной улице наталкивается на спящую собаку, лежащую на Солнце, как оба они вскакивают и бросаются друг на друга, и эта собака, и этот одинокий. Ведь оба они – одинокие.

– Как звать тебя?

– Совестливый Духом... Только... разве я – собака?

Поднимается, вытаскивает свою голую руку из болота.

Заратустра: Но что с тобою? (увидел кровь, стекающую по руке человека). Не укусило ли тебя, несчастный, какое-нибудь вредное животное?

Совестливый Духом: Что за дело тебе! Здесь я дома, в своем Царстве.

Заратустра: Ты заблуждаешься! Ты ошибаешься! Здесь ты не в своем, а в моем Царстве, и здесь ни с кем не должно быть несчастья, называй меня, впрочем, как хочешь. Я – тот, кем я должен быть. Сам себя я называю Заратустрой. Там, вверху, (кивает в сторону гор) – идет дорога к моей пещере, она не далеко. Не хочешь ли ты у меня полечить свои раны?

Совестливый Духом (вздрагивая): Неужели ты – Заратустра? В жизни меня интересовал только Заратустра! И еще, слушай: знаешь ли ты, что пиявка – единственное животное, живущее кровью. Ради пиявки лежал я здесь на краю этого болота, как рыболов, и уже была моя вытянутая рука укушена десять раз, как вдруг начинает питаться моей кровью еще более прекрасное животное – сам Заратустра! О, счастье! О, чудо!

Да будет благословен самый день, привлечший меня в это болото! Да будет благословенна лучшая, самая действительная из ныне живущих, пиявка совести – Заратустра!

...С удивлением Заратустра протянул ему руку.

Заратустра: Кто ты? Между нами остается еще многое, что надо выяснить и осветить, но уже кажется мне, настает ясный день.

Совестливый Духом: Я – совестливый духом. И в вопросах Духа трудно найти кого-либо более меткого, более едкого и более нетвердого, чем я, исключая того, у кого я учился, самого Заратустру.

Я доискиваюсь основы. Как она называется – болотом или Небом? Пяди основания достаточно для меня, если только она, действительно есть основание и почва!

Пяди основания: на нем можно стоять. В истинной совестливости знания нет ничего ни большого, ни малого.

Заратустра: Так может быть ты – **Познающий пиявку?** (*Смеется*). И ты исследуешь пиявку до последнего основания, ты, Совестьливый Духом?

Совестьливый Духом: Было бы чудовищно, если бы я дерзнул на это! (*Заратустра замечает, что на руке его собеседника сидят десять пиявок*).

Заратустра: О, Боже! Десять пиявок впились в твою руку!

Совестьливый Духом: О, Заратустра! Мозг пиявки – мой мозг! Здесь нет мне равного! Поэтому и сказал я, что «здесь я дома».

Сколько уже времени исследую я эту единственную вещь – мозг пиявки – чтобы **скользящая** истина не ускользнула от меня! Здесь мое Царство! Ради этого отбросил я все остальное; ради этого стал я равнодушен ко всему остальному; и рядом со знанием моим простирается черное невежество мое. Где кончается честность моя, я слеп и хочу быть слепым, но где я хочу знать, хочу также быть честным, жестким и неумолимым.

Как ты, сказал однажды я, Заратустра! «Дух есть жизнь, которая сама врезается в жизнь». Это привело меня к учению твоему. И поистине, собственной кровью умножил я себе собственное знание.

Заратустра (*с горечью*): В твою руку впились десять пиявок! О, странный малый! Сколь многому учит меня эта очевидность, именно ты сам! Ну, что ж, расстанемся здесь. Но очень мне бы хотелось встретиться с тобой. Там, вверху, идет дорога к пещере моей – сегодня ночью будешь ты там желанным гостем! Мне бы хотелось также полечить твоё тело, на которое я нечаянно наступил ногой! А теперь мне пора!

Прислушивается, будто из горных глубин, где снег и лед касаются Неба, слышится Заратустре Крик о Помощи.

Заратустра: Прощай, друг! До встречи! Меня зовет твой Крик о Помощи!

Уходит в снежную даль, к сияющим на Солнце вершинам.

Глава 3

Сидя на камне под открытым небом, Заратустра пил мед и пел, пьяный от усталости. Золотым скипетром вокруг себя на земле он рисовал улыбающую Тень. Он рисовал человека, стоящего на ветру, держащего перед собой фонарь.

Ветром схвачен, ливнем зацелован,
Человек прощальный взор бросает
На окно, где теплый свет мерцает,
И уходит от родного крова
В даль веков искать огня иного.
Вот так ночь! На землю тьма упала,
Ни одна звезда не отразится
В лужах, – значит, их и в небе мало.
Тяжелеют от воды ресницы,
Что за ночь! От ветра сосны стонут,
По щекам сбегают ливня струи,
Путник, одинокий, отчужденный,
Поглядел назад – лишь дождь бушует.
Там, где были дом и сад когда-то
Губы жаркие, крутые взлеты,
Смелой мысли Рим, Бетховен, Гете,
Только виден свет белесоватый,
Как далеких молний отблеск грозный,
Как ракеты вспышка в тьме беззвездной
Нет возврата – лишь вперед стремленье
До последнего сердцебиенья.

В даль веков идущему так странно
И печально видеть, как струится
Робкий свет его души в пространство –
Пламени бессмертного частица.
Так печален в сумраке ночном
Образ человека с фонарем.
На ветру фонарь кого согреет?
В сердце сожаленье бьется птицей,
Угольки воспоминаний тлеют,
Старых ран не может боль забыть!
Что его на дождь, на ветер тянет,
В тишине домашней чем не мило?
Там пускай хоть страшный суд нагрянет,
Только бы вода в лицо не била.
Твой мирок спокойным залит светом,
В жилах – пульса теплые удары;
Вкруг тебя знакомые предметы,
Прошное – как шкаф с одеждой старой,
Так тысячелетия прошли бы,
Солнце бы свой облик изменило,
Государства рушились, – а ты бы
Все еще сидел под лампой милой.
В час, когда под покрывалом мрака
Сердце содрогается от боли,
В час, когда от ненависти плакать
Хочется тебе, – иди на волю,
Надо же когда-нибудь решиться,
Не пугаясь ветра, в путь пуститься.
Тьмы не бойся – лишь пустые души
Разобьет она и уничтожит,
Голоса зловещие не слушай:
Что еще с тобой погибнуть может,
Кроме сердца одного и тела?
Если же фонарь твой замигает
И погаснет на ветру несмелый,
Знай – пожар, что старый мир сжигает,
Искрами тебе навстречу брызнет,
Озарив добычу к новой жизни.
Человек выходит в ночь, на ветер,
Наконец покинув стены эти,
Чтоб при свете фонаря ночного
Повстречать друзей и братьев новых
Нет покоя – лишь вперед стремленье
До последнего сердцебиенья¹.

Заратустра (тихо): Это – я? (удивленно взяв раковину, разглядывает свой рисунок, подняв ее, точно рог, играет что-то).

Грозовая туча, распластавшись в Небе, предвещала ненастье. Мрачные тени гор, похожие на взывающие о помощи души деревьев, сгрудились вокруг Заратустры. Несколько дождевых капель упали на его лицо. Он провел ладонью по щеке, влажный горный ветер трепал его волосы. Рядом с его Тенью возникла еще одна, вытянутая, грозная, похожая на медвежью. Заратустра, не выдержав, обернулся, кто-то громко расхохотался и пролился дождем над землею. Небо заволочло пепельно-серыми гирляндами туч. Заратустра увидел человека, похожего на гигантскую статую,

¹ стих Я. Судрабкална

высеченную из камня. Пот выступил на висках Заратустры. Он шагнул навстречу – протянул руку своему гостю. Струи внезапного дождя хлестали в лицо.

Заратустра: Здравствуй, предсказатель великой усталости! Сегодня ты решил быть моим гостем? Присядь на камень рядом со мной, я угощу тебя медом. По моему, ты – веселый старик и отчаянный шутник! *(Смеется).*

Мрачный Прорицатель: Веселый старик? *(Качает головой).* Нет. Кем бы ты не был или кем бы не хотел быть, о Заратустра, тебе недолго осталось ходить по горам и оставаться наверху, даже если ты решил вернуться в свою пещеру. Волны великой нищеты и печали поднимут твой челн и унесут тебя оттуда...

Несколько грозовых раскатов перекликаются эхом в горах. Заратустра смеется.

Мрачный Прорицатель: Разве ты не слышишь шум и клочкотание из глубины гор?

Заратустра прислушивается, но не слышит ничего, кроме протяжного крика, похожего на птичий плач.

Заратустра: Я слышу Крик о Помощи, крик человека или птицы, он исходит будто из глубины моря. *(Подумав, смело).* Но что мне за дело до человеческой беды!

Мрачный Прорицатель: **сострадание!** Сострадание ищет тебя, Заратустра. К тебе обращен этот Крик. Зовет он: приходи, приходи! Время настало, нельзя медлить ни минуты!

Заратустра: Замолчи! Меня зовет моя Душа, моя Невеста, моя Тень, моя Жизнь! *(Смотрит в Небо, устланное тучами. Помолчав).* Тогда кто же зовет меня – из Грозы? *(Пауза. В раздумье прислушивается к раскатам грома).* Кто же там, из Грозы, зовет меня?

Мрачный Прорицатель: Но ты ведь знаешь его! *(с раздражением).* Зачем же ты скрываешь? Это Высший человек вызывает к тебе!

Заратустра *(неуверенно):* Высший человек? Чего он хочет? Чего хочет он здесь?

Оба прислушиваются к раскатам грома, звучащему будто эхо невидимой далекой войны. Наконец, наступает тишина.

Мрачный Прорицатель: О, Заратустра! *(С печалью).* Ты стоишь не так, как тот, кого счастье заставляет кружиться: ты **должен будешь плясать, чтобы не упасть навзничь.** *(Хохочет).* И если бы даже ты и захотел плясать передо мною и проделывать прыжки во все стороны, все-таки никто не мог бы сказать мне: «Смотри, вот пляшет последний веселый человек». Напрасно поднимался бы на эту вершину тот, кто искал бы его здесь. Он нашел бы пещеры и в пещерах тайники для скрывшихся, но не нашел бы шахт счастья, ни новых золотых жил его! Счастье! *(Смеется).* Жизнь! Ха-ха! Разве можно найти счастье у этих заживо погребенных отшельников! *(Вздыхает).*

Заратустра *(с уверенностью):* Нет! Нет! Трижды нет! Это я знаю лучше. Существуют блаженные острова, усыпанные снегом горные вершины, белые от счастья! Не говори об этом, вздыхающий мешок печали! Не ты – Тень Человека на земле! Не ты – радость Жизни и его Душа. И перестань журчать, дождевое облако, перед полуднем! Разве я еще не промок от печали твоей, как облитая водою собака? Теперь я встряхнусь и убегу от тебя, чтобы просохнуть. Этому не должен ты удивляться. Ты – просто грозовое облако! *(Помолчав).* Может, я кажусь тебе невежливым? Но здесь мои владения. Что же касается моего Высшего человека – ну что ж, я мигом поищу его в этих лесах. Оттуда раздавался крик его... Если это был... он... Быть может, его преследует лютый зверь!.. Он в *моих* владениях. Здесь не должно случиться с ним несчастья! И, поистине есть много лютых зверей у меня. *(Хочет уйти).*

Мрачный Прорицатель: Заратустра! Ты плут. Я знаю, ты хочешь отделаться от меня! С большим удовольствием побежишь ты в леса и будешь охотиться на диких зверей! Но поможет ли это тебе? Вечером все-таки я буду у тебя, в твоей собственной пещере и буду сидеть, терпеливый и тяжелый, как колода, как старое скрипучее Дерево, в дупле которого ты оставил свой Дух Тяжести, и поджидать тебя.

Заратустра (*уходит*): Пусть будет так! И что есть моего в пещере, пусть принадлежит и тебе, дорогому гостю моему! Если же ты найдешь в ней еще и мед, что ж, поешь его, ворчливый медведь, услади свою душу! И к вечеру мы оба будем веселы и довольны, что этот день кончился. И ты сам должен будешь плясать под песни мои, как ученый медведь мой. Ты не веришь этому? Ты качаешь головою? Ну, что ж, ступай, старый медведь! Но – и – я – прорицатель! (*Уходит*).

Глава 4

Обойдя старый, поросший елями холм, Заратустра заметил лежащего на дороге человека. Человек рыдал, без конца бросаясь на землю

Заратустра: Прекрати! Что ты делаешь? (*Подбегает к нему, кричит*). Если ты – Высший человек, и от тебя исходит мучительный крик о помощи, не могу ли я как-то помочь тебе?

Лежащий повернулся к нему. Это был старик с неподвижными стеклянными глазами. Заратустра попытался помочь встать ему на ноги. Но старик, казалось, не замечал его. Он бормотал что-то, дрожа всем телом, пофыркивая и подергиваясь. Ветер трепал его длинные волосы и с каждым новым порывом ветра человек затягивал один и тот же заунывный, плачущий мотив.

Кто в силах согреть меня, кто еще любит?
Горячие мне руки протяните
И пламя рдеющих углей для сердца дайте.
Лежу бессильно я, от страха цепenea,
Как перед смертью, когда уж ноги стынут,
Дрожа в припадках злой, неведомой болезни
И трепеща под острыми концами
Твоих холодных, леденящих стрел.
За мной охотишься ты, мысли дух,
Окутанный, ужасный, безымянный –
Охотник из-за туч! –
Как молнией, поражен я глазом,
Насмешливо из темноты смотрящим!
И так лежу я, извиваясь,
Согбенный, скрюченный, замученный свирепом
Мученьями, что на меня наслал ты,
Безжалостный охотник,
Неведомый мне бог! –
Рази же глубже,
Еще раз попади в меня и сердце
Разбей и проколи!
Но для чего ж теперь
Тупыми стрелами меня терзать?
Зачем опять ты смотришь на меня,
Ненасытимый муками людскими,
Молниеносным и злорадным бога взглядом?
Да, убивать не хочешь ты,
А только мучить, мучить хочешь!
Зачем тебе, зачем мое мученье,
Злорадный незнакомый бог?
Я вижу, да!
В полночный час подкрался ты ко мне.
Скажи ж, чего ты хочешь?
Меня теснишь и давишь ты,
И, право, чересчур уж близко!

Ты слушаешь дыхание мое,
Подслушиваешь сердца ты биенье, –
Да ты ревнуешь! Но к кому ж ревнуешь?
Прочь, прочь! Куда –
Пробраться затеваешь ты?
Ты в сердце самое проникнуть хочешь,
В заветнейшие помыслы проникнуть!
Бесстыдный ты, чужой мне, вор!
Что хочешь выкрасть ты себе на долю
И что подслушать хочется тебе?
Что хочешь выпытать ты от меня, мучитель?
Божественный палач!
Или я должен, как собака,
Валяться пред тобой, хвостом виляя
И отдаваясь вне себя от страсти,
Тебе в любви виляньем признаваться?
Напрасно трудишься,
Рази сильней!
Какой укол ужасный!
Нет, не ищейка я тебе – твоя добыча.
Безжалостный охотник,
Я пленник гордый твой,
За облаками скрывшийся разбойник!
Скажи мне, наконец, чего,
Чего, грабитель, от меня ты хочешь?
Как? Выкупа?
Какого же и сколько?
Потребуй много – так твердит мне гордость
И кратко говори – другой ее совет.
Так вот как? Да? Меня?
Меня ты хочешь?
Меня всецело, и всего?
А! – так зачем же
Ты мучаешь меня, глупец, при этом?
Зачем терзаешь душу униженьем?..
Дай мне любви, кому меня согреть?
Горячую мне руку протяни
И пламя рдеющих углей для сердца дай мне,
Мне, одинокому в своем уединенье, –
Что ко врагам и седмиричный лед,
К врагам стремиться научает.
Ты сам отдайся мне.
Необоримый враг, –
Сам – мне!
Прочь! Улетел! –
Умчался прочь –
Единственный товарищ мой и враг,
Великий враг
И чуждый мне опять
Божественный палач.
Нет!
Возвратись ко мне
И с пытками твоими,
Мои все слезы льются за тобой,
И для тебя вдруг загорелся снова

Огонь последний на сердце моем.
Вернись, вернись ко мне, мой Бог, – мое страдание,
И счастье последнее мое!..

Не в силах сдерживать себя, выслушивая тягостное бормотание, напоминающее искажение, пародию, древний античный плач, Заратустра ударил своим скипетром об землю. Змея Познания, дремлющая, обвившись вокруг палки, открыла глаза, и на миг приподняла голову.

Заратустра (*злобно*): Перестань! Фальшивомонетчик! Комедиант! Закоренелый лжец! Я узнаю тебя! Я отопрею тебе ноги, злой Чародей, я хорошо умею поджаривать таких, как ты.

Чародей: Оставь! Эта комедия – мое искусство. Тебя самого хотел я испытать, но ты разгадал меня, Но и ты дал мне немало свидетельств, ты суров, мудрый Заратустра! Суровые удары наносишь ты своими «истинами», палка твоя вынуждает узнать эту истину!

Заратустра: Не лсти! Ты – закоренелый фигляр! Что это ты разыгрывал передо мною, в кого должен был я верить, когда ты так горько жаловался?

Чародей: В кающегося духом. Его представлял я, ты сам изобрел некогда это слово.

Заратустра (*сурово*): Ты, пожалуй, обманывал и более хитрил, чем я. И... (*Помолчав*). И ты должен обманывать, насколько я знаю тебя – слова твои всегда должны уметь два – три – четыре смысла! Даже то, в чем сознавался ты сейчас, не было для меня ни достаточной правдой, ни достаточной ложью.

Даже болезнь свою нарумянил бы ты, если бы нагим показался врачу своему. Точно также разрумянил ты передо мною ложь свою, когда говорил: «Все это была только комедия». Было в этом и нечто серьезное, ибо и ты отчасти такой же кающийся духом! Я хорошо угадываю тебя: ты стал чародеем для всех, но для себя у тебя не осталось больше ни лжи, ни лукавства, ты сам перестал быть для себя Чародеем.

Чародей (*гневно*): Кто ты такой, кто смеет так говорить со мною? С самым великим среди живущих ныне! (*С грустью*). О, Заратустра! Я устал, противны мне искусства мои, я не велик, для чего притворяться!! Но ты знаешь хорошо – я искал величия! О, Заратустра, все ложь и обман. Но что я разбиваюсь – это правда!

Заратустра (*мрачно глядя в горы*): Это делает тебе честь, что искал ты величия, но это же и выдает тебя! Ты не велик. Но что ищешь ты здесь, в лесах и на скалах моих? И если ты для меня лежал на дороге, чего же ты хотел от меня?

Молчание.

Чародей: Я – только ищу. Я ищу кого-нибудь правдивого, справедливого человека, праведника знания, великого человека! Разве ты не знаешь? Я ищу Заратустру.

Молчание. Заратустра стоит, закрыв глаза, затем берет за руку Чародея.

Заратустра (*вежливо, с хитростью*): Ну что же! Туда, вверх, идет дорога, там находится пещера Заратустры. В ней можешь ты искать, кого хотел бы найти.

И спроси совета у зверей моих, у Орла моего и у Змеи моей; пусть помогут они тебе искать. Но пещера моя велика. Правда, я сам не видел еще великого человека. Для великого груб еще сегодня глаз даже самых тонких людей.

Теперь царство толпы. Многих встречал я уже, которые тянулись и надувались, а народ кричал: «Вот великий человек!» Но что толку во всех воздуходувках! В конце концов воздух выйдет из них!

В конце концов лопается лягушка, которая слишком долго надувалась, и воздух выйдет из нее. Ткнуть в живот надувшемуся – это я называю славной шуткой. Слушай! Кто *знает* еще, что велико и что мало – кто искал в толпе величия! Только глупец: и глупцы имеют успех. Ты ищешь великих людей, ты, странный глупец? Кто **научил** тебя искать их? Разве теперь время для этого? О, злой искатель, в чем искушаешь ты меня?

Заратустра смеется, опираясь на жезл, вокруг которого обвилась спящая Змея Мудрости и Познания, уходит в сторону бесконечных снежных вершин, блестящих на Солнце.

Глава 5

В полумраке античного дворца, между высокими колоннами бродит Тень. Она украшает цветами свои одежды, волосы. Прислушивается к звучащей музыке Малера.

Тень: *Письмо Густава Малера Анне, возлюбленной (читает, улыбается).*

Итак, вчера я дал два сражения (*генеральную репетицию и концерт*), и, к сожалению, должен тебе донести, что «враг» победил. Успех был немалый, но и оппозиция тоже немалая. Шиканье и аплодисменты в заключение Вейнгартнер с Королевской капеллой вывел меня и я раскланялся; вот тогда-то публика и разошлась (по-настоящему). Пресса, конечно разорвет меня на части.

Поднимает оранжевый лепесток, читает:

– *Письмо Малера Максу Маршальку, немецкому композитору, музыкальному критику.*

Мой милый Маршалек!

Это произошло с таким шумом! Во вторник я провалился в Берлине, когда Вейнгартнер с Королевской капеллой исполнял 2, 3 и 6 часть Третьей симфонии. А сегодня уже сижу здесь, и все кажется мне сном. Я не читал еще ни одной берлинской газеты, потому что на следующий день уже уехал. Только «Биржевой вестник». Правда из него я узнал, что на этот раз меня так отколотят и высекут, что, право, ни один портной не сможет меня «отутюжить». Но мне хотелось бы знать, был ли я понятен Вам! В тот вечер мне пришлось выслушать и от друзей, и от врагов столько ерунды, что я от нее совершенно одурел. Я прибуду в Мюнхен в четверг, восемнадцатого. В понедельник у меня здесь концерт. Этот город меня совершенно опьяняет! Все так своеобразно и прекрасно! Пожалуй, мне это все только снится, и когда я проснусь, окажется, что я живу на Марсе.

Тень прикалывает цветок, похожий на лилию, к волосам, прячется за колонну. Из-за колонн Дворца выходят ее подруги, прекрасные девушки в длинных античных платьях разных цветов, они украшают себя лепестками, танцуют, смеются.

Глава 6

Горная тропинка, усыпанная камнями. Под палящим Солнцем древней Палестины одинокая фигура, закутанная в черный плащ. Человек сидит на камнях, закрыв лицо ладонями. Его облик печален. Заратустра останавливается в нескольких шагах от него, с досадой бормочет что-то.

Заратустра (*тихо*): О, горе! Вот сидит закутанная печаль, мне кажется, она из рода священников, чего хотят они в моем царстве?

Как! Едва избег я одного Чародея, и вот другой чернокнижник опять становится мне поперек дороги: какой-нибудь Колдун со сложенными руками, какой-нибудь мрачный Чудотворец Божьей милостью, какой-нибудь помазанный клеветник на мир, чтоб черт его побрал! Но черт никогда не бывает там, где он был бы на месте: всегда приходит слишком поздно, этот проклятый Карлик и колченожка! (*нетерпеливо*) Как бы проскользнуть мимо этого скорбного изваяния!

Человек в черном заметил Заратустру, быстро вскочил и зашагал ему навстречу. По всему он напоминал одного из римских Пап.

Папа: Кто бы ты ни был, странник, помоги заблудившемуся старому человеку, с которым здесь легко может случиться несчастье! Этот мир мне чужд и далек; даже слышал я рычание диких зверей, а того, кто мог бы служить мне защитой, уже нет.

Я искал послушного благочестивого человека, святого и отшельника, который один в лесу совсем еще ничего не слышал о том, о чем весь мир знает сегодня

Заратустра: О чем же знает сегодня весь мир? Не о том ли, что старый Бог не жив более, в которого весь мир некогда верил?

Папа: Ты говоришь так. А я служил этому старому Богу до последнего часа его. Теперь же я в отставке, без господина, и все-таки я не свободен, нет у меня ни одного веселого часа, разве только в воспоминаниях! Для этого я и поднялся на эти древние горы, чтобы, наконец, опять устроить себе праздник, как подобает старому Папе и отцу церкви! Ибо знай, я – последний Папа, хочу устроить праздник благочестивых воспоминаний и богослужений. Но теперь умер и он, самый благочестивый человек, тот святой в лесу, который постоянно славил Бога пением и бормотанием. Его самого не нашел я уже, когда я нашел его хижину и двух волков в ней, которые были об его смерти, ибо все звери любили его. И я убежал оттуда *(вздыхает с горечью)*. Неужели я пришел напрасно в эти леса и горы...

Тогда решилось сердце мое искать другого, самого благочестивого из всех тех, кто не верит в Бога – искать Заратустру.

Смотрит на Заратустру. Заратустра берет его за руку и разглядывает ее долго, чему-то удивляясь.

Заратустра: Смотри-ка, досточтимый! Какая прекрасная длинная рука! Это рука того, кто постоянно **раздавал** Благословение, но теперь держит она того, кого ты ищешь, меня, Заратустру.

Ты служил самому старому Богу до конца, ты знаешь, КАК он умер? Правда ли, как говорят, что его задушила жалость, что он видел, как человек висел на кресте и не вынес это, так что любовь к человеку сделалась его адом, и наконец, смертью?

Папа молчит.

Оставь его, он умер. И хотя тебе делает честь, что ты о мертвом говоришь только хорошее, но ты так же хорошо знаешь, как и я, **кто** он был, и что он ходил странными путями.

Папа *(повеселев)*: Моя любовь служила ему долгие годы. Но хороший слуга знает все и даже много, что его господин скрывает от себя самого. Это был скрытный Бог, полный таинственности, Поистине, даже к своему сыну он шел не иначе, как потаенным путем. У дверей его **веры** стояло прелюбодеяние. Разве этот Бог, не хотел быть также и судьей? Кто прославляет его как Бога любви, тот недостаточно высокого мнения о самой любви. Но, увы, любящий любит по ту сторону награды и возмездия. Когда он был моим, этот Бог, тогда был он жесток и мстителен, он выстроил себе ад, чтоб забавлять своих любимцев. Но, наконец, он состарился, стал мягким и сострадательным, более похожим на деда, чем на отца, и всего больше похожим на трясущуюся старую бабушку. Так он сидел в своем углу на печке и сокрушался о своих слабых ногах, усталый от мира, усталый от воли, пока, наконец, не задохнулся от своего слишком большого сострадания...

Заратустра *(тихо)*: Ты... Ты, старый Папа, видел ли это своими глазами? Могло быть... иначе... Когда боги умирают, они всегда умирают разными смертями *(неуверенно)* Ну... что ж... *(вздыхнув)* так или иначе – он – умер. Он был не по вкусу моим ушам и глазам, худшего не хотел бы я о нем говорить. Но он – ты ведь знаешь это, старый Папа, он был немного из твоего рода, из рода священнического, его можно было **разно** понимать. Его часто и совсем нельзя было понять.

Как же он сердился на нас, этот дышащий гневом, что мы его плохо понимали! *(Вдруг смеется)*. Но почему же он не говорил яснее? И если вина была в наших ушах, почему дал он нам уши, которые его плохо слушали? Если была грязь в наших ушах, кто же вложил ее туда? Слишком многое не удавалось ему, этому горшечнику, недоучившемуся до конца.

Но если он еще мстил своим горшкам и творениям за то, что они ему плохо удавались – это было уже грехом против хорошего вкуса. Существует и в благочестии хороший вкус; он говорит, наконец: «Прочь с **таким** Богом! Лучше

совсем без Бога, лучше на собственный страх устраивать судьбу, лучше быть безумцем, лучше самому быть Богом!»

Папа: О! Что слышу я! Заратустра ты благочестивей, чем думаешь, при таком безверии! Какой-нибудь Бог в тебе обратил тебя к твоему безбожию. Разве не само благочестие не позволяет тебе более верить в Бога? И Твоя чрезмерная правдивость поведет тебя еще дальше, по ту сторону добра и зла! Посмотри, что осталось тебе? У тебя есть глаза, руки и уста, которые от вечности предназначены для благословения. Благословляют не только рукой.

Вблизи тебя, хотя ты и хочешь быть самым безбожным, я предчувствую тайное благоухание долгих благословений, мне при этом становится хорошо и мучительно. Позволь мне быть твоим гостем, о, Заратустра, на одну только ночь!

Нигде на земле мне не будет теперь лучше чем у тебя.

Заратустра: Амины! Да будет так! Туда, вверх, ведет дорога. Там находится пещера Заратустры. Я бы сам охотно проводил тебя туда, досточтимый, но теперь меня поспешно отзывает от тебя Крик о Помощи. В моем Царстве ни с кем не должно быть несчастья. Пещера моя – хорошая пристань. И больше всего хотел бы я всякого, кто печалится, опять поставить на твердую землю и на твердые ноги, Но кто снимет с плеч *Твою* печаль? Для этого я слишком слаб. Поистине, долго придется нам ждать, пока кто-нибудь опять воскресит тебе твоего Бога. Ибо этот старый бог не жив более. Он основательно умер.

Глава 7

Среди высоких колонн античного Дворца в свете Солнечных лучей танцует Тень с подругами. Девушки, похожие на цветы, колышущиеся на ветру, выплескивают в Небо кувшин с янтарным медом, смеются.

Тень (*украшает свои волосы розовыми лепестками писем, читает*): Письмо Густава Малера Анне Малер, жене.

Моя Альмшерль!

Твое толкование последних стихов превосходно... Попытаюсь рассказать тебе, на какой стадии находится мое... «понимание» этих заключительных стихов, только не знаю, что у меня из этого получится...

Итак, эти четыре строчки Гете

Все быстротечное –
Символ, сравнение.
Цель бесконечная,
Здесь – в достижение
Здесь заповеданной
Истины всей
Вечная женственность
Тянет нас к ней.

я воспринимаю как прямое продолжение последних строк, и, с другой стороны, как вершину гигантской пирамиды, *верх* произведения, которое показало нам целый мир в образах и развивающихся ситуациях. Все только сравнение, символ по отношению к чему-то, что, будучи воплощенным может лишь приблизительно выразить требуемое. Конечно, описать можно лишь проходящему ее, а то, что мы чувствуем, угадываем, но чего не достигаем, – именно оно неопишимо. Это – то, что с мистической силой влечет нас, что... (сам) Гете называет *вечно женственным* подразумевая именно покоящуюся цель, противоположную *вечной тяге, стремлению, движению, к этой цели, то есть вечно мужскому*. Ты совершенно права, характеризуя это как власть любви. Для этого есть множество представлений, имен...

Фауст, страстно ищущий Елену в Вальпургиевой ночи – от гомункула, еще не ставшего – через многочисленные энтелехии низшего и высшего порядка вплоть

до mater gloriæ, которая является олицетворением вечной женственности. Что же это? Гете сам говорит: «Все преходящее – только символ, сравнение, которое, будучи выражено на языке наших земных явлений, лишь приблизительно, но **там** явится нечто освобожденное от плоти земной *приблизительности*... и нам не нужны будут, тогда ни иносказательные описания, ни сравнения, символы, там вершится то, что... **описать нельзя**... Вечно женственное влечет нас – Мы достигли его – мы покоимся – мы владеем тем, к чему на земле могли лишь тянуться, стремиться. Христос называет это вечным блаженством, и я должен был воспользоваться этим прекрасным и вполне достаточным мифологическим представлением, самым адекватным из всех, какие доступны человечеству в нашу эпоху».

Надеюсь, что выразился ясно. Когда касаешься таких бесконечно тонких, и, как я сказал, внерациональных вещей, всегда рискуешь стать многословным. Поэтому во всех комментариях есть нечто неприятное. На сегодня кончаю, шлю тысячу приветов.

Твой Густав.

Тень улыбается, убегает.

Глава 8

Минуя один за другим, горные склоны, переходя хребты, будто танцуя, летел Заратустра, искал того, кто звал его, кто просил, кричал о помощи.

В сердце Заратустры цвели радужные фиалки. Но один и тот же вопрос рвался наружу, требовал ответа: «Чей это крик?», «Зачем я слышу его?», «Зачем, для чего он оставлен мне? Может быть, это кричит человек, изучающий пиявку, на которого я нечаянно наступил? Куда приведет меня эта тропинка?»

Заратустра (*гудит в раковину*):

Издалека подул
Заката ветер алый,
Поднялся в небе звон и гул –
И сердцу бесконечно тяжело стало.
Ты воскрешаешь дивные века
О, время крови и железа!
Багровые нависли облака
Над радостью зеленой леса,
Закат над головой горит,
Как широта людских стремлений.
И чувствую – с людьми я слит
В великом, мирном единении.
Народа каждого родник живой,
Цветение души несмятой,
И Солнце, что взойдет над вольною землей
Я славлю в страшный час заката ¹.

Оказавшись в долине Смерти Змей, там, где избегали появляться даже души животных, лишь хищные змеи время от времени приползали сюда умирать, Заратустра почувствовал тяжесть в душе, невольно он погрузился в мрачные воспоминания, припоминая Базарную площадь, натянутый канат, толпу людей и Канатного Плясуна, идущего в последний раз над пропастью толпы... Снова раздался в его ушах Крик о Помощи.

«Может ты, познающий пиявку?» снова слышит он свой вопрос.

– О, Заратустра – снова отвечал Совестьливый Духом, – мир пиявки – это мой мир. И здесь я дома»

¹ Стих Я. Судрабкала.

Чей-то смех раздался над головой Заратустры.

– «Разгадай загадку, Заратустра, скажи, кто я?»

Несколько секунд, прислушиваясь к Крику о Помощи, Заратустра падает, будто поскользнувшись на льду. Осторожно он поднимает голову, оглядывается, видит на краю дороги человека, безобразный облик которого заставляет Заратустру отвернуться.

Заратустра: Я узнал тебя! *(Громко)*. Ты – убийца Бога. Оставь меня. Ты – самый безобразный человек.

Безобразный человек хватается за край одежды, клокочет, подыскивая слова.

Самый Безобразный Человек: Останься! Не проходи мимо! Присядь ко мне, Заратустра. Это будет не напрасно! К кому же я стремился, если не к тебе?

Несколько блестящих Эриний – богинь Мести, приближаются к Самому Безобразному Человеку, ранят его стрелами.

Самый Безобразный Человек: Они преследуют меня! Теперь ты – последнее убежище мое. Ты угадал, кто убил его. Останься. И если ты хочешь идти, ты, нетерпеливый, не ходи дорогою, какой я шел! Это дорога плохая. Потому знай, я – Самый Безобразный Человек, у которого самые большие и тяжелые ноги.

Там, где я иду, обращаю все дороги в смерть и позор. Как цапля, закинув голову, с презрением смотрит поверх мелководных прудов, так смотрю я поверх движенья серых маленьких волн, воля и душ.

Тот Бог, который умер, он должен был умереть: он видел глазами, которые все видели – он видел глубины и бездны Человека, весь его скрытый позор и безобразие. Его сострадание не знало стыда: он проникал в мои самые грязные закоулки. Этот любопытный, сверх назойливый, сверх сострадательный должен был умереть. Он видел меня всегда: такому свидетелю хотел я отомстить или самому не жить. Бог, который все видел, не исключая и человека, – этот Бог должен был умереть! Человек не выносит, чтобы такой свидетель жил.

Холодный ветер пронзил тело Заратустры, обвил белым туманом скалы Долины смерти Змей. Заратустра поежился.

Самый Безобразный Человек: Берегись сострадания, Заратустра. Помни свои слова: «Все созидющие тверды, всякая великая любовь выше их сострадания». О, Заратустра, ты кажешься мне хорошо изучившим приметы грома!

Заратустра вонзает жезл в скалистую поверхность Земли Долины Смерти Змей, напоминающей безжизненную пустыню или инопланетный кратер. Змея Мудрости и Познания, открыв глаза, сползает на землю.

Заратустра: Ты, невыразимый, ты предостерег меня от своего пути, в благодарность за это я хвалю тебе мой путь. Смотри, там, вверху, пещера Заратустры. Моя пещера велика и глубока, много закоулков в ней, там самый скрытный находит сокровенное место свое. И поблизости есть сотни расщелин и сотни убежищ для животных и пресмыкающихся, порхающих, прыгающих. Ты, изгнанный, сам себя изгнавший, не хочешь гнить среди людей и человеческого сострадания? Ну что ж, делай, как я! Только тот, кто действует, учится. И прежде всего, разговаривай с моими животными. Я отпускаю впереди тебя мою Змею Мудрости, она приведет тебя к моей пещере! Пусть мои звери будут для нас обоих верными советниками!

Змея уползает по скалистому склону, Самый Безобразный Человек спешит за ней, прихрамывает.

Заратустра *(вслед)*: Как беден, однако человек! Как безобразен, как он хрипит, как полон скрытого позора! Никого еще не встречал я, кто бы глубже презирал себя, а это и есть высота. *(Вдруг)*. Горе, быть может, это был Высший человек, чей Крик я слышал. Я люблю великих презирающих. Но человек есть нечто, что должно превзойти.

Зеленое горное пастбище. Каменистое русло – пустое, только темный след от исчезнувшей воды. Видимо там когда-то протекал ручей. Теплый ветер Средневековья перебирает волосы Заратустры.

Стадо коров расположилось в густой траве, пахнувшей цветами и деревенским покоем. Коровы, кажется, внимательно прислушиваются к чьим-то негромким словам.

Заратустра подходит к стаду. На камне, лежащем у обочины, замечает Добровольного Нищего, в глазах которого блестят рыжие от Солнца – слезы умиления.

Заратустра: Чего ищешь ты здесь, скажи, друг!

Добровольный Нищий: Того же самого, чего ищешь и ты, нарушитель мира! Ищу счастья на земле. Ему я хотел научиться у этих коров. Ибо, знаешь ли, половину утра говорил я к ним, но они только что собрались отвечать мне. Зачем помешал ты им? Если мы не вернемся назад и не будем, как коровы, мы не войдем в Царство Небесное. Ибо одному должны мы научиться у них – пережевыванию, и, поистине, если бы человек приобрел целый мир, и не научился одному пережевыванию, какая польза была бы ему! Он не избавился бы от скуки своей, от великой скорби своей.

Но она называется сегодня отвращением. А у кого же сегодня сердце, уста и глаза не полны отвращения? И у тебя! Но взгляни на этих коров! *(Внимательно смотрит на Заратустру)*. Кто это, с кем я говорю?! *(Вскакивает с земли)*. Это человек, свободный от отвращения! Это глаза, это уста, это сердце самого Заратустры.

Плачет, целует руки Заратустры, коровы мычат изумленные.

Заратустра: Не говори обо мне, ты, странный милый человек! *(Отстраняется, словно пытаясь заслониться от его нежности)*. Говори сперва о себе! Не тот ли ты Добровольный Нищий, который некогда отказался от большого богатства, который устыдился богатства своего и богатых и бежал к самым бедным, и чтобы отдал им избыток свой и сердце свое! Но они не приняли его!

Добровольный Нищий: Но они не приняли меня. Ты хорошо это знаешь. Так что я пошел назад к зверям и коровам этим.

Заратустра: Там научился ты, насколько труднее уметь дарить, чем уметь брать, и что хорошо дарить – есть искусство, и притом – высшее, самое мудрое искусство доброты!

Добровольный Нищий: Особенно в наши дни! Особенно теперь, когда все низкое возмутилось, стало недоверчивым и по-своему чванливым: на манер черни. Ибо, ты знаешь, настал час великого восстания гибельного, долгого и медлительного: оно все растет и растет.

Теперь возмущает низких всякое благодеяние, и те, кто слишком богаты, пусть будут настороже, ибо сегодня подобно пузатой бутылке сочится сквозь слишком узкое горлышко – *(смеется)*, – у таких бутылей любят теперь отбивать горлышко, – похотливая алчность, желчная зависть, подавленная мстительность, надмевание черни, – все это бросилось мне в глаза! Уж не верно, что нищие блаженны! Но Царство Небесное – у коров.

Заратустра *(испытующе)*: А почему оно не у богатых?

Отгоняет коров.

Добровольный Нищий: К чему испытываешь меня? Ты сам знаешь это лучше меня. Что же гнало меня к самым бедным, о, Заратустра?

Разве не отвращение к нашим богатым? Извлекающим выгоды свои из всякого мусора, с холодными глазами и похотливыми мыслями, к этому отребью, от которого поднимается к Небу зловоние, к этой раззолоченной лживой черни, предки которой были воришками... «Чернь сверху», «Чернь снизу»... Что значит сегодня «бедный» и «богатый»? Эту разницу забыл я и бежал все дальше и дальше, пока не пришел к этим коровам.

Коровы мычат, жуют траву.

Заратустра *(с улыбкой)*: Ты совершаешь над собой насилие, ты, Добровольный нищий и проповедник, у которого такие суровые слова. Для такой суровости не годятся

не твои уста, не твои глаза. И как мне кажется, даже желудок твой: ему противны всякий гнев и всякая ненависть с пеною. Твой желудок требует более мягкой пищи: ты не любишь мяса. Скорее ты кажешься мне любителем растительной пищи, собирателем трав и корней. Может, жуешь ты, зерна? Во всяком случае, ты не находишь удовольствие в мясе и любишь мед.

Добровольный Нищий (*с радостью*): Ты угадал! Я люблю мед и жую зерна, ибо я ищу того, что приятно на вкус и делает дыхание чистым. Но дальше всех ушли в этом коровы, они изобрели пережевывание и лежание на Солнце. И они воздерживаются от вредных тяжелых мыслей. От которых пучит сердце.

Заратустра: Ну что ж! Тебе бы следовало **увидеть** и **моих** зверей, Орла моего, Змею и домашнего кота... (*Смеется*). Смотри, там дорога ведет к моей пещере. Будь гостем ее этой ночью! И поговори со зверями моими о счастье зверей, пока я сам не вернусь.

Слышит издали протяжный звук, будто чей-то крик.

Заратустра: А теперь меня поспешно отзывают от тебя. Это – Крик о Помощи. У меня в пещере ты найдешь новый мед, в свежих янтарных сотах, съешь его. А теперь простись поскорее со своими коровами, странный милый человек! Как бы тяжело это не было тебе, ибо это лучшие твои друзья и учителя.

Добровольный Нищий (*смеется*): За исключением одного, кого я люблю больше, ты самый добрый, и... и... еще лучше, чем... всякая корова! О, Заратустра!

Заратустра: Прощай, странный человек

Стучит жезлом о землю, уходит. Добровольный Нищий поспешно убегает.

Глава 10

Несколько шагов сделал Заратустра, пройдя вдоль зеленого пастбища! За спиной услышал он тихий голос, будто легкое дуновение ветра. Заратустра не остановился. Но кто-то, незнакомый, тихий, еще и еще раз окликнул его по имени. Заратустра замедлил шаг. Кругом него были бесконечные горы.

Голос: Пстой, Заратустра, это я, твоя Тень.

Слышится плеск волн далекого моря.

Заратустра (*остановился, тихо*): Ты знаешь, я не должен оборачиваться. Мне нужны новые горы. (*Помолчав, прислушиваясь*). Моя Тень зовет меня? Что же мне до Тени моей? Пусть бежит за мной. Я убегу от тебя!

Бежит, затем останавливается, смеется.

Заратустра: Твои ноги, по-моему, длиннее моих! Ты – похоже – не моя Тень. Или, я не прав!

Быстро оборачивается, чуть не опрокидывает на землю Тень, которая преследует его.

Заратустра (*испуганно, растерянно*): Кто ты? Чей внезапный призрак? Худой, изможденный, предсмертный? Что делаешь ты здесь? И почему называешь ты себя моей Тенью? Ты не нравишься мне.

Тень отделяется от фигуры Странника, стоящего перед Заратустрой. Странник – как отражение в печальном зеркале, напоминает Заратустру.

Тень: Если я тебе не нравлюсь... Ну, что ж... Заратустра. Я знаю, кого ты любишь... Я хвалю тебя и твой хороший выбор.

Странник (*дотрагивается до Тени*): Я – странник, который уже много ходит по пятам твоим, вечно в дороге, но без цели, так что мне, поистине немного недостает до вечного жид, разве только что не вечен я и не жид.

Смеется.

Тень: Как? Неужели должна я быть с тобой всегда в пути? Увлекаемой и гонимой каждым ветром? О, земля, ты стала для меня слишком круглой! На всякой поверхности побывала я уже; как усталая пыль, спала я на зеркалах, в оконных

стеклах, все берет от меня, но ни кто не дает, я становлюсь тощей, почти похожу я на Тень.

Странник берет у Заратустры раковину, играет несложную мелодию.

Тень: Но за тобой, о, Заратустра, я следовала и преследовала тебя дольше всего, и, если я и пряталась от тебя, все-таки я была твоей верной тенью, где бы ни сел ты, рядом садилась и я. Где бы не остановился ты, останавливаюсь я. С тобой обошла я самые далекие, самые холодные миры, как призрак, который готов бегать зимою по крышам и по снегу

Заратустра: Но ты совсем не похожа на мою Тень – *(качает головой)*. Моя возлюбленная, моя Душа, моя Жизнь не так приходила ко мне, плескала солнечным взором, согревала сердце своим дыханием, не было скорби в ее глазах.

Тень: Вместе с тобой, о, Заратустра, стремилась я ко всему запретному и самому дурному, дальнему... Оттого стали темными мои глаза, потускнел их блеск... *(Помолчав)*. И если что-нибудь во мне может быть названо добродетелью, так это то, что я не боялась никаких запретов. Вместе с тобою разбила я все, что когда-либо чтит мое сердце. Вместе с тобой разучилась вере в слова, ценности и великие имена. Когда черт меняет кожу, не отпадает ли тогда, также и имя его? Ибо имя есть также кожа. И сам черт, быть может, только кожа!

Заратустра *(качает головой)*: Увы, но тогда ты не моя Тень. Я не то, что все вы думаете – сравнивая меня со Сверхчеловеком. Я не Сверхчеловек. Я просто учусь и учу жить.

Тень: Жить, как мне нравится, или вовсе не жить, о, Заратустра. Так хотела я. Так хочет даже святой. Но, увy, есть ли еще для меня радость?

«Нет истины, все позволено», – так убеждала я себя. В самые холодные воды погружалась я сердцем и головою.

Есть ли у меня цель? Есть ли пристань, куда бежит парус мой? Попутный ветер? Ах, только тот, кто знает, куда он следует, знает также, какой ветер ему по пути. А искание **своего** дома? О, Заратустра, ты ведь знаешь, это искание было моим... также.

Странник: А может моим...

Заратустра *(как в зеркале)*: Моим...

Звучит музыка, Странник играет.

Тень:

Где – дом мой?
Я спрашивала о нем,
Ищу и искала его
И нигде не нашла.
О, вечное везде,
О, вечное нигде.

Заратустра *(тихо, с грустью)*: Да, ты моя Тень... И немалая опасность грозит тебе, ты *(смеется над собой)* – вольнодумная и странная... Плохой день был у меня, смотри, как бы не наступил еще худший вечер!

Вдали, в горах, скрипят, раскачиваясь, высокие деревья.

Заратустра *(с болью)*: Таким беспросветным, как ты, может, наконец, даже тюрьма показаться блаженством... Видела ли ты когда-нибудь, как дают заключенные праздник? Они спят спокойно, они наслаждаются впервые своей безопасностью.

По горному склону бесцельно идет вереница искалеченных людей, шумят деревья.

Ты – утратила цель, увy, вместе с ней ты потеряла и дорогу.

Бедный, блуждающий друг! Не хочешь ли ты на этот вечер иметь пристанище? Тогда иди вверх в пещеру мою! Эта дорога ведет к пещере моей. А теперь я убегу от тебя. Я побегу один, чтобы опять стать светлым, к тому же я еще должен быть весел, бодр и хорошо стоять на ногах! *(Смеется)*. Вечером – у меня будут... танцы! *(Убегает)*.

У подножья гор – бескрайний морской простор. Где-то там же, внизу у моря, раскинулось Царство Древней Эллады... Сверкающие на Солнце, величественные Дворцы, театры, Колесничные бега – и над всем миром недостижимые вершины Олимпа. Повинуясь голосу, взывающему о Помощи, Заратустра спешит вниз, по горному склону, смеется, словно пытается догнать утопающее в морских брызгах, раскаленное Солнце. В ушах Заратустры звучали голоса толпы на базарной площади, толпы, скандирующей как единый голос:

– Хлеба!

– Зрелищ!

И Заратустра видит себя с высоты Олимпийских гор, лежащим на поросшем травой арене, видит, как темнеет Небо и слышит голоса толпы:

«Хлеба! Зрелищ!» – кричит толпа, а на траве, залитой кровью вырастают прекрасные яркие цветы...

... На мгновение остановился Заратустра, прилег на землю, обхватив обеими руками ствол высокого дерева, обвитого виноградной лозой и – хотел было сорвать одну кисть, но руки не слушались его, глаза слипались от усталости... Летний морской ветер перебирал его волосы, гладил, утешал, как в детстве.

Заратустра (с любовью): Милое дерево! В твоем стволе живет душа, так же, как моя – в моем. И когда твоих ветвей касается ласковый морской ветер, и листву золотит Солнце, наверное, тебе, как и мне, хочется петь, танцевать и смеяться от счастья! Если б ты могло танцевать! Мы бы станцевали вместе самый счастливый и невероятный танец восторга и любви...

Ветер качает ствол дерева.

Но... Тише... Тише! Не стал ли мир совершенен? Что ж, однако, происходит со мной?! Как легкий ветерок невидимо танцует по гладкому морю, легкий, как перышко, сон танцует на мне. Глаз не смыкает он мне, оставляет бодрствовать.

Легок, поистине, легок он, как перышко.

Как тень дерева, становится длинной и усталой моя странная душа!

Достаёт раковину, гудит.

Уж не блуждает моя Душа слишком долго? Кто ты, где ты, Душа моя! (Солнечный луч падает с Неба на его лицо). Кто звал меня? Кто просил, кричал о Помощи?

Не дождавшись ответа, пришел Заратустра к своей пещере и понял что Крик о Помощи, состоящий теперь из нескольких голосов, как из осколков разбитого зеркала, исходит из его собственной пещеры. Заратустра бросился к своей пещере и, едва войдя в нее увидел необыкновенное...

В пещере были те, кого он встречал на своем пути: Короли, Старый Чародей, Папа Римский, Добровольный Нищий, Совестьливый Духом, Мрачный Прорицатель и Осел.

Самый Безобразный Человек надел на свою голову корону и обмотавшись поясом, стоял напротив Орла, явно пытаясь превзойти его в гордости и красоте.

Перья у Орла были взъерошены, а Мудрая Змея обвилась вокруг его шеи. Кот сидел у ног Орла. Заратустра улыбнулся, вздохнул.

Заратустра: Вы, отчаявшиеся странные люди! Это ваш Крик о Помощи слышал я? И теперь я знаю, где надо искать Того, кого тщетно искал я сегодня – Высшего человека! В моей собственной пещере сидит он. Наверно, я привлек его к себе нехитрыми приманками своей музыки о несбывшемся счастье. Однако мне кажется, что вы не годитесь для совместного общества, вы, взывающие о помощи? Вы смущаете сердце друг другу.

Сперва должен прийти некто, кто опять заставит вас смеяться, добрый, веселый шутник, танцор, ветер, сорвиголова, какой-нибудь старый дурень, вам не кажется?

Молчание.

Простите мне, вы, отчаявшиеся, что я обращаюсь к вам с такой ничтожной речью... недостойной поистине таких гостей!

Но вы не догадываетесь, что делает бодрым сердце мне? Вы сами и ваш вид. Простите мне, ибо всякий, кто смотрит на отчаявшегося, становится добрым.

Чтобы утешить отчаявшегося – для этого каждый должен быть достаточно сильным. Мне самому придали вы эту силу – драгоценный дар, мои высокие гости!

Ну что ж, не сердитесь, что я предлагаю вам свой.

Здесь Царство мое и владения мои, пусть на этот вечер и эту ночь все это будет и вашим. Пусть звери мои служат вам, пусть пещера моя будет местом отдохновения вашего. Поклон вам, желанные гости мои!

Смеется, полный любви и злобы. Гости кланяются ему.

Король: По тому, о, Заратустра, как ты предложил нам руку и привет свой, узнаем мы в тебе Заратустру. Ты унился перед нами, почти оскорбил наше уважение к тебе – но кто бы сумел, как ты, унизиться с такой гордостью? Это ободряет нас самих. Это усада для глаз и сердец наших. Чтобы видеть только это, мы охотно поднялись бы на более высокие горы, чем эта гора, ибо – как любители *зрелищ*, пришли мы. Мы хотим видеть, что делает ясным печальный взор...

Помолчав.

И вот уже прекратился всякий наш крик о помощи. Уже открыты мысли и сердца наши и восхищены. Еще немного – и наше мужество станет бодрым.

Ничто, о, Заратустра, не растет на земле более радостно, как высокая сильная воля. Она – прекраснейшее из произведений ее. Целый ландшафт оживляется от одного такого дерева.

С пинией, сравниваю я, о Заратустра, всякого, кто вырастает подобно тебе. Высокий, молчаливый, твердый, одинокий, сделанный из лучшего гибкого дерева, господственный, простирающий крепкие зеленые ветви за пределы господства своего, мощью вопрошающий ветры и бурю, и все, что от века близко к высотам. Еще мощнее отвечающий, повелевающий, победоносный, о, кто бы поднялся на высокие горы, чтобы только посмотреть на такие деревья.

Под деревом твоим, о Заратустра, оживляется печальный и неудачник, при виде тебя успокаивается беспокойнейший, исцеляется сердце его.

И поистине, на гору твою и к дереву твоему обращены сегодня многие взоры – возникла великая тоска и многие научились спрашивать: «Кто такой Заратустра?», «Жив ли еще Заратустра?», «Не стоит больше жить, все равно все тщетно, или мы должны жить с Заратустрой», «Почему не приходит тот, кто так давно возвестил о себе?», «Не поглотило ли его одиночество?», «Или мы сами должны пойти к нему?»

Теперь случается, что само одиночество истлело и распадается, подобно логике, которая распадается и не может больше держать мертвецов своих. Всюду видны воскресшие...

Теперь волны поднимаются все выше и выше вокруг горы твоей, о, Заратустра! И как ни высока высота твоя, многие должны подняться к тебе, твой челн уже недолго останется на суше. И то, что мы, отчаявшиеся, теперь пришли в пещеру твою и уже свободны от отчаянья – служит лишь предзнаменованием, что лучшие находятся на пути к тебе, последний остаток бога среди людей, а таковы именно: все люди великой тоски, великого отвращения, великого пресыщения.

Все, что не хотят жить, если только не научатся снова надеяться, если научатся у тебя, о, Заратустра, великой надежде.

Король хватая руку Заратустры, чтобы поцеловать. Заратустра отступает с испугом. В несколько прыжков оказывается на вершине противоположной горы, переворачивается в воздухе и снова возвращается к своей пещере.

Заратустра: Гости мои, вы, Высшие люди, я хочу говорить с вами по-немецки и ясно!

Помолчав, улыбается. В его сердце вновь звучат слова, сказанные Тенью: «Пусть знаком нашей встречи будет смеющийся лев и стая голубей» далее говорит на немецком.

Nicht auf euch habe ich hier auf diesen Gebirgen gewartet.

Король (Пане): Horen Sie? Deutsch und klar! Gott bewahre! Es ist bemerkbar, dass er, dieser Weise von Osten, die netten Deutschen nicht kennt! Er will aber reden „deutsch und grob“, nun was ist denn dabei, heute ist es noch nicht der schlimmste Geschmack.

Заратустра: Mogt ihr alle wirklich die höchsten Menschen sein, für mich seid ihr aber ungenugend hoch und ungenugend stark. Für mich bedeutet es: für Unerbittlichen, der im Inneren schweigt, aber nicht immer schweigen wird. Wenn ihr zu mir gehört, dann ist es aber nicht so, wie mein rechter Arm. Da wer selbst die kranken und schwachen Beine hat, der will vor allem, dass man ihn schont. Ich schone meine Arme und meine Beine nicht, ich schone auch meine Kämpfer nicht. Wie konntet ihr zu meinem Krieg taugen? Ihr seid für mich auch ungenugend herrlich und ungenugend edel. Für meine Lehre benutze ich reine und glatte Spiegel, und an eurer Oberfläche wird sogar meine eigene Gestalt entstellt! Auf euren Schultern lasten viele Anstrengungen, viele Erinnerungen, viele böse Zwerge haben sich gekrümmt, und sitzen in euren Seitengassen! Sogar ihr habt verborgene Schwarze. Obgleich ihr hoch seid und höheres Geschlecht habt, ist vieles bei euch krumm und scheuBlich. In der Welt gibt es keinen Schmied, der euch berichtigen und geradebiegen konnte. Ihr seid nur eine Brücke, mögen die Höchsten durch euch überqueren – ihr bedeutet die Stufen: ärgert sich über denjenigen nicht, der durch euch auf seine Höhe steigt! Es mag wohl sein, dass einmal aus eurem Samen mein echter Sohn und vollendeter Nachfolger aufwächst, es ist aber noch weit. Selbst seid ihr nicht diejenigen, denen mein Erbe und mein Name gehören. Nicht auf euch warte ich auf diesen Gebirgen, nicht mit euch werde ich zum letzten Mai hinabsteigen. Ihr kommt zu mir als ein Vorzeichen, dass die Höchsten Menschen schon unterwegs zu mir sind, – das sind nicht die Menschen der tiefen Schwermut, des großen Abscheus, der großen Übersättigung, und das sind nicht diejenigen, wen ihr „die letzten Reste von Gott“ genannt habt. Nein! Nein! Dreimal nein! Auf die anderen warte ich hier, auf diesen Gebirgen, und ohne sie ruhe ich mich nicht von der Stelle!

Ich warte auf die höchsten, stärkeren, siegreichen lustigeren Menschen, die die rechtwinklig gebauten Körper und Seele haben (*улыбается*). Die lachenden Löwen müssen kommen! O. meine willkommenen Gäste, ihr seid merkwürdige Leute, – wäre es möglich, dass ihr noch nichts über meine Kinder gehört habt? Darüber, dass sie schon unterwegs zu mir sind? Was ich auch opfern möge, um nur eines zu haben: Diese Kinder, diese lebendigen Anpflanzungen. diese Bäume des Lebens und des Willens, meiner höchsten Hoffnung.

Не вас ожидал я здесь, в этих горах...

Король (Пане): Вы слышите? По-немецки и ясно! Боже упаси! Заметно, он не знает милых немцев, этот мудрец с Востока! Но он хочет сказать «по-немецки и грубо», ну, что ж, по нынешним временам это еще не худший вкус!

Заратустра: Пусть, поистине, вы будете, вместе взятые, высшими людьми, но для меня вы недостаточно высоки и недостаточно сильны. Для меня это значит: для неумолимого, что молчит во мне, но не всегда будет молчать. Если вы и принадлежите мне, то все же не так, как правая рука моя. Ибо кто сам ходит на больных и слабых ногах, тот хочет прежде всего, чтобы щадили его. Но ни рук моих, ни ног моих не щажу я, и не щажу я своих воинов. Как же могли бы вы годиться *для моей* войны? Также вы для меня недостаточно прекрасны и недостаточно благородны. Я употребляю чистые и гладкие зеркала для учения своего, а на вашей поверхности искажается даже собственный образ мой! Ваши плечи давит много тяжестей, много воспоминаний, много злых Карликов сидят, скорчившись в закоулках ваших! Даже в вас есть скрытая чернь. И пусть вы высоки и более высокого рода: много в вас криво и безобразно. Нет в мире кузнеца, который мог бы исправить и выпрямить вас. Вы – только мост, пусть Высшие перейдут через вас – Вы означаете ступени: не сердитесь же на того, кто по вас поднимается на высоту свою! Быть может, из семени вашего некогда вырастет настоящий сын и совершенный наследник мой, но это еще далеко. Сами вы не те, кому принадлежит наследство мое и имя мое. Не вас жду я здесь в этих горах, не с вами спущусь я вниз в последний раз. Только как предзнаменование

пришли вы ко мне, что Высшие люди находятся уже на пути ко мне, – не люди великой тоски, великого отвращения, великого пресыщения и не те, кого вы называли последними остатками бога. Нет! Нет! Трижды нет! Других жду я здесь, в этих горах и без них не шевельни я ногой, чтобы уйти отсюда.

Высших, более сильных, победоносных, более веселых, таких, у которых прямоугольно построено тело и душа (*улыбается*). Смеющиеся львы должны прийти! О, желанные гости мои, вы странные люди – неужели вы еще ничего не слышали о детях моих? О том, что они находятся на пути ко мне? Чего не отдал бы я, чтобы иметь лишь одно: **этих** детей, **Эти** живые насаждения, **эти** деревья жизни и воли, моей высшей надежды!

Мрачный прорицатель (*схватив Заратустру за руку*): Но Заратустра, разве не пригласил ты меня на трапезу? И здесь находятся многие, совершившие длинный путь. Не печалью же хочешь ты накормить нас?

Кроме того, мы уже слишком много без тебя говорили о замерзании, утоплении, укушении и других телесных бедствиях, но никто не вспомнил о моей беде, о страхе умереть с голоду.

Звери выбегают из пещеры.

Орел (*Змее*): И всего принесенного в пещеру будет недостаточно, чтобы накормить досыта одного только Прорицателя.

Мрачный прорицатель: Включая сюда и страх умереть от жажды! И хотя я слышу, что вода здесь журчит, подобно речам мудрости, в изобилии и неустанно, но я хочу вино!

1 Король: О вине мы позаботились, я с моим братом Королем. У нас вина достаточно. Осел целиком нагружен им. Так что недостает только хлеба.

Заратустра: Хлеба? (*Смело*). Как раз хлеба и не бывает у отшельников. Но не хлебом единым жив человек; но и мясом хороших ягнят, а у меня их два. Пусть скорее заколют их и приправят шалфеем: так люблю я. Также нет недостатка в кореньях и плодах, годных для лакомок и гурманов; есть также орехи и другие загадки, чтобы пощелкать.

Мы скоро устроим знатный пир! (*Гудит в раковину, все смеются*).

Добровольный Нищий (*шутливо*): Слушайте-ка этого чревоугодника Заратустру! Для него ль идут в пещеры и на высокие горы, чтобы устраивать такие пиры? Теперь понимаю я, чему он некогда нас учил, говоря «хвала малой бедности!» и почему он хочет уничтожить наших.

Заратустра: Оставайся при своих привычках, превосходный человек! Жуй свои зерна, пей свою воду, хвали свою кухню – если только она веселит тебя! Я – закон только для моих, а не закон для всех. Но кто принадлежит мне, должен иметь крепкие кости и легкую поступь. Получать удовольствие в войнах и пиршествах, а не быть букой и Гансом-мечтателем, быть готовым ко всему самому трудному, как к празднику своему, быть здоровым и невредимым. Лучшее принадлежит моим и мне, и если не дают нам его, мы сами берем. Лучшую пищу, самое чистое небо, самые мощные мысли, самых прекрасных женщин!

1 Король с состраданием смотрит на Заратустру, на его глазах – слезы.

2 Король: Странно, слышали ли когда-нибудь такие умные речи из уст мудреца? Редко встречается мудрец, который был бы умен и вдобавок не был бы ослом!

1 Король (*плачет*): Расскажи нам, Заратустра, о своем Высшем человеке! Кажется я видел тебя на канате, висящем над Базарной площадью!

Все: Расскажи!

Заратустра: Когда я в первый раз пошел к людям, совершил я глупость отшельника, великую глупость: я явился на Базарную площадь. И когда я говорил ко всем, я ни к кому не говорил! Но к вечеру Канатный Плясун стал моим товарищем и... погиб... (*Помолчав*). Но... с новым утром... в лесу пришла ко мне и новая истина – тогда научился я говорить: «Что мне до базара и толпы, до шума и толпы и длинных ушей ее!» Вы, высшие люди, этому научитесь у меня: на базаре не верит никто в Высших людей. И если хотите вы там говорить, ну, что ж! Но знайте, толпа

моргает: «мы все равны», «Вы – Высшие люди? – так моргает толпа, – не существует Высших людей, мы все равны, человек есть человек, перед Богом – мы все равны».

Перед Богом! Но теперь умер этот Бог! Но перед толпою мы не хотим быть равны. Вы Высшие люди, уходите с базара. Этот Бог был вашей величайшей опасностью. С тех пор как лежит он в могиле, вы впервые воскресли. Только теперь наступает великий полдень. Только теперь Высший человек станет господином! Поняли ли вы это? Вы испугались, встревожилось сердце ваше? Не зреет ли здесь еда для вас? Не лает ли здесь адский пес по вас? Ну, что ж, вперед, Высшие люди! Наверно, теперь гора человеческого будущего легка в родовых муках. Бог умер. Теперь хотим мы, чтобы жил Сверхчеловек.

Есть ли в вас мужество, о братья мои?! Есть ли сердце в вас? Не мужество перед свидетелем, а мужество отшельника и орла, на которое уже не смотрит даже Бог. У холодных душ, у мулов, у слепых и у пьяных нет того, что я называю мужеством. Лишь у того есть мужество, кто знает страх, но побеждает его, кто видит бездну, но с гордостью смотрит в нее! Кто смотрит в бездну, но глазами орла, кто хватается бездну когтями орла, лишь в том есть мужество.

О, высшие люди, не думаете ли вы, что я здесь для того, чтобы исправить то, что вы сделали дурного? Или что я хочу отныне удобно уложить вас спать, страдающих? Или указать вам, беспокойным, сбившимся с пути и потерявшимся в горах, новые, более удобные тропинки? Нет! Нет! Трижды нет! Вы – создающие, вы – Высшие люди! Не позволяйте никому вводить себя в заблуждение! Кто же ближний ваш? Но если вы действуете для ближнего – вы созидаете все-таки не для него!

Разучитесь же этому «для», вы, созидающие: ибо ваша добродетель требует, чтобы вы не имели никакого дела с этим «для», «ради» и «потому что». Заткните уши свои от этих поддельных, маленьких слов. Не будьте добродетельны свыше своих сил! И не требуйте от себя ничего невероятного! Не обвиняйте себя излишне! А для того ходите по стопам, по которым уже ходила добродетель отцов ваших. Как могли бы подняться высоко, если бы воля отцов ваших не поднималась с вами? Но кто хочет быть первенцем, пусть смотрит, как бы не сделаться ему последним, и где есть позор отцов ваших, там не должны вы желать разыгрывать святых!

Что было бы, если бы потребовал от себя целомудрия тот, чьи отцы посещали женщин и любили крепкие вина и кабанов? Это было бы безумием! И если бы основывая он монастыри и писал над дверью: «дорога к святому», – я все-таки сказал бы: к чему! Ведь это новое безумие! Он основал для себя самого смиренный дом и убежище – на здоровье! Но я не верю этому. Существовало ли до сих пор на земле что-нибудь более грязное, чем пустынные жители? Около них срывался с цепи не только дьявол, но и свинья.

Смеется.

Оробевшими, пристыженными, неловкими, похожими на тигра, которому не удался прыжок его, такими, о Высшие люди, видел я часто вас, когда крались вы осторожно! Игра в кости не удалась вам. Ну, что ж с этого, вы, играющие в кости! Вы не научились играть и смеяться, как нужно играть и смеяться! Не сидим ли мы всегда за большим столом насмешек и игр? И если вам не удалось великое, значит ли это, что вы сами не удались? И если не удались вы сами, не удался и – человек? И если не удался человек – ну, что ж! О, Высшие люди! Чем совершенней вещь, тем реже она удается, разве все вы – не удались? Будьте бодры, сколь многое еще возможно! Учитесь смеяться над собой, как надо смеяться! Не бьется ли, не мечется ли в вас будущее человека? Все совершенное учит надеяться. Посмотрите как богата эта земля маленькими, совершенными вещами, вполне удавшимися.

Озирается.

Где вы, звери мои?! Сюда, скорей, мой Орел, моя Змея и мой Кот.

Пауза.

Высшие люди, что было на земле доселе самым тяжким грехом? Не были ли этим грехом слова того, кто говорил: «Горе здесь смеющимся!» Разве не нашел он на земле никаких оснований для смеха? Значит, искал плохо. Дитя находит здесь основания для смеха.

Он – недостаточно любил, иначе он полюбил бы и нас, смеющихся? Но он ненавидел и позорил нас, плач и скрежет зубов предрекал он нам? Надо ли тотчас проклинать, где не любишь? Это кажется мне дурным вкусом. Всякая великая любовь хочет не любви: она хочет большего! Сторонитесь всех этих безусловных! Это бедный больной род – род толпы – они дурно смотрят на эту жизнь, у их дурной глаз на эту землю. Сторонитесь всех этих безусловных! У них тяжелая поступь и тяжелые сердца – они не умеют плясать! Как могла бы для них земля быть легкой!

Кривым путем приближаются все хорошие вещи к цели своей. Они выгибаются как кошки. Они мурлычат от близкого счастья своего – все хорошие вещи смеются. Походка обнаруживает, идет ли кто уже по пути, своему – смотрите, как я иду! Но кто приближается к цели своей – тот танцует. И хотя есть *на земле Трясина и густая печаль, но у кого легкие ноги, тот бежит поверх тины и танцует*, как на расчищенном льду. Возносите сердца ваши, братья мои, выше, все выше! И не забывайте также и ног! Возносите также и ноги ваши, вы, хорошие танцоры, а еще лучше – стойте на голове!

Делает головокружительные прыжки. Несколько лепестков роз падают с Неба на землю, будто легкий ветер колышет верхушки деревьев, проносится по горам, заглядывая в пещеру, приносит туда запахи цветов. Заратустра подбирает лепестки, смеется, сыплет их себе на голову, о чем-то вспоминая.

Заратустра: Этот венец смеющегося, этот венец из роз, – я сам возложил на себя этот венец, я сам признал священным свой смех! Никого другого не нашел я теперь достаточно сильным для этого.

Заратустра танцор, Заратустра – машущий крыльями, готовый лететь, манящий всех птиц, готовый и проворный, блаженно – легкий – Заратустра – вещий словом, Заратустра – вещий смехом, не нетерпеливый, но безусловный, любящий прыжки и вперед, и в сторону, я сам возложил на себя этот венец. Возносите сердца ваши, братья мои, все выше! И не забывайте также и ног! А еще лучше (*смеется*) – стойте на голове! Еще и еще раз скажу вам!

Существуют и в счастье тяжеловесные звуки, есть неуклюжие от рождения. Они делают смешные усилия как слон, старающийся стоять на голове!

Но лучше быть дурашливым от счастья, чем дурашливым от несчастья. Лучше неуклюже танцевать, чем ходить, хромая. Учитесь же у мудрости моей. Даже у худшей вещи есть две хорошие изнанки, – даже у худшей вещи есть хорошие ноги для танцев: так учитесь же вы, о, Высшие люди, становиться на настоящие ноги свои! Разучитесь же скорби и всякой печали толпы! О, какими печальными кажутся мне сегодня народные шуты!

Пляшет, пародируя шута. Все смеются, хлопают.

Заратустра (*гудит в раковину*): Лучше подражайте ветру, когда он вырывается из своих горных ущелий: под звуки собственной свирели хочет он танцевать, моря дрожат и прыгают под стопами его.

Хвала доброму неукротимому духу, который дает крылья осламу, который доит львиц, который приходит как ураган, для всякого «сегодня» и для всякой толпы. Который есть враг всем чертополохным и взбалмошным головам, всем увядшим листьям и сорным травам; хвала этому духу бурь, дикому, доброму и свободному, который танцует по болотам и по печали, как по лугам!

Который ненавидит чахлах псов из толпы и всякое неудачное мрачное отродье; хвала этому духу всех свободных умов, смеющейся буре, которая засыпает глаза пылью всем, кто видит лишь черное и сам покрыт язвами!

О, Высшие люди, ваше худшее в том, что все вы не научились танцевать, как нужно танцевать, – танцевать поверх самих себя. Не забывайте и доброго смеха! Этот венец смеющегося, этот венец из роз, вам, братья мои, кидаю я этот венец! Смех признал я священным, о, Высшие люди, научитесь же у меня – смеяться!

Заратустра выходит из пещеры, взбирается на камень, смотрит в Небо, усыпанное звездами

О, чистый запах! О, блаженная тишина, меня окружающие!

Но где вы, звери мои? Сюда, мой Орел, моя Змея и мой Кот!

К Заратустре подходят звери. Он гладит Кота.

Скажите мне, звери мои, эти Высшие люди все вместе... быть может они **пахнут** не хорошо? О, чистый запах, окружающий меня! Теперь только знаю и чувствую я, как люблю вас, звери мои!

Звери доверчиво смотрят на Заратустру, также втягивая в себя чистый ночной воздух.

Орел: Воздух здесь, снаружи, лучше, чем у Высших людей...

Глава 12

Ярко освещенная Солнцем морская даль. Тень, спустившись

По ступеням античного Дворца, задумчиво смотрит в море. Величественные колонны Дворца кажутся мачтами огромного корабля, мечтающего отправиться в плавание. Тень подбирает лепестки цветов, рассыпанные возле морского берега опускает их в воду точно крохотные кораблики. Будто журчание волн, звучит музыка Малера, и волны теплого моря бросают к ногам девушки одинокие лепестки писем.

Тень: Письмо Густава Малера Йозефу Штейнеру, другу композитора...

Вчера я был слишком изнурен и взволнован, чтобы писать дальше. Мое вчерашнее бешеное возбуждение уступило место относительному спокойствию. Мне хорошо как человеку, у которого после долгого приступа гнева брызнули из глаз слезы облегчения.

Милый Штейнер!

Вы хотите знать, как я провел все это время? Достаточно будет сказать об этом всего несколько слов. Я ел и пил, бодрствовал и спал, плакал и смеялся; я стоял на горах, где веет дыхание Бога, и был в лугах, и колокольчики пасущихся стад, погружали меня в мечты. И все же я не избежал своей судьбы: сомнение следует за мной по всем дорогам, я ничему не в силах радоваться до конца, и самую веселую мою улыбку сопровождают слезы. Теперь я живу здесь, в венгерской пуште, в одной семье, которая наняла меня на лето. Моя обязанность – давать мальчику уроки фортепиано и время от времени доставлять музыкальные наслаждения всему семейству, – и вот я сижу здесь и барахтаюсь, как комар в паутине. Однако мавр делает свое дело. А вечерами я выхожу на луг, взбираюсь на липу, одиноко стоявшую там, и с вершины моей подруги смотрю на мир: перед моими глазами Дунай привычно стремится свое течение, и в его волнах пылает жар заходящего Солнца; позади меня в деревне стройно звенят вечерние колокола и дружелюбное дуновение ветерка приносит ко мне их звук.

Ветви дерева раскачиваются на ветру, баюкают меня, как дочери Лесного царя, а листья и цветы моей возлюбленной нежно прижимаются к моим щекам. Повсюду, покой, священный покой! Только издали доносится зов лягушки, грустно сидящей в камышах. Тут, как тени давно прошедшего счастья, передо мной проходят неясные образы моей жизни, и в моих ушах вновь звенит песня тоски. Вот мы снова бродим вместе по знакомым полям: там стоит шарманчик и протягивает шляпу своей иссохшей рукой. В звуках расстроенной шарманки мне слышится привет Эрнста Швабского; он появляется сам и простирает ко мне руки – и я вижу, что это – мой бедный брат. Но завеса падает, образы бледнеют, и звуки затихают. Из серого моря vyplывают два милых имени: Мораван, Ронов. И

я вижу сады а в них – множество милых людей и дерево, на котором вырезано имя: Паулина.

И синеглазая девушка наклоняется рядом со мной. Она со смехом несет мне гроздь винограда, сорванную с лозы. При этом воспоминании мои щеки вновь заливаются краской, и я вижу эти глаза, которые однажды сделали меня вором. И снова все исчезают. Ничего нет! Но тут поднимается роковой зонтик, и я слышу пророческий голос, идущий из его чрева: словно римский авгур, предрекает он мне несчастье. Вдруг из земли поднимается стол, и за ним – призрачный образ, весь окутанный голубым облаком. Это – Момон, который воспекает «великий дух» и в тоже время обдает его дымом настоящих «Трех волхвов». А рядом с ним сидим мы, как служки, которые впервые прислуживают у обедни.

За нами, оскалив зубы, маячит Кобольд с лицом Буксбаума, в одежде из карт пиковой масти. Страшным голосом он окликает нас напевая на мотив этюдов Бертини: «Склонитесь! И это великолепие преходящее!»

Но сцену закрывают облака дыма, которые пускает Мелион; они становятся все гуще и гуще. Вдруг из них наполняется голова ангела, как на Мадонне Рафаэля, а под ним стоит Агасфер со своими страданиями. Он жаждет подняться к ангелу, блаженная близость которого принесет ему избавление. Но тот со смехом улетает и скиталец смотрит на него с неизмеримой печалью, потом берет посох и идет дальше, без слез, вечный, бессмертный.

О, моя возлюбленная земля, когда, о, когда примешь ты покинутого в лоно свое! Взгляни! Люди прогнали его прочь от себя, и он бежит от их холодной, бессердечной груди к тебе, к тебе. О, предвечная мать, прими одинокого, не ведающего покоя!

Тень отпускает лепесток письма в море, уходит вверх, по ступеням Дворца. В Небе слышится музыка Малера.

Глава 13

Когда Заратустра вместе со своими зверями вышел из пещеры, его гости остались одни. И некоторое время молча переглядывались.

Чародей (лукаво оглядывая всех): Он вышел! (Разжигает огонь, бросает туда горсть травы, кружится быстро, как вихрь, вокруг костра). И вот уже, о, Высшие люди, позвольте мне, подобно ему, пощекотать вас этим лстивым именем – и вот уже овладевает мною мой злой дух, обманщик и чародей: мой демон тоски, который до глубины души противник этого Заратустры, – простите ему это! Теперь хочет он показать вам свои чары, ибо настал час его: тщетно борюсь я с этим злым духом! Всем вам страдающим, подобно мне, великим отвращением, для которых умер старый Бог, а Новый Бог даже не лежит еще спеленутым в колыбели, – всем вам мил мой дух и демон – чародей. Я знаю вас, о, Высшие люди, я знаю его, я знаю также этого демона, которого люблю против воли, этого Заратустру: он часто кажется мне похожим на прекрасную маску святого.

Похожим на новый удивительный маскарад, в котором находит удовольствие мой злой дух, мой демон тоски, – я люблю Заратустру, часто кажется мне, ради моего злого духа.

Быстро танцует, подобно движущимся языкам пламени.

Но он уже овладевает мною и уносит мой дух тоски, этот демон вечерних сумерек. И поистине, ему хочется прийти нагим (*сбрасывает одежду*), мужчиной или женщиной, еще не знаю, но он идет, он гнетет, лишь раскройте чувства ваши... (*Шепчет*). День отзвучал, для всех вещей наступает теперь вечер, даже для лучших вещей, слушайте теперь и смотрите, о Высшие люди, каков этот демон, мужчины ли, женщина ли, этот дух вечерней тоски!

Лукаво оглядывается, хватая арфу, поет.

Совестливый Духом (*выхватывает арфу из рук Чародея*): Воздуха! Впустите чистого воздуха! Впустите Заратустру. Ты делаешь воздух в этой пещере удушливым и ядовитым, ты, старый злой Чародей! Лживый, утонченный, ты соблазняешь к неведомым страстям и неведомым пустыням. И горе, если такие, как ты, говорят об **истине** и придают значение ей! Горе всем свободным умом, которые не остерегаются таких чародеев! Они должны проститься со свободой своей! Ты учишь возвращению в тюрьмы и манишь назад в темницы. Ты, старый, мрачный умом, в жалобе твоей слышится манящая свирель, ты похож на тех, кто своей похвалой целомудрию призывают тайно к разврату!

Чародей (*строго*): Помолчи! Хорошие песни должны хорошо отзываться в сердцах, после хороших песен надо долго хранить молчание. Так поступают все эти Высшие люди. Но ты, должно быть мало понял из песни моей! В тебе очень мало от духа Чародея.

Совестливый Духом: Ты хвалишь меня, отделяя меня от себя, ну, что ж! Но вы, остальные, что вижу я? Вы все сидите еще с похотливыми глазами. О, свободные души! Куда девалась свобода ваша! Вы кажетесь мне похожими на тех, кто долго смотрел на развратных женщин, нагих и танцующих, ваши души сами начали танцевать! Поистине, мы достаточно говорили и думали вместе, прежде, чем Заратустра вернулся в пещеру свою, достаточно, чтобы знать, что мы различны и поистине мы ищем различного, даже здесь, наверху, вы и я. Ибо я ищу побольше **устойчивости**, потому и пришел я к Заратустре. Ибо он самая крепкая башня и воля теперь, когда все колеблется, когда вся земля дрожит, но когда я вижу глаза ваши, какие вот сейчас у вас, я бы, скорей, поверил в то, что вы ищете побольше неустойчивости, побольше опасности и побольше землетрясений. Вы хотите, так кажется мне, простите признание мое, в, Высшие люди, вы хотите самой трудной, самой опасной жизни, внушающей мне наибольший страх, жизни зверей, хотите лесов, пещер, горных стремнин и непроходимых ущелий. И не те, что выводят Вас из опасности, нравятся вам больше всего, а те, что отвращают вас в сторону от всех дорог, совратители. Но если такое желание *истинно в вас*, все-таки оно кажется мне *невозможным*. Ибо страх – наследственное, основное чувство человека, страхом объясняется все: наследственный грех и наследственная добродетель. Из страха выросла и моя добродетель, она называется: наука. Ибо страх перед диким животных – это страх дольше всякого воспитывался в человеке, включая и страх перед тем животным, которого человек прячет и страшится в себе самом. Заратустра называет его «внутренней скотиной». Этот долгий, старый страх, ставший, наконец тонким и одухотворенным, нынче сдается мне, называется «**наука**».

Заратустра входит в пещеру, от него исходит аромат ночных трав, он улыбается, кидает в лицо Совестливому Духом горсть роз, смеется.

Заратустра: Что слышал я только что? Поистине, кажется мне, что или ты глупец, или я сам! И твою истину мигом поставлю вверх ногами. Дух приключений, любовь к неизвестному, к тому, на что никто еще не отважился – мужеством кажется мне вся предшествующая история человека...

Самым диким, самым мужественным животным позавидовал он и отнял у них все добродетели их: только этим путем станет он – Человеком. Это мужество, ставшее, наконец, духовничьим, духовным, это мужество человеческое, с орлиными крыльями и змеиной мудростью: это мужество, сдается мне, называется – Тенью.

Все: О, Заратустра!

Смеются. Над пещерой поднимается будто тяжелая Тень, улетает в Небо, обратившись в облако.

Чародей (*смеется*): Ну что ж! Он ушел, мой злой дух! И разве я сам не предостерегал вас от него? Он сердится на меня, но, прежде, чем наступит ночь, научится он снова меня любить. Он не может долго жить, не делая этих глупостей. Он – любит

врагов своих; это искусство понимает он лучше всех, кого только я видел. Но за это он мстит друзьям своим!

Все: Это точно!

Заратустра поднимает брошенную на пол пещеры одежду Чародея, кладет перед ним, пожимают руки гостям.

Заратустра: Позвольте теперь мне уйти к своим зверям на чистый ночной воздух.

Странник и его Тень: Не уходи! Останься с нами, иначе прежняя удушливая тоска опять завладеет нами. Уже лучшим образом угостил нас этот Чародей всем худшим, что было у него, и смотри, вон – добрый благочестивый Папа сидит уже со слезами на глазах и готов плыть по морю тоски! Поверь мне, не уходи, все же я, – твоя Тень...

Вздыхает.

Заратустра (резко): Ты – не моя Тень! Ты – мой Дух Тяжести...

Он на мгновение взглянул в сторону отвесного горного склона, что-то заставило его вновь посмотреть туда. В гору поднимались люди, искалеченные, странные, несущие зажженные факелы перед собой. Им вслед звучали выстрелы, и несколько крепких всадников уже настигали их. Люди срывались с горного склона, падали, некоторые находили в себе силы встать на ноги и продолжать путь. Это гнетущее шествие еще раз с вершины своей горы увидел Заратустра и холодный пот покрыл его лоб.

Заратустра (тихо): Зачем они идут в горы? Что заставляет их? Что хотят найти они на этих недоступных вершинах?

Плачет, зовет Кота.

Может, они надеются обрести здесь свои потерянные души? Что заставляет воинов мучить и погонять этих несчастных? *(Пауза)*. Как объяснить им, что здесь, на вершине нет **ни-че-го!**

Боже, ведь я знаю, что это я сам иду, карабкаюсь к своей вершине, к своей последней вершине! И это я сам поднимающийся над самим собой все выше и выше, пока мои звезды не окажутся подо мной. Смотреть вниз, на самого себя, и даже на свои звезды, лишь это я назвал бы своей вершиной, лишь это осталось для меня моей последней вершиной! Ах, это печальное море подо мною! Ах, это тяжелое ночное недовольство! Ах, судьба и море! К вам я должен спуститься! Я уже знаю это! Может быть, тогда я снова встречу в пляске морских солнечных волн со своей смеющейся Тенью!

Вершина и пропасть слились для меня воедино. Это там, внизу, мои собственные шаги стерли путь за мною, а значит, за моей Тенью, и над нами написано в Небе «Невозможно». Теперь – самое нежное должно стать, будто кверху ногами, самым суровым! Почему в моей руке нет достаточной силы и твердости, чтобы стать всадником? Ах, когда-то я хотел приласкать всех чудовищ! Теплое дыхание, немного шерсти на лапах, и ты уже готов полюбить, привлечь к себе...

Зовет Кота.

Странник и его Тень: Смотри, эти Короли, кажется мне, делают еще перед нами хорошую мину; ибо этому научились они у всех нас сегодня лучше всего! Но, держу пари, и у них опять началась бы скверная-прескверная игра ползущих облаков, влажной тоски, заволоченного Неба, скверная игра нашего плача и Крика о Помощи! Останься у нас, Заратустра! Здесь мною скрытой нищеты, которая хочет говорить, много сумрака, много туч, много удушливого воздуха!

Ты наплатил нас крепкою пищею мужей и подкрепляющими изречениями, – не допусти же, чтобы нами, на десерт, опять овладели изнеженные женские духи! Ты один делаешь окружающий тебя воздух крепким и душистым! Находил ли я когда-нибудь на земле такой чистый воздух, как у тебя, в пещере твоей?! И, однако, много видел я, но только у тебя испытывают ноздри мои величайшую радость!

О, прости мне одно старое воспоминание! Прости мне одну старую застольную песню, которую я некогда сложил, когда жил среди Дочерей Пустыни *(вздыхнув)*. Это было давно...

Ибо и у них был такой же хороший чистый воздух Востока; там был я всего дальше от старой Европы, покрытой тучами, сырой и тоскливой. Тогда я любил этих девушек Востока и другие царства с лазуревыми небесами, над которыми не висели ни облака, ни мысли.

Все гости внимательно прислушиваются к его словам.

Вы не поверите, как чинно сидели они, когда не танцевали, глубокие, но без мыслей, как маленькие тайны, как украшенные лентами загадки, как десертные орехи, пестрые и чуждые, поистине! но без туч: загадки, которые легко разгадывались – в честь этих девушек сочинил я тогда свою застольную песню.

Хватает арфу Чародея, втягивает ноздрями воздух, поет, танцуя:

Пустыня ширится сама собою: горе
Тому, кто сам в себе свою пустыню носит.
Ха! Торжественно!
Достойное начало!
Торжественно, по-африкански, да!
Достойно даже льва
Иль обезьяны –ревуна морали;
Но ведь совсем ничто для вас,
Прелестные мои подруги.
А между тем сидеть у ваших ног
Мне, европейцу, у подножья пальм
На долю счастье выпало. Села.
Да, это удивительно: сию я
Почти в самой пустыне, и, однако,
По-прежнему далекий от нее
И опустыненный в Ничто.
Сказать яснее: проглотил меня
Оазис маленький,
Который. Вдруг зевнув,
Мне ротик свой открыл навстречу,
И в эти тонко пахнущие губки
Попал я вдруг и там пропал,
Ворвался, проскочил, и вот я среди вас,
Подруги мои милые. Села.
Да слава, слава оному киту,
Коль так же хорошо в нем было гостю!
Ведь ясен вам, не правда ли, вполне
Намек ученый мой?
Да здравствует вовек китово чрево,
Когда оно таким же милым было
Оазисом-брюшком, как мой приют;
Но это мне сомнительно, конечно,
Ведь прибыл к вам я из Европы,
Что недоверчивей всех старых женок в мире.
Пусть сам Господь исправит то!
Аминь.
Переслащенный, словно финик смуглый,
И вожелений золотистых полон, как он,
Я с вами здесь в оазисе-малютке, –
Как он, томлюсь по девичьей мордашке,
По зубкам-грызунам, по белоснежным,
Как девушки, и острым и холодным;
По ним-то именно сердца тоскуют
Всех распаленных фиников. Села.
Как этот южный плод, и сам

Похожий на него сверх меры,
Лежу я здесь, летучим роем
Жучков крылатых окруженный,
И вокруг меня в игривой пляске рея,
Мелькают также крохотные ваши,
Язвительно затейливые ваши
Причуды и желаньица...
Вы, окружившие меня облавой молчаливой.
Чего-то чающие и немые,
Вы кошки-девушки,
Зулейка и Дуду.
Осфинксовали вы меня кругом
(Чтоб много чувств вместить в едино слово –
грех против языка прости мне, боже), –
И я сижу, вдыхая здесь –
Чистейший воздух, райский воздух, право,
Прозрачно-легкий в золотых полосках.
Нет, никогда еще с луны на землю
Не ниспадал такой хороший воздух,
Ни по случайности, ни по капризу,
О чем нам пели древние поэты,
По это мне сомнительно, конечно,
Ведь прибыл к вам я из Европы.
Что недоверчивей всех старых женок в мире.
Пусть сам Господь исправит то!
Аминь.
Чистейший этот воздух поглощая
Ноздрями-кубками, раскрытыми широко,
Без будущего, без воспоминаний
Сижу я здесь, прелестные подруги,
И все смотрю, смотрю на эту пальму,
Которая, подобно танцовщице,
Так изгибается и ластится, качаясь...
Что, заглядевшись, станешь делать то же –
Подобно танцовщице, долго-долго,
Опасно долго, на одной лишь ножке
Она стояла до того, что, право, будто
О той другой и вовсе позабыла.
По крайней мере, тщетно я старался
Сокрывшуюся прелесть разглядеть,
Обоих близнецов единства прелесть, –
Конечно, именно вторую ножку,
В священной близости изящных и воздушных
Блестящей юбочки порхающих зубцов.
И если мне, прекрасные подруги,
Готовы верить вы охотно – прелесть эту
Она утратила.
Уж нет ее! Утраченная ножка
Навек потеряна, как жалко милой ножки!
Где, одинокая, она грустит в разлуке,
Покинутая, где она тоскует?
Быть может, в ужасе пред белокурым
Чудовищем со львиной гривой или,
Быть может, уж обглодана до кости
Она, увы, изъедена! Села.

О, да не плачьте же, не смейте плакать
Вы, нежные сердца!
В беломолочной груди, словно финик,
Сердечко ваше, кошелек-мешочек
Со сладким корешком.
Зулейка, будь мужчиною, довольно!
Бодрей, бодрее, бледная Дуду,
Не плачь же больше! –
Иль, может быть,
Уместней здесь иное средство, сердце,
Способное легко унять – скрепить?
Как назидательное изречение, к слову –
Или воззвания торжественный призыв?
Да, да, зову тебя,
Достоинство на сцену,
Честь европейца!
Ты добродетелью надутый мех,
Шипи, свисти и дуй еще,
Ха!
Еще раз прореви
Морали ревом,
Рыкая львом пред дочерьми пустыни,
Морали львом!
Ведь, милые мои!..
Вой добродетели в Европе заглушает
Весь жар души, всю страстность европейца
И европейца волчий аппетит.
И вот я перед вами, европеец,
И не могу, о Господи, иначе.
Да будет так!
Аминь.
Пустыня ширится сама собою: горе
Тому, кто сам в себе свою пустыню носит!

Гости аплодируют, шутят, смеются. Пещера наполняется музыкой, весельем. Начинается всеобщее оживление. Стараясь остаться незаметным, Заратустра выходит из пещеры на свежий воздух. Орел садится на его плечо. Змея обвилась вокруг шеи. Кот мурлычет у ног Заратустры. Он берет на руки Кота, гладит:

Заратустра: Куда же девалось теперь несчастье их, скажите мне, мои звери? *(Вздыхнув)*. У меня разучились они, как мне кажется, взывать о помощи! Хотя... *(в тот же миг из пещеры доносится пронзительный крик Осла и всеобщий смех)*, хотя... к сожалению, не разучились еще вообще кричать.

Крик Осла и смех раздаются еще несколько раз.

Они веселы... И кто знает, быть может, на счет хозяина их. И если научились они у меня смеяться, то не моему смеху научились они.

Орел согласно кивает, Кот мурлыкает, Змея дремлет, свернувшись у ног Заратустры.

Ну что ж, они старые люди; они выздоравливают по-своему, они смеются по-своему, мои уши выносили еще худшее и не увяли.

Этот день – победа; он удаляется уже, и опять бежит от меня Дух Тяжести, мой заклятый враг!

Вздыхнув, улыбается.

Уже настает вечер, по морю скачет он, добрый всадник! Как он качается на своих пурпурных скалах, он, блаженный, возвращающийся домой!

Смотрит вдаль, любуясь закатом и горными вершинами. Слышится плеск далекого моря.

Небо ясное, смотрит на лицо... А, мир, покоится в нем... глубоко... О, все вы, странные люди, пришедшие ко мне, право, стоит жить, – у меня.

Гудит в раковину. Его светлая Тень ложится на склон горы, будто внезапно упавшее облако, напоминающее фигурку прекрасной, греческой девушки. Из пещеры снова, раздаются крики и смех Высших людей.

Заратустра: Они идут на удочку, приманка моя действует, и от них отступает враг их, Дух Тяжести. Уже учатся они смеяться сами над собой – так ли слышу я?

Моя пища мужей действует, мои изречения сочные и сильные, и, поистине, я не кормил их овощами, от которых пучит живот. Но пищу воинов, пищу Завоевателей, дух вождения пробудился в них. Новые надежды забили в руках и ногах их, сердце их потягивается, они находят новые слова, скоро дух их будет дышать дерзновением. Конечно, такая пища не для детей и не для томных женщин, молодых и старых. Нужны иные средства, чтобы убедить их нутро, я не врач и не учитель их.

Отвращение отступает от этих высших людей; ну что ж! – моя победа. В царстве моем они чувствуют себя в безопасности, всякий глупый стыд бежит их, они открываются. Они открывают сердца свои, хорошее время возвращается к ним, они празднуют и пережевывают, они становятся благодарными. Это считаю я за лучший признак.

Орел согласно наклонил голову.

Еще немного, и они начнут придумывать себе праздники, и поставят памятники своим старым радостям. Они – выздоравливающие.

Звери согласно молчат.

Змея (*тихо*): Я чту твоё счастье, Заратустра. Сегодня твой день...

Неожиданное затишье в пещере насторожило Заратустру. Он почувствовал дым ладана, с удивлением огляделся.

Заратустра: Что это? Будто горят кедровые шишки?

Крадется ко входу в пещеру, вздрагивает, замирает.

Заратустра: О, Боже! Видите, звери мои! Все они опять стали набожны, они молятся, они – безумцы!

В пещере стоят на коленях Высшие люди: два Короля, Папа, Чародей, Добровольный Нищий, Мрачный Прорицатель, Совестьливый Духом, Странник и его Тень и Самый Безобразный Человек.

Орел: По-моему, они молятся... Но они молятся... Ослу.

Кот: Это точно. Они прославляют Осла.

Заратустра (*закрыв лицо*): О, Боже! Я все понял... Несчастливыми называл я всех, у кого один только выбор: сделаться лютым зверем или укротителем зверей – у них не построил бы я шатра своего!

Дрожит от негодования, Кот трется об его ноги.

Поистине, я также основательно надеялся быть на страже самого себя... И, прежде всего, научился я стоять и ходить, и танцевать. Ибо в том мое учение: кто Хочет научиться летать, должен сперва научиться стоять, и ходить, и бегать, и лазить, и танцевать – нельзя сразу научиться летать.

Из пещеры раздается крик Осла.

По веревочной лестнице научился я влезать во многие окна, проворно влезал я на высокие мачты: сидеть на высоких мачтах *Познания* казалось мне немалым блаженством, гореть малым огнем на высоких мачтах! Хотя – малым огнем, но большим утешением для своих севших на камень корабельщиков и для потерпевших кораблекрушение! Это мой путь!

Орел: Отчего, Заратустра, побелели волосы твои?! В один миг – они сделались как снег?

Змея: Ты поднялся на самую высокую гору, откуда видно древнее море... не высматриваешь ли в нем ты счастья своего?

Заратустра: Ах, Звери, что мне до счастья!

Кот: О, Заратустра, ты говоришь, как тот, кто пресыщен добром. Разве не лежишь ты в Небе, как в лазоревом озере счастья?

Заратустра: Плут! Как удачно ты выбрал сравнение! Но, милые звери, вы знаете, что счастье мое тяжело и не похоже на подвижную волну, оно гнетет меня и не отстает от меня, прилипнув, как расплавленная смола.

Звери задумчиво ходят вокруг него.

Змея: Так вот отчего ты становишься все желтее и темнее, хотя волосы твои сделались белыми, похожими на лен. Смотри же, ты сидишь в своей смоле!

Заратустра (смеясь): Что вы! Звери мои! То, что происходит со мной бывает со всеми плодами, которые созревают. Это мед в моих жилах делает мою кровь более густой и мою душу более молчаливой.

Орел: Должно быть так, Заратустра. Ты поднялся на самую высокую гору, отсюда мир виден больше, чем когда-либо. Здесь чист воздух.

Заратустра: Да, Звери мои. Позаботьтесь сейчас, чтобы мед был у меня под руками. Золотой. Сотовый мед, белый, золотисто-белый. Свежий, как лед. Я хочу здесь и сейчас принести жертву медовую. Напитком, нектаром бессмертия называли древние мед...

На некоторое время Звери уходят. Из пещеры слышится только крик Осла.

Заратустра (обратив лицо к Небу): Солнце! Однажды я говорил с тобой о жертвах, хотя не произносил ни слова... вслух... Ты прочло слова моей души, написанные в сердце, и как заботливая пчела, ты собрало нектар моего сердца и напоило медом и светом мою душу... Когда-то, много веков назад, мед сердца и нектар души засветился в крови человека, стоящего перед тобой и говорящего с тобой, Солнце, и тело этого человека стало смирным и светящимся. И человек стал твоим дитем, о, Солнце, так похожим на тебя!

На мгновение в глазах Заратустры будто перед его внутренним взором, промелькнула арена. Древнеримские воины, идущие на Смертельную схватку, юные, но непреклонные, уже до схватки ненавидящие друг друга. И опять прекрасный римский юноша, ударивший Заратустру мечом, прекрасный, но погибающий, произносил еще и еще раз одну и ту же фразу «Бог един!». Заратустра зажмурился от яркого света:

Солнце: Ты называешь такую любовь фанатизмом и совсем не признаешь жертвоприношений?

Заратустра: Я отрицаю жертвоприношения, связанные с кровопролитием. Нет другой жертвы, как *расточение того, что дарится мне...* И я – Расточитель с *тысячью рук, мое Солнце! Только это я мог бы назвать, жертвоприношением!*

Я просто прошу тебя принять то, что дарят мне... Когда я попросил Зверей принести меду, я хотел лишь приманки и сладкой патоки и отвара, которым лакомятся ворчуны медведи и странные, угрюмые злые птицы. Лучшей приманки, в которой нуждаются охотники и собаки. Ибо если мир похож на темный лес, населенный зверями, на сад для услады – всех диких охотников, то, по-моему, он еще больше и скорее похож на бездонное богатое море...

Смотрит вниз, по горному склону к вершине приближается море, по которому вверх идут искалеченные люди.

Заратустра (улыбается с печалью): Мир похож на море, полное разных рыб и раков, из-за которого сами боги пожелали бы стать рыболовами и закинуть сети свои, так богат мир странностями большими и малыми.

Из пещеры слышится крик Осла.

Особенно человеческий мир, человеческое море – в него закидываю я теперь свою золотую удочку и говорю: разверзнись, человеческая бездна! Разверзнись и выбрось мне твоих рыб и сверкающих раков! Своей лучшей приманкой, приманиваю я сегодня самых удивительных человеческих рыб! Само счастье свое закидываю я во все страны на восток, на юг и на запад, чтобы видеть, много ли человеческих рыб будут учиться держаться и биться на кончике счастья моего. Пока они, закусив острые скрытые крючки мои, не будут вынуждены подняться на

высоту мою, самые пестрые пескари глубин к злейшему ловцу человеческих рыб. Ибо таков я от начала и до глубины, притягивающий, привлекающий, поднимающий и возвышающий, воспитатель и надсмотрщик, который никогда не напрасно говорил себе:

«Стань таким, каков ты есть!»

Пусть же люди поднимаются вверх, ко мне, ибо жду я еще знамения, что час нисхождения моего настал, еще сам я не умираю, как я должен, среди людей. Поэтому жду я здесь, хитрый и насмешливый, на высоких горах, не будучи ни нетерпеливым, ни терпеливым, скорее, как тот, кто разучился даже терпению, ибо он не «терпит» больше. Ибо судьба моя дает мне время, не забыла ли она меня? Или сидит она за большим камнем в тени и ловит мух?

И поистине, я благодарен вечной судьбе моей, что она не гонит и не давит меня и дает мне время для шуток и злобы: так что сегодня для рыбной ловли поднялся я на эту, высокую гору.

Ловил ли когда-нибудь человек рыб на высоких горах? И пусть даже будет безумием то, чего я хочу здесь, наверху и что делаю: все-таки это лучше, чем если бы стоял я там, внизу торжественным, зеленым и желтым от ожидания – гневно надутым, как завывание священной бури, несущейся с гор, нетерпеливец, который кричит в долины: "Слушайте, или я ударю вас бичом Божьим!" Не потому, чтобы я сердился на этих негодующих: они хороши лишь для того, чтобы мне посмеяться над ними! Я понимаю, что нетерпеливые они, эти большие шумящие барабаны, которым принадлежит слово «сегодня» или «никогда». Но я и судьба моя – мы не говорим к «сегодня» и мы не говорим также и к «никогда», у нас есть термины, чтобы говорить и время, и даже слишком много времени.

Ибо некогда он должен придти и не может не придти... Кто же может некогда прийти и не может не прийти? Наш великий Хазар, наше великое далекое Царство Человека, Царство Заратустры, которое продолжится тысячу лет. Далека ли еще эта «даль»? Что мне до этого? Она оттого не пошатнется – обеими ногами стою я на этой почве, – на вечной основе, на твердом вековом камне, на этой самой высокой, самой твердой, первобытной горе, где сходятся ветры, как грани бурь, вопрошая: «Где?», «Откуда?», «Когда?». Здесь, смейся, смейся, моя светлая, здоровая злоба! С высоких гор бросай вниз свой сверкающий презрительный смех! Примани мне своим сверканием самых прекрасных человеческих рыб! И что во всех морях, принадлежит мне, что мое и для меня во всех вещах, – это верни мне, это извергни ко мне наверх; этого жду я, злейший из всех ловцов рыб. Дальше, дальше удочка моя опускайся, глубже, приманка счастья моего! Впивайся, моя удочка, в живот всякой черной скорби! Смотри в даль, глаз мой! О, как много людей встречает меня, сколько зажигающихся человеческих жизней! А надо мной – какая розовая тишина, какое безоблачное молчание...

...Солнце освещает Заратустру, он напоминает золотой слиток, изумруд, излучающий и отражающий Солнечный свет. Звери: Орел, Змея и Кот подходят к Заратустре, приносят ему мед, из пещеры слышится голос Самого Безобразного Человека, похожий на пыхтение и клочкотание. Заратустра подходит к пещере.

Самый Безобразный Человек: Аминь! Слава, честь, премудрость, благодарение, хвала и сила богу нашему, во веки веков!

Осел: И – А!

Самый Безобразный Человек: Он несет тяготу нашу, он принес образ бога, он кроток сердцем и никогда не говорит «нет», и кто любит своего бога, тот бичует его!

Осел: И – А!

Самый Безобразный Человек: Он вечно говорит: «Да!». Так прославляет он мир свой, им сотворенный. Его хитрость не позволяет ему говорить, поэтому бывает он редко неправ.

Осел: И – А!

Самый Безобразный Человек: Незаметным проходит он через мир. В серый цвет тела своего закутывает он добродетель свою. Если есть в нем дух, то он скрывает его, но всякий верит в длинные уши его.

Осел: И – А!

Самый Безобразный Человек: Какая скрытая мудрость в том, что он носит длинные уши и говорит всегда «Да!» и никогда «Нет!». Разве не создал он мир по образу своему, насколько возможно?

Осел: И – А!

Самый Безобразный Человек: Ты идешь прямыми и кривыми путями, и беспокоит тебя мало, что нам, людям, кажется прямым или кривым по ту сторону добра и зла Царство Твое. Невинность твоя в том, чтобы не знать, что такое невинность.

Осел: И – А!

Самый Безобразный Человек: И вот ты не отталкиваешь от себя никого, ни нищих, ни королей. Детей допускаешь ты к себе, если злые мальчишки соблазняют тебя, ты говоришь просто: «И – А!»

Осел: И – А!

Самый Безобразный Человек: Ты любишь ослиц и свежие смоквы, ты неразборчив на пищу. Чертополох радуется сердцу твоему, когда ты голоден. В этом премудрость твоя.

Осел: И – А!

Заратустра, держа в руках свежий мед, вбегает в пещеру, в середину своих обезумевших гостей.

Заратустра: Что делаете вы здесь, вы, человеческие дети? (*Поднимает их с колен, с земли*). Горе, если бы вас увидел кто-нибудь другой, а не Заратустра. Всякий бы подумал бы, что вы с вашей новою верою стали худшими из богохульников или самыми неразумными из всех старых баб.

Папе:

И ты, сам, старый Папа, как миришься ты с самим собою, что в таком образе молишься Ослу здесь, как Богу?

Папа: О, Заратустра, прости мне, но в вопросах Бога я просвещеннее тебя! Так лучше, лучше молиться Богу в этом образе, чем без всякого образа. Поразмысли об этом изречении, мой высокий друг и ты скоро убедишься, что в этом изречении скрывается мудрость. Тот, кто говорил: «Бог лишь дух», – тот делал до сих пор на земле величайший мост к безверию; такие слова на земле нелегко исправить!

Мое старое сердце бьется и трепещет от того, что еще есть на земле, чему молиться. Прости это, о, Заратустра, старому благочестивому сердцу Папы.

Заратустра (*Страннику и его Тени*): И ты... называешь себя свободным духом? И совершаешь здесь подобные идолослужения и обманы?

Худшим, поистине, занимаешься ты здесь делом, чем у своих скверных знакомых девушек... Ты – хитрец!

Странник и его Тень: Довольно, ты прав, но что же делать? Старый Бог еще жив, о Заратустра, чтобы ты не говорил! Самый Безобразный Человек виноват во всем, он опять воскресил его. И хотя он говорит, что некогда его убил, – смерть у богов всегда есть только предрассудок.

Заратустра: И ты, ты, старый Чародей, что наделал ты, кто же в этот свободный век будет впредь тебе верить, если ты веришь в подобных богов-ослов? То, что ты делал, было глупостью; как мог ты, хитрый, делать такую глупость?!

Чародей: О, Заратустра, ты прав, это была глупость, она достаточно дорого обошлась мне!

Заратустра (*Совестливому Духом*): И даже ты, подумай и приложи палец к своему лбу! Разве здесь нет ничего противного твоей совести? Не слишком ли чист дух твой для этих молений и для фимиама этих святых?

Совестливый Духом: Есть нечто в этом зрелище, что даже приятно моей совести. Быть может, я не имею права верить в Бога, но несомненно, что бог в этом образе кажется мне еще наиболее достойным веры. Бог должен быть вечным по

свидетельству самых благочестивых: у кого так много времени, тот не спешит. Так долго и так глупо, как только возможно, с этим однако, возможно идти очень далеко. И у кого слишком много духа, тот может сам заразиться глупостью и безумством. Подумай о себе самом, о, Заратустра! Ты сам поистине – даже ты мог бы от избытка мудрости сделаться ослом! Не идет ли и совершенный мудрец охотно по самым кривым путям?

Как доказывает очевидность, о, Заратустра, – твоя очевидность!

Заратустра: И ты сам, наконец, скажи, ты, неизреченный, что ты сделал!

Самый Безобразный Человек лежит на земле и протягивает руки к Ослу. Оба пьют вино.

Ты кажешься мне воскрешенным – что сделал ты? Что ниспроверг? В чем убеждал себя? Говори, о, неизреченный!

Самый Безобразный Человек: О, Заратустра, ты – плут! Жив ли Он еще, или воскрес, или окончательно умер – кто из нас двоих знает это лучше? Я спрашиваю тебя!

Одно только знаю я – от самого тебя однажды научился я этому, о, Заратустра; кто хочет окончательно убить, тот смеется!

«Убивают не гневом, а смехом», – так говорил ты однажды. О, Заратустра, ты скрывающийся, ты, разрушитель без гнева, ты – опасный святой, ты – плут!

Заратустра замирает, изумленный, выбегает из пещеры, выплескивает в Небо мед, принесенный Зверями, смеется. Мед растекается по траве, застывает на камнях, как смола, обволакивает цветы и листья деревьев. Воздух вокруг пещеры становится янтарно-золотым. Заратустра замирает, восхищенный.

Заратустра (громко): О, все вы хитрые проныры и скоморохи! Что притворяетесь и скрываетесь вы предо мною! Как трепетало сердце каждого из вас от радости и злобы, когда вы, наконец, опять стали, как дети благочестивы, что вы, наконец, опять поступали, как поступают дети, именно молились, складывая просто руки и говорили: «Боже милостивый!»

Но теперь предоставьте мне эту детскую комнату – мою собственную пещеру, где было сегодня столько ребячества. Остудите на воздухе ваш горячий детский задор и биение ваших сердец. Конечно: если вы не будете, как дети, то не войдете вы в *это* Небесное Царство.

Тянет руки вверх, будто пытаясь взлететь, дотянуться до Неба, вверх, туда, где сияет, будто смеется, золотое Солнце.

Самый Безобразный Человек: Но мы и не хотим войти в Небесное царство. Мужами стали мы и потому хотим мы царства земного!

Заратустра: О, мои новые друзья! Вы странные, вы – Высшие люди, как нравитесь вы мне теперь, с тех пор, как стали вы опять веселыми! Поистине, вы расцвели: мне кажется, что таким цветам, как вы, нужны **новые праздники**.

Какая-нибудь маленькая смелая чепуха, какое-нибудь Богослужение и праздник Осла, какой-нибудь старый веселый дурень Заратустра, вихрь, который дыханием своим надувает вам души. Не забывайте этой ночи и этого праздника Осла, вы, Высшие люди. Это изобрели вы у меня, это принимаю я, как доброе знамение, нечто подобное изобретают только выздоравливающие! Если вы вновь будете праздновать этот праздник Осла, делайте то из любви ко мне: и мое воспоминание!

...Солнце, медленно опускается, расплескивая золотые тени, будто волны любви, расплескивает, разбрызгивает их по земле, над землей, над всем огромным миром еще и еще раз, расплескивает нектар своего сердца, своего тепла...

Не в силах промолвить ни слова, будто очарованные, все молчали.

«Вот, наконец, и наступили счастливые сумерки», – подумал Заратустра». И будто в ответ, в лад его мыслям, при свете заискрились при свете взошедшей луны – над горами, над пещерой, заиграли, заискрились водопады, зажглись фиолетовые звезды. Ночь хранила молчание. Будто боясь расплескать свет

своего сердца, клокотал и пыхтел, вдыхая чистый воздух, Самый Безобразный человек. Наконец, ему удалось обрести способность произносить слова. Глубоко, ясно и задумчиво посмотрел он на своих друзей.

Самый Безобразный Человек: Вы все друзья мои, что теперь у вас на сердце?

Все молчали.

Я впервые доволен, впервые, и на всю свою жизнь. И даже засвидетельствовать многое – это еще для меня недостаточно. Стоит жить на земле **один** день, **один** праздник, проведенный с Заратустрой, он научил меня любить землю и жить!

«Так это была жизнь? – спрошу я когда-либо у смерти, – ну, что ж, тогда еще раз!».

Незаметно наступила полночь.

Самый Безобразный Человек: Так скажите, друзья мои, что теперь в сердцах ваших?

Словно отбросив молчанье, оцепененье, Высшие люди кинулись к Заратустре, плача и смеясь.

Мрачный Прорицатель (*берет раковину, играет музыкальную тему, танцует*):

Я пьян от сладости жизни,

Я не признаю никакой усталости!

Все танцуют. Самый Безобразный человек пьет вино. Осел танцует со всеми. Заратустра незаметно отступает от всеобщего веселья. Он подходит к Самому Безобразному человеку, берет его за руку.

Заратустра: Идем! Идем! Полночь приближается! Я покажу тебе серебряные водопады любви и живительной влаги, диковинный нектар сердца наполнит твою душу!

Голос Заратустры дрожит от волнения, от неясного предчувствия. Все прислушиваются к их разговору.

Заратустра: Идем! Идем! Идем! Час настал! Начнем странствовать ночью!

Глава 15

Яркая луна освещает ступени Античного Дворца. Под портиком стоит Тень, улыбаясь, ловит падающие звезды. Они обращаются в письма, звучат волшебной музыкой Малера в ночи.

Тень: Письмо Густава Малера Иозефу Штейнеру, другу композитора.

Милый Штейнер!

Вот и сегодня, на третий день я снова обращаюсь к Вам, чтобы весело с Вами проститься. В этих листках написана история моей жизни. Странная судьба то швыряет меня во все стороны по бурным волнам моей тоски, то выносит на радостный солнечный свет. Боюсь только, что когда-нибудь буря разобьет меня о подводный камень: мой киль уже часто задевает его.

Сейчас шесть часов утра. Я побывал уже на пастбище, посидел возле пастуха Фаркаша и послушал звуки его свирели. Ах, как печально и вместе с тем торжественно-страстно звучала эта народная мелодия, которую он играл! Цветок, росший у его ног, содрогнулся под взглядом его томных глаз, горевших мечтательным огнем; его каштановые волосы развевались вокруг загорелых щек. Ах, Штейнер! Вы еще спите у себя, вы еще спите у себя в кровати, а я уже видел росу на траве. У меня сейчас так мирно и весело на душе; тихое счастье, разлитое вокруг меня и в моем сердце, как весенние лучи на зимние поля. Неужели даже в моей груди наступает весна?! Так простимся же, дорогой друг!

Напишите мне скорее, потому что я здесь один-одинешенек: рядом нет ни людей, ни книг.

Всего Вам хорошего.

Ваш Густав Малер.

Тень уходит.

Заратустра танцует в чаше цветка, напоминающего Солнце. Сейчас он мог бы уместиться на ладони Самого Безобразного Человека, неожиданно ставшего великаном, держащего в руках самый прекрасный и нежный цветок, в лепестках которого плясал его Заратустра.

Самый Безобразный Человек: Пой мне, Заратустра, пой мне!

Он нечаянно задел ладонью цветок колокольчика, тот, покачнувшись на круглом стебле, издал пронзительно чистый звон, наполнив сердце Заратустры несказанным ночным ароматом. Звук раковины повис над горами, над морем. Лунный свет упал на веки Заратустры, качнулся на ресницах, как облако.

Заратустра: Полночь приближается, о Высшие люди, – и вот скажу я вам нечто на ухо, как это колокол цветка говорит мне на ухо. О, внимли, друг! Тебе говорит глубокая полночь! Мир спит.

Тишина. Только легкий звон цветов эхом колеблется в горах.

Заратустра: О горе мне! Куда девалось время?

Смотрит на свое отражение в капле росы. Луна светит таинственно ярко.

Не опустился ли я в глубокие родники?

Мир спит!!

Ах, как Луна сияет!

Вот я уже умер... Свершилось. Я – крохотное существо в ладонях бога, меньше которого нет никого на свете. *(Видит сонного паука, ползущего по стеблю вверх).* Паук, зачем ты ткешь паутину вокруг меня? Ты хочешь крови? Ах, ах!

Роса падает, час приближается. Час, когда знобит меня и я мерзну, час, который спрашивает: «У кого достаточно мужества для этого? Кому быть господином Земли? Кто скажет: так должны вы течь, вы, «большие и малые реки».

Час приближается, о, Высший Человек, внимли!

Эта речь для тонких ушей, для твоих ушей! Что полночь тихо скажет вдруг?

Меня уносит ветром... Душа моя танцует! Ежедневный труд! Кому быть господином Земли? Месяц холоден, ветер молчит. Ах, ах! Летали ли вы уже достаточно высоко? Вы плясали: но ноги еще не крылья. О, добрые плясуны, теперь всякая радость миновала: вино прокисло, все кубки разбились – могилы заговорили.

Вы летали недостаточно высоко – теперь заговорили могилы: «Спасите же мертвых! Почему длится так долго ночь? Не опьяняет нас Луна? О, Высшие Люди, спасите же могилы, воскресните трупы! «Приближается! Приближается час, колокол цветка глубоко звучит в сердце – ах, мир так глубок! Сладкозвучная лира! Я люблю звук твоих струн, этот опьяненный квакающий звук! – как медленно, как издали доносится до меня твой звук издали, с прудов любви!

Цветы звучат в ночи. Заратустра смеется, гудит в раковину.

Ты, старый колокол, ты, сладкозвучная лира! Все скорби разрывали сердце тебе, скорбь отца, скорбь дедов, скорбь прадедов, речь твоя стала зрелой, подобно золотой осени и полдню, подобно моему сердцу отшельника – теперь говоришь ты: мир сам созрел, поза зарумянилась, теперь хочет он умереть, умереть от счастья.

О, Высшие Люди, чувствуете ли вы запах? Тайно поднимается запах благоухания, запах вечности, запах золотистого вина, потемневшего и блаженно-красного от старого счастья, от опьяненного счастья смерти, от счастья полуночи, которое поет: мир так глубок, как день помыслить бы не смог!

Небо светлеет, кое-где еще видны звезды.

Оставь меня! Я слишком чист для тебя! Не дотрагивайся до меня! Разве мой мир сейчас не стал совершенным? Оставь меня, ты, глупый, бестолковый, душный день! Разве полночь не светлее?

Самые чистые должны быть господами земли, самые сильные, души полночные, которые светлее и глубже всякого дня.

О, день, ты ощупью идешь за мной? Ты протягиваешь руки за моим счастьем? Для тебя я богат, одинокий, для тебя я клад и сокровищница? О, мир, ты хочешь меня? Разве для тебя я от мира? Разве набожен? Разве я божественен? Но, день и мир, вы слишком грубы – имейте более ловкие руки, прострите их к более глубокому счастью, к более глубокому несчастью, прострите их к какому-нибудь богу, но не простирайте их ко мне,

– Мое несчастье, мое счастье глубоки, ты, дивный день, но все же я не Бог и не ад божий: мир – это скорбь до всех глубин. Скорбь Бога глубже, о дивный мир! Простри руки к скорби Бога, а не ко мне! Что я! Вечный Орфей, ищущий свою душу в царстве теней? Что я? Опыанная сладкозвучная лира, полночная лира, звук цветочного колокола, которого никто не понимает, но который должен *говорить* перед глухими, о Высшие люди! Ибо вы не понимаете меня!

Словно пытаюсь удержать мглу, встает на цыпочки, тянется к звездам.

Свершилось! Как сейчас смеется, как вздыхает ночь! Она, должно быть, переживает во сне свою скорбь. И еще больше – свою радость. Ибо радость, когда уже скорбь глубока! Но радость *глубже бьет ключом!*

В прекрасном античном платье к Заратустре приближается Девушка, она движется будто на крыльях, по краю лепестков цветка – и смеется. Это Жизнь, Душа, Тень Заратустры. Вечная Эвредика. Он берет ее за руку, улыбается.

Заратустра: Жизнь моя! Душа моя! (*Видит слезы на ее щеках*). Ты страдаешь? Исчезни, скорбы!

Тень: Нет, Заратустра, все, что страдает, также хочет жить, чтобы стать зрелым, радостным и полным желаний. Полным желаний – *дальнего, более высокого, более светлого*. «Я хочу наследников», – так говорит все, что страдает. «Я хочу детей, я не хочу себя».

Радость же не хочет ни наследников, ни детей, радость хочет себя самое, хочет вечности, хочет возвращения, хочет, чтобы все было вечным.

Цветы стряхивают ночную прохладу, на лепестках, словно облако, остается блестящая роса и несколько удивительно нежных, светлых и высоких писем, (лепесток белый).

Тень: Письмо Густава Малера Иозефу Штейнеру, другу юности.

«Мне хорошо, как человеку, у которого после долгого приступа гнева брызнули из глаз слезы облегчения... Я стоял на горах, где веет дыхание Бога, и был в лугах, и колокольчики пастушьих стад погружали меня в мечты... А вечерами я выхожу на луг, взбираюсь на липу, одиноко стоящую там. И с вершины моей подруги смотрю на мир...

Лепесток синий слетает с неба.

Тень (*подбирает лепесток, читает*): Письмо Густаву Малеру от Штейнера.

Уважаемый Господин!

Чтобы хоть приблизительно выразить то огромное впечатление произвела на меня Ваша симфония, я должен обратиться к Вам не как музыкант к музыканту, а как человек к человеку.

Ибо я видел Вашу душу обнаженной, совершенно обнаженной. Она простиралась передо мной, как дикий таинственный ландшафт, с его пугающими безднами и теснинами, с прелестными радостными лужайками и тихими идиллическими уголками.

Я воспринял ее как стихийную бурю с ее ужасом и бедами и с ее просветляющей успокаивающей радугой. Разве важно, плохо или хорошо умею ли я истолковывать чувства, вызванные во мне каким-либо переживанием? Разве должен я правильно понимать, если я пережил, прочувствовал? А Вашу симфонию, по-моему, я прочувствовал. Я чувствовал борьбу за иллюзии, я видел, как противоборствуют друг другу добрые и злые силы, я видел как человек в мучительном волнении бьется, чтобы достигнуть внутренней гармонии, я ощутил человека, драму, истину, беспощадную истину.

Простите меня, я должен был высказаться: у меня нет середины в моих чувствах. Либо да, либо – нет!

Преданный Вам А. Шенберг.

Ветер кружит и приносит лепестки диковинных цветов, которые звучат музыкой Малера, словно сверкающая бездна, разливается солнечный свет вокруг Заратустры. Он едва различает очертания Своей Тени. Она смеется, счастливая.

Тень ловит цветы, украшает себя. (Лепесток желтый).

Тень: Из письма Г. Гауптмана Малеру

Любезный, дорогой, уважаемый господин Малер!

Как скверно для нас, что мы разлучены и живем от Вас так далеко. Каждый день я вспоминаю Вас, и во мне еще не иссякли те бодрящие силы, которые придали мне разговоры с Вами. Высшее счастье для смертных – это индивидуальность, но не только их собственная. И хотя, по сути дела, Вы сами не причастны к тому великому доброму и могуче-прекрасному, что есть в Вас, я все же благодарен вам за то, что смог навсегда к этому приобщиться. Благодаря таким людям, как вы, простирающиеся перед человеком дали жизненного пути заливают радостный божественный свет. Почему же мне не сказать Вам все это?

Передайте от моей подруги и от меня сердечный привет Вашей любимой жене, а также, если можно, всем тем хорошим людям, которые в тот вечер окружали Вас в нашем доме.

Дорогой Малер, по-моему, будет неестественно, если между нами останутся эти условности. Теперь, когда я снова верю в радость, я представляю себе, как мы в скором времени встретимся здоровыми, энергичными старыми товарищами и скажем друг другу «ты». Если нам, к сожалению, не пришлось встречаться в юности, то, почему бы, нам не искупить этого в зрелом возрасте, раз внутренние пути остаются теми же самыми. Меня просто томит желание слушать Вашу музыку, проникать в нее...

Мне грезит праздничное будущее, когда мы сможем увидеть здесь Вас и вашу милую, искренне уважаемую супругу и удержать Вас, если возможно, на целое долгое лето (конечно, вместе с Вашими отпрысками). Мне кажется, Вы сможете удобно здесь устроиться и поработать. Ну, не потерял ли я стыд?

Грета шлет вам тысячу приветов. Всего вам доброго!

Всем сердцем Ваш верный Герхард Гаутман.

Новый цветок падает с неба, брошенный ветром к ногам Заратустры, он поднимает его, украшает свою Тень.

Лепесток зеленый.

Тень: Из письма Густава Малера Альме Малер.

Моя Альмшрель!

«Сократ является тем сосудом, в который Платон вливает свое вино. Что это был за человек, если он вызывал неиссякаемые воспоминания и любовь в таком ученике. Его можно очень близко сопоставить с Христом. Это сравнение невольно возникало во все времена. Различия обусловлены временем и средой. Там – свет высочайшей культуры, ученики и жизнеописатели самого высокого интеллекта, здесь – сумерки наивных времен детства, и дети служат сосудами, вмещающими самую удивительную жизненную мудрость, которая является результатом естественности и непосредственно напряженного созерцания и постижения. В обоих случаях – Эрос как творец мира.

На сегодня довольно, милая. Тысячу приветов. И пиши. Твой Густав.

...Некоторое время Заратустра стоит восхищенный и задумчивый перед взглядом утреннего Солнца, над ним и вокруг него звучит музыка, прекрасней и пронзительней которой он ничего не слышал. Его Тень в прекрасном античном платье, казалось, вошла в эту сверкающую музыку и уплыла в высь, к несказанному свету.

«Пусть знаком нашей встречи будут смеющиеся Львы», – вспоминал Заратустра ее слова и осмотрелся вокруг.

Глава 17

Плохо понимая, что же произошло на самом деле, Заратустра стоял лицом к восходящему Солнцу и ощущал себя самым счастливым и самым несчастным, одиноким, вновь оставленным, любимым и потерянным, казалось ему теперь навсегда.

Заратустра (тихо): Эвредика...

Сказал – засмеялся – стих, прислушался к эху, к сверкающим снежным вершинам своего сердца... Стих, увидел, как Самый Безобразный Человек танцуя и смеясь убегает вниз по склону.

Самый Безобразный Человек: Спою я вам, люди, ту самую песню, имя которой «Еще раз», а смысл «Во веки веков». Спойте вместе люди песню Заратустры, всякая радость хочет вечности от вещей, хочет меду, слез утешения, золотой вечерней лазури, хочет ненависти, скорби, позора, уродства мира, хочет сердечной муки.

О, сердце, разбейся! Радость хочет вечности, всех вещей, она рвется в свой кровный вековечный дом!

Поет.

О, внимли, друг!
Что полночь тихо скажет вдруг?
Глубокий сон сморил меня –
Из сна теперь очнулась я.
Мир так глубок,
Как день помыслить бы не смог.
Мир – это скорбь до всех глубин, –
Но радость глубже бьет ключом,
Скорбь шепчет: сгинь!
А радость рвется в отчий дом, –
В свой кровный, вековечный дом!

Заратустра слышит над своей головой хлопанье птичьих крыльев и голоса птиц. Стая голубей вьется вокруг Заратустры, будто не выразимая музыка, будто чудо. Он радуется, как дитя. Закрывает глаза от счастья. Заратустра машет руками, как крыльями, подражая птицам. Внезапно задевает лохматую львиную гриву. Лев, издав тихое рычание, ложится у ног Заратустры.

Заратустра (посмотрев на Льва тихо): Ты в самом деле смеешься?... Да, смеешься... действительно, смеешься... Вот так чудо...

Он улыбнулся. Из-за деревьев показался Лесной Гном. Он с удивлением посмотрел на рычащего Льва, подбежал к нему, угостил орехом. Лев стих.

Лесной Гном (с улыбкой, Заратустре): Ты не чужой для меня, Странник! Когда-то ты проходил здесь... Заратустрою назывался ты... Но ты – изменился... Тогда нес ты прах свой на гору, решив похоронить вместе с погибшим другом свою жизнь, а теперь, я вижу, ты собираешься нести огонь своего сердца в долины?

Оба смотрят вниз, откуда приближается шествие обезображенных, искалеченных людей.

Да, я узнаю Заратустру. (Вздыхнув, посмотрел в лицо Заратустре). Чист взор его и на устах его нет отвращения. Не потому ли идет он, точно танцует. (Смеется, глядя на Заратустру, который вскинул раковину, танцует на горе). Окруженный птицами, Заратустра преобразился, ребенком стал Заратустра. Заратустра проснулся. Чего же хочешь ты среди спящих? Как на море жил ты в одиночестве и море носило тебя. Увы, ты хочешь выйти на сушу? Ты хочешь снова сам таскать свое тело?

Заратустра: Я люблю людей.

Лесной Гном: Разве не потому, что я тоже слишком люблю людей, я живу в лесу? (Помолчав). Только теперь я люблю Бога, а людей не люблю. Человек для меня

слишком не совершенен, любовь к человеку убила бы меня... но я слаб... и все же люблю людей! **Заратустра:** Что говорил я о любви! *(Смотрит на восходящий над миром круг Солнца, прижимает к груди золотой скипетр)*. Я несу людям дар.

Змея Познания поднимает голову.

Лесной Гном: Не давай им ничего. Лучше возьми у них что-нибудь или неси вместе с ними – это будет для них всего лучше, если только это лучше и для тебя.

И если ты хочешь им дать, дай им не больше милостыни и еще заставь их просить ее у тебя!

Заратустра: Нет. Я не даю милостыни. Для этого я недостаточно беден.

Лесной Гном *(смеется)*: Тогда постарайся, чтобы они приняли твои сокровища! Они недоверчивы к отшельникам и лесным духам, и не верят, что мы приходим, чтобы дарить. Наши шаги по улицам звучат для них слишком одиноко. И если они ночью в своих кроватях услышат человека, идущего задолго до восхода Солнца, они спрашивают себя: куда крадется этот вор? Не ходи же к людям и оставайся в горах или в лесу. Иди лучше к цветам. Оставайся только с ними! Почему не хочешь ты быть как я – медведем среди медведей, птицею среди птиц?

Стая птиц кружит над Лесным Гномом и Заратустрой.

Орел: А что делаешь ты, Гном, в своем лесу?

Лесной Гном: Я слагаю песни и пою их, и когда я слагаю песни, я смеюсь, плачу и бормочу себе в бороду, так славлю я Бога. Пением, плачем, смехом и бормотанием славлю я Бога, **моего** бога. Но скажи, что ты несешь **нам**... – в дар?

Пауза. Заратустра несколько секунд смотрит на Гнома, тот смущенно улыбается, перепрыгивая с ноги на ногу.

Заратустра *(смеется)*: Что бы я мог дать ВАМ? *(Сжимает золотой скипетр)*. Позволь мне скорее уйти, чтобы чего-нибудь я не взял у вас!

Лесной Гном и Заратустра смеются. Гном убегает в лес.

Заратустра *(тихо)*: Возможно ль это? Этой Лесной Гном в своем лесу еще не слыхал о том, что **бог мертв**.

Заратустра гладит Льва, на глазах Заратустры – слезы. Он смотрит, как свободно, легко, красиво кружат над ним птицы, видит толпу обезображенных, потерянных, искалеченных жизней, поднимающихся будто из-под земли на вершину горы. Люди несут факелы. Огонь обжигает их лица и одежды, но они терпеливо идут.

«Точно во сне, – подумал Заратустра, – неужели когда-нибудь я увижу свою жизнь и Душу измученной, оборванной, безобразной? А может быть, эти вольные птицы, смотрящие на меня с высоты Неба и полета также сочувствуют мне?»

Гладит Льва.

Нет, нет, дети, дети мои близко!

Звонит птичий голосок в золотистых облаках над горами, над дальним морем. Из пещеры выходят Высшие Люди, Лев издаст рычание, Заратустра, ухватившись его за косматую гриву, быстро вскакивает на самую высокую скалу, оказывается лицом к сияющему над горизонтом Солнцу. Удивительная музыка наполняет воздух ароматом цветущих горных лугов.

Заратустра: Как прекрасно! Что слышу я?!

С вершины он видит, как Высшие люди, испугавшись львиного рычания убегают вниз по горному склону. Заратустра подходит к лежащему у острова камню.

Вот – камень. На нем недавно сидел я, здесь же приходил ко мне Мрачный Прорицатель, тут же впервые я услышал крик о Помощи! *(Вдогонку Высшим людям)*. О, Высшие люди! Это о помощи Вам говорит сне Мрачный Прорицатель. Да, я уверен... *(Смотрит вниз – внизу базарная площадь, над площадью канат, Высшие люди выбегают на площадь, сливаются с толпой калек)*. О, Высшие люди, помощью вам хотел соблазнить Мрачный Прорицатель. Что же говорил он мне? Ах, вот что: Я иду, чтобы ввести тебя в твой последний грех... Что же было оставлено мне, как последний грех?

Садится на камень, думает. Вдруг – вскакивает, подпрыгнув и перевернувшись в воздухе, смотрит на натянутый над миром канат... Смеется... Внизу гудит базарная площадь.

Сострадание! Вот что! Сострадание к Высшему Человеку! *(Вздыхнув)*. Ну, что ж, этому свое время. Мое страдание, мое и сострадание! Разве к счастью стремлюсь я? Я ищу своего дела!

Гладит гриву смеющегося Льва. Орел парит вокруг Солнца, почти касаясь его крыльями. Змея спит, свернувшись на Золотом жезле. Кот сидит на плече Заратустры.

Заратустра *(смеется)*: Что ж, если так! Дети, дети мои близко! Заратустра созрел, час мой пришел, это мое утро, брезжит мой день!

Покидает свою вершину вместе со зверями, спешит вниз по горным хребтам, ступает на невидимый канат, натянутый над миром. Балансирует, смеется в лад удивительной музыке, раздающейся над ним в Небе.

Заратустра *(подняв раковину)*: Так это была жизнь? *(Смеется, танцует, закрыв глаза, идет не оборачиваясь, навстречу Солнцу, застывшему, как огромный янтарь в Небе)*. Что ж, я готов, Маэстро, тогда еще раз!

Смеясь, проходит над пропастью, крепко сжимая в руках Золотой античный жезл.

Глава 18

Тень бродит меж белых высоких колонн античного Дворца и собирает разноцветные листки писем Малера. В одном из листков – ноты. Звучит музыка. Тень пробует напевать что-то.

Тень *(читает письмо)*: Анне Мильдельбург, австрийской певице.

Представляешь, я забыл в Гамбурге наброски к моему сочинению *(Третьей Симфонии)*, которые хотел разрабатывать этим летом. Я в полном отчаянии. Этот несчастный случай может стоить мне целых каникул! Можешь ты понять, что это значит? Это примерно то же, как если бы ты где-нибудь оставила свой голос и вынуждена была ждать, пока кто-то его тебе пришлет.

Улыбается, уходит.

Часть III

Что рассказали мне дети

Глава 1

«Как Солнце и Луна оказались на Небе»

Поэтическая фантазия

по мотивам латышских народных преданий

Летнее поле, усыпанное спелыми колосьями. Ветер шепчется с Небом, расчесывает невидимой рукою прядь облаков. Облака вьются, словно залитые перламутром, опускаются на траву, влажную от утренней росы.

Смеется ветер. Шумят золотые колосья. Заратустра с улыбкой проходит сквозь колосья легко, быстро, словно не касаясь их. Радует спелым зернышкам, сжимая их в ладони, затем снова высыпает на землю, будто янтарные бусинки.

«Какое счастье, когда снова и снова наступает утро, – улыбается Заратустра. – Когда знаешь, что нужно каждый день прожить так, будто он последний. Будто с

исходом дня и заходом Солнца гаснет пламя твоей жизни, и с каждым закатом приходит ее мирное завершение».

Заратустра треплет золотые колосья, зовет Кота.

– Хочешь, покажу, как растет зерно, из которого мелят муку? – спрашивает Заратустра.

– Хочу.

И Кот, стоящий в середине сверкающей полосы пшеницы, становится ярким, блестящим, как светящийся сноп, как улыбающаяся над полем утренняя звезда, как осколок Солнца, застывший в янтарном стекле.

Вокруг него расстилается белый туман, и золотые кошачьи глаза блестят в тумане, как яркие звезды, похожие на морские камешки.

Заратустра радуется, смеется. Вокруг Кота ветер колышет поле. Несколько минут Кот стоит молча, словно приподнявшись в тумане на цыпочки. Блеск его шерсти сливается со светом золотистых колосьев и теперь в этом Солнечном просторе, как в старом доме, как в далеком детстве, становится тепло и уютно.

– Ты будешь полем, значит, миром, – говорит Заратустра, поглаживая Кота. – Над полем, с одной стороны, будет светить Солнце, оно будет твоим правым глазом. Когда Солнце перестанет светить и захочет спать, пусть на смену ему придет Луна, она будет твоим левым глазом. В каждом из них будет сиять осколок Неба. Согласен?

– Я согласен быть полем, – мурлыкнул Кот, и, свернувшись в золотистый шар, уснул среди пшеницы.

Вокруг него золотились колосья. Было тепло. Земля дышала ветром, облаками и недавним летним дождем.

– А теперь ты станешь легким, как облако и я научу тебя летать. Хочешь?

– Как птицы? Хочу!

Заратустра взял Кота на руки и посадил на Небо. Кот улыбнулся, раскинул лапы, и, превратившись в облако, полетел.

С тех пор с удивлением и любопытством, словно два кошачьих глаза смотрят на Землю Солнце и Луна, отражая в своей глубине янтарный свет спелых земных колосьев.

И маленький бог Плодородия – Юмис, держа в ладонях колосок, смеется, раскидывает по земле бесчисленные зернышки.

Глава 2

«Девушка на Луне»

Поэтическая фантазия

по мотивам латышских народных преданий

Весеннее Солнце играет с цветами и мокрой листвой. Серебрит деревья, отражается в рыжих блестящих волосах девушки. Подоткнув подол платья, она заглядела на стаи прилетающих птиц, заслушалась нежного голоса пастушьей свирели.

Пришла на хутор весна, и стало легко на душе у девушки, словно обломились глыбы льда, как оковы упали с девичьей души, легкой, трепетной, ждущей света, тянущейся к теплу.

– Марта, выходи за меня замуж, – слышит она сквозь птичий гомон голос Пастушка.

Смеется. Давно ждала этих слов. Еще с прошлой осени почувствовала, что не равнодушен к ней парень.

– Лучше спой мне еще о птицах! – смеется Марта, глядя на Пастушка. – Мне хочется стать такой же, как они!

– Значит, не выйдешь за меня? – разочарованно проговорил Пастушок, заиграл на свирели что-то печальное.

– Смотри-ка, Пастушок, твоя соседка Данута из дому вышла. Не глядишь на нее, а зря. Она давно не прочь подружиться с тобой.

– Правда? Откуда ты знаешь? – *неожиданно с радостью воскликнул Пастушок и, словно птица, вспарил навстречу своему счастью.*

Смеется ему вслед Марта, а на глазах слезы. Луговые цветы собирает. Ждет чего-то необычайного. Сейчас. Сегодня. Скоро.

Птицы вьются над травой, над лугом, поют о чем-то своем высоком.

Не заметила девушка, как день окончился, уснула в траве под елью, на зеленом ковре, покрытым первыми цветами, будто диковинными узорами.

«Откуда-то из-за лесных пригорков доносился плеск ручья, смех и шепот Пастушка и Дануты. Тихое пение, будто чья-то просьба о счастье, о бесконечной любви.

Бледная Луна показалась над ручьем и вместе со звездами забралась на вершину ели покачаться.

– Ах, как хочется окунуться в Лунные воды, – *прошептала Марта, заглядевшись в Небо. Подбежала к ручью, скинула одежду и прохладные брызги, словно легкие прикосновения невидимых птичьих крыльев, покрыли ее спину.*

Повернулась девушка спиной к блестящей Луне и прошептала: «А я красивей тебя, Данута». Выбежала на берег, накинула платье и обомлела. Под влажной елью сидел Кот, сидел неподвижно, будто боялся нарушить тишину весенней ночи неосторожным шорохом нечаянно сломанной ветки.

– Брысь! – *испугалась Марта. Но Кот не шелохнулся. – Чего смотришь?*

Подождав мгновение, Кот подошел к девушке и потерся о ее ноги.

Марта рассмеялась, взяла на руки Кота, погладила. Он тотчас вспрыгнул на ее плечи, и, устроившись поудобнее, промурлыкал:

– Ты действительно красивее Дануты.

– Ах, так! – *рассердилась Марта, – Сейчас прогоню, если будешь подглядывать.*

– Я хочу пригласить тебя совершить путешествие на Луну! Идет? – *промурлыкал Кот.*

– Что-о? Действительно, на Луну? – *удивилась Марта. – Конечно, я согласна!*

Ветер растрепал ее густые золотистые волосы, влажные от Лунного света и прохлады ручья. Она протянула руку, чтобы поправить непослушные пряди и не заметила, как носочки ее оторвались от земли, легкие ночные облака оказались под стопами и уже словно ступая по ним, как по мокрому весеннему снегу, она, держа на руках Кота, оставляла следы в темном небе, там, где все дороги усыпаны звездами, будто мелким бисером.

Лунная ночь опустила ресницы, окрасив хутор в бледно-фиолентовый цвет.

Полосы Лунного света легли на крыши изб, на деревья, упали пятнами на траву. Причудливые тени цветов казались похожими на сказочные фигуры.

Марта и Кот летели по небу.

– Смотри, Марта, из соседней избы твоя соперница выходит, – *улыбнулся Кот.*

– Я не могу себе представить, что можно так просто подняться на Лунную высоту и увидеть весь мир иначе, словно иным взглядом, – *отозвалась девушка. – Сейчас я совсем-совсем не ревную, нисколько. Сейчас она мне кажется почти красивой!*

– Это значит, ты желаешь счастья всему живому, – *согласно мурлыкнул Кот.*

– Да, я сейчас желаю счастья всему живому, – *засмеялась Марта и погладила пушистую шерстку Кота.*

Услышала знакомый голос Дануты.

– Мать, я не хочу идти за водой, сколько можно день и ночь работать!

– Иди, дочка, иди. Сегодня Луна ярко светит. Каждую травинку видно. С тропки не собьешься.

– Лучше бы ты, Луна, не светила так ярко! – *с горечью воскликнула Данута. – От твоего уродливого света одна беда, ночью людям работать приходится.*

Хлопнув дверью, Данута, ушла в дом.

Тихо затворив входную дверь, Мать вышла на крыльцо, и, подхватив ведро, медленно пошла по узкой травянистой тропе между деревьями, по залитой Лунным светом тропе, ведущей к ручью.

Множество звезд, как разноцветные светляки, осели в волосах женщины, запели что-то нежное, светлое, почти утреннее. Женщина зачерпнула воды, подняла лицо к Небу, улыбнулась, встретив взгляд звезд.

Утопая голыми ступнями во влажной весенней траве, побрела к дому....

Марта погладила Кота, спящего на ее плече.

– Знаешь, милый Котик, – тихо сказала она, – твои глаза напоминают мне Лунный свет.

– Луна и Солнце – это я, – так сказал Заратустра.

– Заратустра? Ты знаешь имя этого мудреца? – воскликнула Марта.

– Да, – улыбнулся Кот, – и еще знаю, почему на Небе так много звезд. Рассказать?

– Конечно! – воскликнула Марта с любопытством.

Ее сердце стучало тревожно, волнительно, предчувствуя что-то необычайное, незнакомое, неясное ей самой...

Они уселись на Лунном камне, Кот вспрыгнул на колени девушки и промурлыкал:

– Что ж, хорошо, тогда слушай. Очень давно, когда существовали на земле только растения и деревья, вышло Солнце замуж за Месяц. Прекрасной и счастливой была их жизнь, вместе они вставали утром, вместе ложились спать. Родили много детей – звезд на Небе.

Но однажды утром прекрасное Солнце проснулось, а мужа рядом нет. Стала присматриваться внимательней, вставать раньше, чтобы разгадать тайну, куда же Месяц исчезает.

И вот однажды дозналось Солнце о неверности Месяца. Загляделся он на дочь Солнца, Утреннюю звезду Аусеклиса. А Солнце, распалив свое сердце, острым клинком убило своего мужа, рассекло его на две части.

С того дня Месяц показывается на Небе то целым, то наполовину видимым. Но озорничает по-прежнему. Поздним вечером, только жена уснет, он потихоньку поднимается и идет милой любоваться. А Солнце из ревности все возле дочери держится...

Некоторые говорят, что не Солнце рассекло Месяц на две части, а Гром. Как только узнал, что Месяц похитил дочь Солнца и любезничал с ней, погнался за беглецами, нагнал, ударил Месяц так, что застыл тот, обратившись в янтарный камень. Еще несколько раз ударил гром по камню и рассыпались по небу прекрасные звезды, похожие на морские камешки. Дочь Солнца, осиротев, расплакалась и каждое утро выходила на край Неба. С тех пор собирает осколки своего обольстителя, бросает их в море.

Ветер шелестел утренними облаками. Кое-где мерцали звезды. Марта слушала Кота, затаив дыхание. Причудливые Лунные цветы распускались возле серого камня, на котором они сидели, и в лунной долине цвели на ветру деревья. Прямо над ними качалась яркая, будто водяная лилия, прекрасная утренняя звезда.

– Сколько на свете доброго и прекрасного! – воскликнула девушка, любуясь звездным Небом. Цветущие деревья напоминали ей узоры звезд.

– Как красиво, – восклицала она. – Почему же в сердцах людей иногда рождается зависть, гордость, злоба, ревность? Ты не знаешь, Кот?

– Наверное, не все сердца так чувствуют красоту и не все глаза видят свет. Этому тоже надо учиться.

– У кого?

– Хотя бы у ветра, – засмеялся Кот, – В его летних песнях много любви и тепла. Он уносит мысли высоко и дарит глубокие и нежные чувства. Нужно научиться слушать песни Ветра.

– Смотри, Небо совсем посветлело, одна Утренняя звезда осталась, – с грустью произнесла Марта. – Меня, наверное, уже ищут дома... Мама волнуется.

Кот спрыгнул с колен девушки и, собрав в букет несколько лунных цветов, подарил ей.

– Ты никому не говори, где была ночью! – предупредил он.

– Ни за что, – рассмеялась девушка. – Я умею хранить тайны.

Не успев произнести больше ни слова, девушка была подхвачена сильным потоком Ветра. Еще несколько секунд, и минуя пути утренних звезд, она коснулась ступнями влажной земной травы у ручья, открыла глаза, и улыбка озарила ее лицо.

Пастушок стоял перед ней, держа в руках букет из лесных цветов. Ветер трепал его светлые кудри.

– Марта, это тебе, – сказал Пастушок.

Девушка засмеялась от счастья, земные и лунные цветы, которые она держала в руках были так похожи...

– Бежим скорей, украсим наш дом! – сказала она.

Солнце всходило над ручьем, над лесом, над хутором, будто яркий кошачий глаз.

– Солнце и Луна – это ты! Это твои глаза, так сказал Заратустра, – тихонько прошептав, засмеялась она, и будто в подтверждение своих слов услышала мурлыканье где-то рядом.

– С кем это ты говоришь? – спросил Пастушок.

– С ветром, с собой, с тобой, с целым миром, – засмеялась она. – Бежим скорее! – Прижимая к груди утренние весенние цветы, она, счастливая, вместе с Пастушком, побежала к дому.

Глава 3

«Откуда взялась радуга?»

Поэтическая фантазия

по мотивам латышских народных преданий.

Бледные фиалки и высокие ромашки цвели на весеннем лугу. Золотистые лучи Солнца касались цветов, и они трепетали в ответ на теплое приветствие, радостно кивали головками, улыбаясь, как чуду, новому дню.

– В каждом новом дне – вся жизнь, произнесла, собирая утренний букет, Марта. Произнесла серьезно, как взрослая.

Вдали, на другом конце луга, Пастушок играл с козами.

– Гляди, Марта. – Крикнул он девушке, – другие работники с нашего хутора уже пошли домой завтракать. Бежим вместе ко мне, я познакомлю тебя с мамой.

Марта засмеялась, подхватив цветы, на тонких ветках которых дрожали крупные капли росы, вместе с Пастушком подошла к хуторянам.

Женичины, высокие, загорелые, улыбались, умывая лица холодной росой, пели, смеялись.

– Один мудрец когда-то сказал, что самое большое счастье – умыться утром холодной росой, – произнесла одна из Женщин.

– Это верно! – радостно воскликнула Марта. – В каплях росы светится янтарь, будто Солнце. Отражается в них Луна и кажется, что пушистый котенок с высоты смотрит вниз на землю, удивляясь утренним цветам.

Она прижала к груди влажные душистые стебли.

– Идем, дочка, с нами завтракать, – сказала Женичина и взяла за руку девушку.

– Это моя невеста, мама, – серьезно произнес Пастушок, – Ее зовут Марта.

– Очень хорошо, – улыбнулась Женичина. – Поможет мне приготовить завтрак.

Они пошли по полю, усеянному ранними фиалками и высокими белоснежными ромашками.

– А вы всегда летней росой умываетесь? – с любопытством спросила Марта.

Женичина рассмеялась.

– Что ты! Нет, конечно, нет.

Легкий ветер пролетел над облаком, коснулся цветов, травы. Согласно зашелестели они, роняя, будто слезы счастья, капли утренней росы.

– Не иначе сам мудрец Заратустра, обратившись в ветер, прилетел поздороваться с нами, – сказала Женщина и посмотрела на Солнце.

– Заратустра? – переспросила Марта, – разве мудрец Заратустра может обращаться в ветер?

– Конечно, – серьезно ответила Женщина, – и в Солнечный свет, и в молнию, и в огонь, если захочет.

– Тогда я буду слушать летние песни ветра! – воскликнула Марта.

– В летних песнях ветра много тепла, – с нежностью произнесла Женщина, – но если он рассердится, может перевернуть землю.

– О, ветер?! Я слышал, мне отец в детстве читал, – вдруг вспомнил Пастушок, – Однажды ветер прилетел к Богу на Небо с какой-то просьбой или жалобой, а Бог не принял ее. Ветер разозлился и умчался, завывая, раздирая Небо в клочья, свивая тучи и громовые облака, поднимая клубы песка, глины, камней. Так на Небе образовывались гроззовые облака.

– И некоторые мудрецы тоже могут обращаться в ветер и сгонять в стада тучи, – засмеялась Женщина, погладив сына по голове. – Идемте живей, Небо и впрямь темнеет, вот-вот начнется гроза!

Неожиданный удар грома испугал коз и овец. Они жалобно заблеяли, прижавшись друг к другу.

– Эй! Громовый бог, черная туча! Я тебе погремлю! – крикнул Пастушок, пригрозив Небу хворостиной. – Посмей мне только пролиться дождям, мое стадо намочить!

...Прошло несколько секунд. Причудливые узоры гроззовых облаков сплелись в темный орнамент, на нем, словно в зеркале, отражались козы, коровы, ягнята, кони, трепетные фиалки, яркие высокие светлые ромашки.

– Смотрите, как красиво и как тревожно! – с замиранием сердца воскликнула Марта, разглядывая гроззовое кружево.

– Идемте скорей! – торопила Женщина.

Козы и овцы непрерывно блеяли. Пастушок взмахнул хворостиной и сверкнула молния, взметнувшись, будто гигантский хвост дракона, ударила где-то рядом. Пастушок упал навзничь, прижавшись к земле, по его спине забарабанили быстрые слепые струи летнего дождя. Козы и овцы сгрудились возле юноши, тычась мордами в его тело.

– Уйдите! Уйдите! Уйдите сейчас же! – закричала Марта, рассыпая по ветру влажные от росы и дождя ромашки и фиалки.

Она пыталась пробиться сквозь стадо, как крохотный лучик далекого Солнца, освободить себе путь сквозь вереницу черных гроззовых облаков.

Женщина плакала, сидя на мокрой траве. Тянулась, как цветок, к далекому темному Небу, увитому стаей гроззовых туч.

Будто крохотные кусочки стекла, просыпались над цветущим лугом, растаяли в воздухе. Это был град. И сквозь град, будто из-под льда, выглянуло что-то знакомое, нежное, пушистое.

– Кот! Мой Кот! – захлопала в ладоши Марта, увидев пробившийся сквозь грозу крохотный янтарик Солнечного взгляда. Ее ладони дотянулись до плеча лежащего на траве Пастушка. Что-то белое, похожее на Солнечное облако, укрыло голову юноши, его плечи, тело.

Сквозь туман Марта держала его за плечи, боясь потерять, отпустить на мгновение. Рядом блеяли козы. Летний ветер шелестел в цветах, и последние капли дождя повисли на шкурах овец, коз, коров, щиплющих траву.

Над цветущим лугом возишла яркая радуга, она раскачивалась из стороны в сторону, будто хвост гигантского Павлина. И удивленный янтарный кошачий глаз глядел с Неба на разноцветное чудо.

– Котик! Ты Солнце и ты – Месяц! – радостно воскликнула девушка и через миг увидела, как из влажной травы поднялся ее друг, ее жених поднялся светлый, мокрый, взъерошенный, похожий на прекрасный луговой цветок.

– Пойдемте домой, – сказала он, подошел к Марте, обнял мать, улыбающуюся сквозь слезы. Овцы, козы, коровы, лениво звеня колокольчиками, потянулись следом, к хутору, будто легкие теплые облака, сотканные из янтарных солнечных осколков, из запаха дождевых трав и летних цветов.

Глава 4

В глубине сада, раскинувшегося вблизи моря, неподалеку от Дворца ходит Тень. Лунный свет делает ее лицо строгим и светло-печальным. Она садится на садовую скамью и прислушивается к шелесту листвы и морских волн.

В этот тихий ночной разговор вплетется музыкальная тема из симфонии Малера.

Тень держит в ладонях букет нежных фиалок, читает вслух текст письма композитора. Видимо, ей хорошо знакомо каждое движение его души.

Тень: Письмо Густава Малера жене... (улыбается)

Моя любимая!

Итак, вчера я был в «Любовном саду». Спектакль был очень хорош и целиком подтвердил мое впечатление от чтения. Моя точка зрения не изменилась. Мой взгляд на Пфицнера остался прежним. У него музыка с большим настроением и очень интересна по колориту. Но слишком бесформенно и расплывчато. Студень, протоплазма, которая стремится к жизни, но задержана в развитии. Акт творения остановился, в лучшем случае на моллюсках. Позвоночные животные никак не могут возникнуть. Хочется воскликнуть, как Калхас в «Прекрасной Елене»: «Цветы, одни только цветы!» Публика пришла с самыми лучшими намерениями, но осталась без сил в затхлости застоявшегося тумана, в этой атмосфере мистики.

После спектакля я поужинал с Калером и Вольфрумом и потом вместе с последним уехал в Гейдельберг, где и переночевал.

Ноднагель вдруг вынырнул со своим анализом Третьей. Теперь дело дошло до генеральной репетиции.

Нейсер всюду был вместе со мной и останется до моего отъезда. Он нравится мне теперь гораздо больше (приехал он только ради моей симфонии, приурочив к ней свою лекцию). Он очень горячо интересуется моим творчеством и прекрасно его понимает: мою Третью он знает наизусть.

Надеюсь, что Неккар отнесется ко мне так же благосклонно, как Рейн. Во всяком случае, все признаки говорят за это. Чувствуется огромный интерес во всех кругах, и в обоих городах все распродано (так не бывает якобы даже у самого Штрауса). Но я вижу, как важно, чтобы я пока еще всюду сам присутствовал: то, что люди делают с моими сочинениями в мое отсутствие, слишком нелепо. Штраус правильно поступает, что всюду дирижирует сам.

А теперь мой самый горячий привет, дорогая. (Вчера я весь день ничего от тебя не получал. Надеюсь, у тебя все в порядке?) Что делает наша чудесная Путци?

Твой Густ.

Лунный свет постепенно меркнет, Тень растворяется в тишине античного Дворца. Эхом звучат ее легкие шаги.

Глава 5

«Звездный огонь»

Поэтическая фантазия по мотивам латышских народных преданий

Ночь. Одинокая Белая Ласточка, быстро-быстро взмахивая крыльями, неслась навстречу ветру, абсолютно белая, как полуденное Солнце, она мелькала между грозовых туч. Одну за одной, она срывала с Неба голубые звезды и прятала их в своем птичьем пуху.

– Что ты делаешь? – сурово зашумели косматые ели, загудели сосны, покачивая ветвями. Они были высокие и сильные, как самые главные деревья в лесу, их ветви, казалось, вот-вот коснутся Неба.

– Я несу радость людям, – проговорила Белая Ласточка. – Прежде, чем хлынет дождь, я должна собрать несколько голубых звезд, рассыпать их во тьме, там, где грозовые тучи закрывают всякий свет, чтобы те, кто окажется в дороге ночью, не сбились с пути.

– Мы согласны, – закивали ветвями сосны и ели, – только поторопись, слишком сильный ветер, вот-вот мрачные тучи прольются на землю дождем. Тебе будет трудно лететь...

Внезапный ветер закачал деревья, они заскрипели во тьме, замелькали косматыми ветвями.

Собравшись с силами, Ласточка взмахнула крыльями и поднялась к мрачным грозовым тучам, туда, где едва заметные, сверкали звезды, как последние искры догорающего костра.

– Что ты делаешь?! – застучал клювом по темным стволам деревьев Воробей. – Это мое Небо и мои Звезды. Пусть Звездный огонь спалит тебя, непокорная Ласточка!

Сердце Белой Ласточки застучало от страха так сильно, так быстро она замахала крыльями, что не заметила как звездные искры опалили белые крылышки, хвостик и голову. Рядом сверкнула молния.

– Спасите, – жалостно крикнула Ласточка и упала во влажную от дождя траву.

Дождевые капли погасили пламя, а голубые звезды рассыпались светляками в траве.

Когда взошло Солнце, его лучи подняли рассыпанные звезды в воздух и пролили золотым светом и прохладной росой на ветви деревьев.

Теперь деревья стояли сверкающие на ветру, золотые, будто отраженные в Небе.

– Как красиво! – улыбнулась Ласточка. – Теперь никто не заблудится во тьме.

Когда наступила Ночь, от Луны отделился осколок и упал в траву. Светлый, медовый, как крохотный янтарь!

– Какое красивое зеркальце, – воскликнула Ласточка и взглянула на свое отражение. Только теперь она заметила, что ее крылышки, голова и хвостик стали черными.

– Это звездный огонь опалил меня! – воскликнула Ласточка.

Гордая, счастливая, сверкая от счастья, она вновь раскинула крылья и полетела...

...Над лугом и лесом,
Над – небом,
И – над –
землей, – где –
журчали –
светляки –
и – звезды...

Глава 6 «Как появилась Земля»

Поэтическая фантазия по мотивам латышских народных преданий

Мельничные крылья трепетали, будто еще за стеклом, отражались в прозрачной воде, цвели сквозь туман.

Тот, кто придумал Землю, звался Диев. Он был веселый и озорной, одетый во все белое, блестящее. Его темные кудри вырисовывались из тумана, падали на лоб чуть синеватыми прядями. Он стоял по колено в воде, вокруг него порхали облака, дождевые и солнечные, он глядел на них и смеялся.

Из воды вынул он прекрасную раковину, загудел, затрубил, разбивая звуком утренний туман. Из мелодии, чистой и прозрачной, как вода, выросли облака и звезды, похожие на цветы. В воде появлялись потоки и причудливые кувшинки. Обвитые цветочными гирляндами, звездные дворцы выросли из воды, блестели на свету, поднимались к Небу, сливались с облаками и горизонтом.

Диев гудел в раковину и смеялся. Он танцевал, стоя на волнах, почти не касаясь ногами воды. В его глазах плескалась тишина и безмятежность.

– Как прекрасен мир», – звонко смеялся юный Диев. – Пусть он будет светлым и мягким, как сердце Любви.

– Пусть, – услышал он позади себя чей-то голос.

Диев обернулся. Позади стоял Черт и безмятежно улыбался. Диев рассмеялся, Черт показался ему забавным.

– Вынеси-ка мне, друг, из-под воды горсточку ила, – попросил Черта юный Диев. – Я угощу тебя медом, нектаром бессмертных.

– Я – мигом, – согласился Черт, нырнул и вынес из-под воды горсточку ила.

Диев взял в ладони ил и обкатал его в тумане, облил золотистым, как Солнце, медом, и остатки божественного нектара дал выпить Черту.

Золотистый шар, похожий на огромный одуванчик, стал цвести и вырастать, разбухать в ладонях Диева. Юноше казалось, что он держит в руках прекраснейший Цветок Солнца.

Черт был очень голоден, с жадностью выпил он медовый нектар Диева и стал жевать принесенный со дна ил. В тот же миг во рту Черта ил стал разбухать, обжигая губы, язык. Не выдержав, Черт стал плевать. Его плевки падали на светящийся земной шар, который Диев держал в ладонях, будто сердце, будто мечту, и – на том месте, куда попадали плевки Черта, выросли горы.

– Теперь ты поддержи недолго, ей пора затвердеть, – попросил Черта Диев и протянул ему блестящий земной шар.

Черт обхватил мягкий, будто живая глина, шар и крепко стиснул его своими когтистыми лапами.

Так прошло несколько часов. Черт держал в ладонях землю и смотрел на звезды. Его тяжелые длинные волосы падали на шар, образуя глубокие овраги, ущелья и реки.

Крепко стиснув зубы, черт держал землю.

– Спасибо, приятель, – сказал Диев и принял у Черта шар, подкинул его в Небо.

В тех местах, где лапы и плечи Черта касались Земли, образовывались глубокие моря и океаны.

– Как это прекрасно, – улыбался Диев, наблюдая, как среди множества звезд Земля находит свое место, кружась и танцуя в воздухе.

– Какой вкусный мед, – восхищенно произнес Черт, обнял Диева и скрылся в глубоких водах Времени, где было его жилище.

Диев поднял раковину и запел:

Земля,
Твое пространство – остается,

Твое же постоянство – остается,
И дивное пространство – остается,
Хотя меняешься ты ежедневно,
И ежечасно, и ежеминутно,
Себя неотвратимо повторяя,
Меняешься...
Мгновенье – и опять переменилась,
И снова непохожа ты на ту,
Что видел я и так хотел запомнить.
И озеро другое, чем вчера,
Его пересекла летящей птицей,
Тень облака и крылья распластав,
На оба берега легла. Мгновение!
И предстает безмолвное виденье
Пророчеством, иль роком, иль судьбой.
Вдруг разразился дождь
Его удары
Почувствовало озеро,
И вдруг
Все затянуло дымкой
В этот миг
Присели деревья
И лодки – словно
Повисли в воздухе
Казалось, вот
Они с дождем над озером смятенным
Прочь улетят...
Но на лесной опушке
Уже трепещет ветровая грива
И медленно уже светлеет зелень
Земля,
Мгновенье – снова ты иная,
Не та, которую мы видели вчера
Хотя, быть может, ты и хочешь
Себя же повторить,
Напрасно!
Другая ты, ты все равно иная,
Неузнаваемой ты будешь, видно,
И в следующий раз
Нет, мне не суждено
Твою постигнуть душу никогда
Неугомонную, хотя всех нас
Ты учишь постоянству, что на час,
Однако завтра будешь ты иной,
Опять иной ты будешь, повторяя
Себя же...¹

Земля кружилась и танцевала среди звезд, но теперь, на фоне других планет, она казалась Диеву слишком большой.

– Что делать с такой громадиной? – засмеялся он.

– Стисни ее, – тихо проговорил маленький Ежик, уместившийся у ног юного Диева.

Диев заметил нового друга и с улыбкой принял его совет.

В тех местах, где Диев коснулся Земли, образовались скалистые снежно-синие вершины, горы, долины, пещеры. Земля уменьшилась и стала выглядеть еще прекрасней.

¹ стихотворение «Разговор с землей» Эугенниуса Матузявичюса.

– Ты самая красивая из букета звездных цветов, – признался ей Диев.

Он поклонился Ежу и подарил ему одежду из сплошных колючек.

«Чтобы враги к тебе близко не подходили, – сказал он Ежу. – Ступай на берег реки Огре, где высокая горка. И жди... Через несколько лет там появится Великан.

Он будет сидеть на горе и курить. От дыма его трубки горка Огре будет окутана голубым туманом, который не рассеется никогда. А люди, которые расселятся вокруг горки, назовут ее Голубая гора.

Ежик раскланялся, поблагодарил Диева и убежал в горы ждать своего великана...

Мельничные крылья трепетали в воздухе, будто бы за стеклом, отражались в прозрачной воде, цвели сквозь туман.

Так проходили годы. Того, кто придумывал Землю, звали Диев.

Глава 7

«Серебристый ручей»

поэтическая фантазия

по мотивам латышских народных преданий

– 1 –

Ночные цветы, влажные от ветра и прохладной росы, трепетали крылышками, словно бабочки.

На берегу Лауцесты пели сверчки. Крохотный Лесной Гном, мелькая в траве, размахивал колпачком, позвякивал бубенчиками среди цветов, перекачивал гладкие камни с лесной поляны к речному берегу. Звездочки искрились в Небе и траве, голубели в цветочных лепестках. Фиолетовый цветочный аромат поднимался едва заметным, душистым облаком к Небу, и над грудой камней, аккуратно сложенных у самого берега, взвивался легкий, будто сиреневый туман. Гномик окунул свои деревянные башмаки в голубую цветочную пыльцу. Вбежал, крохотный, точно искорка, на вершину каменного холма. Вскинул взгляд к Небу. Сиреневые и розовые звезды отразились в его глазах, осветили седые пряди. Он засмеялся, счастливый.

– Я построил гору, настоящую гору. Точь-в-точь такую же, на какой жил мудрец Заратустра.

Небо посветлело. Вдали, над рекой, будто с другого берега, пропел Петух. Гномик еще раз радостно взмахнул колпачком в ответ и, прозвенев лесным ручейком, скрылся в густой траве. Солнце взглянуло ему вслед, задумчиво улыбнулось.

Волны юной Лауцесты игриво заплескались в ответ и побежали к горизонту, торопясь, смеясь, радуясь.

Звезды над рекой растаяли, обратились в утренний туман в росу, блестящую на цветочных крыльях. Несколько раз пропел петух над Лауцестой. Игривый ручеек обвился змейкой вокруг каменного холма, вода в нем была прозрачная, серебристая, светлая.

А на каменном холме, выстроенном Гномом, остались следы деревянных башмаков, похожие на лесные цветы.

– 2 –

Утренний ветер закружил звонкий ручей вдоль речного берега, пробивая ему дорогу между камней, дальше и дальше, и несколько прекрасных как водяные лилии, голубых озер, образовались вокруг горы Мариню, куда пробился речной ручеек.

Точеный серый камень преградил путь ручейку, а ему так хотелось добежать до прекрасной реки Мелнупе – сестры Лауцесты...

Белые птицы опустились на тяжелый серый валун и свили гнезда над серебристым ручейком.

– Кто вы? – спросил ручеек.

– Мы – дикие лебеди, – сказали птицы, – ты такой чистый, светлый и легкий, будто чья-то мечта. Разреши нам омыть крылышки в твоей воде.

Ручеек смущенно согласился. Еще никогда прекрасные белые птицы не купались в его водах... Он был счастлив!

На противоположном берегу реки Мелнупе вращалась мельница. Ее крылья почти касались облаков и подпевали плеску холодных волн серебристого ручейка и прекрасной реки Мелнупе.

На поляне перед мельницей цвели и сияли в траве голубые фиалки.

Глава 8

«Песенная горка и чертов коготь»

**музыкально-поэтическая фантазия
по мотивам латышских народных преданий**

Дождь молотил по Песенной горе, по убранному усталому полю, по скошенным стогам душистого сена.

– Девушки, давайте песни петь! – сквозь холодные дождевые струи прокричала юная Катрина, засмеялась, распустила волосы и первая запела:

– Как бы ни устала я,
С песней домой иду...

Подруги подхватили ее мотив. Струи дождя хлестали их плечи, грудь, спины, но простой песенный мотив согревал сердца и души, не давал упасть духом.

– Знаете, подруги, – смеялась Катрина, – в давние времена наша горка славилась тем, что на ней никогда не умолкало пение: утром ли, вечером ли, – там всегда звучали песни. Пели девушки – работницы, наши бабушки, выходя утром в поле и возвращаясь вечером домой.

Сверкнула молния, не дав договорить девушке. Подхватив подруг под руку, Катрина спряталась под высокой елью. В тот же миг что-то ударило Катрину по спине, девушка обернулась и обомлела. В двух шагах от нее, среди ветвей, словно белка, сидел маленький Чертик. Он грыз лесные орешки.

– Значит, это ты, Катрина, песни поешь, у бабушек учишься, – усмехнулся он и запустил в Катрину еще одной шишкой.

Подруги, заметив Чертика, спрятались в еловых ветвях, забыв о дожде и холоде. Ветер трепал сосны и ели, лес гудел, перекликался с мрачными облаками, глухо отвечала ему земля.

Катрина топнула ногой, подняла шишку и, преодолевая страх, запустила в темного лесного уродца.

– Убирайся отсюда, хватит людей пугать!

Смело сделала несколько шагов по лесной тропе.

– Как бы ни устала я, С песней домой иду... – пела Катрина и улыбалась.

Ловко перепрыгивая с одной ветки на другую, Чертик преградил ей дорогу.

– Что ты хочешь от меня? – не на шутку испугалась девушка, озираясь по сторонам.

Дождь хлестал деревья, затягивал мрачный мотив, который вырастал песнями до неба, до мрачных туч, утопал в лесных травах.

– Отстань от меня! – гневно крикнула Катрина, Чертик оцетинился, обиженный.

В тот же миг из-за деревьев послышались несмелые голоса подруг Катрины.

– Как бы ни устала я, С песней домой иду... – пели они, и над Песенной горой на миг посветлело Небо.

Катрина засмеялась, счастливая.

– Прочь с дороги! – крикнула она в лицо Чертику.

– И не подумаю, – рассердился он. – Утащу вас с подругами в пекло!

Ударил гром, молния пролетела где-то совсем рядом, так показалось Катрине. Яркое пламя взметнулось над землею, опалило стволы деревьев. Некоторые из них повалились, будто огромные статуи. Заскрипели стволы, загомонили сидящие в лохматых ветвях лесные птицы.

– Этот уродливый карлик хочет утащить девушек в пекло! – затрещала сорока.
– Надо звать на помощь!

– Он запрещает им петь! – защебетали лесные птицы.

В несколько секунд лес наполнился птичьими голосами, которые, взлетая до Неба, разбивали вдребезги мрачные молчаливые тучи и побеждали дождь. Проливались на землю робкими солнечными пятнами.

– Слепой дождь! Ступай! – смеялись птицы.

И взметнувшееся пламя – погасло. Сквозь ветви деревьев выглянуло Небо, полное безмятежных голубых облаков.

– Как бы ни устала я, С песней домой иду... – запели девушки, подражая птицам

Испугавшись яркого света, Черт спрятался в дупле старого дерева, зацепившись когтем за большую корягу. На это месте, словно гриб из-под земли, вырос серый камень, напоминающий чертов коготь

– По своей высоте он вполне подходит для нашего гнезда! – застрекотала сорока.

Птицы согласились с нею и принялись за дело.

– Как бы ни устала я, С песней домой иду... – запели девушки и убежали в деревню, счастливые, ласковые, похожие на последние капли дождя, согретые внезапным Солнцем, сверкающие и переливающиеся в темных сосновых лапах.

Глава 9

Зыбкое звездное кружево отражается в воде. Море тихо роняет аккорды, плещется, разбивает их о прибрежные камни. Тень сидит на небольшом морском валуне, на ее плече спит белая птица. Это морская чайка. Тень гладит птицу. Тихо читает ей письмо.

Тень: Письмо Густава Малера Иозефу Круг-Вальдзее, музыкальному критику:

Дорогой господин Круг!

Ваше сообщение было для меня очень неожиданным и еще более радостным. Итак, Вы набрались храбрости и отваживаетесь взяться за мое чудовище? Примите же мою сердечную благодарность и искренние пожелания, чтобы оно принесло вам хоть несколько радостных мгновений. – Теперь отвечу на Ваш вопрос. Этими названиями я пытался в свое время дать точку опоры или путеводитель именно не музыканту, чтобы он мог легче понять, какие мысли или, скорее, настроения заключены в отдельных частях и как части относятся друг к другу и к целому. Но, к сожалению, вскоре для меня стало ясно, что это мне не удалось (да и не может никогда удалиться на деле), и привело только к превратным толкованиям самого худшего рода. Точно такая же неудача и раньше постигла меня при подобных обстоятельствах, и отныне я раз и навсегда отказался от всех комментариев, анализов и прочих вспомогательных средств. Названия, приведенные Ноднагелем (они верны все, кроме первого, которое должно гласить: Вступление к I части: Пан пробуждается, лето шествует вперед – вакхическая процессия), наверняка смогут многое сказать Вам после того, как Вы познакомитесь с партитурой. Вы можете почерпнуть из них и намеки на то, как я представлял себе непрерывно нарастающую градацию чувства: от глухого, неподвижного, чисто стихийного бытия (царство природы) до хрупкой плоти человеческого сердца, которое стремится возвыситься над этой плотью и подняться к Богу.

Пожалуйста, выразите все это на своем языке, не приводя этих мало говорящих заголовков, – и Вы сделаете то, что я замышлял. Я очень благодарен

Вам за то, что Вы спросили меня: ведь для будущей судьбы этого произведения и всего моего творчества совсем не безразлично, как мои сочинения будут представлены публике. О, если бы серьезность Вашего характера стала примером для остальных!

Еще раз сердечно благодарю за все

преданный Вам Малер.

Дочитав письмо, Тень встает с камня, тихо, чтобы не разбудить спящую птицу, уходит во Дворец. Среди звезд звучит далекая, как мечта о Невозможном, музыка Малера.

Глава 10

«Чертово создание»

лирическая фантазия

по мотивам латышских народных преданий

Над землей вился белый туман. В облаках тумана выросли цветы, деревья, трава. Там, у дальнего горизонта, друг за другом, чередой шли звери. Юный Диев¹ трубил в рог, скликая птиц. Они смеялись в ответ ему сквозь туман и серебристые отблески Солнца падали на крылья птиц, казалось, обращая их, крохотных, в светящиеся звуки. Низкий глубокий звук рожка разорвал завесу тумана и вдохнул жизнь в только что вылепленное из глины тело Коровы. Крупные рога, длинный хвост, пятнистая шерсть... Созданная из глины и звука морской раковины, пятнистая Корова выглянула из белого туманного облака и протяжно, словно подражая раковине юного Диева, замычала. Диев обрадовался, украсил ее рога и шею цветами.

– А я еще красивей сделаю! – воскликнул Черт и вылепил из комка глины небольшую козу. – Загнутые рожки, длинная борода, короткий хвостик, копытца...

«Слишком маленький зверь получился», – с досадой вздохнул Черт, взял у Диева раковину и стал играть.

Но глиняная фигурка, как была, так и осталась стоять на месте, не шелохнувшись.

– Наверное, не нравится ей твоя музыка, – засмеялся Диев.

Отобрал у Черта раковину и светлые, будто тихий водопад, звуки, окутали легким облаком глиняную козу.

Оказавшись в лучистом поющем облаке, она пошевелила одной лапой, другой, мотнула головой, застучала копытцами, заблеяла и побрела сквозь белый туман к дальнему горизонту, вслед за остальными зверями, слепленными из глины, подсакивая, мотая и тряся длинной бородой, напоминая сгорбленную, чуть-чуть неряшливую фигуру бородатого Черта, вылепившего ее из крохотного куска глины, с грустью и нежностью глядящего ей вслед.

Глава 11

«Стабурагс»

поэтическая фантазия

по мотивам латышских народных преданий

Словно песню, качал ветер на речных волнах Даугавы небольшую рыбацкую лодку. Юноша закидывал сети, смеясь, вытягивал из воды рыбу, складывал на дне лодки, пел.

Он смотрел на берег, где осталась его невеста Лея. Спящее небо сплошь было затянуто грозowymi тучами, и он едва мог разглядеть родной берег. Оттуда Лея,

¹ Диев – верховное божество латышских мифов.

вскарабкавшись на высокий валун, махала ему, улыбалась. Сердце юноши радостно забило.

«Любимая ждет меня, разве что-нибудь еще нужно для счастья?» – подумал он.

Неожиданно поднялся ветер, зарыбились речные волны и вмиг Небо заволокло тучами, тяжелые печальные капли дождя застучали по лодке рыбака.

«В такой ветер трудно будет доплыть до берега», – проговорил он вслух.

Но спустя несколько минут, робкий Солнечный луч вырвался из-за тяжелых облачных гирлянд, повис над лодкой, замер и, показалось юноше – само Солнце игриво усмехнулось ему, приглашая в гости.

«Вот бы стать моей лодке легкой, как птичье крыло и взлететь на волнах ветра к воротам Солнечного города!»

Несколько разноцветных, как морские камешки, Солнц, выплыли из-за мрачного горизонта, и подхватив лодку юноши, помчали ее ввысь, наперекор приближающейся буре.

...Стоящая на высоком сером валуне Лея заметила, как отделившись от волн, пролетела по Небу золотая колесница, в которой стоял ее жених, счастливый и удивленный. Она не успела окликнуть его.

«Наверное, служанки самой богини Солнца Сауле умчали его во Дворец Матери Неба, чтобы он служил Свету», – подумала Лея и улыбнулась. Несколько раз так уже случалось с лучшими из юношей поселка.

Она смотрела в Небо, провожая взглядом золотистую колесницу, улыбалась, но на ресницах уже дрожали робкие слезы.

Солнечный луч, выглянув из-за туч, словно услышав сердце девушки, нарисовал на речных гребнях волн золотые крылья.

Это была птица, легкокрылая птица Солнечной мечты. Она отделилась от воды, вспорхнула, стряхнула с перьев дождевые капли – и – Небо снова стало светлым.

Высохли на ресницах девушки робкие первые слезы, будто капли слепого дождя. И над рекой возшла радуга.

Лея обрадовано протянула руки к золотокрылой птице.

Мечта о счастье пронесла девушку по Небу...

Взявшись за руки, вместе с любимым они вошли в Город тысячи Солнц. Богиня Солнца – Сауле, вышла им навстречу, прекрасная, счастливая, она роняла на Землю цветы.

«Она прекрасна, словно Музыка», – подумала Лея.

И цветы откликнулись ее сердцу легким звоном.

Из цветов выросли звезды, светлые – вокруг – в Небе. Из цветов появлялась роса, божественным нектаром она падала на землю, на берег реки и обращалась в крохотные золотистые Солнца, застывшие кристаллами янтаря. Будто осколки забытой мечты, звенели они над Даугавой, слагая прекрасную песню без слов.

Лея улыбнулась, увидев прозрачный янтарь.

– Это мои мечты? – спросила она у богини Солнца Сауле.

– Это музыка твоей любви, – засмеялась богиня Сауле.

– Я обращаю твои мечты, Лея, в песчаный речной утес, – вдруг серьезно добавила она. – На этом утесе влюбленные будут находить крупинцы янтаря, будут дожидаться встречи друг с другом, как могла дожидаться своего любимого только ты, и крохотные янтарики, найденные на этом утесе, будут залогом их счастья.

– Разве одной моей мечты о любви и счастье хватит, чтобы создать речной утес? – удивилась девушка.

Богиня Сауле улыбнулась, бросила на землю лучистый взгляд. Словно вышитые золотыми стежками, заиграли, заискрились капли Солнца на полотне реки, на песчаном берегу, среди речных валунов, образуя песчаный утес – Стабурагс.

– Значит, крылья мечты подарили нам нашу землю! – радостно воскликнул юноша, собирая звенящий от Солнца янтарь.

Здесь, на этой новой земле, цвело их счастье, цвело влюбленными голубыми фиалками, похожими на утренние звезды.

– Прощайте, милые друзья, – улыбнулась богиня Солнца, волны Даугавы унесли ее в золотой лодке высоко в Небо, к далеким звучным морям, к бескрайнему горизонту.

В ее ладонях пела о беззаветной любви птица Мечты о счастье.

Глава 12

Раннее утро. Морской берег у Античного дворца. Тень, сбегав по ступеням, пускает в море бумажные кораблики. Смеется. Звучит музыка. Солнце прячет девушку в ярком золотистом свете.

В ладонях Тени последний кораблик. Подумав, она раскрывает его и, прежде чем отпустить в плавание, читает вслух... Это одно из писем композитора Густава Малера, адресованное матери.

Тень: письмо Густава Малера Анне Моль, матери.

Милая мама!

Пишу в спешке, как всегда!

Посылаю тебе поскорей номер «Ньюс-пейпер». Не только потому, что там как следует взялись за дело (а это, я знаю, позабавит тебя), но и потому, что он хорошо характеризует теперешнюю ситуацию. «Фиделио» ударил здесь, как гром, и после этого удара мои шансы совершенно изменились.

Я веду дело (или, вернее, меня ведут) к тому, чтобы создать «Малеровский оркестр» исключительно для моих собственных целей, и не только зарабатывать с ним большие деньги, но и немного поработать для собственного удовлетворения. Теперь дело только за ньюйоркцами: как отнесутся они к моему творчеству. Так как люди здесь все непредубежденные, то я надеюсь найти благодатную почву для моих произведений, а для себя — духовную родину, которой я, несмотря на все сенсации, так и не смог отыскать в Европе. Ведь дереву нужна почва, иначе оно погибнет. Я это очень хорошо чувствую. Но, во всяком случае, мы с Альмши уезжаем с радостью (наша радость еще сильнее оттого, что скоро мы будем с тобой, милая мамочка, и с Карлом) и предвкушаем отличное лето.

Тысяча приветов от
любящего вас Густава

Наскоро сложив лепесток письма, превратив его вновь в бумажный кораблик, Тень отпускает бумажное судно в плавание вслед за остальными корабликами, смеется, машет вслед.

Звучит музыка.

Глава 13

«Стеклянная гора»

Поэтическая фантазия

по мотивам латышских народных преданий

Древнее море сверкало, словно янтарь. В лодке, белой как лепесток розы, плыла девушка. Ее светлые золотистые волосы падали за борт лодки, когда она, присев на край, наклонялась к воде, любяясь своим отражением. Девушка прикоснулась к прозрачной голубой воде, поймала кувшинку, приколотла к волосам.

Там, в глубине озера, словно в чаше цветка, она вдруг увидела чью-то знакомую улыбку. Темные глаза, смуглая кожа, влажные от раскаленного Солнца черные волосы. Это был юноша, без сомненья, самый прекрасный из всех, существующих на свете...

В сердце девушки ударили морские волны, он зажмурилась, будто от внезапного света, и ее золотой гребень, которым были заколоты прекрасные волосы, упал в воду. Светлые кудряшки девушки рассыпались, точно букет фиалок, по плечам, коснулись волн, и ей показалось, что смеющийся, прекрасный незнакомец, глядящий на нее со дна, поцеловал их украдкой...

«Ах, боже мой, – испугалась девушка. – Не нужно испытывать судьбу, если я дочь Солнца, мне не пристало заглядываться на обычных юношей, а если это... один из сыновей Диева, тем более... Всем известно, как сыновья Диева обращаются с дочерьми Солнца... Что, если он просто хочет надсмеяться надо мной?! Нет, не стану больше путешествовать одна в лодке далеко от берега...»

Она улыбнулась себе, плеснула в лицо своему отражению, рассмеялась, внезапная, счастливая, как весенняя сирень.

Солнце бросило к ногам девушки несколько золотых брызг, лодку качнуло, и прекрасное янтарное ожерелье, в котором, казалось, пело Небо и море, упало на дно лодки.

Девушка взяла в руки подарок Солнца, окунула в море и одела на шею.

– Я запираю тебя Солнечным лучом, милое море моего сердца, – сказала она серьезно, потряхнув светлыми кудряшками. В последний раз украдкой взглянула на дно... – До тех пор, пока тот, кого я увидела сегодня там, в глубине, не придет ко мне, не найдет, и не позовет меня!

Она улыбнулась, взмахнула легким веслом, обвитая цветами и водорослями, прищурилась, взглянув на Солнце, и поплыла к берегу.

Янтарный бутон Солнца смеялся и расцветал ей вслед бесчисленными улыбками.

На вершине Стеклоанной горы красовался пышный замок Юной Королевы, одной из дочерей Солнца. Множество женихов, рыцарей, знатных принцев, день и ночь толклись у ворот замка, чтобы еще раз попытаться счастья...

Тому, кто взойдет на Стеклоанную гору, Королева обещала свою любовь и сердце...

Она сидела в высокой каменной башне у окна, украшенного белыми лилиями и ирисами и смотрела на бескрайнее море.

Сердце ее было далеко, не дотянуться взглядом. Еще и еще раз уносили ее волны в белой утренней лодке туда, в морскую даль, будто в чашу золотого цветка, смеющего под Солнцем... И там, только там, она чувствовала себя счастливой.

На шее девушки крохотными Солнечными каплями сверкали янтарные бусы. В каждой из них будто застыла легкая морская волна...

Дочь Солнца держала в ладонях белую розу и улыбалась.

«Прийди, прекрасный незнакомец, прийди», – чуть слышно шептала она и ранила чуткие пальцы острыми розовыми шипами. На глазах девушки блеснули слезы.

...Один за другим пытались вскарабкаться на Стеклоанную гору поклонники юной Королевы, но еще ни одному из них не удавалось одолеть крутой подъем, и, будто лишь на миг, заглянув в глаза Неба, увидев в окне прекрасную тоскующую о несбыточном юную Королеву, юноши падали вниз, на землю, обращались в камни.

«Прийди, о, прийди, прекрасный незнакомец, прийди, мой жених!» – плакала в окне Каменной башни Юная Королева, ранила розовыми шипами белые пальцы, но никому не отдавала своего сердца.

Капли крови падали на лепестки цветка, который она держала в руках и окрашивали их в алый цвет.

Солнце потянулось вниз к горизонту, укрывая Небо пушистыми фиолетовыми облаками. Как облетевшие осенние цветы, летели они над золотистым морем, плыли навстречу чьей-то мечте, навстречу чуду.

– Я прийду и заберу тебя с собой, прекрасная, как древнее море, дочь Солнца, – неожиданно услышала чей-то голос Юная Королева.

Встрепенулась, наклонилась, выглянула в окно. Под башней не было никого, кроме стражи. Едва удерживаясь в оконном проеме, она внимательно огляделась вокруг. Еще раз взглянула на далекое море... Там, словно отделившись от горизонта, словно выпорхнув из Солнечной глубины, взметнув ладони, похожие на белые крылья, к ней бежал кто-то...

Стая птиц отделилась от волн и взлетела к закату, о чем-то тоскуя. По волнам, перепрыгивая с гребня на гребень, к ней бежал юноша... Раскинув руки, он бежал по воде, почти не касаясь ее, золотой сверкающий, как последний закатный луч. Он успел коснуться окна каменной башни, прежде чем Солнце упало в морскую глубину, коснулся – и – поцеловал Юную Королеву. Протянул ей золотой гребень.

– Возьми, ты уронила его в море, – сказал он.

Девушка тотчас узнала прекрасного сына Диева, чье лицо, отраженное в морской глубине, не спутала бы она ни с кем...

– Вот возьми ключи от моего моря, от моего сердца, – с улыбкой сказала она, и, сняв с груди янтарное ожерелье, украсила им смуглую шею юноши.

Из морской глубины, словно согретые усталым Солнцем, спящим на дне, потянулись зеленые стебли диковинных цветов. Кувшинки, белые лотосы, водяные лилии, диковинные тюльпаны, – словно узоры на земном застывшем стекле, покрывали они морскую гладь причудливым орнаментом.

– Это мои кораллы, – тихо сказал юноша. – Мы с тобой опустимся на дно, чтобы утором вновь вернуться к берегу, вместе с первым рассветным лучом, скликающим птиц... Это дно моего моря, моего сердца.

– Я буду тебе верной женой, сын Диева, – сказала Юная Королева и бросила в море алую розу.

Над ними сверкали звезды крупными голубыми жемчужинами, похожими на цветы...

...Стеклянная гора давно рухнула. Люди, жившие неподалеку, обратились в камни. Теперь в Краукленской земле, неподалеку от Пурмал Юканы, остался лишь небольшой пригорок, полупесчаный, полуглиняный. По старой памяти его называют до сих пор Стеклянной горой.

Глава 14

«Откуда взялась Даугава?»

Поэтическая фантазия

по мотивам латышских народных преданий

Большая гора. Остров, покрытый светлыми цветами – среди волн. Это земля. Светлая земля. А над землей от края до края протянут мост радуги.

Звери, птицы, бабочки плещутся, играют возле воды. Летний слепой дождь моросит сквозь Солнце. Если прищуриться и долго смотреть на него, то кажется, что над водой, над горизонтом, над радугой восходят сказочные пирамиды из золотого песка, а между пирамидами бродят тонконогие страусы, верблюды, добрые слоны и носороги.

– Пусть бы слепой дождь никогда не кончался! – воскликнул Заяц, глядя в Небо. Он вытер брызги со своей мордочки и сказал с улыбкой:

– Друзья! Мне пришла в голову гениальная мысль! Давайте выроем реку, большая вода наполнит ее, а слепой дождь поможет нам.

Звери и птицы сразу же согласились. Слепой дождь был необычайно красив, а большая вода миглом наполнила русло, которое прокопал Крот. Лиса, размахивая своим пушистым рыжим хвостом, намечала берега будущей реки – Даугавы. Быстроногий Заяц, петляя, бежал, скакал с камня на камень, также извилисто и послушно шла за ним, большая вода, образуя большие повороты и извилины. Медведь едва успевал носить камни, чтобы удержать бурный поток, стремительный, несущий воду за быстроногим Зайцем. Из медвежьих камней и комьев земли образовывались горы и пригорки, через которые мчалась вода. Когда работа была окончена, и слепые струи дождя забарабанили, шлепая по светлым волнам Даугавы, звери присели на прибрежный песок отдохнуть.

– Пусть шкурки Крота и Медведя останутся пушистыми и темными в память о честном труде! – *щебетали птицы. Медведь и Крот согласились.*

– У Волка, который рыл землю и клыками помогал, пусть останутся навсегда черными лапы и морда, пусть все знают, что Волк хорошо работал!

Волк также послушался птичьей мудрости. Птицы ближе всех к Солнцу, им видней.

– Что касается нас, птиц, – сказала летающая Белая Чайка, – гуси и утки пусть плавают и умываются в реке, сколько хотят, а другие птицы, которые тоже старательно работали, пусть всегда пьют из реки...

Птицы согласились. Только Иволга прыгала, посвистывая среди ветвей.

– Не понимаю! Не понимаю! Для чего мне вода на земле! Мне и небесной воды хватит! Мне дождя хватит!

– Значит, ты, Иволга, ничем не помогала нам? – с грустью спросила Белая Чайка.

Иволге стало стыдно, она спряталась в свои перья и тихо произнесла:

– У меня такой красивый желтый наряд, не могла же я в своей праздничной одежде делать эту грязную работу.

– Что же, – подумала и сказала Белая Чайка, – пусть Иволга никогда не пьет чистой воды ни из реки, ни из пруда. Пусть утоляет жажду дождевой струей или каплями росы, которые проступают на лбу лежащего камня.

Жалобно запищала Иволга, прося пощады.

– Так будешь кликать дождь, – сказала Белая Чайка, – по твоему голосу звери и птицы будут знать о приближении грозы.

Испуганный таким приговором, Белый Ворон упал в грязь, вывалялся так, что перья его стали совсем черными.

– Не подумайте, что я какой-нибудь лентяй! – сказал он зверям и птицам, указывая на свой черный костюм. Можно мне умыться в реке?

– Мы разгадали твою хитрость, – сказала Белая Чайка. – Останешься навсегда черным.

И птицы отогнали Ворона от реки.

Большая вода вливалась в русло Даугавы, река наполнялась светом и ветром.... Золотые песчаные дворцы и пирамиды вставали в Небе под радугой, а между пирамидами Света важно разгуливали ... страусы, большие верблюды, добрые слоны, гуси, утки,

...

И только Иволга жалобно пищала, навсегда влюбленная в слепой Солнечный дождь.

Часть IV

Глава 1

«Человеческое, слишком человеческое» или «Солнечный Кот и Танцующие деревья»

**лирико-поэтическая фантазия
по мотивам произведений Ф.Ницше
«Закат Солнца»**

Густав Малер сидел на ступенях под высоким сводом античного Дворца и глядел на звезды. Через несколько мгновений он сбегал по ступеням – к Морю, откуда, как ему показалось, слышалась его музыка....

«Невидимая клавиатура души илет сразу тысячи оттенков, созвучий». – проговорил Малер и взяв нотный лист, написал на нем заглавие Третьей симфонии «Веселая наука»

Густав Малер: Когда Заратустре исполнилось тридцать лет, покинул он свое родное озеро Урми и пошел в горы. Здесь наслаждался он своим духом и своим одиночеством и в течение десяти лет не утомлялся счастьем своим. Но, наконец, изменилось сердце его – и – однажды утром поднялся он с зарею, встал перед Солнцем и так говорил к нему:

– Великое светило! К чему свелось бы твое счастье, если б не было у тебя тех, кому ты светишь? Десять лет восходило ты сюда, к моей пещере: ты пресытилось бы своим светом и этой дорогой, если бы не было меня, моего Орла и моей Змеи; но мы каждое утро поджидали тебя, принимали от тебя преизбыток твой и благословляли тебя за это! Взгляни! Я пресытился своей мудростью, как пчела, собравшая слишком много меду; мне нужны руки, простертые ко мне, я хотел бы одарять и наделять до тех пор, пока мудрые среди людей не стали бы опять радоваться безумству своему, а бедные – богатству своему. Для этого я должен опуститься вниз: как делаешь ты, каждый вечер, окунаясь в море и неся свет свой на другую сторону мира, ты, богатейшее светило! – я должен, подобно тебе, закатиться, как называют это люди, к которым хочу я спуститься.

Так благослови же меня, ты, спокойное око, без зависти взирающее даже на чрезмерно большое счастье! Благослови чашу, готовую пролиться, чтобы золотистая влага текла из нее и несла всюду отблеск твоей отрады! Взгляни! Эта чаша хочет опять стать пустою и Заратустра хочет опять стать человеком!

Так начался закат Заратустры.

Глава 2

«Рождение Луны»

От Солнечного шара отделился крохотный стеклянный осколок, упал в траву, отразился в глазах юноши, и к Заратустре, стоящему на окраине города, окруженными высокими горами, подошел Кот.

– Что, если бы днем или ночью, – промурлыкал Кот, будто вылупившийся из Солнечного осколка, – что если бы... подкрался к тебе, в твое уединение, в твое одиночество некий демон и сказал бы тебе:

«Эту жизнь, как ты ее теперь живешь и жил, должен будешь ты прожить еще раз и еще бесчисленное количество раз, и ничего в ней не будет нового, но каждая боль и каждое удовольствие, каждая мысль и каждый вздох и все несказанно малое и великое в твоей жизни должно будет наново вернуться к тебе, и все в том же порядке и в той же последовательности – так же и этот паук, и этот Лунный свет между деревьями, также и вот это мгновение, и я сам».

...Сказав эти слова, Кот рассмеялся и вспрыгнул на плечо Заратустры.

– Вечные песочные часы Бытия переворачиваются все снова и снова, и ты вместе с ними песчинка из песка, – продолжал он. – Разве ты не бросился бы навзничь, скрежеща зубами, проклиная говорящего так дельно? Или тебе довелось однажды пережить чудовищное мгновение, когда ты ответил бы ему: «Ты – Бог, и никогда не слышал я ничего более божественного?»!

...Заратустра покачал головою. Провел ладонью по гладкой шерсти Кота и улыбнулся. Кот с радостью ткнулся мордой в его щеку.

– Овладей тобой эта мысль, – произнес с важностью Кот, – она бы преобразила тебя, и, возможно, стерлась бы в порошок, вот вопрос, который я задал тебе, вопрос, сопровождающий все и вся:

«Хочешь ли ты этого еще раз и еще бесчисленное количество раз?». Я знаю, это вопрос величайшей тяжестью лег бы на все твои поступки!

Или настолько хорошо должен был бы ты относиться к самому себе и к жизни, чтобы не **жаждать больше** ничего, кроме этого последнего вечного удостоверения и скрепления печатью?

...Заратустра вытер ладонью выступившие на глазах слезы, поднял голову, посмотрел в Небо. Там, в глубине, точно крохотные янтарики, словно песок, плескались звезды. По звездному морю плыл его кот. Задрав морду в бесконечное, он, протягивал Заратустре все четыре пушистые лапы.

– Куда ты зовешь меня? – спросил Заратустра, шагая в Неизведанное.

– Летим! – сказал Кот и они полетели.

Глава 3

Ветер свивал звездные нити, и плел кружево, бесконечное янтарное кружево, похожее на немеркнувшее Солнце. Глаза Кота светились в Ночи, точно крохотные рыжие кольца. И было легко. Было светло. А в сердце пели сверчками августовские звезды. Позади оставалась Европа...

– Мы покинули сушу и пустились в плаванье, – сквозь ветер крикнул Кот. – Мы снесли за собою мосты. Больше, мы снесли и саму землю! Мы... Ну, невидимый кораблик! Берегись! Вокруг тебя океан: правда он не всегда ревет и порою лежит, словно шелк и золото, грезя о благе. Но наступит время, и ты узнаешь, что он бесконечен и что нет ничего страшнее бесконечности. О, бедная Птица – человек, Птица, жившая прежде на воле, а нынче бьющаяся о стены этой клетки! Горе тебе, если тебя охватит тоска по суше и дому, словно бы там было больше свободы, а «суши» – то и нет больше!

– Почему нет?! – воскликнул Заратустра, озираясь вокруг.

Но ничего, кроме звезд не было ни внизу, ни вверху, нигде. Сердце юноши билось и трепетало, словно пойманная в сети птица.

– Кот, где ты? Ты слышишь меня? – позвал он сквозь небо.

– Я здесь, – отозвался Кот. – Слышал ли ты о том безумном человеке, который в светлый полдень зажег фонарь, выбежал на рынок и все время кричал: «Я ищу Бога! Я ищу Бога!».

– Нет, я об этом ничего не знаю, – сказал Заратустра. Услышав рядом знакомый голос он успокоился. – Расскажи...

– Слушай... Поскольку там собрались как раз многие из тех, кто не верил в Бога, вокруг него раздался хохот!

– Он, что, пропал? – сказал один.

– Он заблудился, как ребенок, – сказал другой.

– Или спрятался?

– Боится ли он нас?

– Пустился ли он в плаванье?

– Эмигрировал! – так кричали и смеялись они. Тогда безумец вбежал в толпу и пронзил их своим взглядом.

– Где Бог?! – воскликнул он. – Я хочу сказать вам это! Мы его убили – вы и я! Мы все его убийцы! Но как мы сделали это? Как удалось нам выпить море? Кто дал нам губку, чтобы стереть краску со всего горизонта? Что сделали мы, оторвав эту землю от ее Солнца? Куда теперь движется она? Куда движемся мы?

Прочь от всех Солнц!

Не падаем ли мы непрерывно назад, в сторону, вперед, во всех направлениях? Есть ли еще верх и низ? Не блуждаем ли мы, словно в бесконечном Ничто? Не дышит ли на нас пустое пространство? Не стало ли холоднее? Не наступает ли все сильнее и ближе ночь? Не приходится ли средь бела дня зажигать фонарь? Разве мы не слышим еще шума могильщиков, погребаяющих Бога? Разве не доносится до нас запах божественного тления! – и боги истлевают! бог умер! бог не воскреснет! И мы его убили! Как утешимся мы, убийцы, из убийц!

Самое святое и могущественное существо, какое только было в мире, истекло кровью под нашими ногами – кто смоет с нас эту кровь? Какой водой мы

сможем очиститься? Какие искупительные празднества, какие священные игры нужно будет придумать? Разве величие этого дела не слишком велико для нас? Не должны ли мы сами обратиться в богов, чтобы оказаться достойными его? Никогда не было совершено дела более великого, и кто родится после нас, будет, благодаря этому деянию, принадлежать к истории высшей, чем вся прежняя история!

Здесь замолчал Безумный Человек и снова стал смотреть на своих слушателей, молчали и они, удивленно глядя на него. Наконец он бросил свой фонарь на землю так, что тот разбился вдребезги и погас.

– Я пришел слишком рано, – сказал он тогда – мой час еще не пробил. Это чудовищное событие еще в пути и идет к нам – весть о нем не дошла еще до человеческих ушей. Молнии и грому нужно время после того, как они уже совершены, чтобы их увидели и услышали. Это деяние пока еще дальше от вас, чем самые отдаленные светила, – и все-таки вы совершили его!

...Рассказывают еще, – добавил Кот, – что в тот же день Безумный Человек ходил по различным церквям и пел в них свой Requiem...

Его выгоняли и призывали к ответу, а он повторял все одно и то же: «Чем же еще являются эти церкви, если не могилами и надгробьями Бога?»

...По небу пролетела звезда, голубая, блестящая, как весенний цветок. Кот замолчал.

– Зачем ты все это рассказал мне? – тихо спросил Заратустра. – Куда мы плывем по этому бескрайнему Небу? Молчишь? Значит, ты тоже не знаешь?

...Заратустра глубоко вздохнул, не дождавшись ответа. Ночной ветер на миг обжег его холодным дыханием.

Я доверяю тебе, Кот, – глухо, но твердо заключил Заратустра. – Летим! Я понимаю, что такое **незнание**. Понимаю, как трудно и больно бывает **не знать** что-то главное, то, что очень важно и не виню тебя! Бывают часы, когда я тоже стыжусь своего **незнания**. Из которого я не делаю тайны даже для самого себя. Бывают часы, когда я стыжусь этого стыда...

Быть может мы странники жизни, поэты, философы, романтики, ищущие истину, все, без исключения, относимся к знанию скверно: наука растет, наиболее удачливые из нас близки к открытию, что они слишком мало знают. Но было бы гораздо хуже, если бы дело обстояло иначе и – если бы мы знали **слишком** много; нашей само первой задачей было и остается всегда: самим не путать себя, мы **являемся** чем-то иным, чем ученые, хотя и нельзя обойти без того, чтобы мы, между прочим были учеными.

У нас иные потребности, иной рост. Сколько нужно духу для его питания – нет формулы, не может он это определить, если же его вкус обращен к независимости, к быстрой ходьбе, к странствованию, к приключениям, быть может, до которых доросли лишь самые проворные. То он опять живет на скудной диете, но привольнее, нежели связанным и откормленным...

Не жира, но **величайшей** гибкости и **знания** хочет поэт от своей жизни, и я не знаю, чем бы еще желал бы быть ум странника или поэта, философа, как не хорошим танцором...

Именно танец, как понимание жизни и есть его идеал, его идеал, его единственное благочестие, его богослужение!

Жаловался ли ты, мой друг, когда-нибудь на то, что ты превратно истолкован, неузнан, перепутан и не услышан? Ах, нет, конечно нет! Ты – Кот, а я – Человек, в этом мы отличаемся. **В понимании жизни...**

Он вдруг громко над собой рассмеялся.

– Но именно такой мой жребий, о, надолго еще!

Скажем, чтобы быть скромным. До н-ного года. Таково мое отличие, как странника, поэта и философа ото всех иных людей... Я бы недостаточно уважал самого себя, если бы желал иного... Не я один... Нас немного на земле, я бы назвал нас танцующими деревьями, но мы растем, непрерывно меняемся,

сдираем с себя старую кору, с каждой весной сбрасываем с себя кожу, становимся все более юными, более будущими, более высокими, более крепкими, мы все мощнее пускаем наши корни в глубину назад, и в то же время все с большей любовью, с большим обхватом обнимаем Небо, и с большей жадностью всасываем в себя его свет всеми нашими ветвями и листьями. Мы растем, и танцуя, познаем как деревья, – это трудно понять, как и все живое...

Записи истории нашей жизни на кольцах древесной коры, но не в одном листе, а повсюду, не в одном направлении, но вверх и вовне, как и внутрь и вниз – наша сила идет одновременно в ствол, сучья и корни, мы уже вовсе не вольны делать что-либо частное, быть чем-то частным... Таков наш жребий, как сказано: мы растем ввысь: и будь это даже нашим роком... ибо мы обитаем все ближе к молниям: что ж, мы оттого и не меньше дорожим этим, мы лишь не хотим делить это и гордимся им, храня это в себя, как рок высоты, **наш** рок, **наше** знание...

– Мне, кажется, я понимаю тебя, – сказал Кот, уткнувшись носом в плечо Заратустры. – Ты хочешь и все же не можешь оторваться от своего ума. Будто дерево от земли. Шелестишь листьями, желая взлететь. Ты не можешь просто дышать, расти и зеленеть, как например, цветы... Также и тот Безумный Человек...

– О, да! Ведь в глубине души, если б ты знал, как я страдаю, ведь я не знаю, как далеко простирается перспективный характер существования или даже: есть ли у последнего какой-нибудь другой характер, не становится ли существования без «смысла» как раз, бессмыслицей, понимаешь ли ты меня, Кот?!

Кот молчал, свернувшись калачиком на его плече. И тихо мурлыкал.

– Опять молчишь?! – Заратустра посмотрел на звезды.

Словно огромные сказочные цветы, они плыли по Небу и складывались в невиданные узоры, в стихи, в песню сердца, срывающуюся с губ, точно звук морской раковины, зовущей в Небо, к познанию и радости.

Заратустра погладил Кота.

– С другой стороны, – проговорил он, словно самому себе, – не есть ли всякое существование, по самой сути своей, **толкующее** существование, эти вопросы, как и полагается, не могут быть решены даже самым прилежным и мучительно-совестливым анализом и самоисследованием интеллекта: ведь человеческий интеллект при этом анализе не может не рассматривать самого себя среди своих перспективных форм и только в них одних...

Мы не в состоянии выглянуть из своего угла... Как деревья, которые не могут оторваться от земли... Бездарным любопытством остается желание узнать, какие еще могли быть иные интеллекты и перспективы: например, способны ли какие-нибудь существа воспринимать время вспять (чем было бы дано иное направление жизни и иное понятие причины и следствия)...

Кот пошевелился и положил когтистую лапу на щеку Заратустры. На лапе застыла слеза...

– Хорошо, что ты умеешь плакать, Человек, – сказал Кот, – значит самый последний настоящий романтик в тебе не умер, и кто знает, пройдет сто или тысяча лет, мир перевернется вверх ногами, и ты родишься вновь и тогда...

...Заратустра не дал договорить Коту. Ветер хлестнул юноше в глаза и высушил капли слез. Глаза его стали темными, как кристаллы весеннего льда, а лицо – серым и суровым, будто высеченным из камня.

– И тогда, – произнес Заратустра, будто наперекор всему и всем, – тогда, скорей всего, мир еще раз станет для меня, для нас «бесконечным», поскольку мы не в силах отместить возможность того, что он заключает в себе бесконечные интерпретации.

И тогда – еще раз охватит нас великий ужас, но кто был бы охоч до того, чтобы тотчас начать снова обожествлять на старый лад это чудовище незнакомого мира? И почитать впредь **незнакомое**, перевернутое кверху ногами, как «незнакомого»?! Ах, это нечто... или ничто? Незнакомое... То, что будет нашим миром, нашим Солнцем, нашим богом... И в это **незнакомое** снова и снова будет

входить такое множество небожественных возможностей интерпретации, сколько всяческой чертовщины, глупости, дурости в интерпретации, включая и нашу собственную, человеческую, слишком человеческую... нам знакомую...

Кот довольно мурлыкнул. И зажмурил глаза от ветра.

Внизу, далеко внизу оставалась земля. Города, горы, моря, страны, цивилизации... Там оставалась Европа. Вверху хлестал ветер, скрывая звезды. Казалось, наступала бесконечная ночь. И Кот смотрел в Небо сквозь ночь своими блестящими глазами, словно пытаясь победить тьму, ветер и время...

– Чтобы рассмотреть нынешнюю, европейскую мораль издали, – *наконец* сказал Кот, – чтобы сопоставить ее с другими прежними или будущими моральями, надо сделать то, что делаем мы с тобой теперь, Человек... Если мы желаем узнать, насколько высоки городские башни, для этого мы должны покинуть город.

– И, покинув, заговорить о морали? – *спросил Заратустра.*

– Мысли о моральных предрассудках, дабы не быть предрассудками о предрассудках, предполагают некую установку вне самой морали, некое **по ту сторону добра и зла**, куда должно в будущем карабкаться, лететь, а в данном случае, наверняка уже некое **по ту сторону нашего добра и зла**, некую свободу от всякой «Европы», понимая под последней сумму командных ценностей, суждений, которые перешли в вашу плоть и кровь... То, что хочешь именно туда, наружу, наверх, из такой некой своей «Европы», быть может, есть маленькое сумасбродство, странное, безрассудное...

Всякому мучительно – «ты должен»...

Но и вам, познающим свойственные свои идиосинкразии «несвободной воли», вопрос в том, действительно ли **можешь** туда, наверх? Это зависит от многих условий: главным образом, вопрос сводится к тому, насколько вы легки или тяжелы. Нужно быть очень легким, чтобы увлечь свою волю к познанию в такую даль, и как бы над своим взглядом, чтобы **сотворить себе глаза для обзора тысячелетий** и вдобавок еще и чистое **небо в этих глазах!**

Нужно избавиться от многого, что гнетет, парализует, подавляет, тяжелит вас, нынешних европейцев.

Человек такой потусторонности, желающий сам обнаружить высшие ценностные нормы своего времени, должен прежде всего, «преодолеть» это время в себе самом – такова проба его силы, – и, следовательно, не только свое время, и свое прежнее отвращение к этому времени и разлад с ним, свое страдание от этого времени, свою несвоевременность...

– И что же, даже свою романтику? – *воскликнул Заратустра.*

– И даже свою европейскую романтику, – *ответил Кот.*

– Это невозможно! Для этого нужно быть Богом, или, по меньшей мере, сыном Бога...

Кот внимательно, с улыбкой и нежностью посмотрел на Заратустру.

– Ты хочешь сказать Христом?

Или христианином, если ты не против, – *проговорил Заратустра.*

– Это не одно и то же, как день и ночь, – *сказал Кот.* – Просто христианство в свое время под знаком европейского романтизма внесло большую лепту в просвещение, – *он усмехнулся,* – оно преподавало урок морального скепсиса – весьма неустойчивым и действенным способом – обвиняя, отравляя, но с неистощимым терпением и тактом; в каждом отдельном человеке оно уничтожало веру в его добродетели, которыми изобиловала **древность**.

Если мы, воспитанные в этой церковно-христианской, отнюдь нерелигиозной школе скепсиса, церковно-умственной лени и высокомерия, станем теперь читать моральные книги **древних**, скажем, Сенеки и Эпиктета, мы почувствуем занятное превосходство и преисполнимся тайных видов и перспектив при этом. У нас будет такое настроение, будто некое дитя разглагольствовало в присутствии старца, – либо юная красивая энтузиастка в присутствии Ларошфуко, – нам-то лучше известно, что такое добродетель. В конце концов, однако, мы обратим этот самый

скепсис и на все религиозные состояния и события, как-то – грех, раскаяние, благодать, освящение, и так глубоко зароем червя, что даже при чтении всех христианских книг мы будем испытывать то же самое чувство рафинированного превосходства и проницательности: нам-то и религиозные чувства больше известны.

А, по-моему, пора бы как следует узнавать их и как следует описывать, поскольку вымирают благочестивцы старой веры, – как хорошо бы спасти их образ, по крайней мере, в интересах познания!

– Ты считаешь этих благочестивцев так мало?

... Кот лениво, как-то жалостно, невнятно мяукнул.

– Хватит об этом, что-то я разболтался, – задумчиво произнес он. Но, помолчав минуту, вдруг заговорил горячо, с трепетом, словно пытаюсь отыскать единственно-верный звездный луч в темных потоках ветра.

– Христианство сделало рычагом своей власти необыкновенно распространенную по времени его возникновения жажду самоубийства: оно дозволило две формы самоубийства, облекло их высочайшим достоинством и высочайшими наделами и странным образом, запретило все прочее. Но мученичество и медленное умерщвление плоти аскетам были дозволены.

– Но они находили радость в этом, – воскликнул Заратустра.

– В смерти? В мученичестве для жизни после смерти? – оцетинился Кот. – В безобразном? Уничтожении тела? Настоящая жизнь виделась им грязной, тело – полным греха!

Скажи, ты хоть немного можешь отличить в жизни прекрасное, освещенное Солнцем и теплом, от холодного и темного?

– Могу... Когда я вижу над головой блестящее Солнце, моего Орла, парящего в Небе и мою Змею, сияющую у моих ног, я радуюсь... Мне кажется это прекрасным, в такие минуты я счастливее всех на свете!

– Понимаешь, Заратустра, есть ограничение себя, своего сердца, а есть самоистязание, искажение, умерщвление тела, *убийство* в себе человека, – сказал Кот и замолчал.

Внизу и сверху плескалось море. Кот слушая плеск волн и шум ветра. Теперь и в его блестящих глазах дрожали слезы.

– Скажи мне еще что-нибудь, – попросил Заратустра. – Почему ты плачешь?

– Я очень люблю жизнь, все живое, люблю и это Небо, и это море, и эту землю, и эти цветы..., – задумчиво сказал Кот. – Мне больно оттого, что когда-то христианское решение находить мир безобразным и скверным, сделало мир безобразным, скверным и мучительным.

– Ну, а греки? Древние греки, они, по-твоему, знали истинную красоту, понимали Бога? – с надеждой воскликнул Заратустра. – Может быть, они сохранили романтику жизни?

– Греческая древность – мир, лишенный чувства греха, по отношению к нашим восприятиям, несмотря на всю добрую волю к сближению и усвоению, в которой не испытывали недостатка целые поколения и множество превосходных людей. («Лишь когда ты покаешься, смилостивится Бог над тобой – у какого-нибудь грека это вызвало бы хохот и досаду: он сказал бы: «Так могут ощущать только рабы», – Греку ближе оказывалась мысль, что даже кощунство может обладать достоинством, даже воровство, как у Прометея, даже убой скота, как обнаружение безрассудной зависти, если ты помнишь из литературы, как случай с Аяксом. Это было их потребностью, возвести преступление в достоинство и отворить его с достоинством, изобрести **трагедию**, некое искусство и некое удовольствие...

.....

Кот глубоко вздохнул, посмотрел на Заратустру. Человек под открытым Небом слушал его. В глазах у Человека шумели невидимые волны, и он был похож на ребенка.

– Что касается самого Христа, – сказал Кот, помолчав, – основатель христианства полагал, что ни от чего не страдали люди сильнее, чем от своих грехов. Это было его заблуждением. Заблуждением того, кто чувствовал себя без греха, кому здесь не доставало опыта... Так исполнилась его душа дивной фантастической жалости к страданию, которое даже у его народа, изобретателя греха, редко оказывалось большим страданием.

Но горе грекам-христианам пришло в голову, задним числом оправдать некоторые заблуждения своего учителя, канонизировать их в истину, предварительно отдав его на муки и смерть.

На глазах у Кота опять заблестели слезы.

– Разве не следовало говорить людям о грехах? – удивился Заратустра.

– Людям, как и всему живому, нужна просто любовь и добрая улыбка, которая уничтожает, как Солнце, своими лучами, тьму, как море, лечит лаской и теплом...

– Но Бог хотел стать предметом любви! – воскликнул Заратустра. – Если Бог хотел стать предметом любви, то ему следовало бы сперва отречься от должности судьи, вершащего правосудие; судья и даже милосердный судья, не есть предмет любви.

– Почему же?

– Потому что трудно представить себе Бога, который любит людей, если только они веруют в него, как повелось утверждать в Церкви. И который мечет громы и молнии против того, кто не верит в эту любовь!

«Если я люблю тебя, что тебе до этого», – вот, пожалуй, вполне достаточный ответ всему церковному христианству.

Кот вдруг замолчал. Он плакал.

Заратустра взял его на руки, прижал к себе, ему показалось, что дорожке Кота в этот миг никого в мире нет. В этом маленьком пушистом комочке сияло его счастье, его Солнце, его надежда на будущее. В сердце зазвучала чистейшая музыка. Это была песня звезд. Заратустра поднял глаза к Небу и стал – танцевать...

Повторяя ногами движения звездных миров, прижимая к груди Кота. Танцуя и смеясь, он плыл по Небу.

Глава 4

Волны плескались в Небе. Звездами рассыпались цветы, обращались в невиданной красоты созвездия, в эхо любви, в то, чему соответствуют только два имени «Гармония» и «Муза».

Малер представил Ее на миг такой, как представлял в детстве: в длинном красивом платье, с распущенными волосами, украшенную цветами, сказочную, светлую, далекую, как Солнце.

Малер: Пусть только кто-нибудь посмеет вообразить себе, что в один прекрасный день внезапно и обеими ногами впрыгиваешь в такое отважное состояние души, свидетельством или подобием которого может быть только что спетая танцевальная песнь. Прежде, чем учиться танцевать на это лад, должно научиться основательно ходить и бегать.

И даже умение стоять на собственных ногах есть нечто, к чему, как мне кажется, призваны лишь немногие. Ко времени, когда впервые отваживаешься, не обращая внимания на собственные конечности, отказываясь от помочей и перил, в дни, исполненные первозданной юной силы и всех порывов собственной весны, подвергаешься наихудшей опасности и часто ступаешь робко, малодушно, словно некий беглец, словно нищий ссыльный, с дрожащей совестью и со страшным недоверием к своему «пути»!

Тихо, безмятежно, безмолвно проплывали по Небу Кот и Человек. Проплывали между звезд, мимо утренних Солнц, теряясь меж облаков, сами похожие на облака.

*Им предносился другой идеал. Причудливый, соблазнительный, рискованный идеал. Идеал духа, который наивно, стало быть, сам того не желая, и из бьющего через край избытка полноты и мощи, играет со всем, что до сих пор называлось священным, добрым, неприкосновенным, божественным, для которого то наивысшее, в чем народ по справедливости обладает своим ценностным мерилом, означало: он уже опасность, упадок, унижение, или, по меньшей мере, отход в слепоту, временное самозабвение, идеал **человечески – сверхчеловеческого** благополучия и благоволения, который довольно часто выглядит нечеловеческим, скажем, когда он рядом со всей бывшей на земле серьезностью, рядом со всякого рода торжественностью в жесте, слове, звучании, взгляде, морали и задаче изображает как бы их живейшую произвольную пародию, и со всем тем, несмотря на то, быть может, только теперь и появляется впервые **великая серьезность**, впервые ставится вопросительный знак, поворачивается судьба души, сдвигается стрелка часов, начинается **трагедия**.*

Глава 5

Малер: И в самом деле, в тот же миг, как первый луч утреннего Солнца коснулся земли, где-то там, в глубине утонувшей ночи, словно из небытия, громко раздался сочный, что ни на есть сочный, Кобольдовский смех, будто невидимые Духи Земли обрушились на стоящих под открытым Небом, на ветру, у своей отшельнической пещеры, Кота и Человека. Вверху, касаясь крыльями Солнца, парил Орел Заратустры, внизу, вокруг ног юноши мирно обвилась Змея.

– Нам надоело все это! – *закричали Духи Земли.* – Прочь от нас с этой ворончёрной музыкой. Разве вокруг нас не светлое утро? И зеленая мягкая почва, и лужайка, и королевство танца? Был ли когда-либо более подходящий час для веселья? Кто споет нам песню, дополуденную песню, такую солнечную, такую легкую, такую летучую, что не спугнет и сверчков, скорее пригласит сверчков петь и танцевать вместе с нею? И лучше даже дурацкая мужицкая волынка, нежели эти таинственные звуки, эти кваканья жаб, могильные голоса и сурочки высвисты, которыми вы до сих пор потчевали нас в вашем захолустье, господин отшельник и музыкант будущего! Нет! Не надо таких тонов! Настройте нас на более приятный и более радостный лад!

К Малеру подходит Заратустра.

– Вам это так не по вкусу?! – *засмеялся Заратустра.* – Ах, мои нетерпеливые друзья! Ну что ж! Кто бы не захотел всем угодить! Моя волынка к вашим услугам, моя глотка, также, – она может издавать несколько хриплые звуки, не взыщите! На то мы и в горах! Но то, что вам придется услышать, по меньшей мере, ново, и если вы этого не поймете, если вы не допоймете Певца, Артиста, что же таково Певца «проклятье»! Тем отчетливее смогли бы вы внимать его музыке и мотиву, тем лучше плясалось бы вам под его посвистывание. Хотите ли вы этого?

...Вверху, у самого Солнца, парил Орел Заратустры, внизу, вокруг ног юноши, обвилась Змея. Кот тихо мурлыкал, уткнувшись в его плечо.

Заратустра поднес к губам раковину и запел. В его глазах отражалось Небо, тишина и бесконечный горизонт любви.

Глава 6

Голос певца, оплетал утреннее Солнце причудливыми узорами, и, казалось, в Небе, среди облаков, выросли диковинные янтарные цветы, рожденные звуками, рвущимися из самого сердца.

Милое Солнце! – *горячо воскликнул Заратустра.* – Великое светило! К чему свелось бы твоё счастье, если бы не было у тебя тех, кому ты светишь! Десять

лет восходило ты сюда, к моей пещере, ты пресытилось бы своим светом и этой дорогой, если б не было меня, моего Орла и моей Змеи.

Но каждое утро мы поджидали тебя, принимали от тебя преизбыток твой, и благословляли тебя за это!

Взгляни! Как пчела, собравшая слишком много меду, мне нужны руки, простертые ко мне. Я хотел бы одарять и наделять до тех пор, пока мудрые среди людей не стали бы опять радоваться безумству своему, а бедные – богатству своему. Сегодня ночью, вместе с Котом, я покинул Землю, все, что было во мне и со мной, – и мы оставались в Небе и сердце. Вместе с Котом я попытался взглянуть в эту эпоху глазами какой-нибудь отдаленной эпохи, и мне не удавалось найти в современном человеке, а значит, и в себе, ничего более примечательного, чем его своеобразная добродетель и болезнь, называемая «историческое чувство»! Но это – начатки чего-то совершенно нового и неизвестного в истории, если бы предоставили этому ростку несколько столетий и больше, то из него в конце концов могло бы выйти дивное растение с таким дивным запахом, глядя на которое обитать на нашей старой Земле было бы приятнее, чем прежде.

Мы, нынешние люди, пока еще все так же похожие на большие неподвижные деревья, начинаем создавать цепь Будущего, весьма могущественного чувства, – едва ли и сами мы знаем, что мы делаем. Но это – наши цветы, наш будущий таинственный цветник, Сад, удивительный, необыкновенный. Нам почти кажется, что дело идет не о новом чувстве, а об ампутации всех старых чувств – историческое чувство есть еще нечто, столь бедное и холодное, что сейчас многие пронизываются им как ознобом, и становятся от него более бедными и более озябшими.

Другим оно кажется признаком подкрадывающейся старости, и наша планета предстает им, точно некий унылый больной, который силясь забыть свое настоящее, записывает себе на память историю своей юности.

На деле такова одна грань этого нового чувства: кто способен чувствовать всю историю людей, как собственную историю, тот воспринимает в некоем чудовищном обобщении всего тоску больного, думающего о здоровье, старика, вспоминающего грезы юности, любящего, разлученного с любимой, мученика, теряющего свой идеал, героя, вечером после битвы, которая ничего не решила и все же нанесла ему ранения и утрату друга, но нести в себе эту чудовищную сумму всяческой тоски, мочь нести ее и при всем том быть еще героем, который с наступлением второго дня битвы приветствует утреннюю зарю и свое счастье, как человек, вмещающий горизонт тысячелетий до и после себя, как наследник всей преимущественности былого духа и наследник, взявший на себя обязательства, как наиболее знатный из всех старых дворян и в то же время первенец нового дворянства, самого первого весеннего цветка, выглянувшего из-под тяжелого снега, первенец того дворянства, которое не снилось всем прежним эпохам; все это принять в душу, древнейшие, новейшие потери, надежды, завоевания, победы человечества, все это, наконец, нести в одной душе и вместить в одном чувстве – это должно было бы повлечь за собой такое счастье, которое до сих пор не ведал еще человек, божественное счастье, исполненное силы и любви, полное слез и полное смеха, счастье, которое словно вечернее Солнце, постоянно сорит неисчерпаемыми богатствами и ссыпает их в море, словно цветущее над невидимым Садам, щедрое Солнце, которое лишь тогда чувствует себя богаче всех, когда и беднейший рыбак правит еще золотистым веслом, это божественное чувство да наречется тогда – **человечность**!

Звучит музыка Малера.

Заратустра:

Стебли, злаки, травы вечно зеленеют
Сквозь бураны, сквозь метели к Солнцу вечно рвутся,

Перекачивая гальку, воды льются,
Серебристый мох стволы деревьев греет,
На ветру песок звенит.
Пусть летит стрела в зенит,
Сердце вечно за звездой следит,
Вечно в розе сфер небесных та звезда горит.
Стебли, злаки, травы вечно зеленеют,
Из земли пробившись, к Солнцу вьются,
Никогда над морем птицы с полдороги не собьются,
Им заря призывно светит и все время раздаются
Уверенья: «Тот, кто любит, все преодолеет...»
Все преодолеет,
Кто свободу и весну любить умеет,
Если ввысь мечты несутся,
И подобно буре, в звездных он просторах реет,
Стебли, злаки, травы – все, что зеленеет
Пусть в душе его звенит.
Ввысь нестись по ветру жизни и не оглянуться!
Жизнь свою пустить стрелою в высь, в зенит¹ !

Послесловие

Заратустра стоял лицом к лесу и Небу. Перед ним и вокруг него возвышались горы. Тень легкого облака, напоминающего очертания человека с крыльями за спиной, отделившись от Солнца, упала на ладонь Заратустры. Несколько крупных цветочных белых лепестков упали на его ладонь. Заратустра поднес ладони к лицу. Нет, это были не просто лепестки. Ветром написанные в сердцевине Голубого цветка письма...

С далеких скалистых вершин донес эти цветы ветер, и в письмах цветов уместилась музыка Малера, уместилась в крохотной капле росы, а цветочный Эльф держал в руках цветы, в которых, казалось, трепетало далекое море и душа Заратустры. На голове Эльфа был венок из розовых лепестков. Он смеялся.

– Как зовут тебя? – спросил Заратустра.

– Твой Сверх Человек, – сказал Эльф, и собрав крылья. Упорхнул в Небо.

На мгновение Заратустра присел на камень, лежащий у его пещеры. Только легкие белые крылья промелькнули в Небе, и еще раз проскользнули во влажной от росы траве крылатые плетенные сандалии.

«Что ж, Маэстро, еще раз!» – улыбнулся себе Заратустра.

Под ним на земле обозначилась его Тень. Легкокрылая Нимфа смотрела, не щурясь, на Заратустру. Бросив ему белую розу она поднялась к сверкающему облаку, поцеловала маленького Эльфа и опустилась в море Утренней Звездой.

– Я счастлив, что не выдумал ничего, ни крошечки, – засмеялся Заратустра. Поднес к губам сверкающую на Солнце раковину, прислушался к звучащей в небе музыке.

Без страха посмотрел на Солнце:

– Так это была жизнь?! Что ж, тогда я пройду ее еще раз!

Внизу гудело море. И шумела рыночная площадь...

Густав Малер стоял очарованный своей, и будто бы не своей, словно музыкой, только что принесенной ветром с берегов Древней Греции, он стоял и смеялся лицом к Небу и лесу, а вокруг него плыли облака, возвышались блестящие белоснежные вершины.

И там, среди разноцветных от Солнца снегов, танцевали его деревья. Танцевали, радовались, предчувствуя весну, новое светлое утро...

¹ стихотворение Я. Судрабална

Снова – и – снова –
Застывший янтарь –
– В небе –
– Над –
– Цветущим солнечным –
– Миром –
– Канатный плясун –
– шел – и –
шел –
снова –
– седой –
...босоногий – и
белый –
от – Солнца –
и – снега –
счастливый –
– Канатный плясун.

The background of the cover is a photograph of an ancient Egyptian tomb. The ceiling is covered in a dense frieze of grapevines with dark leaves and clusters of grapes. Below this, on the wall, is a large painting of a man and a woman. The woman, on the left, is seated and wearing a white dress with a black headscarf. The man, on the right, is standing and wearing a white kilt and a gold necklace. They are both holding a small object, possibly a fan or a mirror, and looking at each other. Above them are several large eyes and hieroglyphs. The overall color palette is warm, with browns, reds, and yellows.

Голубой цветок

Философско-поэтическая сказка

По мотивам произведений
Г. Гессе, Новалиса
и стихам грузинских поэтов

Воздушный корабль

Волной голубой, Волной золотого поярка,
Влекла за собою ладья, говорящая "Арго".
Я плыл облаками в обитель невинущих вёсен,
Прельщённый стихами – ударами облачных вёсел.
Но даль голубую мне пела до первого слова,
До первого взгляда – грузинского неба громада,
До зренья и слуха – Колхида высокая духа!
Мир вам, грузинские нивы, побитые каменным градом,
Громкое небо, в котором быть облаком я готов...
Птица стоит в тучах, клювом, крылом и взглядом,
Опираясь на головокруженье шатающихся городов

Стихи грузинского поэта М. Синельникова

«Что же касается задач, представляющихся поэту, и разрешения их, их числа и количества, то это станет нам, вероятно, ясным при следующем рассуждении. Так как поэт есть подражатель, подобно живописцу или какому-нибудь другому художнику, то необходимо ему подражать чему-нибудь одному из трех: или он должен изображать вещи так, как они есть, или как о них говорят и решают, какими они должны быть.»

(Аристотель «Поэтика»)

«Быть может, верно,
Что нужно особое
Расположение светил
Для того, чтобы родился
На свет Поэт, ибо
Действительно, это искусство
Чрезвычайно своеобразное»

(Новалис)

Золотой блеск,
В котором покоятся
Все эти миры,
Он разделился надвое:
Половина – женщина,
Половина – мужчина.

Став богом, этот блеск
Сотворил богов...
Он сотворил деревенских
И лесных жителей, скот,
Одну он создал коровой,
Другого – быком,
Одну – кобылой,
Другого – жеребцом,
Одну ослицей, другого – ослом,
Одну – вседержительницей,
Другого – вседержителем...
В конце существования...
Он сжигает всех существ...

Тогда земля растворяется в водах,
Воды растворяются в огне,
Огонь растворяется в ветре,
Ветер растворяется в пространстве,
Пространство – в чувствах,
Чувства – в тонких частицах,
Тонкие частицы растворяются
В первоначале существ.
Первоначало существ
Растворяется в великом,
Великое растворяется в
Непроявленном,
Непроявленное растворяется в

Неуничтожимом,
Неуничтожимое растворяется во тьме.
Тьма становится одним с Высшим Богом, -
За его пределами,
Нет ни существующего, ни несуществующего и
Несуществующего
Одновременно...

... «Так, в пределах теперешнего греческого государства были поэты, пробуждавшие дивными звуками волшебных инструментов тайную жизнь лесов, духов, спрятанных в стволах деревьев они оживляли мертвые семена растений в диких местностях и создавали там Цветущие Сады, укрощали зверей, смягчали нравы дикарей, вызывали в них крепкие чувства, насаждали мирные искусства, превращали стремительные потоки в тихие воды и даже увлекали мертвые камни в стройные движения мерного танца».

(Невалис)

«Там, где чувство должно превратиться в представление, необходимо слово. На помощь приходит членораздельный человеческий голос. Тогда сам мир, природа, как целое, пробуждаются от непостижимого молчания и начинает звучать и звенеть».

(Из письма композитора Густава Малера –
Рихарду Батке, чешскому
музыкальному
критику и историку музыки.

Моление о слове
...За служенье Арте и
Веху Мане, о Небесный,
Мне два мира подари-
Мир духовный, мир телесный.
Праведнику протяни
Нить, чтобы прошел над бездной.
«Заратустра. Учение Огня»

«Тот, который един, лишен цвета, посредством многообразной силы творит, согласно своей скрытой цели, разные цвета... И в котором, в конце и начале, сосредоточена Вселенная... Это огонь, это – Солнце, это ветер, это и Луна, это – вода..., это – чистое...»

(«Упанишады»

Литературные памятники Востока)

«Душа одного – вся розовая зорька, задумчиво смеющаяся Нетленной радостью. Душа другого – бархатный закатный пурпур. А вот душа – прекрасная шкура рыси, тревогой глянувшая с горизонта... Мы всегда совершаем полет наш – **Возвращение наше** – на Голубую старинную Родину, свои объятия распростершую над нами. Ты близка нам, Родина, Голубая, как Небо – Голубая, как наши затосковавшие о Небе души. Голубое пространство наших душ и Голубое Небо, нам смеющееся, – одна реальность, один Символ, высветляемый зорями наших восхождений и приближений.

...Бирюзовую волною
Разбрызганная глубина
Своею пеной дневною
Нам очи задымит она.
И все же в суетности бренной
Нас вещие смущают сны,
Когда стоим перед Вселенной
Углублены, потрясены.
И открывается над нами
Недостижимый край родной
Открытою над облаками
Лазоревою глубиной...¹

В творчестве «Тайна жизни» художника видимость отодвигает эту тайну в недостижимую высь Небесного Купола: там, над облаками, открывается «**недостижимый край Родной**»; за границей Неба – музыка моей души, поющие во мне переживания: Небо выросло из меня...»

(Андрей Белый. Из книги «Луг Зеленый».

¹ стихи грузинского поэта М. Синельникова

Действующие лица:

Мать Гейнриха (Фантазия)
Отец Гейнриха (Мысль)
Старый Шванинг (Месяц)
Придворный Капеллан
Ландграфиня
Матильда (Поэзия)
Вероника, ее подруга
Гейнрих (юноша, Поэт)
Клингсор (Поэт, Чародей)
Купцы
Ансельм (Незнакомец)
Зулейма
Девочка с лютней
Рыцари
Хозяин Замка
Хозяйка Замка
Афродита (Древнегреческая богиня)

Герои театра богов

(боги, образы людей, символы):

Король Арктур (Новый Месяц)
Старый Месяц
Дочь Короля Арктура – Фрея
(Мир, Свобода)
Гинистана, дочь Короля Арктура,
Кормилица Эроса и Басни – Фантазия
Старый Герой (Железо)
Прекрасная Птица – Феникс
Басня (Поэзия)
Эрос (юноша)
Писец
София (Мудрость и Любовь)
Утес Скорби
Мать Эроса (Любящее Сердце)
Отец Эроса (Житейский Разум)
Солнце (Бездушный Разум и Сухое
Просвещение)
Колхида
Парки-Ведьмы (старухи)
Слуги Короля Арктура:
Золото, Цинк, Турмалин,
Слоновая Кость
Народ
Кариатиды
Хор Мойр

Часть 1

Предисловие

У распахнутого – в сад – окна...

За спиной Незнакомца рокотали волны, перебирая прибрежный песок, они бились о берег, разбивались вдребезги и, сердито шипя, извиваясь, точно серебристые змеи, убегали в Лунную даль, сливаясь со звездами, обращаясь в крохотные крупницы янтаря. Блестящий Месяц глядел вслед Незнакомцу, и, когда тот отворил калитку Сада, будто уже не слыша ни рокота морских волн, разбивающегося о берег времени, ни дальнего эха автоматных выстрелов, ни одинокого голоса печальной флейты, ни женского плача, – ничего, – тогда тихо присел рядом с ним янтарный Месяц, будто боясь даже на мгновение оставить его одного, постаревшего, припавшего лбом к стволу цветущего дерева, держащего в ладонях Голубой Цветок.

Мягко, неслышно, будто пушистыми кошачьими лапами, перебирал Месяц листву Садовых деревьев, скользил по ветвям грустным взглядом, заглядывал в распахнутое настежь окно...

Незнакомец подошел к окну, заглянул несмело. Увидел спящего мальчика, улыбнулся.

– Гейнрих, – тихо позвал он, но мальчик не услышал его.

– Гейнрих, меня зовут Ансельм, – быстро, но также тихо проговорил он, прислушиваясь к ветру и звуку своего голоса, тонущему в ночной тиши... – я знаю, ты не слышишь меня сейчас, потому что я пришел к тебе из Будущей жизни... Но все же... Я оставляю тебе свою любовь, свою Родину, страну ветра и вечной весны... Когда ты родишься здесь, на этой суровой земле, когда ты вырастешь, ты найдешь обязательно, найдешь ее... Открою тебе тайну, Гейнрих, ты родишься Поэтом, настоящим Поэтом и ты будешь чувствовать мир не так, как другие люди... Это очень трудно, Гейнрих...

Он засмеялся тихо, глухо, будто плача, протянул руку к оконной раме и оставил на подоконнике Голубой Ирис. Где-то вдали, за его спиной, в звездной тиши, рокотало море и гремели одинокие выстрелы...

Ансельм закрыл глаза и увидел горы... Высокие горы, по древним склонам которых цвели бесчисленные Ирисы и струились серебристые ручейки. Водопады несли Солнечные брызги вдаль и дарили их цветущей земле. Ансельм увидел себя, бегущим по весеннему Саду безоблачного детства и заплакал.

Ансельм: Милый Гейнрих, я очень люблю эти странные цветы и подолгу гляжу в них...

В детстве мне казалось, внутри них стояли долгие ряды желтых столбиков, выравставших из бледно-голубой почвы, между ними убегала светлая дорога – далеко вниз, в глубину и синеву тайная тайных цветка... Я так любил этот цветок, милый мальчик, что подолгу глядел внутрь, видел в тонких желтых тычинках то золотую ограду королевских Садов, то аллею в два ряда прекрасных деревьев из сна, никогда не колышимых ветром, между которыми бежала светлая, пронизанная живыми, стеклянно-нежными жилками, дорога – таинственный путь в недра. Огромный был раскрывшийся свод, Тропа терялась среди золотых деревьев в бесконечной глубине немыслимой бездны, над нею царственно

улыбался лиловый купол и осенял волшебной-легкой тенью застывшее в тихом ожидании чудо.

Это цветок – мой Ирис, моя Голубая Лилия, моя Фиалка стала с детства для меня милее и важнее прочих цветов. *(Смеется)*. Мне даже ночью снилось, как иногда отворялась эта чашечка цветка, небывало огромная, как ворота Небесного Дворца, и я въезжал в нее на конях, влетал на лебедях, а вместе со мною тихо летел и скакал, скользил в прекрасную бездну весь мир, влекомый чарами, – туда, где всякое ожидание должно исполниться и всякое прозрение стать истинным. Запомни, мой Гейнрих, *(пауза)* когда ты родишься на этой земле и станешь Поэтом, пусть это услышит твое Сердце, – *всякое явление на земле – есть Символ, и всякий Символ есть открытые Врата, через которые душа, если она к этому готова, может проникнуть в недра мира, где ты и я, день и ночь становятся едины*. Всякому человеку попадают то там, то тут на жизненном пути открытые Врата, и каждому приходит когда-нибудь мысль, что все видимое есть Символ, и что за этим Символом обитают дух и вечная жизнь. Но немногие входят в эти Врата и отказываются от красивой видимости ради прозреваемой действительности недр... Это удел Поэтов и Мудрецов. Их сердца способны перевернуть мир...

Ансельм посмотрел в распахнутую бездну Неба, увидел, как улыбается ему сквозь листву весенних деревьев тихий янтарный Месяц, и он улыбнулся в ответ... В сердце его гудело море и слышались одинокие выстрелы...

Он прикоснулся к цветущей ветке дерева, вдохнул ночной аромат свежести, присел на Садовую скамейку. Он мог лучше разглядеть отсюда сквозь распахнутую раму окна – силуэт мальчика.

Ансельм: Когда я повзрослел, я уехал из родных мест учиться, и много лет не появлялся там...

Проходили годы, я встретил девушку, на которой захотел жениться. Ее звали Ирис. Когда я произносил ее имя, сердце мое наполнялось необъяснимой нежностью, но сам я тогда уже не знал, что оно мне напоминает... Только чувствовал, оно было связано для меня с какими-то глубокими давними и очень важными воспоминаниями...

– С музыкой и стихами бывает также. – *Сказала мне тогда моя Ирис.* – Вдруг на мгновение что-то проблеснет, как будто ты внезапно увидел перед собой в глубине долины утраченную Родину, и тотчас же исчезает прочь и забывается. *Это и есть цель и смысл нашего пребывания на земле: мыслить и искать, и вслушиваться в дальние исчезнувшие звуки, так как за ними лежит наша истинная Родина*. Наверное, ты, Ансельм, потерял или забыл нечто важное и святое, и когда ты произносишь мое имя, ты чувствуешь это... Прошу тебя, ступай и постарайся отыскать в памяти, о чем напоминает тебе мое имя. В день, когда ты вновь это найдешь, я согласна стать твоей женой и пойти за тобой, куда ты захочешь...

Так мне сказала моя Ирис. Эта задача, мой маленький Гейнрих, была слишком трудна для меня – я обязан был вспомнить о чем-то давно забытом, обязан был найти единственную золотую нить в паутине канувших в прошлое лет и времен схватить руками и принести возлюбленной нечто сравнимое только с птичьим зовом, подхваченным ветром, радостью или грустью, налетающими, когда слушаешь музыку, нечто более тонкое, неуловимое и бесплотное, чем мысль, более нереальное, чем ночное сновидение, более расплывчатое, чем утренний туман...

В Небе, усыпанном Звездами, рокотало море. Точно одинокие выстрелы, бились о берег времени волны, пытаясь оставить на песке свой след... Навсегда... Навсегда...

Ансельм: Ирис... Ирис... Повторял я и чувствовал, как в глубине души шевелится что-то неуловимо болезненное, как будущая война...

На миг он замолчал, прислушался к дальним взрывам в ночной тиши. Сердце стучало гулко, как огромный одинокий колокол.

Ансельм: Во время войны не остается в сердце места для стихов и поэзии *(нервно смеется)*. Иногда в минуты затишья от непрерывных криков смерти, выстрелов и крови, я проверял свои воспоминания, но запас их был теперь, спустя годы, намного меньше, чем я думал...

Будто целые годы отсутствовали и лежали пустыми, как незаполненные страницы, когда я возвращался к ним мыслью... *(С болью)* Как осиротевшие черные хребты, как выжженная земля...

Однажды я обнаружил, что лишь с большим трудом могу отчетливо представить себе облик матери... С болью и все возрастающей печалью смотрел я, несчастный, назад, на свою жизнь, почти улетающую и пустую, не принадлежащую мне больше, чужую, не имеющую ко мне отношения, как нечто выученное когда-то наизусть, а теперь с трудом собираемое по бессмысленным кусочкам... Но и тогда еще я не осознавал главного... *(Закрывает ладонями лицо, пытаясь спрятаться от Лунного света)*. Я не понимал, что все это была моя Родина... Понимаешь, Гейнрих... *(плачет)*. Когда, через много лет стрельбы и странствий, я вернулся к ней с поля боя, истерзанная войной, она умирала. И я не мог ее спасти. *(Плачет)* О, боже! Что сделала с ней непрерывная война! Вместо цветущих горных хребтов – выжженные дотла дома, опрокинутые деревья, разруха... Кто вернет мне ее красоту? Кто утрет слезы и кровь на ее лице?

Ансельм, – *сказала она*, – я задала тебе трудную задачу и вижу, что ты останешься ей верен. Ищи дальше и иди этой дорогой, куда не дойдешь до цели... Ты думал, что идешь ради меня; но идешь ты ради себя самого...

Она подарила мне Голубой Цветок Ириса и просила не забывать ее.

«Ищи меня, ищи Ирис, и ты придешь ко мне», – *сказала она и умерла...*

Понимаешь ли ты, Гейнрих, я видел войну и научился стрелять в людей, я видел и знаю, как умерла моя Родина... Моя прекрасная, всегда цветущая древняя страна Золотого Солнца, Могучих богов, пьянящих Голубых фиалок, лилий, магнолий и роз... И я понял одно – спасти красоту можно не оружием, а любовью... Когда ты родишься на своей суровой северной земле, ты обязательно услышишь, узнаешь о моей стране... – *колыбели Поэтов. (Пауза)*. Может быть, ты, Гейнрих, если бы жил в мое время, сумел ее спасти. *(Подумав)*. После войны жизнь моя рухнула. Я оставил город, службу, затерялся в мире без следа. Лишь в сновидениях со мной разговаривала мать, ее облик впервые за долгие годы я чувствовал так близко и ясно. Также Ирис разговаривала со мной и, когда я просыпался, все еще звучало нечто, от чего я целый день не мог оторваться мыслями...

Бесприютный и всем чужой, бродил я из края в край, спал ли под крышей, спал ли в лесах, ел ли хлеб, ел ли ягоды, пил ли вино или пил росу с листьев кустарника – ничего этого я не замечал... Будто вместе с войной и смертью Ирис потускнела и выцвела моя душа... Это была Ирис. Но прошло время – я научился тому, чего никогда раньше не умел: быть с детьми, участвовать в их диковинных играх, беседовать со сломанной веткой или с камешком. Лето и зима проходили мимо меня, я же смотрел в чашечки цветов, в ручьи, в озера...

«Картинки, – *смеясь, говорил я сам себе*, – только картинки». Но в себе самом я чувствовал некую сущность, которая не была картинкой: ей я и следовал; и эта сущность была моя Родина, иногда она могла говорить со мной голосом матери, и

была утешением и надеждой, иногда говорила со мной тихим голосом моей возлюбленной Ирис...

Однажды я шел по снегу через зимнюю долину и моя борода обледенела... А среди снега стоял Ирис, острый и стройный, как самая высокая гора... Он выпустил одинокий прекрасный цветок, и я наклонился к нему, зная теперь, о чем всегда мне напоминал Ирис...

Ансельм вздохнул, подошел к распахнутому в Сад окну, взглянул на спящего мальчика и быстрыми шагами вышел из цветущего, дышащего весной, Лунного сада... Осыпались душистые лепестки деревьев, будто осколки времени... Среди серых скал он остановился, оглянулся назад.

Голос из темноты: Стой! Назад! Назад! Это Ворота Духов. Никто из тех, кто вошел в них, не возвращался.

Ансельм подходит к темной скале, видит в ее глубине голубую тропу. По обеим сторонам тропы сияли золотые колонны Античного Дворца, будто поддерживая Небесную чашу огромного Цветка.

Ансельм (*шагая навстречу Золотому сумраку*): Ирис! Я иду к тебе! К твоему сердцу, к моему милому цветку в материнском саду! Я иду к тебе, моя Родина! (*Поет*).

Волной голубую, волной золотого поярка¹
Влекла за собою ладья, говорящая «Арго».
Я плыл облаками в обитель невянущих Весен,
Прельщенный стихами – ударами облачных весел.
И даль голубую мне пела до первого слова.
До первого взгляда – грузинского неба громада,
До зренья и слуха – Колхида высокая Духа!..
...И Луна в ожерелье выплывает, как Ирис..
Сновиденья одели бледный облака вырез...

Вслушивается в рокот волн далекого моря.

Я снова стою у отцовских дверей,
И песня над домом кружится.
Нежна, словно воздух колхидских полей,
Протяжная песня Колхидца..
А горное эхо, раскатно звуча,
С той песней по ветру мчится..
Как Солнце Колхиды, она горяча,
Протяжная песня Колхидца..
Я слушаю милый старинный мотив,
Задумавшись вместе с природой.
Ингури его, как приток подхватив,
Уносит поющие воды..
Я снова стою у отцовских дверей,
Внимая земли моей зову,
Как дереву, голос далеких корней,
Мне прадедов слышится слово..
Поет тишина, отражаясь в ушах
Торжественно, тихо и властно.
И греет мне сердце родимый очаг..
Немного мне нужно для счастья..
Мне только б мечты не утратить своей,
Не дать вдохновенья в обиду..
Того, что во мне на заре моих дней,
Посеяли песни Колхиды...

¹ Стихи грузинских поэтов: Хута Берулава, Галактиона Табидзе и Н. Синельникова.

Помолчав, оборачивается, смотрит, будто из глубины Голубого Цветка, опрокинутого над землей – Неба.

Ясени в снегу. Укрыты ветви
И дубы в сугробах греют корни.
А сквозь снег Фиалки рвутся к Свету,
Как стихи – отважно и упорно.

В Лунной ночной тиши рокошет Звездное море Безвременья. Маленький Гейнрих просыпается, подходит к распахнутому окну, прислушивается... Весенний ветер подхватывает и уносит к Звездам лежащий на подоконнике Голубой Ирис... Лишь крохотный лепесток, словно крыло ночной бабочки, трепещет, прильнув к холодному стеклу, трепещет о Несказанном.

Ожидание

Глава 1

Германия. Тюрингия. Весна.

В распахнутое окно комнаты, в которой спал юный Гейнрих, влетел весенний ветер, юноша встрепенулся, снова взглянул на Луну.

Похожая на застывший янтарь, на ласковый и разумный кошачий глаз, она дарила Гейнриху свои улыбки. Озаряла комнату и постель юноши золотистым блеском.

Гейнрих: Добрая Луна! Ты с такой печалью смотришь в мое окно, что, поверь, если бы я мог летать, я бы поднялся к тебе на крыльях, обнял тебя и облетел бы с тобой весь мир... Но ты так далеко, а я не в силах развеять твою грусть...

(С волнением). Я все время думаю о своем Незнакомце. Откуда он взялся вчера в Саду? Он пел о диковинном Голубом Цветке... и еще... И теперь... Я мечтаю лишь о том, милая Луна, чтобы увидеть Голубой Цветок...

Смеется, встревоженный подходит к распахнутому окну. На его лицо падает Лунный свет и Гейнрих, счастливый, плачет от радости, наблюдая за трепещущими на ветру листьями садовых деревьев.

Гейнрих: Милая Луна! Спасибо за то, что даришь мне свое прикосновение... Если б ты знала, как я мечтаю увидеть Голубой Цветок! Он неустанно занимает мои мысли, я не могу думать о чем-либо другом. Я никогда не испытывал ничего подобного: точно все прежнее было сном, или точно я пронесся во сне в другой мир. В том мире, в котором я жил, никто бы не стал думать о цветах: а про такую особенную страсть к цветку я даже никогда и не слышал. *(Смеется).* Но, откуда, откуда, собственно, явился в Саду Незнакомец? Я слышал, он пел о Земле и о лучистом далеком цветке.

Милая Луна, я теперь не могу объяснить словами свое странное состояние... Я ощущаю изумительную отраду, хотя я не вполне ясно представляю себе цветок, но почему-то на меня нападает глубокая тревога: этого никто не поймет и не может понять.

Но теперь... Я точно все-все лучше знаю... *(Приглаживает свои взлохмаченные кудри).* Я слышал, что в древние времена животные, деревья и скалы разговаривали с людьми. У меня теперь такое чувство, точно они каждую минуту, опять собираются заговорить, и я как бы ясно вижу, что они хотят мне сказать. Есть, вероятно, еще много слов, которых я не знаю: знай я их больше, я бы мог лучше их постичь.

Садится на постель, согретый ласковым Лунным сиянием, постепенно успокаивается, засыпает. Ему снилось, что он перелетев, на невидимых крыльях, Лунную лучистую даль, оказался посередине огромного океана, отчаянно работал руками и ногами, он пересек воду и вышел невредимым на берег. Эту незнакомую, новую для себя жизнь он прожил с разными людьми, скитался по диковинным лесам, встречая необычных зверей и птиц, однажды попал в плен, а, вырвавшись на свободу, испытывал глубочайшую нужду. Он жил ярко, умер, родился еще раз, и в этой, другой жизни, он встретил свою настоящую любовь, с которой суждено было ему расстаться навеки...

Весенний Ветер стучал оконными рамами, принося в комнату прохладу и аромат цветущих деревьев. Только под утро уснула янтарная Луна, ласково глядящая на юношу, оберегая своим зорким кошачьим глазом его тревожный сон. На Небе улыбнулись цветами первые утренние звезды.

Волнение стихло в душе Гейнриха. Ему снился прекрасный хвойный лес. Напоенные влагой, стволы деревьев, изгибались, застывая в изящных поклонах, словно приветствуя юношу.

Поросшие мхом, лесные валуны казались сгорбленными спинами уснувших животных. Перепрыгивая с одного камня на другой, Гейнрих добрался до ущелья, ведущего в гору. «Столько камней, – подумал он. – Вероятно, когда-то здесь шумел водопад, и эти валуны с отвесного склона принесло сюда потоком».

Оказавшись на маленькой зеленой лужайке перед склоном горы, Гейнрих остановился. При подъеме в гору лес становился светлее.

За лугом юноша увидел утес, с прорубленным насквозь отверстием, начинающимся от входа. Изнутри сиял свет, яркий, как свет утренней Звезды. Коснувшись потолка пещеры, луч преломлялся, рассыпался множеством голубых и серебряных искр, низвергался вниз звездным потоком, образуя небольшое озеро, светлое, как изумруд, будто тысячи звезд, качаясь, застыли на его поверхности. Гейнрих сделал несколько шагов по пещере и замер, пораженный сказочной тишиной. Капли влаги, точно осколки звезд, тихо падали в озеро. Сбегали частыми водяными змейками по стенам пещеры, струились несказанным ароматом лесных цветов. Голубое сияние наполняло пещеру. Гейнрих подошел к воде, коснулся ладонью озерных звезд, улыбнулся, вмиг скинул одежду и вошел в воду.

Белый туман аромата лесных цветов и трав наполнил его грудь. Диковинные растения, птицы обвивали его шею и плечи, утренние звезды от прикосновения к нему обращались в прекрасных юных нимф, которых уносила вода и голубое сияние. Куда-то ввысь, в глубины Света... Гейнрих поплыл вслед за ними, ухватившись за спину огромной рыбы, необыкновенные острова, сказочные звери и существа проносились рядом нескончаемым потоком, гигантские ящеры, змеи, динозавры хотели поглотить Гейнриха, но он отважно отражал их удары. Пиратское судно вот-вот коснется его своим бортом, но – промешкав всего лишь мгновение – пираты один за одним падают невозвратно в глубокий неукротимый поток...

Гейнрих вздохнул, когда оказался среди трав и цветов, на теплом берегу, его ноги омывал ручей, берущий начало из глубины темно-синего Неба, точно невидимая лента бесконечного светлого горизонта...

У самой воды рос Голубой цветок с блестящими широкими листьями. Поначалу ничем не примечательный, он все же казался не таким, как остальные. Вокруг него звенели лесные ландыши, фиалки издавали свой несказанный аромат, белые лилии ласково улыбались навстречу Небу. Но внимание юноши было полностью сосредоточено на удивительном Голубом Цветке.

«Дорогой Цветок, сейчас я подойду к тебе, ты не рассердишься, не испугаешься? – тихо спросил Гейнрих и сделал несколько шагов по зеленому ковру. Цветок зашевелил листьями, блестящими на свету, прижал их к своему тонкому стеблю, словно крохотные ручки, а голубые лепестки сплелись кружевным воротником, обозначив маленькое личико...

Неожиданная радость наполнила невидимой волной сердце Гейнриха, он хотел что-то произнести, какой-то незнакомый странный глубокий звук вот-вот птичьим щебетом вырвется из его груди... Золотые осколки Солнца будто пронзили сердце. Это пришло утро. Новое весеннее утро в родительском доме, в комнате, согретой светом и материнским теплом. Мать склонилась над ним, еще спящим, и тихо поцеловала. Гейнрих открыл глаза, зажмурился от нахлынувшего внезапного Солнца. Увидел Мать, Отца. Засмеялся.

Отец Генриха: Ах ты, соня... Я-то уже давно сижу здесь и пилю. Из-за тебя мне запретили стучать молотком; Мать не хотела, чтобы тревожили сон ее сына. И завтрака мне тоже не дают. Ты умно сделал, что избрал учительское дело; мы для него трудимся и не спим. Но хороший, ученый, как мне говорили, тоже должен ночей не досыпать, чтобы успеть изучить великие произведения мудрых путешественников.

Гейнрих: Милый Отец, не гневайтесь за мой долгий сон, мне несвойственный. Я очень поздно заснул и мне снилось много тревожного; потом только приснился приятный сон. Его я долго не забуду и, мне кажется, это не был простой сон.

Мать Гейнриха (строго): Гейнрих, ты, верно, лег на спину или же думал о постороннем во время вечерней молитвы. И вид у тебя какой-то странный. Позавтракай скорее, чтобы придти в себя.

Выходит из комнаты. Отец продолжает активно работать.

Отец Гейнриха: Сны – ничто иное, как пена, что бы не говорили ученые господа; и лучше, если бы ты не предавался бесполезным и вредным мыслям. Прошли времена, когда сны соединялись с божественными откровениями; мы даже понять не можем и никогда не поймем, что испытывали те избранники, о которых говорит Библия. В то время, вероятно, сны были другие, и все человеческое было иным. В наш век уже нет непосредственно общения с Небом. Старые сказания и писания – единственные источники, из которых мы можем черпать познания о надземном мире, поскольку нам это нужно; и, вместо прямых откровений, святой дух общается с нами теперь через посредство умных и благородных мужей, проявляется в жизни и в судьбе людей благочестивых. Чудеса наших дней никогда не трогали меня, и никогда я не верил в великое значение, о котором говорят наши священники. Но, конечно, кто хочет, пусть верит; я не стану смущать ничьей веры.

Гейнрих: Но почему же, милый Отец, Вы так восстаете против снов, которые должны вызывать на размышления своей легкостью и странными превращениями? Разве всякий, хотя бы самый спутанный сон не представляет собой нечто странное и даже если не кажется ниспосланным богом, все же, как бы разрывает таинственную завесу, которая окутывает тысячью складок нашу душу? В самых мудрых книгах есть рассказы достовернейших людей о замечательных снах. Вспомните сон, о котором недавно рассказал нам почтенный Придворный Капеллан; сон этот и Вам показался очень замечательным...

Но и помимо чужих рассказов, если бы Вам в первый раз в жизни приснился сон, до чего бы это удивило вас. Вы бы считали чудом событие, которое сделалось для нас будничным. Мне сны кажутся оплотом против правильности и обыденности жизни, отдыхом для скованной фантазии; она перемешивает во сне все жизненные представления и прерывает радостной детской игрой постоянную серьезность взрослого человека. Без снов мы бы, наверное, все раньше состарились, и поэтому можно считать сон, если и не непосредственным даром свыше, то все же божественной милостью, дружественным спутником на пути к Гробу Господню...

Сон, который я видел сегодня ночью, наверное, не пустая случайность в моей жизни. Я чувствую, что он захватил мою душу, как большое колесо, и властно мчит ее в даль.

Отец Гейнриха (*с дружеской улыбкой, матери Гейнриха*): Послушай, Мать, Гейнрих ясно свидетельствует всем существом о часе, которому он обязан жизнью. В его речах кипит пламенное итальянское вино, которое я тогда привез из Рима и которое так пьянило всех на нашем свадебном пиру. Я был в то время еще другим человеком. Южный воздух оживил меня, я был полон отваги и веселья, и ты тоже была горячая, очаровательная девушка. Какой тогда твой отец устроил пир! Музыканты и певцы собрались со всех сторон; в Аугсбурге долго после того не было более веселой свадьбы.

Ветер доносит из окна аромат цветов.

Мать Гейнриха (*задумчиво*): Вы говорили о снах... Помнишь, ты мне тогда тоже рассказывал о сне, который тебе приснился в Риме? Сон этот и побудил тебя ехать в Аугсбург и просить моей руки.

Подходит к окну, вдыхает утреннюю негу, запах цветущего Сада наполняет сердце улыбкой и таинственной радостью.

Отец Гейнриха (*обняв ее за плечи*): Ты как раз напомнила мне что-то очень далекое... Я совсем забыл про тот странный сон, долгое время меня занимавший; но он подтверждает то, что я говорил о снах. Трудно представить себе нечто более определенное и ясное; я и теперь помню каждую подробность этого сна. Но разве в нем был какой-нибудь смысл? То, что я видел тебя во сне и вскоре после того охвачен был влечением к тебе, совершенно естественно; я тебя уже раньше знал. Ты сразу пленила меня приятной прелестью твоего существа, и только жажда увидеть чужие страны сдерживала мое желание обладать тобою. В то время, когда мне приснился сон, моя любознательность уже в значительной степени улеглась, и чувство к тебе могло легче одержать верх.

Гейнрих (*Отцу*): Расскажите нам этот странный сон...

Отец Гейнриха смотрит на безоблачное весеннее небо. Остатки снега, будто пушистые котята, ютятся кое-где в уголках Сада. На некоторых деревьях набухшие, почти готовые лопнуть от тепла, почки, кажутся ему крошечными цыплятами, – как будто сейчас взглянут на Солнце и запищат, защебечут что-то необыкновенное, загадочно-сказочное. Цветущий кустарник обдало ветром и почти неуловимо, как соскользнувшая паранджа, упали на траву первые весенние бутоны...

Отец Гейнриха: Однажды вечером... я пошел бродить... Небо было чистое; месяц озарял древние итальянские колонны и стены бледным жутким светом. Мои товарищи ушли увиваться за девушками, и мне тоже не сиделось дома; тоска по родине и любовь томили меня. После долгой ходьбы мне хотелось пить, и я вошел в первый встречный деревенский дом, чтобы попросить глоток вина или молока. Ко мне вышел старый человек, которому я, вероятно, показался очень подозрительным гостем. Я попросил его дать мне напиться, и когда он узнал, что я иностранец и немец, он вежливо позвал меня в комнату, принес бутылку вина, попросил меня сесть и спросил, чем я занимаюсь. Комната была полна книг и разных древностей. Мы вступили в длинную беседу, он много рассказывал мне о старых временах, о художниках, о ваятелях и поэтах. Никогда еще я не слышал таких речей. Я как бы высадился на берег в новом мире. Он показал мне разные печати и другие предметы художественной работы, потом пламенно прочел несколько прекрасных стихотворений, и время проходило, как единое мгновение.

И теперь еще сердце мое наполняется радостью, когда я вспоминаю пестроту дивных мыслей и чувств, охвативших меня в ту ночь. В языческих

временах он чувствовал себя, как дома, и страстно рвался в мечтах обратно в седую древность. Наконец, он провел меня в комнату, где предложил провести остаток ночи; было уже слишком поздно, чтобы возвращаться домой. Я вскоре заснул, и мне показалось, точно я в родном городе и выхожу за городские ворота. Я будто должен был куда-то идти, но не знал, куда и зачем. Я быстрыми шагами направился в горы, и на душе было так хорошо, точно я спешил к венцу. Я шел не по большой дороге, а полем через долины и леса, и вскоре очутился у высокой горы. Поднявшись на ее вершину, я увидел золотистую равнину; передо мной простиралась вся Тюрингия; ни одна гора поблизости не застилала мне взор. Против меня высился темный Город, и я увидел бесчисленные замки, монастыри и деревни. Тогда мне сделалось еще отраднее на душе, и в ту же минуту мне вспомнился старик, у которого я ночевал; мне казалось, что прошло много времени с тех пор, как я у него был. Вскоре я увидел лестницу, которая вела вглубь горы, и стал спускаться по ней.

Долгое время спустя, я очутился в глубокой пещере; там сидел Старец в длинной одежде перед железным столом и неотступно глядел на стоявшее перед ним мраморное изваяние дивно – прекрасной девушки. Борода Старца проросла через железный стол и покрывала ему ноги. У него было ласковое, вдумчивое лицо, и он напоминал мне старинное изваяние, которое я видел в этот вечер у моего хозяина. Пещера была озарена ярким светом. Когда я так стоял и смотрел на Старика, мой хозяин вдруг хлопнул меня по плечу, взял меня за руку и повел за собою по длинным переходам. Через несколько минут я увидел пробивавшийся издали дневной свет. Я быстро направился к свету и вскоре очутился на зеленой равнине. Но все казалось мне не таким, как в Тюрингии. Огромные деревья с большими блестящими листьями бросали тень вокруг себя, было очень жарко, но никакой духоты не чувствовалось. Всюду были ручьи и цветы; из всех цветов один понравился мне больше всего, и мне казалось, что все другие цветы склоняются перед ним.

Гейнрих: Ах, милый отец, скажите мне, пожалуйста, какого цвета был этот цветок?

Отец Гейнриха: Этого я не помню, хотя все другое совершенно ясно запечатлелось в моей памяти.

Гейнрих (*взволнованно*): Не был ли он голубой?

Отец Гейнриха: Возможно. (*Не замечая волнения сына*). Знаю только, что мною овладело какое-то невыразимое чувство, и я долго не оборачивался к моему спутнику. Когда же я взглянул на него, то заметил, что он очень внимательно смотрел на меня и с искренней радостью улыбался мне. Как я ушел оттуда, совсем не помню. Я снова очутился на вершине горы. Мой спутник стоял подле меня и сказал мне: «Ты видел чудо мира. Ты можешь стать самым счастливым человеком на свете, и кроме того, еще прославиться. Запомни, что я тебе говорю: если ты в Иванов день придешь сюда под вечер и от души попросишь Господа, чтобы тебе дано было понять этот сон, то на твою долю выпадет величайшее земное блаженство. Тогда обрати внимание на Голубой Цветок, который ты здесь найдешь. Сорви его и смиренно отдайся воле Неба». После того я очутился во сне среди дивных существ и множества людей, и неисчислимые времена проносились перед моими взорами в игре разнообразных изменений. У меня точно развязался язык, и то, что я произносил, звучало, как музыка. Потом все снова сделалось тесным, темным, обыденным. После увидел перед собой твою Мать с кротким стыдливым взором. Она держала в руках сияющего младенца и протянула его ко мне; тогда младенец стал вдруг расти и становился все более светлым и сверкающим. Потом он поднялся вдруг ввысь, на ослепительно белых

крыльях, взял нас обоих в свои объятия и улетел с нами так высоко, что земля казалась золотым блюдом, украшенным красивой резьбой. Потом помню я еще, что появились цветок, гора и Старец; но вскоре после этого я проснулся и почувствовал себя охваченным пламенной любовью. Я простился с моим радушным хозяином, который попросил меня почаще его навещать. Я ему это обещал, и сдержал бы слово, но вскоре после этого оставил Рим помчался в Аугсбург.

Глава 2

Несколько лет спустя. Тюрингия после Иванова дня в пышной зелени, в цвету. Из небольшой церкви выходят Придворный Капеллан, Ландграфиня, крестная мать Гейнриха. Не спеша прогуливаются вместе с ним, вдоль замковой ограды Эйзенаха. Цветущий весенний сад наполняет сердца необъяснимым волнением, восторгом и трепетом. Тихо перекликаются в розовой утренней дымке птицы. Эхом звучат церковные колокола.

Гейнрих: Сегодня мы простимся, наверное, надолго... Поверьте, мне так грустно.

Придворный Капеллан: Гейнрих, ты уже большой, тебе исполнилось двадцать, самая прекрасная пора. *(Улыбается, о чем-то задумавшись, смотрит на проплывающие над Эйзенахом облака...)*

Гейнрих: Мама решила ехать в Швабию сегодня же, по-моему, она решила расстаться с Отцом и отвезти меня поскорее к дедушке. Несколько купцов старого Офтердингера моего деда, отправляются туда по торговым делам. И мы поедem вместе с ними.

Ландграфиня: Просто твоя мама заметила, как и я, большую перемену в тебе, мой мальчик... *(Ласково гладит его по голове)*. Ты стал более тихим, замкнутым, признаться, я тоже подумала вначале, что ты чем-то расстроен или болен, пока не привыкла к твоему новому образу. Ах, этот прекрасный возраст! *(Смеется)*. Может, встретив в Аугсбурге подругу, милую твоему сердцу, ты победишь чары грусти... Станешь вновь отзывчивым и жизнерадостным...

Гейнрих: Милая Ландграфиня, я надеюсь, что не мог ничем нечаянным обидеть Вас... Если же нет, прошу простить меня... Я тоже рад, что еду, мне давно представляется загадочный край Швабии¹ каким-то раем на земле... Кажется, что я давно хочу туда попасть....Ведь я никогда не уезжал дальше окрестностей родного города и обо всякой другой жизни знаю только по рассказам.

Придворный Капеллан: Ты, Гейнрих, родился и живешь в прекрасное время... Как это великолепно! Запомни, Гейнрих, большому художнику нужно искусно распределить свет, краски и тени, чтобы выявить скрытую красоту видимого мира. Этим как бы создается новое, более проникновенное зрение...

Гейнрих: О, да! Я никогда не забуду наши с Вами уроки живописи! Самые прекрасные образы рождались у меня в сердце, когда Вы были рядом...

Придворный Капеллан *(перебывая его восторг)*: Такого рода распределение красок существует повсюду, вспоминай об этом почаще, Генрих. Сравнительно с прошлым позднейшее время, более состоятельное, представляет однообразную и более серую картину будничности. Но во всех промежуточных эпохах прорывается более высокая духовная сила. Как на поверхности земли, наиболее богатые подземными и надземными сокровищами, местности, расположенные между дикими неприступными горами и необозримыми равнинами, так и между

веками грубого варварства и эпохами богатства, расцвета искусства и науки, расположилась вдумчивая романтическая эпоха, таящая величие под скромным одеянием. Тебе отрадно было бродить в сумерки, когда ночь, встречаясь со светом, и свет, встречаясь с ночным мраком, распадался на более тонкие тени и краски...

Генрих: О, да!

Придворный Капеллан: Почаще углубляйся мысленно в эти дни и годы, когда шел ты с открытым сердцем навстречу новым событиям... И, прощай! *(Шепчет тихую молитву, обнимает Гейнриха).*

Гейнрих *(целует его):* Благодарю вас, учитель...

Ландграфиня: Я дарю тебе золотую цепь, мой мальчик, вспоминая нас, и пусть жизнь твоя будет счастливой!

Гейнрих: Прощайте! Прощайте!

Глава 3. Отъезд.

К воротам Эйзенаха подъезжают верхом на лошадях Купцы. В одной из запряженной двумя бурыми молодыми конями карете, сидела Мать Гейнриха. Он бросился к ней, спрятав, как в детстве, заплаканное лицо на груди. Купцы тронулись в путь. Мать гладила взъерошенные локоны Гейнриха и разглаживала складки на его одежде. Потом она тихо запела. Совсем тихо, как в детстве, только сердце юноши могло слышать ее.

Гейнрих: Mamochka, веришь ли ты, когда я представлял себе наше путешествие в мечтах, это не сопровождалось тем странным чувством, которое я испытываю теперь. Впервые то, что составляло мой мир, оторвалось от меня, и меня точно выкинуло на чужой берег...

Мать Гейнриха *(задумчиво):* Бесконечно велика юношеская скорбь, когда впервые обнаруживается брэнность того, что должно казаться неискушенной душе с неразрывно связанным с самой сущностью бытия, столь же неизменным как оно. Подобно первому напоминанию о смерти, первая разлука остается навсегда памятной; после того, как она долго пугала, точно призрак в ночи, она становится, наконец, при падающей отзывчивости на событие дня, при возрастающем стремлении к твердому незыблемому миру, добрым вожатым и утешителем.

Гейнрих поднял голову, выглянув из кареты. Сейчас, с вершины холма он видел восходящее Солнце, теплые лучи коснулись его груди, в которой еще глухими аккордами звучали рыдания – и согрели мысли. Словно песня Матери.

Гейнрих *(окунаясь взглядом в синий поток близких гор):* Мама! Опять это чудесный Цветок стоит передо мной! *(Он оглянулся, высунувшись по пояс из кареты, на оставшуюся позади Тюрингию).* Странное предчувствие, что после долгих скитаний я вернусь на свою Родину... *(Вдруг смеется).* Только вернусь с той стороны, куда теперь направляюсь... *(Задорно).* Поэтому, в сущности я совершаю теперь обратный путь домой.

1 Купец: О, Гейнрих! Ты еще не успел уехать, как уже вновь возвращается твое сердце в родные края!

Мать Гейнриха: Это пройдет, как только мы приедем в Швабию! Веселая жизнь в доме моего отца пойдет тебе на пользу!

¹ Швабия – Южная Германия.

2 Купец: О, это несомненно! Мне известно гостеприимство старого Шванинга!

1 купец: А как красивые женщины в Швабии! (*Матери Гейнриха*): Это хорошо, что вы везете туда Вашего сына. Нравы Вашей Родины более мягкие, люди там обходительные. Они умеют заботиться о полезном, не пренебрегая приятным. Каждый старается удовлетворять своим потребностям с очаровательным радушием!

2 Купец: Купцам от этого хорошо и они в почете!

3 Купец: Искусства и ремесла процветают и облагораживаются. Трудолюбивым работа кажется более легкой, потому что она доставляет много удобств. Взяв на себя однообразный труд, человек за то приобретает уверенность, что может насладиться пестротой различных приятных занятий.

Деньги, труд и товары погоняют друг друга в быстром вращении, содействуя расцвету города и деревни. Нигде не услышишь столь приятных певцов, нигде нет таких великолепных живописцев, нигде не увидишь в танцевальных залах более легких движений, более очаровательных женщин! Близость Италии сказывается в непринужденном обращении и в прелести речей. Женщинам разрешается украшать общество своим присутствием; не страшась злословия, они могут приветливо вызывать соперничество в желании им понравится. Суровая сосредоточенность и дикая необузданность мужчин уступает место мягкой живости и скромной тихой веселости, и любовь становится в тысяче воплощений душой этих радостных собраний. Это не только не порождает непристойной вольности, а, напротив того, все злое как бы бежит от столь чистой прелести и во всей Германии, наверное, нет более добродетельных девушек и более верных жен, чем в Швабии...

Купцы смеются, глухо и быстро стучат копыта коней по придорожной весенней траве, комкая и сбивая луговые цветы, задевая цветущие кустарники. Впереди и повсюду вокруг цвели узорами зеленые холмы. Ветер разносил эхом с одного холма на другой птичьи трели, будто брошенный с Неба крохотный колокольчик звенел, то здесь, то там, маленький, невидимый.

4 Купец (*Гейнриху*): Да, юный друг, в ясном, теплом воздухе южной Германии вы отбросите свою суровую застенчивость; веселые девушки сделают вас более словоохотливым и общительным. Уже то, что вы чужеземец, а также ваше близкое родство со старым Шванингом, душой всякого веселья, сближения, обратит на Вас очаровательные взоры девушек: и, если Вы последуете советам вашего дедушки, то, наверное, подарите нашему родному городу такое же украшение в лице прекрасной жены, как ваш Отец!

Мать Генриха (*смущенно*): Спасибо Вам за такие хорошие слова о моей Родине, о моих соотечественниках...

4 Купец: Хотя вы и не намерены продолжать профессию вашего Отца, предпочитая, как мы слышали Ваши ученые занятия, все же ведь Вам нет надобности сделаться священником и отказаться от величайших земных наслаждений. Очень печально, что наука сделалась достоянием сословия, столь чуждого мирской жизни. Печально и то, что князья окружены такими необщительными и незнающими жизни людьми. Они живут в одиночестве, не принимая участия в ходе мирских дел и мысли их поэтому уклоняются в сторону и не соответствуют действительности. В Швабии Вы встретите истинно умных и знающих людей среди мирян, и какую бы Вы не выбрали область человеческих знаний, у Вас не будет недостатка в наилучших учителях и советчиках.

Гейнрих (*неуверенно взглянув на своего собеседника*): Хотя, при моем незнании жизни, я и не могу спорить с Вами относительно неприспособленности живых лиц к пониманию

мирских дел, все же позвольте мне напомнить Вам о нашем почтенном Придворном Капеллане. Он-то уж, несомненно, образ мудрого человека и его поучения и советы останутся для меня незабвенными.

4 Купец (*взволнованно*): О, да! Мы от всей души почитаем этого прекрасного человека, но все же можем согласиться с Вами в том, что он мудрый человек, лишь поскольку Вы говорите о мудрости богоугодной мысли. Если же Вы его считаете столь же умным в житейском смысле, насколько он сведущ и опытен в деле спасения души, то позвольте нам быть другого мнения. (*Смеется*). Но мы полагаем, что это нисколько не умаляет заслуживающих всякой похвалы достоинств святого мужа, он только слишком погружен в мысли о Небесном, чтобы понимать еще кроме того и земные дела.

Купцы хохочут. Мать Гейнриха улыбается, гладит его по голове.

Гейнрих: Но мне кажется, что это высшее знание помогает беспристрастно управлять человеческими делами. Такая детская непосредственная простота может вернее провести через лабиринт человеческих дел, чем разум, ограниченный, вводимый в заблуждение корыстными побуждениями, ослепленный неисчерпаемым числом новых случайностей и запутанных обстоятельств. Не знаю, прав ли я, но я вижу *два пути, ведущие к пониманию истории человека. Один путь, трудный и необозримо далекий, с бесчисленными изгибами – путь опыта; Другой, совершаемый как – бы одним прыжком – путь внутреннего созерцания.* Тот, кто идет по первому пути, должен выводить одно из другого, а кто идет по другому – постигает непосредственно сущность каждого события, каждого явления, созерцает его во всех его живых разнообразных соотношениях и может легко сравнить его со всеми другими, как фигуры, начертанные на доске. Простите, если я говорю, точно из детских снов, только вера в вашу доброту и воспоминание об Учителе, указавшем мне издали на второй путь, как на собственный, придает смелость моим речам.

3 Купец: Мы охотно сознаемся, что не можем следить за ходом ваших мыслей: все же нам приятно, что Вы с такой теплотой вспоминаете о Вашем прекрасном Учителе, и так хорошо, по-видимому, усвоили его учение. Нам представляется, что у Вас есть предрасположение к тому, чтобы сделаться **поэтом**. Вы так свободно говорите о явлениях Вашей душевной жизни и у Вас нет недостатка в изысканных выражениях и подходящих сравнениях. Вы также склонны к чудесному, а это стихия **поэтов**.

Мать Гейнриха (*со вздохом*): О да, мой мальчик, это так!

Голубым Цветком край Неба коснулся лица Гейнриха. Он восторженно, почувствовав это весеннее ласковое прикосновение. Будто птица задела крылом... Вспомнил свой детский сон – вдруг увидел себя маленьким, с восторженным сердцем глядящим на дикие блестящие листья необычайного Голубого Цветка, замершего в блаженстве у лесного ручья.

Гейнрих (*задумчиво*): Не знаю, как это случилось, я уже часто слышал про певцов и поэтов, но, пожалуй, никогда ни одного не видал... Я даже не могу себе составить ясного представления об их удивительном искусстве, а все же у меня есть страстное желание узнать что-нибудь о нем. Мне знакома только живопись, благодаря занятиям с моим Учителем... О стихах мне часто говорили, но я никогда не видел ни одного стихотворения, и мой Учитель никогда не имел случая изучить поэзию. Все, что он мне об этом говорил, было для меня не ясно. Но он всегда утверждал, что поэзия – благородное искусство, которому я бы весь отдался, если бы когда-нибудь постиг его. В старые времена, по его словам, оно было гораздо более распространено, и каждый кое-что знал о нем, причем поэзия была сестрой

других исчезнувших ныне дивных искусств, что поэты отмечены высокой милостью Неба и поэтому, вдохновляемые невидимой близостью божества, могут в чарующих звуках возвещать на земле Небесную мудрость.

Птичий весенний щебет, словно переворачивая вверх ногами Небо, пронесся над Купцами, их лошадьми, над золотистой от яркого Солнца, каретой, над окрестными цветущими холмами, усыпанными точно древним раскаленным песком, крохотными луговыми фиалками. В белой весенней дымке дальние холмы казались словно выросшими из-под земли, сквозь расстояние и время – пирамидами, по тропкам – расщелинам которых струились Млечные миры.

Медленно, будто лениво, сквозь время и миры, двигались Кони. На пестром ковре цветущего луга кто-то играл на флейте.

3 Купец: Мы, правда, никогда не интересовались тайнами поэтов, но все же слушали с удовольствием их песни. Быть может, верно, что *нужно особое расположение Светил для того, чтобы родился на свет поэт, ибо, действительно, искусство это чрезвычайно своеобразное.* Все другие искусства очень отличны от поэзии и все они гораздо более понятны. То, что создают живописцы и музыканты, виднее: их искусству можно научиться при условии прилежания и терпения. Звуки заключены уже в струнах, и нужна только беглая рука, чтобы приводить их в движение и извлекать из них звуки в красивом сочетании.

Прислушивается к звуку флейты.

Где-то совсем рядом Пастушок играет... Слышите?

Гейнрих кивнул, выглянул из кареты, увидел стадо коров, щиплющих молодую весеннюю траву, одна из них протяжно мычала, в лад мелодии, которую играл юный Пастушок. Он сидел среди серебристых весенних фиалок, смотрел на Небо и улыбался. Гейнрих был уверен, что мальчик видит его, и помахал ему из окна кареты.

2 Купец: По-моему, в живописи великолепнейшим учителем является сама природа. Она создает бесчисленные, прекрасные и изумительные облики, дает краски, свет и тени, так что достаточно умелая рука, верный глаз и умение готовить и смешивать краски дают возможность в совершенстве производить природу. Вполне понятна, поэтому, привлекательность этих искусств, любовь к художественным произведениям. Пение соловья, свист ветра и прелесть красок, игра света, прекрасные существа нравятся нам, приятно волнуя наши чувства. И так как наши чувства таковы, потому что такими их создала природа, создавшая и все другое, то и воспроизведение природы в искусстве тоже должно нам нравиться.

3 Купец: Природа хочет сама ощутить свое великое мастерство и поэтому она претворилась в людей, и, таким образом, созерцает в них свое величие, отделяет от предметов их приятность и обаяние и создает и то, и другое отдельно, для того, чтобы различным образом всюду и всегда им наслаждаться. Поэзия же, напротив того, не создает ничего внешне осязательного. Кроме того, она не производит ничего руками или внешними орудиями. Зрение и слух не воспринимают поэзию, ибо слышать слова не значит еще испытывать чары этого таинственного искусства. Оно все сосредоточено внутри. Подобно тому, как в других искусствах художники доставляют приятные ощущения внешним чувствам, поэт наполняет новыми, дивными и приятными мыслями святыню души. Он умеет пробуждать в нас по желанию тайные силы и открывает нам через посредство снов неведомый обаятельный мир. Точно из глубоких пещер поднимаются минувшие и грядущие времена, предстают пред нами бесчисленные люди, дивные местности и самые странные события, отрывая нас от знакомой действительности.

Мы слышим неведомые слова и все же знаем, что они должны означать. Изречения поэта имеют волшебную силу. Самые простые слова выливаются в прекрасные звуки и опьяняют очарованного слушателя.

Гейнрих с восторженной улыбкой слушает своих собеседников. Их слова кажутся ему точно пробудившимся, восставшим от векового сна, поднявшимся вместе с весенним ветром из золотого песка седой древности, глубоким голосом каменных, скалистых пирамид, глядящих в Небо. Дрожащие облака умещались в сердце юноши, какой-то необъяснимо сладостный туман наполнял теплом все его существо, сердце отчаянно и тревожно выстукивало свой Солнечный ритм. Звуки Пастушьей флейты утонули, растворились в Небе, превратились в воспоминание, холмистый пейзаж за окном кареты сменился более высокими горными склонами, лошадям приходилось замедлять шаг, чтобы вскарабкаться вверх.

Гейнрих: Вы превращаете мое любопытство в пламенное нетерпение. Расскажите мне, прошу вас, о всех певцах, которых вы слышали. Мне хотелось бы без конца слушать про этих особенных людей. Мне вдруг показалось, что я уже когда-то, в самой ранней юности, слышал про них, но я не могу ничего вспомнить...

Мать Гейнриха (смеясь): Ты говоришь так, мой мальчик, словно тебе уже, по меньшей мере, около сорока лет... (Обнимает его). Какой ты у меня, однако, еще несмышленный и маленький! Может быть, тебе вспоминаются твои детские фантазии и беседы под Луной с Голубым Цветком? (Улыбается).

Гейнрих (задумчиво): Очень возможно... (*Купцам*): Но, поверьте, то, что Вы говорите мне чрезвычайно ясно и знакомо, и Вы доставляете мне необычайное удовольствие Вашими прекрасными описаниями.

3 Купец: Нам сами приятно вспомнить о многих часах, проведенных в Италии, Франции и в Швабии в обществе певцов, и мы рады, что Вы с таким интересом внимаете нам.

4 Купец: К тому же, в обществе Вашей уважаемой мамы, нам дорога кажется легкой и приятной.

Мать Гейнриха: О, спасибо Вам, Вы так любезны!

2 Купец (разглядывая горный пейзаж, окружающий путников, вдруг смеется): Согласитесь, друзья, наша дорога станет очень похожа на библейский путь Марии, Иосифа и Божественного младенца... Стоит только взойти звездам, горы, очерченные Лунным светом, примут таинственно-сказочный облик и мы сами уподобимся легендарным образам...

Все улыбаются.

3 Купец: Когда путешествуешь в городе, беседа становится вдвойне приятной, и время летит незаметно. Может быть, вас займут несколько интересных рассказов про певцов, которые мы слышали во время путешествий. О том, что нам пели певцы, мы можем мало сказать, потому что радость и возбуждение минуты мешают все запомнить, а, кроме того, постоянные торговые дела тоже стерли многое, что осталось в памяти...

Вздыхает, помолчав, начинает рассказ.

В старые времена вся природа была, вероятно, более живой и восприимчивой, чем в наше время. Многое, что теперь кажется, едва замечают даже звери и что чувствуют, и с наслаждением воспринимают только люди, в то время ощущалось даже бездумными предметами; поэтому люди, обладавшие высоким художественным даром, создавали тогда много такого, что нам теперь кажется невероятным и сказочным. Так, в древние времена, в пределах теперешнего греческого государства, как нам рассказывали путешественники, слышавшие еще там эти предания в простом народе, были поэты, пробуждавшие

дивными звуками волшебных инструментов тайную жизнь лесов, духов, спрятанных в стволах деревьев; они оживляли мертвые семена растений в диких местностях и создавали там цветущие сады, укрощали зверей, смягчали нравы дикарей, вызывали в них кроткие чувства, превращали стремительные потоки в тихие воды и даже увлекали мертвые камни в стройные движения мерного танца. Говорят, они были одновременно прорицателями и жрецами, законодателями и врачами: своим волшебством они вызывали высшие существа, которые открывали им тайны грядущего, гармонию и естественный строй всего земного, а также свойства и целебные силы чисел, растений и всех существ. С тех пор, как гласит предание, и возникло разнообразие звуков, а также странные влечения и сочетания в природе: до того все было дико, беспорядочно и враждебно. Странно только то, что хотя прекрасные следы этого и остались на память о благодетелях человеческого рода, но самое их искусство или же такое чутье природы утратились. В те времена случилось однажды, что один из этих удивительных поэтов или музыкантов – в сущности, музыка и поэзия одно и то же, и так связаны, как рот и уши, так как рот только подвижное и отвечающее ухо – собрался ехать за море в чужую страну; у него было множество драгоценностей и прекрасных вещей, которые люди дарили ему из благодарности.

Он увидел у берега корабль, владельцы которого выказывали готовность повезти его туда, куда он желал, за предложенную им плату. Но блеск и красота его сокровищ вскоре возбудили их жадность; они уговорились разделить между собой его имущество. Выйдя в море, они напали на него и сказали, что ему предстоит смерть, так как они решили бросить его в воду. Он стал трогательно просить их о пощаде, предложив им в качестве выкупа свои сокровища и предсказал им большое несчастье, если они выполнят свое намерение. Но ни то, не другое не подействовало на них; они боялись, что он потом выдаст тайну их злодейского умысла.

Увидев, что они твердо стоят на своем, он попросил их позволить ему, по крайней мере, сыграть и спеть перед смертью свою лебединую песню и обещал им после того добровольно броситься в море на их глазах, со своим простым деревянным инструментом в руках. Они отлично знали, что если услышат его волшебную песню, то сердца их смягчатся, и души их охватит раскаяние; поэтому они решили хотя и исполнить его последнюю просьбу, но во время пения заткнуть себе уши, чтобы не услышать звука его голоса и не отказаться от своего решения. Так все и произошло. Певец запел дивную, бесконечную, трогательную песню. Весь корабль вторил ему, волны звучали, Солнце и звезды появились вместе на Небе, а из зеленых вод вынырнули пляшущие стаи рыб и морских чудовищ. Только люди на корабле стояли с враждебными лицами, крепко заткнув уши, и ожидали с нетерпением конца песни. Вскоре пение кончилось. Тогда Певец ясным челом прыгнул в морскую бездну, держа в руке свой волшебный инструмент. Но едва только он коснулся сверкающих волн, как тотчас же под ним очутилась широкая спина одного из благодарных ему за песни морских чудовищ, и оно уплыло, умчав на себе изумленного Певца. В скором времени оно примчало его к берегу, куда он направлялся, и мягко вынесло его на прибрежный камыш. Певец спел своему спасителю радостную песню в знак благодарности и ушел. Несколько времени спустя, он ходил однажды один по морскому берегу и стал изливать в сладостных звуках свою печаль об утраченных сокровищах, столь дорогих ему, как память о счастливых часах и как знаки любви и благодарности. В то время, как он пел, среди моря вдруг появился его старый друг и, радостно приблизившись к берегу, выкинул на песок из пасти похищенные сокровища.

После того, как Певец прыгнул в море, начался дележ оставленных им сокровищ; дележ этот привел к спорам и кончился кровопролитной свалкой, стоившей жизни большинству спорщиков; те немногие, которые остались в живых, не умели управлять кораблем, и он скоро стукнулся о берег, разбился и пошел ко дну. Моряки едва спасли свою жизнь и вернулись на берег с пустыми руками и в разорванном платье; таким образом, при помощи благодарного морского животного, нашедшего сокровища на дне морском, они вернулись в руки прежнего владельца.

Глава 4. Сказка об Атлантиде.

Солнце, обогнув каменистые склоны, клонилось к горизонту, чтобы совершив свой новый круг, вернуться назад ранним утром. Горные вершины потемнели, словно провалились в Небо. Гейнриху казалось, что он бы всю жизнь, вот так, безотрывно, наблюдал из окна за Солнечными зигзагами лучей, за игрой света и тени, находя во всем причудливые сравнения, памятные воспоминания прошлого, сопоставления и неясные, полные нечаянного предчувствия, новые, еще не сформировавшиеся в мысль Сердца, созерцательные образы... Эти люди, взявшие на себя труд отвезти его и Мать в загадочную Швабию, приобретали с часами дороги в глазах Гейнриха, символические облики древних героев, о которых в детстве рассказывала ему Мать, о которых он кое-что слышал из бесед с Придворным Капелланом.

Сейчас, в закатных, золотистых отблесках, молчаливые Купцы выглядели необычайно таинственно и грациозно. Щелкали в такт внутреннему ритму Солнечного круга копыта коней, в душе юноши теснилось необъяснимое предчувствие встречи... С чем или с кем, сам еще не знал, но представлялось ему, что идет он, карабкаясь сквозь время и тьму, вслед за этими фантастическими непостижимыми людьми, вслед за ними, неведомыми разуму, грандиозными пришельцами откуда-то из глубины Неба, идет он, сильный и смелый, навстречу своему счастью, улыбающемуся из Сердца, крохотным личиком, увиденным однажды во сне в сиянии Голубого Цветка.

Мать тронула его за плечи. На несколько минут они вышли из кареты, чтобы отдохнуть. Будто впервые, ощутив себя взрослым и самостоятельным, Гейнрих выразил свое благоговение перед Матерью, осыпав ее душистым букетом луговых цветов. Она смеялась и казалась ему еще красивей, чем прежде.

Мать Гейнриха: Смотри, Гейнрих, впереди – чудные места... Чистый горный воздух, соседние замки, стоящие будто вековые пирамиды древности и сохранившие в этом глубоком покое наивную красоту... Как все это мило!

Гейнрих радостно кивнул, помог Матери вскарабкаться по ступенькам в карету и снова прислушался к разговору своих спутников. Все то, о чем говорили они, было для Гейнриха новым, интересным, полным неясных образов и знаков Судьбы, в которую он верил со всем юношеским пылом.

1 Купец: Другой рассказ не такой чудесный и относится к более позднему времени, но что Вам, быть может, понравится и еще ближе познакомит вас с могуществом дивного искусства.

Некий Старый Король жил с большой пышностью. Со всех сторон к его двору стекались люди, чтобы разделить великолепие его жизни; на ежедневных празднествах не было недостатка в обильных яствах, в музыке, в дивном убранстве и одеждах, в тысяче разнообразных зрелищ и увеселений, а также, в

умных, приятных и ученых людях для беседы и развлечения, в красивых, обаятельных юношах и девушках, составляющих всегда душу приятных пиршеств.

У Старого Короля, строгого и сурового по природе, было два влечения, побуждавших его содержать пышный двор и так прекрасно устроить его. Одним влечением его была нежность к дочери, бесконечно дорогой ему, как память о рано умершей жене, а также потому, что она была невыразимо прекрасна, он бы охотно отдал все сокровища природы и всю силу человеческого духа, чтобы создать ей рай на земле. Другим влечением была его страстная любовь к поэзии и ее творцам. Он с юности с глубоким наслаждением, читал произведения поэтов, потратил много усердия и большие деньги на то, чтобы собрать их произведения на всех языках, и всегда выше всего ценил общество Певцов. Он привлекал их к своему двору отовсюду и осыпал почестями. Он готов был беспрерывно слушать их песни и часто забывал самые важные дела и даже еду и питье ради новой увлекательной песни. Дочь его выросла среди песен, и вся его душа была нежной песней, выражением одной лишь скорби и тоски.

Благотворное влияние Певцов, пользовавшихся почетом и покровительством, сказывалось по всей стране, и в особенности, при дворе. Жизнью наслаждались медленными маленькими глотками, как очаровательным питьем, и с тем, более чистой радостью, что все неизменные злые страсти рассеивались от звуков нежного, гармонического настроения, царившего во всех душах. Душевное спокойствие и внутреннее созерцание самобытно созданного счастливого мира сделались достоянием этого дивного времени, и о распрях говорилось только в старинных поэтических сказаниях, как о существовавших встарь врагах человечества. Духи песнопения дали, казалось, своему покровителю очаровательнейший знак своей благодарности в лице его дочери, обладавшей всем, что самое нежное воображение может соединить в прелестном образе девушки. На прекрасных пирах она появлялась, окруженная милыми подругами, в сверкающем белом платье, слушала с глубоким вниманием пение вдохновенных певцов во время поэтических состязаний, и, краснея, возлагала благоуханный венок на кудри счастливец, песня которого одерживала победу. В эти же минуты она казалась воплотившейся душой дивного искусства, созидающего волшебные звуки и, глядя на нее, переставали удивляться восторгам и песням поэтов. Но над этим зеленым раем витала таинственная судьба.

Единственное, что заботило все население, было замужество юной Принцессы; от него зависело продление блаженства и судьба всей страны. Король становился все более старым. Он сам был сильно озабочен, и все же не было никаких видов на такое замужество Принцессы, которое могло бы всех удовлетворить. Священное благоговение перед Королевским домом не позволяло никому из подданных даже мечтать об обладании Принцессой. На нее смотрели, как на существо неземное, и все чужеземные Принцы, которые появлялись при дворе с признаниями на ее руку казались неизмеримо ниже ее; никому даже в голову не приходило, что Принцесса или Король могут обратить взор на кого-нибудь из них. Сознание своего ничтожества постепенно отпугнуло всех прежних претендентов, и слухи о непреклонной гордости Королевской семьи отнимали и у новых охоту подвергаться унижениям. Эти слухи имели некоторое основание.

При всей своей кротости, Король почти невольно уверовал в свое величие и мысль о браке дочери с человеком более низкого и темного происхождения была для него нестерпима. Ее исключительно высокие качества все более и более укрепляли в нем эти чувства. Он происходил от древних восточных царей. Жена

его была последней в знаменитом роде героя Рустама. Певцы Короля неустанно пели ему про его родство с прежними сверх человеческими властителями мира, и в волшебном зеркале поэзии превосходство его над всеми другими людьми и величие его рода представлялись ему еще более ярко; ему казалось, что он связан с остальным человечеством только через посредство более благородного сословия Певцов. Он тщетно искал второго Рустама и печалился, так как чувствовал, что сердце его расцветающей дочери, интересы государства и его старость делают ее брак во всех отношениях чрезвычайно желательным.

Недалеко от столицы жил в уединенном поместье Старик, который всецело занят был воспитанием своего единственного сына, и, кроме того, лечил сельское население в случаях тяжких болезней.

Его сын был вдумчивого нрава и предавался изучению природы; отец руководил занятиями сына с его детских лет. Старик за несколько лет до того приехал издалека в этот мирный цветущий край и тихо наслаждался благотворным миром, водворенным заботами Короля. Он пользовался тишиной для изучения сил природы и передавал свои увлекательные знания сыну, который выказывал большой интерес к ним; его глубокой душе природа охотно доверяла свои тайны. Лицо Юноши казалось обыкновенным и незначительным тем, кто не умел подмечать высшим чувством сокровенное в очертаниях его благородного лица и в необычайной ясности глаз. Но чем дальше на него смотрели, тем он казался привлекательней, и трудно было оторваться от беседы с ним, слыша его нежный проникновенный голос и его очарование речи. Однажды Принцесса, сады которой примыкали к лесу, окружавшему поместье старика в маленькой долине, поехала одна верхом в лес, чтобы свободно отдаться своим мечтам, повторяя про себя прекрасные песни. Прохлада высокого леса увлекала ее все дальше в тенистую глубину и, наконец, она приехала в поместье, где жил Старик с сыном. Ей захотелось напиться молока; она сошла с лошади, привязала ее к дереву и вошла в дом попросить глоток молока.

Сын Старика, увидев ее, почти испугался волшебного явления величественной девушки, украшенной всеми чарами юности и красоты и почти обожествленной неописуемо – чарующей прозрачностью нежной, невинной и благородной души. Он выбежал из комнаты, спеша, выполнил ее просьбу, звучавшую как пение духов; старик же со скромной почтительностью подошел к ней и пригласил ее сесть у простого очага, расположенного посередине комнаты; легкое голубое пламя бесшумно поднималось вверх из глубины очага. Ее с первого взгляда поразила комната, украшенная множеством редких предметов, чистота и порядок в доме, а также удивительная святость во всем, это впечатление еще усилилось при виде почтенного старца в простой одежде и его скромного, благовоспитанного сына. Старик сразу признал в ней, по ее роскошной одежде и благородной осанке, особу, имеющую отношение ко двору.

Пока сына не было в комнате, она стала расспрашивать старика о некоторых достопримечательностях, которые более всего бросились ей в глаза, в особенности, о нескольких странных изображениях, стоявших рядом с ее стулом у очага; он с готовностью дал ей увлекательные объяснения. Сын вскоре вернулся с кувшином свежего молока и передал ей его непринужденно и вместе с тем почтительно. После приятной беседы с отцом и сыном она поблагодарила их за гостеприимство, попросила у Старика дозволения побывать у них снова, чтобы насладиться его поучительными речами о столь замечательных предметах. Потом она села на лошадь и уехала домой, не выдав себя, когда убедилась, что отец и сын не знают ее. Несмотря на близость столицы, оба они так ушли в работу, что

избегали общения с людьми; у Юноши никогда не являлось, поэтому, желания побывать на придворных празднествах. К тому же он никогда не оставлял отца более, чем на час, когда уходил побродить по лесу в поисках бабочек, жуков и растений, и внимал внушениям тихого духа природы через посредство его разнообразных внешних проявлений.

Для старика, для Принцессы и для юноши простое происшествие приобрело одинаково большое значение. Старик сразу заметил, какое глубокое впечатление незнакомка произвела на его сына, и он достаточно его знал, чтобы понять, что всякое глубокое впечатление останется в душе его на всю жизнь. Его молодость и нетронутость должны были претворить первое ощущение такого рода в непреодолимое чувство. Старик уже давно ждал такого события. Благородная прелесть незнакомки невольно внушала симпатию, и его доверчивая душа не тревожилась о дальнейшем развитии странного происшествия. Принцесса никогда еще не испытывала такого состояния, как то, в котором медленно возвращалась домой...

Гейнрих (*воодушевленно, как ребенок*): О, да! Я знаю это чувство! Я испытал его при встрече с одним таинственным человеком, посетившим наш сад...

Купцы смеются.

Мать Генриха: Какой ты бываешь чудесный, Гейнрих!

Смеется.

1 Купец: Значит Принцесса, как и Вы, мой юный мечтатель, была во власти смутного, странно – колеблющегося впечатления от нового мира, и это не давало возникнуть никакой определенной мысли. Волшебное покрывало окутывало широкими складками ее ясное сознание. У нее было такое чувство, точно она очутилась *в неземном мире, если бы покрывало откинулось.*

Генрих: Со мной было то же самое, поверьте!

2 Купец: Раз-другой в жизни это еще случится с Вами, пылкий юноша, поверьте моему опыту.

Вздыхает.

1 Купец: Когда она вернулась во Дворец, она почти испугалась его великолепия и пестрой суеты; и еще более устрасило ее приветствие Отца, лицо которого, впервые в жизни, внушило ей благоговение и робость. Ей показалось необходимым молчать о своем приключении. Все достаточно привыкли к ее грезам, к ее глубоко-задумчивому взгляду, чтобы увидеть в нем что-либо необычное.

Ее прежнее веселое настроение исчезло, ей казалось, что она окружена чужими. Станный страх охватил ее душу и длился до вечера. Тогда только ее утешила, навеяв счастливые грезы, радостная песня одного поэта, который превозносил надежду и увлекательно пел и чудесах веры и исполнении желаний.

Гейнрих (*тихо*): Может быть, тогда, в Саду, я тоже встретился с настоящим поэтом... Он пел о Голубом Цветке... Его песня осталась навсегда, в моей душе...

Будто прислушиваясь к словам сказки, лошади стали идти медленней, осторожно переступая в наступившей темноте с одной каменистой тропинки на другую. Послушно, вслед за лошадьми, скользила по горным вершинам карета.

1 Купец: Юноша тотчас после ее ухода ушел в чащу леса. Держась края дороги, он последовал за нею через кусты до ворот в парке и потом вернулся по дороге. Вдруг он увидел, что у ног его что-то ярко сверкнуло. Он наклонился и поднял темно-красный камень, который с одной стороны сверкал необычайным блеском; на другой его стороне вырезаны были непонятные знаки. Он увидел, что это драгоценный карбункул, и ему как будто вспомнилось, что камень этот был у

незнакомки посередине ее ожерелья. Он поспешил окрыленным шагом домой, точно надеясь, что она еще там, и принес камень отцу. Они решили, что сын на следующее же утро пойдет обратно по дороге и будет ждать, не ищут ли камень, и тогда его отдаст. Если же этого не случится, то они решили подождать вторичного посещения незнакомки, чтобы вручить камень ей самой.

Юноша созерцал карбункул почти целую ночь и под утро ощутил неотразимое желание написать несколько слов на бумажке, в которую он завернул камень. Он сам в точности не знал, что представлял себе и о чем думал, когда написал следующие слова:

В его крови, сияющей и знойной,
Загадочные вижу письма.
Не так ли в сердце вечен лик спокойный
И ты, безвестная, отражена?
Из камня брызжет искр поток нестройный,
Во мне лучей колеблется волна.
Из камня к свету скрытый свет струится.
Не сердце ль сердца
И во мне таится?

Гейнрих: О, как прекрасно и волнующе звучат эти слова...

Мать Гейнриха: Это стихи, Гейнрих, хорошие стихи...

Гейнрих: Они напоминают мне слова моего Незнакомца...

Мать Гейнриха (*тихо*): Фантазер...

1 Купец: Едва наступило утро, как он отправился в путь и поспешил к воротам Сада.

Тем временем Принцесса заметила, раздеваясь на ночь, потерю дорогого камня из ожерелья. Карбункул был ей дорог, как память о матери, а также, как талисман. Обладание им обеспечивало ей свободу, так как, после его, она знала, что никогда не попадет под чужую власть против своей воли. Потеря камня скорее удивила, чем испугала ее. Она помнила, что камень был на ней, когда она выехала из дому, и была твердо уверена, что потеряла его или в доме Старика, или на обратном пути в лесу; она еще ясно помнила дорогу и решила с самого утра идти искать камень. Эта мысль привела ее в радостное расположение духа; можно было подумать, что потеря совершенно не огорчила ее, так как была предлогом тотчас же снова проделать этот путь.

Когда наступило утро, она пошла через сад в лес, и так как шла скорее обыкновенного, то ее ничуть не удивило, что сердце у нее сильно билось и теснило грудь. Солнце только что стало золотить верхушки старых деревьев; они тихо шелестели и точно будили друг друга от ночных грез, чтобы вместе приветствовать Солнце. Принцесса услышала издали шум, взглянула на дорогу и увидела спешившего к ней навстречу Юношу, который в ту же минуту заметил ее. Он на минуту остановился, как вкопанный, и стал глядеть на нее, не отводя глаз, точно хотел, убедиться, что это, действительно, она перед ним, что появление ее не обман чувств.

Они приветствовали друг друга со сдержанным выражением радости, точно давно знали и любили друг друга. Еще прежде, чем Принцесса успела объяснить ему причину своей ранней прогулки, он, краснея, и с сильно бьющимся сердцем передал ей драгоценный камень, завернутый в исписанную бумажку. Можно было подумать, что принцесса угадала внутренним чутьем содержание стихов. Она молча взяла бумажку дрожащей рукой и в награду за находку, почти не отдавая себе отчет в том, что делает, надела на юношу золотую цепочку, которую носила на шее. Он смущенно опустил перед нею на колени, и когда она осведомилась о его отце, он долгое время не мог найти слов для ответа. Она сказала ему тихим

голосом, опустив глаза, что вскоре опять будет у них и с большой радостью воспользуется готовностью отца познакомить ее со своими редкостями. Она еще раз поблагодарила Юношу с необычайной сердечностью и затем медленно, не оборачиваясь, пошла назад. Юноша не силах был проговорить ни слова. Он послушно поклонился и долго глядел ей вслед, пока она не исчезла за деревьями. Немного дней спустя, она вторично приехала к Старiku, а за этим посещением последовали дальнейшие.

Юноша незаметным образом сделался ее постоянным провожатым. Он в определенные часы приходил за нею к Саду и провожал ее туда обратно. Она хранила ненарушимое молчание относительно того, кто она, хотя в остальном настолько доверялась своему спутнику, что вскоре ни одна мысль ее небесной души не оставалась для него тайной. Юноша тоже открывал ей всю свою душу. Отец и сын считали ее знатной молодой девушкой придворного круга. Она привязалась к старику, как нежная дочь. Вскоре девушка сроднилась с очаровательным домом и пела под звуки лютни своим небесным голосом дивные песни старику и сыну, сидевшему у ее ног, а затем обучала сына этому обаятельному искусству; после того она, в свою очередь внимала его вдохновенным объяснениям мировых Тайн. Он рассказывал ей, как создавался мир, благодаря чудесным влечениям, и как светила соединялись в звучные хороводы...

Однажды, когда Юноша провожал Принцессу домой, душа его поддавалась особенно смелому порыву, а мощная любовь победила ее девичью сдержанность; и они оба, сами не зная как, упали друг другу в объятия, и первый пламенный поцелуй соединил их навеки.

Гейнрих (с юношеским волнением): Как это красиво! Я бы тоже хотел встретить такую Принцессу, один раз – и – навеки!

Мать Гейнриха сдержанно улыбается.

1 Купец: В это время, с наступлением сумерек, поднялась вдруг сильная буря в вершинах деревьев. Грозные тучи надвинулись на них и окутали глубокой ночной темнотой. Юноша торопился укрыть свою спутницу от страшной непогоды, от вырываемых ветром деревьев, но заблудился среди ночного мрака в тревоге за свою возлюбленную и углублялся все дальше в лес. Страх его усилился, когда он заметил свою ошибку. Принцесса представляла себе испуг Короля и всего двора; невыразимый ужас пронизывал время от времени разрушительным лучом ее душу и только голос возлюбленного, неустанно твердившего ей слова утешения, возвращал ей мужество и облегчал стесненную грудь.

Буря не прекращалась; все старанья найти дорогу были тщетны, и они обрадовались, когда при вспыхнувшем свете молнии открыли поблизости пещеру на крутом склоне лесистого холма; там они надеялись укрыться от бушующей непогоды и найти отдых истощенным силам. Счастье благоприятствовало их желаниям. Пещера была сухая и обросшая чистым мхом. Юноша быстро зажег костер из хвороста и моха, и они могли обсушиться у огня.

...С наступлением утра они проснулись в новом блаженном мире. Юноша тотчас же решил отправиться к своему отцу, чтобы ознакомить его со своим твердым намерением жениться и создать семью. Принцесса согласилась ждать его. Юноша вскоре прибыл в отцовский дом, и старик очень обрадовался, увидав его живым и невредимым. Он узнал историю любящей четы и, после некоторого размышления, согласился содействовать им. Дом его был укрытый от взоров, и в нем существовало несколько подземных комнат, куда нелегко было проникнуть. Их решили предоставить Принцессе. В сумерки юноша привел ее, и старик встретил ее, глубоко растроганный. Она потом часто плакала, когда оставалась

одна, думая о горе своего отца; но она скрывала свою печаль от возлюбленного и говорила о ней только старику, который ласково утешал ее надеждами на скорое возвращение к отцу... Так прошло несколько месяцев, и снова настала весна...

Во Дворце, где раньше жила Принцесса, с нетерпением ждали ее возвращения. Король обнаруживал свою печаль и взывал к жалости даже к ничтожнейшим из своих слуг. Весь город и вся страна плакали и разделяли его скорбь. Но, почему-то, носился слух, что Принцесса жива и вскоре вернется вместе с тем, кто стал ее супругом. Никто не знал, откуда пошел этот слух, но все радостно верили ему и с нетерпением ждали скорого возвращения Принцессы.

Однажды вечером, когда как раз исполнился год со времени ее исчезновения, весь двор собрался в саду. Воздух был теплый и ясный; тихий ветер шелестел в верхушках старых деревьев и, казалось, возвещал о приближении издалека веселого каравана. Во мрак шелестящих верхушек поднялась высокая струя фонтана среди множества факелов с бесчисленными огнями и сопровождала звучным журчанием песни, раздававшиеся под деревьями.

Король сидел на пышном ковре, и вокруг него собрался двор в праздничных одеждах. Многочисленная толпа наполняла сад и окружала величественное зрелище. Король глубоко погрузился в мысли. Ему казалось, что печальный год был только тяжелым сном, и он поднял глаза, как бы отыскивая среди людей и деревьев высокий, священный, обаятельный образ дочери. Певцы только что кончили свои песни, и глубокая тишина казалась знаком общей умиленности, ибо певцы воспевали радость свидания после разлуки, весну и будущее в тех красках, которыми украшает его надежда.

Вдруг тишину прервали звуки незнакомого прекрасного голоса, который раздался точно из древнего дуба поблизости. Все взгляды направились туда; там стоял Юноша в простой, но чужеземной одежде. Он держал в руке лютню и спокойно продолжал петь, низко поклонившись, когда Король обратил взгляд в его сторону. Голос его был необычайно прекрасен, и пение звучало неведомым очарованием. *Он пел о начале мира, о происхождении звезд, растений, животных и людей, о всемогущем участии природы, о древнем Золотом веке и о владычицах его, Любви и Поэзии, о возникновении ненависти и варварства и об их распрях с этими добрыми богинями и, наконец, о грядущем торжестве последних, о конце печали, об обновлении природы, и о том, что вернется вечный Золотой век.* Старые Певцы, сами охваченные восторгом, обступили во время пения странного незнакомца. Небывалое восхищение преисполняло зрителей, и самому Королю казалось, что его куда-то уносит небесный поток. Такой песни никто никогда еще не слышал, и всем казалась, что среди них появилось Небесное создание, тем более, что юноша как бы становился во время пения все более прекрасным, а голос его все более мощным. Воздух играл его золотыми кудрями.

Лютня оживала в его руках, и взор его погружался, точно опьяненный, в более таинственный мир. Детская чистота и невинность его лица тоже казались неземными. Но вот дивное пение кончилось. Старые Певцы прижимали юношу со слезами радости к груди. Тихий, глубокий восторг охватил присутствующих. Король взволнованно подошел к певцу. Юноша скромно упал к его ногам. Король его поднял, сердечно обнял его и сказал, чтобы он сам себе назначил награду. У него вспыхнуло лицо, и он попросил Короля выслушать еще одну песню и тогда ответить на просьбу. Король отступил на несколько шагов и чужеземец начал:

– Пути певца – труды без счета,

Он платье о терновник рвет,
Проходит реки и болота,
И помощь – кто ему пошлет?
Все безнадежней, бесприютней
Певца усталая мольба.
Еще не расстается с лютней,
Но тяжела ему борьба.
Мне грустный был назначен жребий,
Пустынна вокруг меня земля,
Я всем пою о светлом Небе,
Ни с кем веселья не деля.
Своим уделом весел каждый
И жизни рад – через меня;
Но жалок дар их; встречной жаждой
Не примут моего огня.
Легко со мною разлученье
Как с маем, улетевшим вдаль;
Когда он тает в отдаленье
Кому растаявшего жаль?
Они просили только хлеба –
А знать, кто сеял – нужды нет;
Я в песнях сотворил им Небо –
В молитве их найду ль ответ?
Я чувствую: волшебной властью
Окрепил старые уста.
Ах, отчего их дивной страстью
Любви не окрылит мечта?
Не вспомнит ни одна о бедном
Пришельце из глухой страны;
К его молениям бесследным
Сердца, как раньше, холодны.
Он падает в густые травы,
В слезах пытается заснуть;
Но гений песен величавый
В стесненную нисходит грудь:
Забудь, забудь, что ты унижен,
Не вечны слезы на лице,
Чего в стенах не встретил хижин,
Тебе предстанет во Дворце.
Конец томленьям и урону,
Судьба нежданная близка.
Венок из мирта, как корону,
Наденет верная рука.
К престолу славы властным словом,
Счастливый, призван ты один;
Певец по ступеням суровым
Взошел, как королевский сын.

...Когда он дошел до этого места в своей песне, присутствующих охватило странное волнение, ибо при последних строфах вдруг появились и стали за певцом никому неизвестные старик и рядом с ним закутанная в покрывало Женщина высокого роста, с дивным младенцем на руках.

Ребенок ласково глядел на чужих людей и с улыбкой тянулся маленькими ручонками к сверкающему венцу Короля. Но общее изумление возросло еще более, когда вдруг с верхушек старых деревьев слетел любимый орел Короля,

постоянно находившийся при нем; он держал в клюве золотую головную повязь, которую он, по-видимому, похитил из комнат Короля. Орел спустился на голову юноши, и повязь обвилась вокруг кудрей чужеземца, в первую минуту испугавшегося. Орел отлетел к Королю, оставив повязь. Юноша передал ее ребенку, потянувшемуся за ней, и продолжал растроганным голосом свою песню:

– Певец, от грезы пробужденный,
В волненье ринулся вперед,
Листвой зеленой осененный,
К порогу царственных ворот.
Блистают стены крепкой сталью,
Их песня победит, шутя.
К нему с любовью и печалью
Стремится царское дитя.
Любовь их сводит тесно вместе,
Но гонит вдаль бряцанье брони;
Они таятся в мирном месте,
Их мучит сладостный огонь.
И оба, скрытые укромно,
Страшались гнева Короля,
Всегда – зарей и ночью темной...
Вдвоем восторг и боль деля.
И о надежде непрерывно
Поет над матерью певец,
И привлеченный песней дивной,
Приходит к ним Король – отец.
И дочь протягивает внука,
Младенца в золотых кудрях;
Испуг, раскаянье и мука
Их вдруг повергнули во прах.
И нежностью душа родная
И звуком песен смягчена,
Зовет, страданья забывая,
К блаженству вечному она.
Любви настало искупленье,
Она свой давний платит долг,
И в поцелуях примиренья
Напев небесный не умолк.
Приди же, гений песнопений,
И здесь любви не измени,
Дочь возврати родимой сени
И дочери отца верни!
Ее и внука он обнимет,
А если счастьем нет конца,
Он в царственные руки примет,
Как сына милого, певца...

При этих словах, мягко прозвучавших по темным переходам, юноша приподнял дрожащей рукой покрывало, скрывавшее лицо женщины. Принцесса упала, обливаясь слезами, к ногам Короля, протянула ему прекрасное Дитя. Певец стал на колени рядом с нею и опустил голову. Тревожная тишина захватила у всех дыхание. Король стоял несколько минут с строгим лицом, ничего не говоря, потом он привлек Принцессу к своей груди, долго прижимал ее к себе и громко плакал. Затем поднял с коленей также Юношу и обнял его с глубокой нежностью... Светлое ликование овладело тесно окружавшей их толпой.

Король взял младенца и благоговейно поднял его к Небу, потом он милостиво приветствовал Старика. Проливались без числа радостные слезы. Певцы стали петь, и тот вечер сделался священным для всей страны, жизнь которой превратилась с этой поры в дивный праздник. Никто не знает, куда девалась эта страна.

В сказаньях, я слышал, говорится, что Атлантиду скрыли от взоров мощные волны...

1 Купец замолчал, взволнованный своим рассказом, Гейнрих с восхищением и совершенно детской серьезностью произнес, Будто решаясь на что-то важное, понятное теперь только одному ему.

– Я найду эту землю...

Я знаю, там растет мой цветок...

Глава 5 Среди рыцарей.

Звезды почти касались лучами лица Гейнриха. Вот покати́лась одна, точно искра догорающего костра, растаяла, упала в холмистую даль. Словно пытаясь дотянуться до нее рукой, задержать взглядом Неведомое, он выглянул из окна кареты, его светлая рубашка мелькала отчетливым серебристым пятном среди теней деревьев, на темном фоне ночного Неба казалась зажженным белым факелом.

Гейнрих прислушался к стуку копыт, уловил в них ритм упавшей звезды и стук своего сердца, готового стать звездой... Он посмотрел на Мать, она спала, убаюканная мерным поскрипыванием кареты и монотонно-тихими голосами Купцов.

«Сказка, похожая на Песню, словно стихи о прекрасной затонувшей Атлантиде, – сам себе пробормотал Гейнрих. Мягкий лунный свет целовал его лицо, будто пушистый котенок терся об щеку, утирал слезы.

«Милая Луна, – как в детстве прошептал Гейнрих, – если б ты знала, как хочется мне найти Голубой Цветок... Ты одна понимаешь меня и веришь мне, ты смотришь в мое сердце, и знаешь, что это не пустая фантазия... Я вспоминаю слова моего таинственного Незнакомца, его стихи... (задумавшись) да, да, я теперь точно знаю, что это были стихи... Ах, я бы отдал, не задумываясь, все сокровища в мире, чтобы услышать вновь эти строки... о прекрасных Цветах, о таинственной древней земле, которой грозит опасность, земле, где растут самые нежные цветы и живут Поэты».

Он прищурился и мысленно нарисовал взглядом среди темного Звездного Неба фигуру своего цветка... Своей земли... На мгновение показалось Гейнриху, что его, нарисованный сердцем, Звездный образ ожил, склонился к юноше печальным утренним звоном упавшей звезды, пролился холодной росой на серые камни гор... Он открыл глаза, словно встрепенулся от неожиданного Солнечного блеска.

Карета остановилась у одного из Замков.

Мать Гейнриха уже вела непринужденную беседу с местными дамами, рассказывая им о новых модах, о рецептах блюд, которые любила готовить. Хозяин Замка, старый Воин, вышел к гостям и с радостью пригласил всех к веселому столу.

Гейнриху сразу понравилось то, что в Замке было много гостей. Рыцари окружили его и наперебой рассказывали о своих походах на Святую Землю, о чудесах Гроба Господня, Купцы охотно пили старое франконское вино, ведя рассказ о былых боях.

Гейнрих *(одному из Рыцарей)*: Неужели, побывав в плену, Вы все равно считаете самой веселой, полной очарования, жизнь на поле битвы и в лагере? Я не могу этого понять!

1 Рыцарь: Мой друг! *(Поднимает бокал)*. Пока Небесная Родина христианской веры все еще находится в дерзновенном владении неверных, мое сердце – в пути!

2 Рыцарь *(поднимая бокал)*: За борьбу против нечестивого народа!

1 Рыцарь: За смерть проклятых сарацинов, у которых я побывал в плену! *(Пьют вино)*.

2 Рыцарь: Поистине, все мы уже заслужили вечный венец славы своей борьбой против нечестивцев!

Владелец Замка *(показывает Гейнриху драгоценный меч)*: Этот меч я собственной рукой отнял у одного из предводителей неверных, завладев его Замком, умертвив его и взяв в плен его жену и детей! Сам Император разрешил мне носить этот меч в гербе.

Гейнрих и все присутствующие за столом рассматривают меч. Гейнрих на мгновение взял оружие в руку и почувствовал, как вся его душа вдруг наполнилась необъяснимым, kloкочущим, как вино в жилах, чувством глубокой воинской отваги. Он трепетно приложился к мечу.

1 Рыцарь: Он – прирожденный Рыцарь!

Другие Рыцари:

Гейнрих!
За освобождение
Гроба Господня!

Поднимают бокалы! Гейнрих пьет вино и кажется сам себе повзрослевшим и возмужавшим.

Владелец Замка *(обняв его за плечи)*: Дорогой Гейнрих! Ты обязан... *(дрожащим от волнения и сильного чувства голосом)*. Ты обязан, слышишь, я это чувствую, посвятить себя навсегда освобождению Гроба Господня и возложить на плечи чудотворный крест! Поверь мне, старику!

Гейнрих замер в растерянности. Ему не хотелось выпускать из рук меч. Чувства смешались в сердце, нужно было их обдумать.

Владелец Замка: Подумай, сын мой! Я – Старый Рыцарь! Не посоветую дурного! Вскоре предстоит новый крестовый поход! Сам Император поведет наши полчища на Восток. По всей Европе снова раздастся призыв креста, и всюду пробуждается геройская благочестивая отвага. Как знать, не будем ли мы сидеть все вместе через год в великом мировом граде Иерусалиме, радуясь победе и поминая Отчизну за вином родной страны!.. У меня в доме живет восточная девушка, я могу показать ее тебе. Они очень привлекательны для нас, западных людей, и если ты хорошо владеешь мечом, то у тебя не будет недостатка в прекрасных пленниках.

Рыцари: Согласен идти с нами, Гейнрих?!

Поют, звеня бокалами.

В руках неверных Гроб священный,
Спасителя святая сень.
Ее клеймят хулой презренной,
Ее поносят каждый день.
Нас заглушенный зов тревожит:
О, кто позор мой уничтожит!
Где рыцарские ополченья?
Христовой веры где оплот?
Кто принесет ей возрождение?

Кто в наше время крест возьмет?
И в ревности о божьем склепе
Позорные ломает цепи?
Вот по ночным морям и нивам
Идет священная вражда;
Взывает к сонным и ленивым
В поля, в селенья, в города,
Повсюду буря восклицаний:
В поход и к бою, христиане!
И ангелы повсюду зримы,
Их лики немые и грустны,
И у порогов пилигримы,
Стоят, отчаянья полны;
Всех призрак истомил единый:
Неистовые сарацины.
Заря пылает алой кровью
В краю далеком христиан.
И каждой болью и любовью
И умилением обуян.
Хватают все – и крест, и латы,
Родной очаг покинуть рады.
И все горят, друг с другом споря,
Порывом божий гроб спасти,
Стекаются на берег моря,
Чтоб путь священный обрести.
И дети прибегают тоже,
Восторженные толпы множа.
Высоко над толпою сияя,
Колеблет знамя знак креста,
Вот верные у двери рая,
Его распахнуты врата;
Все жаждут счастьем насладиться,
За веру смерти причаститься.
Вперед! Господне ополчение
Стремится в даль заветных стран.
Смирят неверных исступленье
Десница Бога христиан.
Мы Божий Гроб, добытый боем,
В крови язычников омоем.
И реет Девы лик бессонный
Средь светлых ангелов Небес,
И кто упал, мечом сраженный,
В ее родных руках воскрес.
Она в сиянье и в печали
Склоняется к бряцанью стали.
К святыням! И за битвой битва!
Буди, глухой могильный зов!
Прощен победой и молитвой
Великий грех земных веков!
Умрет языческая злоба,
И нам в удел – святыня Гроба.

Потрясенный, взволнованный Гейнрих сжимал в руках меч и уже казался сам себе доблестным рыцарем, представляя Гроб Господень как большой серый камень, лежащий на земле посреди многолюдной толпы... На камне ему представлялся сидящим прекрасный художавый юноша, будто бы сияющий, на сказочном звездном троне... К юноше

подходили люди, толпа издевалась над его тишиной, кротостью, убогостью и блаженством, разбивая, расцарапывая эту незримую завесу, отделяя **всегда** единичное и множественное... Завеса была невидимой, нематериальной даже, так казалось Гейнриху, и, взмахнув мечом, он готов был защитить, заслонить сам... собою...

Мать Гейнриха (подходит к нему): **Сынок!**

Гейнрих: Я здесь, мама.

Несколько секунд, будто пораженный внезапной молнией, он стоит не в силах пошевелиться; будто впервые видит он такую свою Мать, красивой, сильной, властной, как древнюю богиню... В ее глазах, распахнутых будто настесь, безоговорочно, неподвластная себе, тонет его душа... Тонет, словно в древнем, густом облаке Времени... И, затерявшись в Безвременье, Гейнрих снова, как во сне, видит перед собою своего таинственного Незнакомца по имени Ансельм, поющего о светлой, цветущей земле, похожей на весенний Сад, перед которой невольно складываешь оружие...

«Я понял одно, – будто слышит он из Безвременья тихий голос Ансельма, – Красоту, Родину можно спасти не оружием, а любовью... Когда ты родишься на своей суровой северной земле, ты обязательно услышишь, узнаешь о моей стране – колыбели Поэтов... Может быть, ты, Гейнрих, если бы ты жил в мое время, сумел ее спасти».

Гейнрих смотрит в глаза Матери и чувствует, как бьется ее сердце... Что-то больно кольнуло у него в душе, будто он теперь остался стоять один – перед всеми, сильными и достойными, один – на один – перед всеми...

Гейнрих (тихо): Я здесь, мама...

Мать Гейнриха (быстро подходит к столу, отбирает меч у юноши и с улыбкой отдает Владельцу Замка): Прошу извинить меня за необдуманый поступок моего сына... В нашей семье было решено, что Гейнрих посвятит себя учительскому делу... Прежде, чем брать в руки оружие, ему необходимо выучиться, обрести знания.

Владелец Замка (берет меч): Что я слышу? Этот юноша решил избрать не менее трудный путь и стать учителем? Что ж, это похвально и достойно уважения...

Гейнрих (тихо): И еще... после нашей беседы с Купцами... Мне кажется, что я смогу быть Поэтом... И это ремесло представляется мне не менее нужным и полезным...

Гости снисходительно улыбаются. Извинившись перед всеми, Мать юноши подводит совершенно растерявшегося Гейнриха к Хозяйке Замка.

Мать Гейнриха: Познакомьтесь, это мой сын – Гейнрих. Недавно ему исполнилось двадцать, но выглядит он, конечно же, старше!

Смеется.

Хозяйка Замка: О, это несомненно! (Пожимает руку юноши). Пойдемте, прогуляетесь со мной вокруг Замка, вечер такой чудесный, а со мной, старухой, никто не хочет даже словом обмолвиться... (Улыбаясь). Что за кавалеры нынче! Пойдемте, Гейнрих, посмотрим, как заходит Солнце...

Гейнрих (кланяясь): О, я всегда к Вашим услугам!

Целует руку Хозяйке Замка, уходят.

Глава 6

С вершины старого холма.

С вершины старого утеса Гейнрих наблюдает за игрой мельничих крыльев в лесистой долине. Золотой шар закатного Солнца опускается на его глазах в раскрытые ладони деревьев, рассыпается разноцветными осколками по трепетной, дрожащей на ветру листве... перепрыгивая горные склоны... тонет в траве... Хозяйка Замка и Мать

Гейнриха, решив остановиться у Замковой ограды, обсуждают с Купцами последние новости.

Гейнрих, прислушиваясь к голосу Ветра и природы, чувствует себя снова маленьким и безразличным... Только что испытанный им героический восторг сменяется нежным, полным печали, созерцанием, похожим на колыбельную песню...

Гейнрих (вслушиваясь в звуки заката): Будто бы сплю я в золотой чаше своего Голубого Цветка... (Вздыхнув). Ах, если бы это было так на самом деле! Но что это? (Взбирается на поросшую мхом скалу). Я, действительно, слышу чистейший, как журчанье ручья, будто волшебный женский голос... (Пауза). И лютя... И кто-то еще... Ребенок... Конечно же, это ребенок... Я не мог ошибиться... Ах, какая прекрасная песня! (Тихо зовет). Где ты, милый Пастушок, я слышу твою чудесную песню! Мне она очень нравится...

Голос:

Разве сердце на чужбине
Не изнает никогда?
Разве сердцу и донине
Блещет бледная звезда?
О возврате тщетны грезы,
Катятся ручьями слезы,
Сердце рвется от стыда.
Я б тебя – лишь день свободы! –
Миртом темным оплела!
В радостные хороводы
К резвым сестрам увела,
Я бы в платьях златотканых,
В кольцах ярких и чеканных
Прежней девушкой была!
Много юношей склонялись
Жарким взором предо мной:
Нежные напевы мчались
За вечернею звездой.
Можно ль милому не верить?
Верность и любовь измерить?
До могилы милый – Твой.
Здесь к ручьям сквозным и чистым
Наклонен небесный лик,
К волнам знойным и душистым
Утомленный лес приник.
Меж веселыми ветвями,
Меж плодами и цветами
Раздается птичий крик.
Где вы, грезы молодые,
Милая моя страна?
Срублены сады родные,
Башня замка сожжена.
Грозные, как буря в море,
Все смели войска в раздоре,
Рай исчез, и я одна.
Грозные огни взвивались
В воздух Неба голубой,
На лихих конях ворвались
В город недруги гурьбой.
Наш отец и братья бьются
Не вернутся! Не вернутся!

Нас умчали за собой
Взор туманится печалью;
Родина, родная мать!
Вечно ли за этой далью
О тебе мне горевать?
Если б не ребенок милый,
Я давно нашла бы силы
Цепи жизни разорвать.

Осторожно раздвигая кустарник, Гейнрих спустился вниз по холмистому склону и увидел бледную печальную девушку, стоящую под высоким дубом. Рядом с ней, в густой траве, Гейнрих заметил лютню с прекрасными золотыми струнами. На коленях печальной девушки сидел ребенок. Обняв ручонками ее шею, он утирал слезы, стекавшие по ее худым щекам.

Гейнрих остановился, неосторожно шагнув, сломал цветущую ветку – и – замер, не дыша, не шевелясь, будто в ожидании приговора...

Ребенок обернулся, увидел Гейнриха и ничуть не удивился. Его личико тоже выглядело заплаканным и очень печальным.

Девушка (*разглядывая Гейнриха, поспешно*): Вы, верно, слышали мое пение... Ваше лицо мне кажется знакомым; дайте припомнить. Память моя ослабела, но вид Ваш будит во мне странное воспоминание о счастливом времени... О, да! Вы как будто похожи на одного из моих братьев, который еще до нашего несчастья расстался с нами и направился в Персию к одному знаменитому певцу. Быть может, он еще жив и горестно воспекает несчастье своей семьи. Жаль, что я не помню хоть некоторые из тех дивных песен, которые он оставил нам! Он был благороден и нежен, и самой большой радостью для него была лютня...

Гейнрих (*несмело подходит к девушке*): Меня зовут Гейнрих... А, Вас?

– Зулейма.

Девушка отчего-то опять заплакала, ребенок обвил ее шею своими крохотными ладошками...

– Не плачь, моя **Зулейма**...

– И ты не плачь, моя милая...

Гейнрих: Простите мою бестактность, но я считаю делом своей чести помочь Вам, если у Вас случилось несчастье... Может быть, Вы поделитесь им со мною, как с другом...

Произнеся эти слова, Гейнрих несмело присел на траву рядом с девушкой.

Гейнрих: Умоляю Вас, не плачьте... Меня зовут Гейнрих, я не причиню вам зла.

Зулейма: Вы такой добрый, спасибо Вам. Если бы Вы знали, как тяжело мне одной, если каждую секунду перед моими глазами – моя милая аравийская земля... Цветущая древняя земля, моя Родина, моя земля, на которой живут Поэты, музыканты и романтики... (*смеется*).

Гейнрих (*внезапно*): О, боже! Неужели это не сон? Скажите, Вы не снитесь мне?

Зулейма с улыбкой и удивлением посмотрела на него. Пауза.

Когда-то в раннем детстве, мне снилось... Незнакомец... его имя я запомнил на всю жизнь... Ансельм... Его звали Ансельм... Зачем он пришел в наш Сад?! Он говорил о своей древней земле – также, как Вы говорите сейчас о своей... , боже мой! Скажите поскорей, где находится ваша Родина? Я должен немедленно идти туда, чтобы предупредить, чтобы спасти ее... (*подумав, очень серьезно*) Скажите, не растет ли на ней Голубой Цветок?

Зулейма задумалась, посмотрела на Гейнриха, печально и тихо, будто читая что-то тайное и важное в его сердце... Улыбнулась нежно, как весенний цветок.

Зулейма: Я расскажу Вам о своей Родине... Только я не знаю, ее ли Вы ищете? Но слушайте – Вам виднее...

Моя земля – это счастливые острова среди неподвижных песчаных пустынь. Они точно убежища для угнетенных и усталых, точно райские селения, полные свежих источников, журчащих среди густых лугов и сверкающих камней вдоль дивных рощ, населенных пестрыми птицами с звучными голосами, и привлекают разнообразием следов старинного достопримечательного времени...

Маленькая девочка, взяв в руки лютню, лежащую в траве, несмело начинает играть, улавливая и воспроизводя малейшие переходы в голосе Зулеймы. Ветер колышет ее темные кудри и она кажется похожей на маленькое божество.

Зулейма: Вас бы, наверное, поразили пестрые, светлые, странные письмена и изображения, которые Вы бы увидели на древних каменных плитах. Они кажутся такими знакомыми и не без основания так хорошо сохранившимися. Вы в душе поэт, Гейнрих, и, наверное, поймете меня... Вам бы, наверное, захотелось постигнуть глубокие соотношения этих древних начертаний. Неведомый их дух необычайно возбуждает работу мысли, и хотя и не находишь желанного, все же делаешь тысячу замечательных открытий в себе, и они придают жизни новый блеск, дают душе надолго плодотворные занятия. Жизнь на издревле населенной земле, уже некогда прославившейся благодаря прилежанию населения, благодаря его работоспособности и его любви к труду, имеет особую прелесть. Природа кажется там более человеческой и более понятной; смутные воспоминания, при прозрачности настоящего отражают картины мира в резких очертаниях; таким образом, получается впечатление двойного мира, который теряет тем самым тяжесть и навязанность и становится волшебной поэмой наших цветов. *Как знать, не сказывается ли в этом непонятное вмешательство прежнего, незримого теперь населения; быть может, это и тянет людей, в определенное время их пробуждения, из новых мест на старую родину их племени, с таким разрушительным нетерпением побуждая их отдавать кровь и достояние за владение этими землями.*

Поднявшись с травы, девушка взбегают на вершину холма и несколько минут молча смотрит в сторону Замка, наблюдая за Рыцарями, веселящимися за столами. Глаза ее вновь тускнеют, по щекам робко, одна за одной, катятся слезы. Гейнрих подходит к ней, помогает спуститься с холма. Заметив в его руках только что собранный букет цветов, Зулейма улыбается.

Гейнрих (протягивает ей цветы): Возьмите, может быть, эти цветы немного развеселят Вас?

Зулейма (улыбаясь, сквозь слезы): О, Вы – настоящий друг! Спасибо! (Пауза). Не верьте тому, что Вам рассказывали о жестокости моего народа. Нигде с пленными не обходятся более великодушно, и Ваши странники, являвшиеся в Иерусалим, встречали там гостеприимный прием; но они были не всегда достойны этого. Большинство из них были негодные, злые люди, которые оскверняли свои паломничества злодеяниями, и, правда, претерпевали за это справедливое возмездие. Как спокойно могли бы христиане навещать Гроб Господень, не затеявая страшной ненужной войны, которая всех озлобила, принесла бесконечно много горя и навсегда отделила Восток от Европы, Что в имени владельца? Наши властители свято чтити гроб вашего святого, которого и мы признали божественным пророком, как прекрасно мог бы священный гроб стать колыбелью счастливого единения, основой вечных благодетельных союзов!

Над Замком, над холмами, над влажным лесом вошел Месяц, тихий его свет разлился в воздухе, будто божественный нектар. Гейнрих и Зулейма в глубокой задумчивости поднимались к Замку, Зулейма вела за руку Девочку.

Девочка: Ах, я, кажется, забыла свою лютню в траве! Пойдите здесь, я скоро вернусь!

Она мигом сбегала вниз по травянистому склону, и, словно ветер прошестев среди освященного лунным серебром кустарника, вернулась обратно, счастливая и воодушевленная какой-то внезапной мыслью. Они остановились у ворот Замка. Гейнрих заглянул в окно. Рыцари по-прежнему веселились за столом, поднимая кубки. Мать Генриха вела оживленную беседу с Хозяйкой Замка о домашнем обиходе. В Замке было шумно и многолюдно.

Зулейма: Я слышала, Гейнрих, вы уезжаете завтра ранним утром?

Гейнрих: Да, мы с мамой едем к моему деду, в Швабию... Это уже решено...

Зулейма (несмело): Вам хотелось бы остаться здесь? Скажите?

Гейнрих: Здесь? *(Он задумался на мгновение, вспоминая рассказы Рыцарей о крестовых походах. С улыбкой взглянул на девушку).* Мне совсем не хочется возвращаться в шумную залу, Зулейма, и еще, мне очень хочется помочь Вам... Даже – спасти Вас... Вас и Вашу прекрасную Родину... Но я не знаю, как... Поверьте мне, я уверен, что Вы снова когда-нибудь вернетесь на свою землю и будете счастливее всех девушек на земле. Дни, проведенные в Замке, забудутся и растают, как тает утром Лунный свет... Вы будете самой красивой и самой счастливой, Зулейма, я откуда-то это знаю! Если можете, поверьте мне!

Зулейма: Спасибо Вам, Гейнрих, за ласковые слова, подающие надежду... Мне стало спокойнее и увереннее...

Девочка молча протягивает Гейнриху лютню, улыбается.

Зулейма: Ах, вот что ты задумала! Гейнрих! Возьмите лютню! Она принадлежала моему брату, он мне подарил ее на прощанье. Она – единственное достояние, которое я спасла... Мне кажется, она Вам понравится... А вы мне оставляете бесценный подарок: сладостную надежду... Примите же этот ничтожный знак моей признательности, и пусть эта лютня будет залогом Вашей памяти о бедной Зулейме. Мы, наверное, снова увидимся, и тогда, быть может, я буду более счастливой.

Гейнрих (плачет): Нет, милая Зулейма, не отдавайте мне столь нужную Вам самую лютню... *(Помолчав).* Лучше дайте мне золотую повязь с неведомыми буквами, которую Вы носите в волосах, если только это не память у Вас от Ваших родителей или сестер; взамен возьмите покрывало... Пусть оно согреет Вас...

Достает из сумки покрывало, отдает Зулейме.

Зулейма: О, Гейнрих! Спасибо! Возьмите же эту лютню! Мы искренне дарим ее Вам!

Гейнрих: Нет, нет, пусть таким искренним и дорогим подарком будет золотая повязь с Ваших волос... Если это возможно.

Зулейма смеется, отдает ему повязь с золотыми буквами, ее же волосы, скрепленные лентой, падают на плечи и спину, как тени ветвей, освещенных робкой Луной.

Зулейма: Вот, возьмите повязь, если Вам она так понравилась... Тут мое имя, начертанное буквами моего родного языка; я сама вышила его на этой повязи в более радостное время... Глядите на нее с добрым чувством и помните, что она в течение долгого скорбного времени связывала мои волосы и поблекла вместе со мною.

Генрих со слезами обнимает Зулейму и маленькую Девочку, уходит за Замковую ограду, в отведенный ему покой.

Глава 7. Аугсбург.

Аугсбург. Этот незнакомый прежде Гейнриху город сразу показался сказкой... Купцы верхом на усталых конях подъехали к тяжелым городским воротам, вслед за ними – въехала карета. Из дома Старого Шванинга доносилась музыка.

1 Купец (Гейнриху): Ну что, молодой человек – Вы готовы вступить в новую жизнь? Вам придется общаться с незнакомыми людьми, веселиться вместе с ними, участвовать в их развлечениях и, скажу по правде, не все они вам будут по душе.... Но, если Вы рождены для деятельной жизни, вам придется самому все постигать и оживлять, то есть вам придется приложить всюду самому руку, закалить дух против впечатлений нового положения, против рассеивающего влияния многих и разнообразных предметов, и Вы должны приучиться идти к цели даже под напором великих событий и умело проводить ее через них. Вы не должны уступать соблазну тихого созерцания... Душа Ваша не должна быть сосредоточенной в себе зрительницей; она должна неустанно проявляться и быть ревностной, решительной служанкой разума. Вы – Гейнрих – герой, запомните это на всю жизнь, Вы – будущий герой, и вокруг Вас теснятся события, которые требуют управления и разрешения. Все случайности станут историей под вашим влиянием, и жизнь Ваша будет непрерывной цепью замечательных и блестящих, запутанных и своеобразных событий...

Гейнрих (*прислушиваясь к музыке, доносящейся из дома Шванинга*): Я очень польщен Вашими словами, но, поверьте, никакой я не герой... Может быть, я *просто чувствую мир не так, как другие люди*... Но эта перемена случилась со мною давно, в раннем детстве... Я ведь говорил Вам о моей давней встрече с Таинственным Незнакомцем... Он оставил мне свою любовь, свой Голубой Цветок, который мне еще предстоит найти... И тогда я смогу защищать эту Родину, но не с оружием в руках, а держа перед собой чашу Голубой Лилии... Моя деятельность – созерцание, жизнь моя – медленное нарастание внутренних сил. Никакое беспокойство не влечет меня в открытую жизнь. Тихое обладание удовлетворяет меня и необозримое зрелище того, что происходит вне меня, не вызывает во мне желания принимать самому участие во всем, а кажется достаточно значительным, достаточно изумительным для того, чтобы отдать весь свой досуг созерцанию. Потребность познать смысл событий заставляет меня держаться вдали, и это предназначает меня для таинственной роли души мира, в то время как люди деятельные являются членами окружающей среды, органами ее чувства, наглядно выступающими силами ее.

Я, видимо, из рода этих людей, которых называют Поэтами, чье назначение – простая жизнь, я это понял недавно, когда встретился с прекрасной и несчастной восточной девушкой, взятой в наложницы... (*Пауза*). Если сравнивать Поэта с героем, то, пожалуй, окажется, что *песни Поэта нередко рождают героизм в молодых сердцах, но... героические поступки никогда еще ни в ком не пробуждали духа поэзии. Может поэтому, тихий Голубой Цветок лучше, чем острый клинок*... Для таких, как я... Для Поэтов... Мне кажется, мир лежит передо мною в своих меняющихся судьбах... Но я будто еще нем для него; душа мира, слово, еще не проснулось. Не раскрыло неискусные уста, чтобы претворить простое созвучие в беспредельные мелодии... Смотрит на окна Старого Шванинга, откуда доносится веселая музыка.

- 1 Купец:** Может быть, Вы и правы... Время пройдет – увидим... А теперь просто будьте счастливы тем, что Вы благополучно доехали к своему дедушке, у которого сегодня веселый пир. *(Смеется)*. Да и мы попали как раз вовремя!
- 2 Купец:** Как изумится он незванным гостям! Ему и не снится, что настоящий пир еще впереди!
- Мать Генриха:** О, боже! У меня слишком простая одежда для здешнего праздника! Что же делать? Срочно нужно послать слуг за новыми платьями!
- Слуги подходят к карете, выслушав приказания Матери Генриха, входят в дом, снова возвращаются вместе с хозяином.*
- Старый Шванинг:** Кто вы и откуда? Что нужно вам?
- Мать Гейнриха со слезами бросается ему на шею.*
- Мать Гейнриха:** Неужели вы не узнали Вашу дочь? Я привезла вам моего сына.
- Старик обнимает ее. Опустившись на колено, Гейнрих целует руку старика. Шванинг обнимает его.*
- Шванинг:** Войдемте скорее! У меня собрались все друзья и знакомые, которые разделят мою радость.
- Проходят в освещенный зал с высокими потолками.*
- Шванинг (гостям):** Вот моя дочь и мой внук из Эйзенаха!
- Нарядные, веселые люди под музыку радостно приветствуют усталых, смущенных путников, стоящих перед ними, будто на сцене, в своих пыльных неброских одеждах. Когда стихают последние аккорды, старые знакомые обступают Мать Гейнриха, Слуги приносят ей новые платья. Шванинг благодарит Купцов за заботу о дочери и внучке во время путешествия. Сердечно распрощавшись, Купцы уходят. Мать Гейнриха, Шванинг и Гейнрих поднимаются по лестнице в комнату Шванинга, чтобы почиститься и переодеться.*
- Гейнрих:** Когда мы поднимались по лестнице, я заметил одного человека... Его благородная внешность напомнила мне картины из книг... Лицо серьезное и ясное; открытый широкий лоб, большие, черные, пронизательные глаза, лукавая складка у веселого рта, мужественная фигура... Спокойная походка и движения. Он стоял и смотрел на нас, и на миг мне показалось, что он мог бы вечно стоять там, где он стоял... Дедушка, скажите, кто он?..
- Шванинг:** Я рад, что ты его сейчас же заметил. Это мой добрый друг Клингсор, он Поэт и Чародей. Его знакомством и близостью ты можешь больше гордиться, чем дружбой Короля. *(С улыбкой посмотрев на Гейнриха)*. Но как насчет твоего сердца? Оно еще не занято милым личиком? У Клингсора красивая дочь; быть может, она затмит в твоих глазах своего отца... Неужели ты ее не заметил в зале?
- Генрих (смущенно краснея):** Я не успел внимательно осмотреть гостей, милый дедушка... Общество слишком многочисленно, и я смотрел только на Вашего друга...
- Шванинг:** Видно, что ты приехал с севера... У нас ты оттаешь. Мы научим тебя замечать красивые глаза.
- Переодевшись, Гейнрих с Матерью и Старым Шванингом выходят к гостям. Шванинг подводит Гейнриха к Клингсору.*
- Шванинг (Клингсору):** Разрешите познакомить Вас с моим внуком; это Гейнрих, он провел несколько дней в путешествии по Германии.
- Клингсор:** Очень рад видеть Вас, юноша.
- Пожимает его ладонь. К Шванингу подходит юная красавица – Матильда.*
- Шванинг:** Ах, вот и милая Матильда! *(Шутливо)*. Займитесь моим робким внуком и простите ему, что он заметил Вашего отца раньше, чем вас. Блеск Ваших глаз пробудит в нем спящую юность. На его Родине весна приходит поздно.

Гейнрих и Матильда с удивлением и любопытством смотрят друг на друга.

Матильда (смущенно): Любите ли Вы танцевать?

Гейнрих кивает, раздается веселая музыка, он протягивает руку Матильде, вместе с другими парами они танцуют вальс. Клингсор приглашает на танец Мать Гейнриха.

Мать Гейнриха: Скажите, Клингсор, мой мальчик прекрасно танцует, не правда ли?

Клингсор: У Вас, милочка, многообещающий, очаровательный сын! У него привлекательное лицо. Оно свидетельствует о ясной, отзывчивой душе, и голос его звучит сердечно...

Мать Гейнриха: Я надеюсь, что он сделается Вашим учеником и многому от вас научится. Мне кажется, он рожден стать Поэтом. Да снизойдет на него Ваш дух! Он похож на своего отца, но, кажется, не так вспыльчив и не так упрям. Отец его был в молодости очень одарен, но ему недоставало широты духа. А то бы из него вышло нечто большее, чем прилежный и умелый работник.

Кружась в вихре музыки, Гейнрих, счастливый, наблюдал и радовался, как ловко, танцует его партнерша, с улыбкой глядел на ее зарумянившееся лицо, обрамленное темными кудряшками.

Гейнрих: Ваше лицо кажется мне лилией, обращенной к восходящему Солнцу, а голос ваш – точно далекое эхо...

Голубая чаша загадочного цветка снова раскрыла над головой Гейнриха свои невидимые лепестки, точно обнимая, лаская его, обволакивая тело теплым звездным нектаром. Музыка стихла. Гости расселись за столы. Гейнрих сидел рядом с Матильдой. С другого боку от него сидела подруга Матильды – Вероника. Рядом с Матерью Гейнриха сидел Клингсор.

Вероника: Ах, Гейнрих, я слышала, вы много путешествовали? Не доводилось ли Вам быть в Венгрии?

Гейнрих: Простите, нет... еще... нет...

Вероника (смеясь): Вы такой молчаливый, Гейнрих ... Когда я наблюдала за Вами в танце, то есть, когда вы танцевали с Матильдой, Вы казались мне более многословным...

Гейнрих: Возможно...

Вероника: Знаете ли, Гейнрих, я недавно ездила в Венгрию, и мне там чрезвычайно понравилось. Хотя, если сравнивать туалеты тамошних красавиц с платьями наших дам, скажу Вам, по секрету, наши дамы выглядят намного изящнее... (хохочет).

Клингсор: Ах, милая Вероника, перестаньте смущать Гейнриха... Лучше пусть он расскажет нам, откуда у него на сюртуке такая необычная лента со странными фигурами...

Вероника: Пожалуйста, расскажите... Это чрезвычайно интересно... Смею предположить, что здесь замешана женщина...

Гейнрих (смущаясь): Вы правы, Вероника... (Чуть дотрагивается ладонью до своей ленты на сюртуке)... Эта необычная лента была подарена мне одной бедной восточной пленницей...

Вероника (оживляясь): Неужели Вы встречались с настоящей пленницей?

Гейнрих: Да, сейчас она живет близ одного из окрестных Замков, ее хозяин – доблестный рыцарь, готов принять участие в новом Крестовом походе... (В отчаянии). Но, боже мой, если бы вы видели... (Смотрит на сидящих рядом с ним гостей), как несчастна эта девушка. Какой позор для ее нежной юной души – быть наложницей... Она мечтает лишь о том, чтобы вернуться на Родину, туда, где живут ее добрые родители, братья и сестры... Когда я встретил ее, мне показалось, что несчастней и благородней этой девушки нет никого на целом

свете! Сколько вынесло страданий и слез ее юное девичье сердце, я не сумею вам передать... В память о нашей встрече она подарила мне свою ленту, и я от всего сердца желаю ей счастья...

Гейнрих прервал свой рассказ, заметив слезы на лице Матильды.

Матильда (*растроганная*): Вы так трогательно рассказали об этой восточной женщине, что я заплакала... Мне тоже стало жаль ее... Я не пожелала бы быть на ее месте... Какая жестокая судьба!

Гейнрих (*с воодушевлением*): Именно так, милая Матильда! Как хотелось мне тогда помочь ей вернуться на ее цветущую Родину, о которой она так искренне, с такой любовью говорила мне... Ее Родина – далекая восточная страна, усыпанная цветами и стихами, и пергаменатами древности...

Матильда (*тихо*): Наверное, это земля красоты и любви... Но именно на этой земле и за эту, для каждого свою, обетованную землю всегда идут самые жестокие бои и совершаются самые немыслимые в истории преступления...

Гейнрих: И каждый должен решить по-своему для себя – как защитить и уберечь от разрушения эту землю...

Матильда: Гейнрих, неужели Вы хотите взять в руки меч и стать воином?

Гейнрих: Или – Цветок...

Матильда: Что это?

Вероника: А, знаете ли, Гейнрих, когда мой отец ездил в Венгрию, он всегда брал меня с собою... Нет, конечно же, не всякий раз, но довольно часто... И я бы согласилась там остаться навсегда... (*Смеется*). Больше всех городов мне нравится наш Аугсбург.

Гостям разливают вино, подают блюда.

Матильда: вам нравится это вино, Гейнрих?

Гейнрих: И угощение мне кажется необыкновенно вкусным... (*Поднимает бокал*). Будто в этом бокале сверкает дивная прелесть земной жизни... Мне сейчас так радостно, кажется, я впервые понимаю, что такое пир... Словно тысяча веселых духов резвятся вокруг стока, радуясь вместе с людьми...

Матильда: По-моему, у вас глубокий поэтический дар, Гейнрих, также, как у моего отца...

Гейнрих (*теребит ленту на сюртуке*): Да, да... радость жизни возникает передо мной точно звучащее дерево, отягченное золотыми плодами. И зла не видно... И кажется невозможным, чтобы, когда либо, людям хотелось обратиться от этого золотого дерева к опасным плодам познания, древу войны...

Несколько девушек надевают на голову Старого Шванинга венок из свежих листьев.

Шванинг (*целует девушек*): Нашему другу Клингсору принесите тоже венок; в благодарность мы оба научим вас несколькими новыми песнями... Мою песню я вам сейчас спою. (*Дает знак музыке, поет*):

Наш ли жребий да не жалок?
Нам ли бедным не роптать?
Вырастая из-под палок,
В прятки упимся играть.
Да и жаловаться тоже
Часто – упаси нас Боже!
Нет, с родительским уроком
Нам не сжиться никогда.
Жаждем мы учиться соком
Запрещенного плода.
Милый мальчиков так сладко
К сердцу прижимать украдкой!

Как? И мысли даже грешны?
И на мысли есть налог?
У малютки безутешной
Даже грезы отнял рок?
Нет, вам цели не достигнуть
И из сердца грез не выгнать.
За молитвою вечерней
Мы боимся пустоты.
Все страстнее, все безумней
И тоскливее мечты.
Ах, легко ль сопротивляться?
И не слаще ль вдруг отдаться!
Мать дает нам предписание
Прятать прелести – но вот,
Не поможет и желанье, –
Сами просятся вперед!
От тоски, от страстной жажды
Узел разорвется каждый.
Быть глухой ко всяким ласкам,
Каменной и ледяной,
Не мигнуть красивым глазкам,
Быть прилежной, быть одной!
Отвечать на вздох презреньем! –
Это ль не назвать мученьем?
Отняли у нас отраду,
Мука девушку гнетет,
И ее за все в награду
Поцелует блеклый рот.
Век блаженный, возвращайся
Царство стариков, кончайся!

Гости смеются, аплодируют. Девушки приносят второй венок и надевают его на голову Клингсора.

Девушки: Спойте и Вы нам!

Клингсор: О чем же?

Девушки: Не менее легкомысленную песню!

Клингсор: Конечно, я ни за что не решусь дерзостно говорить о Ваших тайнах...
Скажите сами, какую песню вы хотите.

Девушки: Только не про любовь! Лучше всего – застольную, если можно!

Клингсор (*поет*):

Где блещет зелень по вершинам,
Там чудотворный бог рожден.
Его избрало Солнце сыном,
Он пламенем его пронзен.
Зачатый радостью и маем
В нежнейших недрах он затих.
Когда плоды мы собираем,
Он, новорожденный, меж них.
И в колыбели заповедной,
В подземном, трепетном ядре,
Во сне он видит пир победный
И замки в легком серебре.
Не подойдет никто к затворам,
Где он кипит, и юн, и дик,
Под молодым его напором

Оковы разорвутся в миг.
И много стражей сокровенных
Лелеют детище свое,
И всех, кто до дверей священных
Дотронется, пронзит копье.
Свои сияющие вежды,
Как крылья, он, раскрыть готов,
Исполнить пастырей надежды,
И выйти на умильный зов.
Из колыбели – в свет и росы
В хрустальной ткани и в венке;
И символ единенья – розы
Качаются в его руке.
И вокруг него повсюду в сборе
Все, в ком кипит живая кровь,
К нему летят в веселом хоре
И благодарность, и любовь.
И брызжет жизнью, как лучами,
Он в мир оцепенелый наш,
И медленными пьет глотками
Любовь из заповедных чаш.
И чтоб железный век расплавить,
Поэту он вручает власть,
Кто в пьяных песнях будет славить
Его веселье, смех и страсть.
Он право на уста прекрасной
В награду предал певцам.
Так знайте все, что вы не властны
Противиться его устам.

Девушки (*с восторгом*): Прекрасный поэт! Пророк! Чародей! Вы просто Король Древней Атлантиды! (*Целуют его*).

Услышав слова о Древней Атлантиде, Гейнрих вздрагивает.

Вероника (*Гейнриху*): Правда, хорошо быть Поэтом! Сколько внимания, ласки, сколько поклонниц!

Гейнрих (*растерянно*): О, да! Несомненно!

Вероника хохочет, убегает. Гейнрих смотрит на Мать, она ему кажется подавленной и печальной.

Матильда: Гейнрих, Вы не играете на гитаре?

Гейнрих: Нет... А Вы?

Матильда: Отец научил меня...

Гейнрих (*рассеянно*): Ах, как бы я хотел поучиться у Вас игре на гитаре... Я уже давно питаю это желание.

Матильда: Мой отец играет с неподражаемым совершенством.

Гейнрих: А я все-таки полагаю, что скорее бы научился у Вас. Мне так хочется услышать Ваше пение.

Матильда: Спасибо, но я знаю мало песен....

Гейнрих: Одна Ваша речь – уже пение, и вид Ваш возвещает Небесную музыку!

Матильда краснеет.

Клингсор (*подходит к Гейнриху*): Сегодня Вы, Гейнрих, рассказывали о восточной женщине с таким необычайным воодушевлением... Я сидел рядом, изумляясь разговорчивости вашей и образности речи.

Гейнрих: Спасибо, дорогой Клингсор! Вы – настоящий Поэт, я слышал, Вас называли Королем Атлантиды... Я хотел быть похожим на Вас...

К Клингсору подбегают Девушки, уводят его, взяв под руки, танцуют. Гейнрих в нерешительности дотрагивается до руки Матильды, целует. Она неожиданно отвечает быстрым поцелуем.

Гейнрих: Милая Матильда!

Матильда: Милый Гейнрих! *(Убегает в смущении).*

К Гейнриху подходит Мать. Гейнрих замечает слезы на ее глазах.

Мать Гейнриха: Правда, хорошо, что мы поехали в Аугсбург? Тебе ведь здесь, кажется, нравится?

Гейнрих *(счастливый):* Мамочка, таким я все же не представлял себе Аугсбург. Тут дивно хорошо. *(Целует ее).* Но чем ты расстроена?

Мать Гейнриха *(торопливо):* Нет, нет... Однако, уже ночь, гости расходятся, и нам пора... *(Берет Гейнриха под руку, простившись с гостями, поднимается вверх по лестнице, в свою комнату).*

Глава 8. Матильда.

В открытом окне сквозь ночь плыли звезды, раскачивая Небо над головой Гейнриха, будто песок на морском дне.

Гейнрих *(зажмуривается):* О, боже мой! Сколько звезд! Больше, чем песчинок на берегу! *(Бледно-желтая Луна освещала его профиль).* Луна, золотая Луна! Сегодня первое и единственное празднество в моей жизни!

Тихо прохаживается по комнате, смотрит на спящую мать, снова подходит к окну.

В его взъерошенных волосах блестит серебристая лунная дорожка невидимым звоном.

Гейнрих: У меня такое же чувство в душе, как при виде Голубого Цветка во сне... Таинственный Незнакомец предсказал мне, что я стану Поэтом и буду чувствовать мир не так, как другие люди... *(Вздыхает, волнуясь).* Дорогие мои звездочки! Скажите, какая судьба уготовлена мне, где ждет меня земля, о которой я слышал во сне, земля, полная цветущей надежды, любви, земля, на которой, там, в Безвременье, уже идет кровопролитная война, земля, на которой там, в Безвременье, растут Голубые Цветы и живут Поэты... Земля, которую я должен когда-нибудь спасти...

Прислушивается к глубокой ночной тишине, ветер тербит листву и рассыпает лунные искры по деревьям, цветам и траве. И вот, будто из глубины Безвременья, из глубины Неба, выплывает, спрятанное под тонкой нежной вуалью, нежное, чуть печальное девичье лицо...

Гейнрих *(шепчет):* Матильда, моя Матильда, какая ты красивая... Когда я смотрю на тебя, у меня в душе появляется такое же чувство, как при виде Голубого Цветка во сне. *(Смеется).* Что за странная связь между Матильдой и этим цветком? То лицо, которое склонялось ко мне из чашечки цветка, было небесное лицо Матильды, и теперь я вспоминаю, что видел ее лицо в детстве, в книге, которую мне читала мама... *(Вздыхает весенний ветер).* Или — во — сне?.. О, она воплощенный дух песни, достойная дочь своего отца. Она претворит мою жизнь в музыку, сделается моей душой, хранительницей моего священного пламени. Какую вековую верность чувствую я в себе! Я рожден лишь для того, чтобы поклоняться ей, вечно ей служить, чтобы думать о ней и ощущать ее. Нужна целая нераздельная жизнь для созерцания и поклонения ей. И неужели я тот счастливец, чья душа дерзает быть отзвуком ее души? Не случайно я встретил ее в конце моего путешествия и не случайно блаженное празднество отметило

величайшее мгновение моей жизни. Иначе и быть не могло: ее близость превращает все в праздник...

Ночное Небо, сплошь усыпанное звездами, кажется сейчас Гейнриху опрокинутой чашей огромного сиреневого тюльпана, внутри которого, словно маленькие тычинки, растут, тянутся к земле лучистые звезды...

Гейнрих (вслушивается в едва слышное журчание звезд): Вас, вечные звезды, тихие путники, вас призываю в свидетели моей клятвы. Я буду жить для Матильды, и вечная верность сплотит мое сердце с ее сердцем. И для меня наступает утро вечного дня...

Ночной сиреневый сумрак постепенно рассеивается, бледнеет, грустно улыбаясь, тает в тишине, прозрачный Месяц, утренний свет собирает тихие звезды в единый блестящий сверкающий клубок, прячет в глубине Неба. – Тюльпана – Безвременья.

Генрих: И для меня наступает утро вечного дня. Ночь миновала. Я возжигаю себя самого, как неугасимую жертву восходящему Солнцу.

Будто Огненный Цветок раскрывается в сердце Генриха, он прижимает руки к груди, в которой отчаянно бьется, готовое вот-вот выпрыгнуть, вылететь на руку, его горячее юношеское сердце.

Гейнрих: Милая Матильда! (Протягивает сверкающий звездный клубок). Возьми эту лучистую Солнечную пряжу, и будто древняя Мойра, сотки нашу жизнь... Пусть будет похожа она на прекрасный Голубой Цветок...

Он закрыл глаза...

Среди зеленой равнины струился голубой поток. На волнах тихо качалась лодка, в ней стояла Матильда и пела:

Безмятежней луны никогда не всходило!
И нежна, и безмолвна вечерняя лира,
Что сквозным дуновеньем сизые тени,
Созывает и вводит в деревьев плетенье.
И Луна в ожерелье выплывает как Ирис,
Сновиденья одели бледный облака вырез¹...

Глаза девушки были полны грусти и очарования. В их глубине пели светлые кувишки...

– Какая ты красивая, – прошептал Гейнрих и заметил и вдруг заметил, как лодка стала переворачиваться. От страха Гейнрих закричал и бросился в холодные воды. Безвременья. Он видел, как лодка, в которой стояла девушка, держа золотое весло, почти до края покрылась водой.

По-прежнему тихий, неуловимый, бесконечный водоворот событий, раскачивал корму, но девушка по-прежнему пела, глядя ему в лицо и тихо, безмятежно улыбалась.

– Матильда, – тихо, почти беззвучно проговорил он и лишился чувств. Когда он очнулся, под ним была твердая почва, между пальцами пересыпались песчинки, как бесконечные крохотные звездочки...

Разбитые звезды, – почему-то подумал Гейнрих. – Где же я?

Он попытался встать на ноги. Увидел журчащий чистым колокольчиком небольшой ручей. Потянулся, сложил пересохшие губы. Сделал несколько шагов по берегу. Со всех сторон к нему склонялись цветы и деревья, все говорило с ним на языке Ветра, только стоило прислушаться.

Издали доносились знакомые слова девичьей песни:

И Луна в ожерелье выплывает как Ирис,
Сновиденья одели бледный облака вырез...

¹ стих Галактиона Табидзе

Гейнрих вострепнулся от радости и с птичьим сердцем побежал, полетел навстречу знакомой песне. Матильда обняла его.

Матильда: Милый Гейнрих, почему ты убежал от меня? Я не могла нагнать тебя.

Он плакал от нежности и любви, целовал ее нежные ладони, лицо, пахнущее ветром и цветами.

Гейнрих *(со слезами)*: Где поток? Разве ты не видишь его синие волны над нами?

Голубой поток, будто опрокинутая чаша Цветка, плыл над миром.

Гейнрих: Где мы, милая **Матильда**?

Матильда: У наших родителей.

Гейнрих *(смеясь)*: Наверное, наши родители были звездными эльфами?

Матильда: Очень похожими на Купидона!..

Смеется.

Гейнрих: Останемся ли мы вместе?

Матильда: Вечно.

Обнимает его. Лепестки Голубого Цветка покрывают его плечи, лицо, волосы, словно защищая от яркого утреннего Света. Она сказала ему что-то, наверное, очень важное, но он не расслышал, над его головой отчетливо и громко прозвучали слова дедушки, старого Шванинга.

Гейнрих *(сквозь сон)*: Ах, я готов был бы отдать свою жизнь за то, чтобы еще раз услышать это слово...

Глава 9 **Утро.**

Золотые утренние лучи щекали песком щеки и глаза Гейнриха. Он пошевелился, огляделся вокруг – увидел дедушку. Рядом со Шванингом стоял Клингсор. Гейнрих быстро простился со сном, порывисто обнял Клингсора.

Шванинг *(с улыбкой)*: Это относится не к вам, добрый Клингсор.

Мать Гейнриха *(поцеловала его в щеку)*: Доброе утро, мой мальчик...

Клингсор: Хотите позавтракать со мной за городом, на красивом пригорке? Дивное утро освежит Вас. Одевайтесь. Матильда уже ждет.

Услышав милое сердцу имя, Гейнрих вскочил, рассмеялся навстречу Солнцу... В одну минуту он был одет и собран.

Утро. Аугсбург. Уроки поэзии.

Гейнрих *(Клингсору)*: Я благодарен Вам за приглашение и с радостью принимаю его.

Перекинув корзиночку со сложенным в нее завтраком, из одной руки в другую, держа за локоть Гейнриха, Матильда с улыбкой предложила:

Матильда: Если не возражаете, пройдем через город к маленькому холму у реки, там, под высокими деревьями, открывается широкий вид вдаль...

Минуя городские улицы, проскользнув через пеструю толпу, будто по быстрой журчащей реке, они через несколько минут были уже среди пышно-зеленых холмов. Отсюда можно было наслаждаться тишиной, цветами и ветром...

Гейнрих *(Матильде)*: Вы сегодня так просто и легко одеты... Вам очень к лицу это платье!

Матильда: Спасибо. Я очень люблю цветы и стараюсь, чтобы в моей одежде непременно присутствовал цветочный орнамент...

Быстро спорхнув с холма, словно птица, Гейнрих собрал букет розовых фиалок и протянул Матильде.

Матильда: Вы настоящий Поэт, Гейнрих, и Вы, пожалуй, по-настоящему любите весну...

Гейнрих: Я уже часто наслаждался видом пестрой природы и мирной близостью ее многообразных владений: но дело не в этом... Такой творческой и полной радости, как теперь, как вчера, как нынче ночью, я никогда еще не переживал. Внутренняя поэтическая даль близка моей душе, и одновременно пышный пейзаж кажется мне моим собственным внутренним видением. Как изменчива природа, хотя поверхность земли кажется неизменной!.. До чего она становится другой, когда подле нас какой-либо дух, или обычный несчастный жалуется на свою судьбу, или простой поселянин рассказывает, как неблагоприятна для него погода и как ему нужны для посева хмурые, дождливые дни...

В таком состоянии души, в каком я пребываю теперь, все встречи, все слова, все люди с их безумием и печалью, обретают новый смысл... От всего, что вокруг, сердце испытывает наслаждение...

(Клингсору): Вам, прежде всего Вам, дорогой Учитель, Поэт, я обязан этим состоянием моего сердца...

Радость, удовольствие и восторг – только части наслаждения, которое объединяет их с высшей жизнью.

Он прижимает руку Матильды к сердцу и целует ее.

Клингсор: Природа – то же для нашей души, что тело для света. Тело удерживает свет, преломляет его в своеобразные краски; он зажигает вне или внутри себя свет, который, если он равен темноте тела, делает это тело ясным и прозрачным; если же он превосходит темноту тела, то выходит из него, чтобы осветить другие тела. Но даже самое темное тело можно сделать светлым и блестящим через посредство воды, огня и воздуха.

Гейнрих *(с радостью):* О, да! Я Вас понимаю, милый Учитель! Люди – кристаллы для нашей души. Они – прозрачная природа. Милая Матильда, Вас хотел бы я назвать дивным, чистым сапфиром. Вы ясны и прозрачны, как Небо, как вы светитесь мягким светом. Но скажите, милый Учитель: мне кажется, что именно тогда, когда яснее всего сближаешься с природой, менее всего можешь и хочешь о ней говорить...

Матильда *(усаживаясь на пригорке среди цветов):* Я приглашаю Вас к завтраку!

Гейнрих и Клингсор садятся рядом с ней, завтракают.

Клингсор *(улыбается):* Хочешь или нет говорить о природе – приблизившись к ней сердцем и сроднившись с ней – это зависит от взгляда. Природа – иное для нашей радости и для нашей души, чем то, что она для нашего разума, для руководящей власти наших мировых сил. Нужно, прежде всего, не забывать одно из-за другого. Многие знают только одну сторону и пренебрегают другой. Но можно соединить их, и это поведет к благу. Жаль, что лишь немногие думают о том, чтобы свободно и умело разобраться в своем внутреннем мире и умелым разделением обеспечить себе самое целесообразное и естественное пользование своими душевными силами. Обыкновенно одно мешает другому, и, таким образом, постепенно возникает беспомощная вялость. Когда такие люди хотят выступить во всеоружии всех сил, то начинается страшное смятение и спор, и все неумело валится одно на другое. Я настойчиво предлагаю вам усердно и старательно развивать Ваш разум, Ваше естественное влечение, знать, как все происходит и по каким законам связывается одно с другим. Нет ничего более необходимого Поэту, чем понимание сущности всякого дела, ознакомление со

средствами достижения каждой цели и умение выбирать самое подходящее по времени и обстоятельствам.

Воодушевление без разума бесполезно и опасно, и Поэт не в силах будет никого поражать, если сам будет всем поражаться.

Гейнрих (*с жаром*): Но разве не необходима Поэту внутренняя вера в способность человека управлять судьбой?

Клингсор: Конечно, необходима, потому что он не может иначе представить себе судьбу, если достаточно об этом поразмыслить; но как далека эта радостная уверенность от тревожной неуверенности, от слепого страха современных людей.

Искренняя душа подобна свету, столь же спокойна и чутка, столь же гибка и проникновенна, столь же властна и столь же незаметна, могущественна, как дивная стихия, которая распределяется равномерно на все предметы и проявляет их в дивном многообразии...

Гейнрих: Когда-то я также почувствовал, что в самые глубокие минуты менее оживлен, чем в другое время, мог спокойно ходить и охотно предавался всем занятиям... Тогда меня пронизывало острое духовное сознание, и я мог, как угодно пользоваться каждым чувством, переворачивать каждую мысль, как настоящее тело, рассматривая ее со всех сторон. Я с молчаливым интересом стоял в мастерской моего отца и радовался, когда мог в чем-нибудь помочь ему или что-нибудь смастерить...

Клингсор (*строго, ломая в ладонях сухую ветку*): Не думайте, Гейнрих, что я порицаю это чувство, но оно должно явиться само собой, и его не нужно искать... Нужно, как можно скорее, вырваться из сладкого озарения, которое остается после него, и вернуться к правильному и напряженному труду... (*Помолчав*). Поэзия требует, чтобы к ней относились, как к строгому искусству... Если Вы, конечно, хотите стать настоящим Поэтом. Если Вы захотите довериться мне, не пройдет и дня, как Вы приобретете много полезных сведений... Город богат художниками всякого рода. Есть среди них и несколько опытных государственных деятелей, несколько образованных Купцов...

Можно легко познакомиться со всеми условиями и требованиями общественной жизни.... Или же вы решили избрать путь Рыцаря? Я слышал о вас похвальные слова... Признайтесь мне, **Гейнрих**...

Смеется. Гейнрих молчит.

Что ж, если вы хотите стать Поэтом, я с радостью преподам вам ремесленную сторону нашего искусства, и мы будем читать с Вами самые замечательные произведения...

Гейнрих смотрит на Клингсора и замечает странную улыбку, пробегающую по его лицу. В его ушах вдруг отчетливо звучит далекий незнакомый гул, напоминающий горное эхо... «Это звук из моего детского сна», вспоминает Гейнрих, прислушиваясь к выстрелам... «Я бы назвал его эхом войны...» Перед глазами юноши вновь встают образы неведомых крестовых походов, лица рыцарей, обращенных к Гробу Господню, который непременно виделся Гейнриху в виде огромного серого камня, стоящего в межзвездном пространстве, а рядом – плачущие девушки – одну из них он знал по имени...

«Зулейма», – позвал Гейнрих. Она будто не узнала его, она сидела рядом с камнем и плакала. Маленькая девочка с лютней в руках утирала ее слезы...

Нет, нет, это – просто – Клингсор сидел рядом с ним на траве и, ломая сухую ветвь, он улыбался, щурясь от яркого дневного света, точно толстая мышь, выбравшаяся из чулана.

Клингсор: Вы можете брать уроки вместе с **Матильдой**, и она охотно будет учить Вас играть на гитаре...

Каждое занятие будет подготовкою для других; если Вы хорошо распределите часы дня, то разговоры и радости вечеров, проведенных в обществе, и виды прекрасных местностей, будут доставлять Вам каждый раз светлые наслаждения.

Гейнрих *(стараясь быть как можно спокойней)*: О, какую дивную жизнь Вы передо мной открываете, дорогой Учитель! Только под Вашим руководством я пойму, какая у меня впереди благородная цель! Нет сомнения, что только внимая Вашим советам, я могу надеяться достигнуть ее.

Матильда приносит свежесорванные цветы, Гейнрих целует ее. Она передает ему розу, которую носила на груди. Гейнрих прикалывает розу к своей рубашке.

Клингсор *(резко)*: Откуда вы приехали, **Гейнрих**? Вы разговариваете не вежливо – насмешливо...

Гейнрих: Мы спустились с того холма... Там, вдали теряется наш путь...

Смеется.

Клингсор: Не дерзите мне, юноша. Вы мне очень симпатичны... Я не понимаю, что в моих словах могло вызвать в Вас...

Гейнрих *(перебивая его)*: А мне показалось недавно, что Вы не прочь просто поухаживать за моей мамой... И у Вас это неплохо получалось...

Клингсор *(с удивлением смотрит на Гейнриха)*: Мне действительно, всегда приятно общество Вашей уважаемой мамы, Гейнрих... С ней рядом я чувствую себя уверенней, и... *(улыбается)* моложе, даже талантливей!

Гейнрих: А в обществе остальных женщин и девушек, награждающих Вас поцелуями за Ваши удавшиеся и неудавшиеся стихи?!

Клингсор хохочет.

Клингсор: О, да Вы – ревнивец, мой мальчик! *(Обнимает его)*. Право, я не мог даже предположить, насколько Вы еще юный... *(Помолчав)*. Спасибо доброму случаю и Вашей уважаемой маме... Благодаря Вашему сегодняшнему порыву, я решил для себя очень важную проблему, касающуюся дальнейшей судьбы моей дочери Матильды... *(дочери)*: Матильда, что ты скажешь нам?

Матильда, улыбаясь, собирает в корзину остатки завтрака.

Матильда, ты хочешь быть неразлучной спутницей Гейнриха? Я доверяю ему твою судьбу. Там, где будешь ты, останусь и я...

Матильда *(обняв отца)*: Разве он захочет быть моим вечным спутником, милый отец?

Клингсор *(растроганно)*: Спроси его сама!

Гейнрих *(со слезами в голосе)*: Моя вечность – твоё создание. *(Обнимает Матильду)*.

Стая птиц проносится под деревьями, Небо затемняют грозовые облака. Вместе с первыми раскатами весеннего грома на землю падают крупные капли дождя.

Глава 10.

О любви...

В комнате Клингсора. Гейнрих разглядывает покрытые пылью тома старинных книг, аккуратно выставленные на полках. За окном хлещет дождь. Мать Гейнриха, Клингсор, Матильда и Шванинг пьют чай.

Клингсор *(подходит к Гейнриху)*: Не знаю, почему считают, что признавать природу поэтом значит творить поэзию. Природа не всегда проявляет свой поэтический дар. В ней, как и в человеке, есть противоположное начало, слепое вожделение, тупое бесстрашие и вялость, ведущее неустанный спор с поэзией. Эта мощная борьба могла бы быть прекрасным сюжетом для поэмы. Некоторые страны и

времена, как и большинство людей, по-видимому, совершенно во власти этого врага поэзии; в других же, напротив того, поэзия жива и проявляется во всем. Для историка, периоды этой борьбы в высшей степени интересны, а изображение их – приятное и благородное дело... В такие времена и рождаются обыкновенно поэты.

Противной стороне неприятнее всего, что она, противопоставляя себя поэзии, сама становится поэтичной, и нередко в пылу обменивается с нею оружием, так что ее ранят ее собственные коварные стрелы, а раны поэзии, причиненные ей собственным оружием, легко заживают и делают ее еще более очаровательной и сильной...

Гейнрих: Вообще, война, как мне кажется, возникает всегда из поэтических побуждений. Люди думают, что должны сражаться ради какого-то жалкого состояния, и не замечают, что ими управляет романтический дух, стремящийся уничтожить ненужное зло им же самим. Они сражаются во имя поэзии, и оба войска следуют за невидимыми знаменами.

Клингсор: В войне сказывается движение первобытных сил... Должны возникнуть новые части света, из великого разложения должны вырасти новые поколения. Истинная война – война религиозная, она ведет прямо к гибели, и безумие людей проявляется во всей своей полноте. Многие войны, в особенности те, которые вызваны национальной враждой, относятся к тому же разряду. Это настоящие поэмы...

Гейнрих (*вздвигнув*): Что Вы хотите этим сказать, милый отец?

Клингсор: Я хочу сказать, что поэзия всецело основывается на опыте... Я сам же это теперь знаю... В молодые годы, подобно Вам, Гейнрих, я охотно отстаивал самое далекое и незнакомое...

Гейнрих (*неуверенно*): Вы имеете в виду мой Голубой цветок, мою мечту..? Вам не дано растоптать ее!

Клингсор: Увы, мой юный друг, не обижайтесь... Я пережил когда-то нечто подобное. Что же из этой мечты выходило? Пустая, жалкая шумиха слов, без искры истинной поэзии...

Гейнрих: Но только поэт способен поверить в Сказку и словами, простым ритмом, мелодией воссоздать ее на бумаге... Интуитивное осмысление жизни – это путь поэта. И самое лучшее, что я слышал от вас, Клингсор, это Ваши сказки... В них есть вера в жизнь и в будущее, они лишены пессимизма, и, если хотите, зла... (*Пауза*). Простите, Клингсор... Но... (*Смеется*). Конца Света не будет.

У меня есть своя, сказка о цветке, еще не сложенная, не спетая, не сбывшаяся, но я верю в ее реальность... В ней живет мой бог, если хотите...

Который движется и растет,
Который есть величайшая высота,
Он – статичен и динамичен,
Он нигде и везде.
Он означает самопревосхождение,
Постоянное Самопревосхождение ¹,

Смеется.

Поэтому я верю, Клингсор, конца Света не будет! Будет Сердце Любви – и начало, всякий раз – начало Жизни!

Я бы отдал все сокровища в мире, чтобы хоть еще раз встретиться со своим таинственным Незнакомцем и спасти неведомую мне страну по имени... Ирис...

Клингсор (*резко*): Нет, Гейнрих, эта страна носит название древней Колхиды... Ирис – всего лишь образ, Символ (*подумав*). Впрочем, как и все сущее на земле... Как и

¹ Цитата из книги Шри Чинмоя «Сознание».

Вы, и я... Все пройдет, Гейнрих, я не такой оптимист, как Вы, и я, увы, верю в Апокалипсис! И я могу это доказать!

Гейнрих *(не слушая его)*: Колхида?.. *(Прислушивается только к шепоту волн в своем сердце...)*. Да, возможно, я слышал это слово... Значит, я должен найти эту землю...

Клингсор: На этой земле в свое время возникло величайшее искусство и великая цивилизация...

Матильда *(подбегает к Гейнриху, целует его)*: Я слышала, о чем вы говорили... О Древней Греции, ведь так? Или о Гробе Господнем? *(Хлопает в ладоши)*. Я очень люблю греческую поэзию! *(Берет с полки книгу, читает вслух)*.

«Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос,
Ложе покинул тогда и возлюбленный сын Одиссеев,
Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил,
После подошвы красивые к светлым ногам привязавши,
Вышел из спальни, лицом лучезарному богу подобный,
Звонкоголосых глашатаев царских созвав, повелел он,
Кликнуть им клич, чтоб на помощь собрать
густовласых ахейн»¹.

– *(Клингсору)*: Отец, если я попросила бы тебя исполнить одно мое самое сокровенное желание, ты бы мог заранее сказать «да»? *(Смеется)*.

Клингсор: Я догадываюсь, о чем ты хочешь попросить меня...

Матильда: О чем же?

Клингсор: Ты хочешь, чтобы я воспользовался своим даром пророка Древности и Короля Атлантиды, и правом Поэта, умеющего обращать вспять реки и укрощать диких зверей, чтобы я перенес тебя в прошлое, в мир одной из древних цивилизаций...

Матильда *(хлопая в ладоши)*: О, пожалуй ты угадал, отец! Перенеси нас в Будущее! Только в Будущее! Только в Сказку! В твою Сказку! Отец, ты это можешь, я знаю... Ты – настоящий Волшебник! Я помню, как ты читал мне и мы мысленно путешествовали с тобой во времена Древнего Китая и Японии! Какие чудесные поэтические образы являлись нам!!!

Клингсор: Хорошо, я исполню твое желание, Матильда, сегодня твой день... Мы отправимся и в Прошлое, и в Будущее...

Матильда: Браво!

Клингсор: Сегодня ты принимаешь самое серьезное решение в своей жизни, ты решаешься выйти замуж...

Гейнрих и Матильда целуют руку Клингсору.

Клингсор: Может быть, ты, Гейнрих, прав, в молодости я был таким же, как ты...

Гейнрих: Мой сильнейший, душевный порыв, нашедший позднее воплощение в стихах, чуть было однажды не заставил меня взять в руки оружие и сделаться Рыцарем...

Клингсор *(с издевкой)*: О, это было бы твоей большой оплошностью, ты – сама любовь и незащитность... *(Вздыхнув)*. И в этом твоя сила и твое мужество, Гейнрих. Это и есть твой Голубой Ирис...

На несколько секунд он вышел из комнаты. Мать Гейнриха и Шванинг по-прежнему сидят за столом. Гейнрих и Матильда подходят к окну в глубине комнаты, прислушиваются к шуму дождя.

Гейнрих *(взволнованно)*: Матильда, мне кажется сном, что ты моя; но еще более изумляет меня, что ты не была всегда моей.

Матильда: Мне кажется, что я знаю тебя с незапамятных времен.

¹ Гомер «Одиссея»...

Гейнрих: Неужели, ты действительно меня любишь?

Матильда: Я не знаю, что такое любовь, но одно могу тебе сказать: у меня такое чувство, точно я только теперь стала жить, и я так привязана к тебе, что хотела бы отдать за тебя жизнь.

Гейнрих: Дорогая Матильда, только теперь я понимаю, что значит быть бессмертным!

Матильда: Милый Гейнрих, как ты бесконечно добр! Какой дивный дух говорит твоими устами! Я бедная, незначительная девушка...

Гейнрих: Как глубоко ты меня пристыдила! Ведь то, что есть во мне, исходит от тебя. Без тебя я бы стал ничем. Дух без Неба ничто, а ты – Небо, которое меня держит и охраняет.

Матильда: Каким бы я была блаженным существом, если бы ты был такой же верный, как мой отец... Моя мать умерла вскоре после моего рождения. Отец мой до сих пор каждый день плачет о ней...

Гейнрих: Что ж, это очень похвально с его стороны... Я этого не заслуживаю, но я хотел бы быть счастливее его! *(Пауза)*.

Матильда *(с нежностью)*: Я хотела бы жить подле тебя, милый Гейнрих. Я, наверное, сделаюсь гораздо лучше, благодаря тебе.

Гейнрих обнимает ее.

Гейнрих: Ах, Матильда! Даже смерть не разлучит нас!

Матильда: Нет, Гейнрих, где буду я, будешь и ты.

Гейнрих: Да, где будешь ты, Матильда, буду вечно и я!

Смеются.

Матильда: Я не понимаю ничего сложного, не понимаю слов отца о конце света, не понимаю вечности, но мне кажется, что вечность – это то, что я испытываю, когда думаю о тебе.

Меняется освещение комнаты. Гаснет свет. На окнах и на столе загораются свечи. Звучит музыка.

Генрих: Да, Матильда, мы вечны, потому что мы любим друг друга.

Матильда: Ты не поверишь, милый, с каким глубоким чувством я сегодня утром, когда ты вернулся домой, опустилась на колени перед образом Небесной Матери и как несказанно молилась ей. Я точно изливала слезы. Мне показалось, что она улыбнулась мне. Теперь только я знаю, что такое благодарность.

Гейнрих: О, возлюбленная, Небо дало мне тебя для поклонения. Я молюсь тебе. Ты святая, ты возносишь мои желания к богу; в тебе он является мне, в тебе он показывает мне всю полноту своей любви. Что такое религия, если не беспредельное согласие, не вечное единение любящих сердец? Я буду вечно дышать тобой, грудь моя никогда не перестанет вдыхать тебя. Ты – божественное величие, вечная жизнь в очаровательнейшем образе...

Матильда: Ах, Гейнрих, ты знаешь судьбу роз... *(с грустью)*. Будешь ли ты целовать поблекшие уста и бледные щеки с прежней нежностью? Не сделаются ли следы старости следами минувшей любви?

Гейнрих: О, если бы ты могла взглянуть моими глазами в мою душу! Но ты любишь меня, и, значит, веришь мне. Я не понимаю, как можно говорить о бренности красоты. Она неувядаема. То, что меня так неразрывно влечет к тебе, что разбудило во мне вечное стремление к тебе, то не во времени. Если бы ты могла видеть, какой ты мне кажешься, какой дивный образ проникает сквозь тебя и светится мне отовсюду, ты бы не боялась старости. Твой земной образ лишь тень того очарования. Земные силы стремятся сохранить его, но природа еще не совершенна. Тот образ – вечный прообраз, частица неведомого святого мира.

Матильда: Я понимаю тебя, милый Гейнрих, я тоже вижу нечто подобное, когда гляжу на тебя.

Гейнрих: Да, Матильда, Высший мир ближе к нам, чем мы обыкновенно думаем. Мы уже здесь живем в нем и видим его тесно переплетенным с земной природой.

Матильда: Когда мы отправимся с Клингсором в Прошлое, и в Будущее, мы обязательно найдем и спасем твою древнюю Колхиду, землю Голубого Цветка, землю твоей души – родины Поэтов и колыбель Любви, ты еще откроешь для себя и для меня много дивного, любимый мой.

Звучит музыка.

Гейнрих: О, Матильда, только от тебя я получил, как и твой отец, дар Поэта и Прорицателя... Да, да. Я это чувствую с детства, с той поры, как Лунная тень упала на мою постель сквозь распахнутое окно весеннего Сада. С тех пор, как я слышал скорбную песню о древней земле... будто тихий плач... И я понял теперь, что *настоящий Поэт – это Провидец. Он Символ эпохи и его душа – Небесные Ворота...*

И потом я нашел тебя, твое лицо, будто чаша Цветка... Все, что у меня есть – твое, твоя любовь меня поведет меня в святилища жизни, в святую святых духа; ты вдохновишь меня на самые великие мысли. Как знать, не претворится ли наша любовь в пламенные крылья, которые поднимут нас и понесут на Небесную Родину, прежде, чем смерть настигнет нас.

Разве не чудо то, что ты моя, и я держу тебя в моих объятьях, что ты меня любишь и хочешь быть навеки моей?

Матильда: И мне теперь все кажется возможным, и я чувствую тебя отчетливо, как во мне горит тихий огонь; как знать, может быть, он преобразит нас и разобьет земные оковы. Скажи мне только, Гейнрих, питаешь ли ты ко мне такое же бесконечное доверие, как я к тебе? *(Смеется)*. Я никогда еще не испытывала ничего подобного, не питала такого чувства даже к моему отцу, хотя я его бесконечно люблю...

Дождь барабанит по стеклу, Мать Гейнриха и Шванинг о чем-то тихо беседуют за столом. Их голоса сливаются с шумом дождя и кажутся похожими на воркование птиц, укрывшихся в ночи от ветра, сырости и холода.

Гейнрих *(целует руку Матильды)*: Милая Матильда! Я истинно страдаю, что не могу сказать тебе сразу все, что не могу отдать тебе своего сердца. Я в первый раз в жизни говорю с полной откровенностью. Никакой мысли, никакого чувства я от тебя больше не могу утаить. Ты должна все знать. Все мое существо должно слиться с твоим. Только самая безграничная преданность может удовлетворить моей любви; ведь в преданности любовь и состоит. Она таинственная гармония нашей самой таинственной сущности.

Матильда *(с улыбкой)*: Гейнрих, так двое людей никогда еще не любили друг друга!

Гейнрих: Я в этом уверен. Ведь прежде еще не было никогда Матильды.

Матильда: Не было и Гейнриха.

Гейнрих *(счастливо)*: Ах, поклянись еще раз, что ты моя навеки! Любовь – бесконечное повторение.

Матильда распахивает окно. В комнату вместе с ветром влетают прохладные капли ночного дождя. Матильда ловит на ладонь несколько брызг, умывает лицо, плещет в лицо Гейнриху, улыбается.

Матильда: Да, Гейнрих, я клянусь быть вечно твоей, клянусь... *(подумав)* невидимым присутствием моей матери.

Гейнрих: Я клянусь быть вечно твоим, Матильда, клянусь тем, что любовь – знак того, что с нами Господь.

Целует ее. Бледный Лунный свет пробивается сквозь дождевые тучи.

Матильда *(глядя на Месяц, тихо)*: Это ... будто Царство моего отца, Царство Короля Арктура, и мое Царство, и Царство Принцессы Фреи, заколдованное Царство, где

вечно томится Принцесса без Мира и Свободы, и вечно ждет своего жениха, как я ждала тебя, Гейнрих...

К распаханному окну тихо подходит Клингсор.

Клингсор: Где несчастный и могущественный Король Арктур вечно ждет свою жену Софию. «Высшую мудрость, которая оставила его ради того, чтобы сделаться жрицей у Алтаря Мудрости. С тех пор, как она ушла, наступил разрыв между природой и духом... Так, все сущее, лишённое духа, застыло, будто во сне, будто в оцепенении... А Старый герой – Железо – как Символ одной из самых высших сил природы, готовится бросить свое копье, свой меч, свой призыв в мир человеческой души, это будет знаком человеческому духу сыну человеческой души, который начнет свою миссию оживления и одухотворения природы, когда сын любящего Материнского Сердца и внешнего Отцового Разума, маленький Эрос превратится в юношу, когда он станет самой Любовью и совершит подвиг освобождения Принцессы Фреи, тогда Король Арктур вновь соединится с Софией и мир оживет в одухотворенном единстве».

...В комнате дрожит пламя свечей. У распаханного окна на подоконнике трепещет букет цветов. Дождь умолкает.

Глава 11 На Золотой Колеснице.

Клингсор: Мы пройдем через Ворота Духов, через Ворота Превращений.

В Небе яркой звездой вспыхивает Золотая Колесница Золотая Колесница, запряженная жеребцами с серебряными гривами. В колеснице стоит богиня Афродита.

По мере приближения Золотая Колесница уменьшается до величины елочной игрушки, рядом с ней Генрих чувствует себя маленьким, ненастоящим.

Афродита (с улыбкой): Я проведу вас через Ворота Духов, через ворота Превращений. Я приглашаю вас побыть зрителями в театре богов, где мы, боги, будем играть роли людей, эпох и поколений. Наши роли будут поэтическими Символами, впрочем, как и все сущее. Верно, Клингсор? (Смеется, поет).

– Шелест лиственный ежевесенне
Пшат, орешник, миндаль, ольха
Шлют полям и смеется цветенье,
Почва ласкова и горяча.
И земля позабыла обиды
Злобы вьюг и потопа веков,
И белые чащобы Колхиды –
Райский сад золотых облаков.
Сквозь прозрачные лазури, сквозь тучи
Тронул сердце пронзительный Зной...
Не забыть мне горячей, колючей,
Звонко звучной воды ключевой ¹.

Я приведу вас в будущее древней Колхидской земли – Колыбели Цветов и немеркнущих Солнц.

Гейнрих: Мы пройдем через ворота Духов, Клингсор?

Клингсор кивает. Гейнрих задумывается, ощущивает свое тело, ставшее вдруг маленьким, словно цветок. Все остальные тоже становятся маленькими.

Матильда (подходит к Гейнриху): Где будешь ты, Гейнрих, там буду и я.

Мать Гейнриха: Я тоже буду с вами, дети.

Клингсор (Матильде): Где будешь ты, дочка, там останусь и я.

Шванинг: Я отправлюсь с вами!

Сверкнув золотым скипетром, Афродита помчала Золотую Колесницу сквозь Ворота Духов. Минуя Месяц, они промчались среди звезд, пролетая через тысячи миров, проваливаясь в море Безвременья и Тишины. Слышалось Гейнриху, будто оттуда, из Безвременья, доносится до него чей-то знакомый голос, поющий о любви и счастье.

...Будто оттуда, из звенящего Безвременья, летел он, подобно звуку далекой флейты, подобно тихой лютне...

Голос:

– Я думала: тебя забыла.
Но всем полна, что с нами было.
И в сердце солнце вновь зажглось,
И место для него нашлось.
И голубой родник по телу
Бежит к далекому пределу.
И роза голубая мед
Из сердца голубого пьет.
И небо голубеет тоже...
Как на тебя он похоже!
И в уши голубой родник
Знакомым голосом проник.
Глаза твои – небес просторы,
Ресницы, брови – эти горы.
Все вновь цветет.
Я молода.
Люблю тебя.
И – навсегда.
По голубому бегать полю
Босая буду снова вволю.
На голубой траве стихать
И воздух голубой вдыхать,
Ах, сердце, золотая рыбка!
Несешь меня дорогой зыбкой!
В глубь голубой морской воды...
Куда, зачем, – все знаешь ты.
Ах, сердце, голубая птица!
Вот – Неба дно, его граница...
Взмахнув крылами – что с тобой?
Звездой таешь голубой ².

Гейнрих (шепчет): Зулейма...

Прислушивается к эху своего голоса, стихает, будто проваливается в Безвременье...

В разноцветных античных одеждах вокруг него сидели люди. Туники юношей были расшиты золотистым орнаментом, хитоны девушек украшены цветами и драгоценностями. На древней сцене, под портиком, разворачивалось театральное действие, наблюдая за которым, Гейнрих казался сам себе в большей степени актером, участником, нежели зрителем.

Рядом с ним все также, как и в доме его деда, старого Шванинга, сидела Матильда, Клингсор, Мать и сам Старый Шванинг.

Вокруг и внизу гудела пестрая колхидская толпа.

¹ Стихи Иосифа Нонешвили.

² стихи Нелли Тарба.

Часть II.

ТЕАТР БОГОВ

Глава 1.

Дух жизни (Прошлое и будущее). Утес Скорби.

Олимп вечности. Заснеженные горные вершины. Плеск волн. Древнегреческий полуразрушенный архитектурный ансамбль. На широкой арене, под портиком, где происходит действие, несложная декорация пустынного города. Цветные окна Дворца Короля Арктура. Старый Герой – Железо – гулко ударяет в щит, эхо разлетается над пустынными улицами. Трижды. В окнах Дворца вспыхивает красный свет, освещает улицы. Освещаются колонны Дворца, его стены – чудесным голубоватым сиянием, мерцающая великолепными, нежными оттенками. Украшены драгоценными камнями, слоновой костью. В перезвоне мечей, щитов, шлемов переливаются, блестя, фигуры, они наклоняются в загадочном древнем танце, наклоняются к таинственным венцам, которые появляются с разных сторон.

Затем венцы исчезают, на их месте остается единственный зеленый простой венок. Фигуры отражают его, отражение их тонет в неподвижной глубине моря, эхом звучит в горах, на которых расположен древний город. На фоне чисто-молочной голубизны город кажется светлым, освещенным, почти выбеленным, ясным. Прозрачные стены отражают утро, его нежность, в солнечном свете чувствуется чистота, гармония, высота духа. Перед окнами стоят красивые глиняные сосуды сложной формы, в сосудах сверкают ледяные и снежные цветы.

На большой площади перед Дворцом – Сад. В нем металлические деревья и хрустальные растения, он весь усыпан диковинными цветами, чудесными плодами из драгоценных камней. Грациозные декорации завершал великолепный фонтан в середине сада. Старый Герой медленно проходит мимо ворот Дворца. Кто-то зовет его. Он оглядывается, прижимается к воротам, входит в залу. Прикрывает глаза щитом. Перед ним, на величественном троне, выстроенном из большого серного кристалла, на шелковых подушках лежит – Дочь Короля Арктура – Принцесса Фрея. Несколько прислужниц тщательно растирают ее тело цвета чистейшего молока, слитого с багрянцем. Из-под ладоней девушек льется, будто золотая нить, диковинный свет, озаряя стены Дворца своей утренней улыбкой.

Воздух наполняется благовониями и дыханием горной свежести.

Фрея (жалобно): Ты еще ничего не видишь?

Старый Герой молчит.

Фрея: Дай мне дотронуться до твоего щита... Я томлюсь в полусне и жду, когда же придет тот, кто освободит меня, кто восстановит единство духа в Бытии.. Подойди ты, Железо, брось свое копье в пространство, как знак человеческому духу, который должен начать свою миссию оживления и одухотворения Природы!

Он осторожно подходит к трону, ступает на пышный ковер. Дочь Арктура хватается его за руку, прижимает ладонь к груди, касается щита. Звонят доспехи

Старого Героя, проникновенная сила оживляет тело. В глазах появляется живой блеск, гулко стучит о железный боевой панцирь сердце. Над Дворцом, над городом слышится странный гул, как из далекой незримой мастерской.

Дочь Арктура: По-моему, кто-то идет.

Прекрасная Птица Феникс, сидящая на троне, в глубине, слетает вниз, садится на плечо Фрей.

Феникс: Идет Король!

Мойры-Служанки накидывают голубое покрывало на Принцессу, закрывая ее тело по плечи. Старый Герой, Железо, – опускает щит, смотрит под купол, к которому ведут две лестницы с обеих сторон зала. Звучит тихая музыка. Будто из-под купола является Король Арктур, вслед за ним движется многочисленная свита. Феникс, расправив лучистые крылья, поет словно тысячи голосов, летящих под купол, навстречу Королю.

Феникс:

Нас чужестранец
Милый не обманет,
Наступит вечность, идохнет тепло.
От сновидений Королева встанет,
Когда морей расплавится стекло.
Глухая ночь земли не затуманит.
К нам царство Басни прежнее пришло –
И вспыхнет мир, на лоне Фрей страстной,
И каждый вздох отыщет вздох согласный.

Король обнимает дочь, садится на трон. Старый Герой, Железо занимает свое место. Множество звезд осыпаются в зал, сорвавшись с купола, словно лепестки цветка...

Мойры-Служанки приносят стол и ящик. В ящике множество листков, похожие на разноцветные цветочные лепестки. На лепестках изображены святыи сокровенные знаки созвездий. Король с нежностью целует лепестки, смешивает их, несколько лепестков передает дочери. Принцесса раскладывает их на столе. Король, тщательно осмотрев свои лепестки, прибавляет свои «цветы» к «цветкам» дочери. Знаки и фигуры, словно невидимый звездный танец, складываются в диковинную Гармонию. Король устанавливает движение светил и порядок. Зал наполняется нежной музыкой, будто звезды поют над головами всех присутствующих. В глубине купола огромного Небесного Цветка, в такт музыке, меняя ритм движения и форму, сплетались, меняясь, будто в калейдоскопе времени разными музыкальными темами и рисунками, но все же объединенных общей тональностью. В лад музыке шевелит своими разноцветными крыльями Прекрасная Птица – Феникс.

Король Арктур (с неожиданной радостью): Все уладится! (Смотрит на статую Апполона в центре зала). Обязательно уладится! (Старому Герою): Железо, брось свой меч, брось его в пространство, чтобы люди знали, где находится мир!

Старый Герой срывает с пояса меч, поворачивает клинком к Небу, затем бросает в открытое окно, туда, где был город, и ледяное море. Меч ударяется о горные склоны, рассыпается золотыми искрами, будто падают на землю множества Солнц.

Глава 2

Душа человеческая. (Дом)

Олимп Вечности. Недалеко Утес Скорби. Тропа, ведущая от Утеса скорби в Сад Восходящего Солнца. Отдаленные покои Королевского Дворца. Дом Человеческой Души. В центре – Алтарь Мудрости. Неподалеку от Алтаря спит прекрасный Эрос. Его

кормилица Гинистана качает колыбель и кормит грудью молочную сестру Эроса, свою дочь Басню. Писец сидит у яркой лампы, ворчит, оборачиваясь на детей, хмурится. Недовольно, с укоризной смотрит на Гинистану. Она добродушно, молча улыбается в ответ.

Отец прохаживается по комнате, то смотрит на детей, то кланяется Гинистане, то о чем-то переговаривается с Писцом. Писец что-то записывает, передает листки благовидной Женицине, стоящей неподалеку у Алтаря Мудрости. На Алтаре – темная чаша с прозрачной водой. Благовидная Женицина – это София, улыбается, смотрит в чашу. Погружает туда листки, вынимает их обратно и отдает Писцу. Он складывает их в большую книгу. София обмакивает палец в Чашу, брызгает водой на Гинистану и детей. Капли касаются Гинистаны, детей, колыбели, превращая их в синий пар. В голубоватой дымке появляются тысячи диковинных картин, будто в голубом облаке, они видоизменяются, переплетаясь, клубясь. Иногда голубое облако пара касается Писца, в нем появляются разнообразные числа, геометрические фигуры, знаки. Этот орнамент Писец нанизывает на нитку, вешает на шею. Мать маленького Эроса иногда входит в комнату, унося или принося какой-либо предмет. Она занята обычными домашними делами.

Писец с подозрительностью старости наблюдает за ней, время от времени, делая замечания.

Мать начинает кормить грудью маленькую Басню, входит Служанка, зовет ее. Гинистана берет Басню обратно на руки, кормит своей грудью. Отец приносит тонкий железный пруттик, который только что нашел во дворе.

Отец: Смотрите! Это похоже на меч...

Писец (осматривая пруттик): Если его привесить за середину на нитке, он сам собой обращается к Северу.

Гинистана (берет пруттик, сгибает, дует на него): Смотрите, он обратился в Змею!

Змея шипит, кусает себя за хвост, снова обращается в пруттик.

Гинистана подходит к колыбели, касается ее края железным прутиком. Юный Эрос просыпается, откидывает одеяло, защищает себя ладонью от Солнца. Другой рукой тянется к змейке. С силой хватает ее. Гинистана вскрикивает. Писец едва не падает со своего стула под лампой.

Мальчик выпрыгивает из колыбели, выбегает на середину комнаты, смотрит с радостью и удивлением на необычайное сокровище, которое в его руках вытягивается к Северу.

Эрос (Женицине у Алтаря Мудрости): София, дай мне выпить из чаши.

София протягивает ему чашу, Эрос пьет не отрываясь. Тем не менее, чаша остается полной. Он целует Софию, возвращает ей чашу. Обнимает кормилицу Гинистану.

Эрос: Гинистана, подай мне пестрый платок, я перевяжу чресла. (Одевается). И найди приготовленные для меня блестящие доспехи... (Махают железным прутиком). Это – меня кличут! (Бросает пруттик, он снова обращается в Змею. Смеется).

Эрос берет на руки маленькую Басню. Басня что-то лепечет. Разгоряченная, взволнованная словами Эроса, Гинистана прижимается к нему.

Гинистана: Пойдем со мной, я должна сказать тебе нечто очень важное.

София со строгостью указывает ей на Змею. Входит Мать. Эрос бросается к ней, осыпая ее слезами радости. Отец подходит к Гинистане, целует ее с благодарностью. Маленькая Басня выкарабкивается из колыбели, берет перо Писца, что-то записывает. Мать и Эрос тихо переговариваются. Отец выходит из комнаты, обнимает Гинистану.

Звучит нежная музыка. Возвращается София. За ней – Писец. Гинистана с пылающим, как заря, лицом, вбегает в покой, ищет свою дочь, молочную сестру Эроса, маленькую Басню.

Писец (Басне): Ну-ка прочь с моего места!

Забирает у нее перо, приводит в порядок свои вещи. Передает Софии страницы, исписанные Басней, София опускает их в чашу, словно лепестки цветка, они благоухают, наполняя сердца радостью. Капли воды из чаши Софии дарят всем членам семьи – творческое воображение, ирреальную интуицию, позволяя из самых глубин человеческого духа творить мир. Однако буквы на лепестках, исписанные Писцом, стираются, словно незримой волной Вечности.

Начертанные Басней знаки рассыпаются маленькими жемчужинами, звездным перламутром в воздухе, обращаются в диковинные Голубые Лилии, падающие к ногам Софии. Она собирает голубые цветы в букет, украшает Алтарь. Распахивает окна. Видит спешащего к ней Эроса. Он в блестящих доспехах.

Эрос (вбегая в покой): София, посоветуй мне, когда и как отправиться в путь? Я хочу найти Короля! Магнитная стрелка в виде прутика – это его копье, брошенное в пространство, она поможет найти дорогу. Слышу звон железа. Это призыв...

Писец (подняв голову): Я могу помочь вам составить точный маршрут.

София: Ты можешь ехать сейчас. Гинистана поедет с тобой. Она знает все дороги и ее всюду хорошо знают. Она примет вид твоей Матери, чтобы не вводить тебя в искушение. Если ты найдешь Короля, вспомни обо мне, я тогда явлюсь тебе на помощь.

Гинистана подходит к Матери Эроса, целует ее. Они меняются на глазах, становясь похожими одна на другую.

Гинистана (Писцу): Я хочу подарить Вам на прощание свою записную книгу. В ней вся история нашей семьи.

Писец (берет книгу): Спасибо... (Тихо). Ах, как было б хорошо, если бы еще Маленькая Басня куда-нибудь поехала... Стало бы так спокойно.

София подает полную чашу путникам, они пьют, благодарят ее.

София: Наступает ночь, звезды уже взошли на Небе. Вам пора...

Гинистана: Милый Эрос, поспешим к моему Отцу-Месяцу. Он долго меня не видел и с такой тоской ищет меня всюду на земле. По твоему свидетельству, он узнает меня и под чужим обликом.

Сцена Театра богов покрывается туманом. Из тумана выходит Хор божественных Мойр. Тихо раскачиваясь, точно стебли ночных цветов, они поют.

Хор:

Любовь скользила в темноте,
Лишь месяцу видна,
Теней в чудесной красоте
Раскрылась глубина.
И золотом краев горя,
Ее одела мгла,
Их за поля и за моря
Фантазия вела.
Высоко поднималась грудь,
Взволнованно дыша,
Предвидела блаженный путь
Безумная душа.
О, Страсть, не плачь, поймешь ли ты,
Что вновь любовь близка!
Зачем мрачат твои черты

Унынье и тоска.
А змейка тонкая ведет,
Лишь северу верна.
И оба мчатся без забот,
Куда манит она.
Любовь летит в пустой простор
Сквозь облака и ночь.
И входит к Месяцу во двор,
За нею следом дочь.
На троне ясном он сидит
Один в тоске своей.
Ах, голос дочери звенит!
Он пал в объятия к ней.

Гейнрих (*Афродите*): Какой чудесный хор! Божественное зрелище!

Афродита (*тихо*): Как написал один философ будущего, «хор – как живая стена, возвышается греческой трагедией вокруг себя, чтобы начисто замкнуться от мира действительности и тем, сохраняя в себе свою идеальную почву и свою поэтическую свободу... Хор – из глубин мировой Души вещает Истину»¹.

Гейнрих: Это очень красивый хор и красивые стихи, и я никогда такого не слышал!

Глава 3. Театр богов. Олимп вечности.

Потрясенный Король Арктур – Месяц на сцене приветствует своего гостя Эроса. Он поднимает огромный рог, трубит. Над древним Дворцом Короля Арктура звучит музыка. Дворец и двор наполняются удивительными образами человеческой фантазии и поэтического духа.

Старый Герой, Железо: Я бросил свое копье в пространство, чтобы призвать человеческий дух в это околеченевшее, мертвое царство Арктура. В нашем царстве мы все давно олицетворяли дух жизни – Случай. Все бытие в пространстве и времени подвластно его закону. Мы меняемся и время уничтожает нас! От всего сущего остается только пепел, только Воздушные Замки... Только следы на песке... (*С грустью*). Нет у Короля достойного наследника! Милая Фрея вдохнула жизнь в мой старый щит и я... бросил свое копье в пространство! Как знак, как призыв человеческому духу! Я призывал его! Пусть он оживит природу! Пусть одухотворит ее!

Эрос (*растроганный*): Спасибо...

Слышится шум волн древнего моря Времени, будто земля колеблется, колеблется чашей диковинного цветка, раскачиваясь в его волнах. В Небе – вспыхивает радуга. В Невидимой Вечности, в стране Немеркнущих Солнц восстают и снова рушатся древние пирамиды. Пестрая толпа людей, зверей, птиц, точно вынырнув из-за облаков, кружится в медленном вальсе, подражая хору светил. Сестры – Утренняя и Вечерняя Заря танцуют, проливают божественный Нектар в чаши. Все присутствующие пьют Нектар – напиток богов.

Король Арктур: Милая дочь! Я открою для тебя свою сокровищницу! В саду между огромными полосатыми облаками и горными вершинами ты увидишь бесчисленные Воздушные Замки поразительного строения...

Звучит музыка. Под куполом Дворца проплывают облака, внизу, вокруг цветут деревья и пахнет весной, слышится плеск волн и запах морской тины.

Гинистана (*распахивает окно в Сад, обнимает отца*): Я вижу, какие прекрасные стада овечек бродят на окрестных холмах, вокруг твоего Дворца, милый отец. Вершины гор сверкают как фейерверк в своих ледяных и снежных покрывалах... Равнина улыбается нежной зеленью. Даль наряжается всеми оттенками синевы, и из морского мрака выступают бесчисленные пестрые флаги больших флотов. Как чудесно тут! (*Вглядывается в синюю морскую даль за облачным покровом в распахнутом окне Дворца*). Но как непостоянна жизнь, если приглядеться... Там, в глубине, видно, кораблекрушение... А впереди – веселый пир поселян; там грозно – прекрасное извержение вулкана, гибельное землетрясение, а рядом – ласки любящей четы под тенью деревьев... Смотри, отец, там, на крутом горном спуске, идет кровопролитная битва, а под нею – будто театр с забавнейшими масками. Как может это существовать рядом?! Скажи, отец!

Над Дворцом раздается гром, предвещающий долгую бурю. Гинистана на миг отпрянула от окна.

Гинистана: Смотри, Эрос! Страшное войско скелетов с черными знаками спускается с темных гор и нападает на жизнь, которая со своими юными полчищами предается веселым празднествам в светлой долине и не ожидает нападения...

Эрос: Столько метеоритов! Настоящее светопредставление!

Король Арктур: Это всего лишь облака, Эрос... Облака над моим Садам Вечности... Сокровищница неопишуемого разнообразия и богатства жизни... (*Из распахнутого окна, будто вырвавшаяся – настежь – из потока Времени – звучит музыка*).

Гинистана: Смотрите! Полчища привидений напало на живых, они пожирают Детей Жизни! Они превратили все живое в костер! Что же делать?

Король Арктур: Это грядущая история, милая Гинистана... История нескольких поколений. В ней, как и в моем Царстве, господствует Случай. Все в пространстве подвластно его закону. (*Отчаявшись*). Гадая по картам, я устанавливаю движение светил... Твоя сестра, моя дочь, Фрея плачет, томясь в полусне, жаждет ее звучащая, как чистейшая флейта – к Небу – Душа – жаждет духовного обновления... (*Пауза*). Какой же я Король? Может, вовсе не Король?

Гинистана (*прислушиваясь к звучащей из распахнутого – настежь – Времени – музыке...*): Отец, не говори так грустно... (*Вдруг, с улыбкой*). Ты – больше, чем Король... (*Смеется, обнимает его*). Ты пишешь музыку... Вечности... Твое сердце вырывает из небытия звезды и поднимает из глубины Духа светила, ты устанавливаешь ход Времени и немеркнущие Солнца складываются в прекрасные узоры, благодаря Твоему Сердцу, полному Любви... (*Помолчав*). Ты прав, История пройдет, как жизнь, а Музыка и Поэзия останутся...

Необычайный молочно-синий поток, будто выросший из груди пепла, покрывает, захлестывает лазурной волной все призраки. Тихо звучит музыка. Удивительный серебристый цветок плывет по волнам потока. Через поток перекинута, будто сверкающая, искрящаяся радуга, с обеих сторон которых сидят, словно на волшебных престолах, божественные фигуры. На самом вершине радуги – София, держащая чашу, рядом с ней – прекрасный молодой человек, на кудрях которого венок из дубовых листьев. В правой руке он держит вместо скипетра Пальму мира. К чаше этого плавающего цветка склоняется лилейный листок. На нем сидит маленькая Басня и поет тихо, нежно, под звуки арфы. В чашечке цветка лежит Эрос. Он склонился над красивой спящей девушкой, которая крепко обхватила его руками. Маленький бутон будто обвивает их обоих и, кажется, что сами они превратились в необычайный волшебный цветок.

Гинистана (*шепчет*): Кто эта девушка, Эрос, кто? (*Пауза*)... Мне кажется, что это – не я...

¹ Цитата из Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки».

Печально склонив голову ей на плечо, Эрос молчал.
...Гинистана и Эрос расположились на отдых в отдаленной Дворцовой купальне.
Буря стихла. За окнами мерцали светлые улыбки звезд и нетронутая чаша Софии, словно диковинный лепесток, стояла, будто забытая, на подоконнике, отражаясь Луной в разноцветных Дворцовых стеклах.

Глава 4

Театр богов. За Алтарем Мудрости

Писец: Слушайте все, что случилось! Теперь я – хозяин Дома! Я – господин Человеческой Души! Эрос не освободил Фрею! Его околдовала Гинистана! И теперь вы должны заковать Мать в железные цепи, а Отца посадить на хлеб и воду!

Слуги исполняют приказание.

Маленькая Басня, прячась ото всех, подбегает к Алтарю, находит потайную дверь позади Алтаря, отворяет ее. Убегает. В темноте за дверью – находит лестницу. Стремительно спускается вниз, захлопнув за собой потайную дверь.

Писец: Где Басня?

Слуги: Мы не видели ее...

Писец: Найдите Басню и возьмите в плен Софию!

Слуги бегают вокруг Алтаря, никого не находят.

1 Слуга: Обе исчезли.

2 Слуга: И чаши тоже нет...

В гневе Писец разбивает Алтарь вдребезги.

Маленькая Басня долго бежит вниз по лестнице. Выбегает на площадь, вокруг которой восходят прекраснейшие мраморные колонны. Площадь заперта большими воротами. Вокруг – темнота...

Басня (оглядывается, шепчет): Как странно... Воздух точно огромная тень... В Небе стоит черное сверкающее тело. И все же все можно различить, потому что каждая фигура будто другого черного оттенка и отбрасывает северное сияние; свет и тень как будто переменились здесь ролями... (Смеется). Как хорошо, что я очутилась в новом мире! (Слышит странный далекий гул, как из Незримой Мастерской. Оглядывается с детским любопытством, подходит к воротам, у которых лежит прекрасный Сфинкс на тяжелом пьедестале).

Сфинкс: Что тебе здесь нужно?

Басня: Я ищу то, что мне принадлежит.

Сфинкс: Откуда ты пришла?

Басня: Из древности.

Сфинкс: Ты еще ребенок.

Басня: Я всегда буду ребенком...

Сфинкс: Кто защитит тебя?

Басня: Я сама себе защита. Скажи лучше, где Старые Парки, нынешние Властительницы Мира?

Сфинкс: Везде и нигде.

Басня: Ты, может, знаешь меня?

Сфинкс: Еще не знаю.

Басня: Где любовь?

Сфинкс: В воображении.

Басня: А София?

Сфинкс что-то невнятно произносит, шелестя крыльями перед Воротами Духов – Воротами Превращений.

Басня (радостно): София и Любовь!

Входит в Ворота. Оказывается в огромной темной пещере. Внутри пещеры замечает полусогнутые силуэты трех старых Парок. Подбегает к ним.

Басня: Что делаете вы здесь?

Сперва Парки делают вид, будто не замечают и не узнают маленькую Басню. Басня подбегает к каждой из них, заглядывает в лицо, пытается улыбнуться.

1 Парка (сердито, со злобной гримасой): Что тебе здесь надо, лентяйка? Кто тебя впустил? Твоя ребяческая возня колеблет тихое пламя нашей лампы. Лучше бы ты села и взялась за какое-нибудь дело.

Басня: О, милая тетенька, я совсем не люблю бездельничать! *(Смеется)*. Какая у вас смешная привратница. Ей хотелось взять меня и покормить грудью, но она, верно, слишком наелась и не могла подняться. Позвольте мне сесть у дверей и дайте мне пряжу. Вы, верно, сели прясть судьбы. Но здесь мне не видно. К тому же, сидя за пряжей, я люблю петь и болтать, а это могло бы помешать Вам в Ваших важных думах...

1 Парка: Из пещеры мы тебя не выпустим, но в комнате рядом есть свет; луч из верхнего мира проникает сквозь расщелины скал. Там ты можешь прясть, если умеешь. Тут целые груды судеб, их старые концы. Их ты можешь скрутить. Но берегись, если ты будешь прясть лениво, или, если порвется нитка, то нити обовьются вокруг тебя и задушат тебя. *(Злобно смеется, продолжает прясть)*.

Басня (тихо): Старая Ведьма!

Берет охапку нитей, прялку, веретено, выскакивает из комнаты, что-то напевая. Подбегает к отверстию в глубине пещеры, смеется.

Басня: Это точно – я вижу созвездие Феникса! Это счастливый знак!

Весело берется за пряжу, приоткрыв дверь каморки, тихо напевает.

Проснитесь в темной келье,
Вы, жившие века.
Покиньте подземелье,
Заря недалеко.
Я скоро ваши нити
В одну соединю.
Раздоры прокляните,
Пойдем навстречу дню.
Один – во всех разлейся,
И все – в одном живи.
Единым, сердце, бейся
Дыханием любви!
Пока вы – дух без плоти,
Видение и вдох.
Но если в ад сойдете,
Спугните этих Трех.

Быстро вертелось веретено в ладонях Басни, обеими руками она крутила тонкую нить. Во время песни в замочную скважину пещеры проникают уродливые личины. Старухи продолжают ворчливо прясть и ждать, когда же заплачет, закричит Маленькая Басня. В это же время за плечами Парок вырастает из мрака и показывается страшный нос, затем костлявая скрученная рука, они оборачиваются и видят, как пещера наполняется страшными уродливыми существами, которые совершают на их глазах разнообразные бесчинства.

Парки бросаются друг к дружке, кричат, и едва не окаменевают от ужаса. В пещеру входит Писец. В его руках волшебный корень мандрагоры. Черная лампа падает и гаснет. Огоньки заползают в расщелины скал. В пещере становится светло. Парки с радостью бросаются к Писцу.

1 Парка (злобно, Басне): Хватит работать!

Писец (усмехается): Теперь Басня в моей власти! (Басне): Хорошо, что ты здесь, и что можно заставить тебя работать! Надеюсь, что тебя будут в достаточной мере наказывать. Это тебя твой добрый гений привел сюда! Желаю тебе долгой жизни и много удовольствия!

Басня: Благодарю за добрые пожелания! Видно, что тебе теперь хорошо живется. Недостает только песочных часов и косы, а то бы был на вид совсем точно брат моих красавиц теток. Если тебе нужно будет гусиное перо, выщипни горсточку нижнего пуха из щек! (Хохочет, Писец хочет наброситься на нее, она отбегает от него, с улыбкой). Если тебе милы твои густые волосы и умные глаза, то берегись; вспомни мои ногти!

Писец раздраженно поворачивается к старухам, они трут глаза и ощупью ищут прялку.

1 Парка: Ничего не мгу найти... Лампа погасла.

3 Парка: Где же моя прялка?

2 Парка: Какая гадкая, мерзкая эта **Басня**! Это из-за нее все случается с нами!

1 Парка: От **Басни** все беды! Негодная глупая девчонка!

Писец (злобно): Отправьте ее ловить тарантулов для изготовления вашего масла. (Шепчет). Скорей всего, от них не уйти живой. (Громко). Я хотел сказать вам в утешение, что Эрос без усталости летает, и вашим ножницам будет много работы. Ее мать, которая часто заставляла вас пряхть слишком длинные нити, станет завтра добычей пламени.

Басня: О, боги! (Плачет).

Писец смеется, дает кусочек корня мандрагоры старухам, уходит, морища нос.

Парки (сердито, Басне): Отправляйся за тарантулами!

Басня быстро убегает, делает вид, будто отворяет ворота, затем снова громко захлопывает их и осторожно пробирается вглубь пещеры, где сверху свешивается лестница. Она быстро карабкается вверх по ней и доходит до западной двери, ведущей в Млечные покои Короля Арктура.

Глава 5.

Театр богов. Олимп Вечности. Смерть матери.

Окруженный Советчиками, на троне сидит Король Арктур. Вокруг него несколько звездных Корон, будто стеклянные прозрачные цветы. Южная – белоснежного цвета, Северная – голубая, Восточная – ярко-желтая, отливающая золотом, Западная – зеленовато-изумрудная. Все короны украшены карбункулами.

Северная Корона на голове Короля. В левой руке он держит лилию, в правой – весы.

У ног Короля сидят Орел и Лев.

Король: О, горе мне! Эрос очарован Гинистаной! В Доме Души Человеческой царствует грех! Какой же я Король?

Басня (преклоняясь перед Королем, стараясь держаться уверенно, скрывая свое волнение и слезы): Слава твоему твердо укрепленному пьедесталу! Радостные вести твоему раненному сердцу! Скорое возвращение Мудрости! Вечное пробуждение Миру!

Покой мятежной любви! Просветление сердца! Жизнь Древности и воплощение Будущему!

Король (*касаясь ее лба лилией*): Все, что просишь, будет исполнено!

Басня: Рождаясь трижды – я буду трижды просить, а когда приду в четвертый раз, то сама Любовь будет стоять перед дверью. Теперь же дай мне лиру. Я пришла, чтобы спасти мир.

Король: О, Небо! О, боги! Ты сказала Любовь вернется, значит, вернется моя София! Значит, наступит ясность таинственной ночи – Царства Мудрости. Эридан! Принеси сюда лиру!

Эридан, низринувшись с потолка, выносит в своих сверкающих струях лиру. Басня берет лиру, играет, точно скользит волнообразными, полными красоты и гармонии, движениями, над бескрайним ледяным простором моря, пополняя радостной музыкой холодный воздух и бесчисленные ледяные кристаллы.

Утес Скорби (*эхом*): Это голоса моих детей... Они найдут меня и скоро вернутся...

Басня (*сквозь слезы*): Вернутся...

Пройдя вдоль морского берега, Басня видит Гинистану.

Басня: Что с тобой случилось, дорогая мать? Ты стала совсем другой; я едва узнала тебя... Ты бледна и худа... В твоих глазах – печаль... А я... Так надеялась найти утешение у твоей груди. Я давно тоскую по тебе.

Гинистана (*обнимает Басню, с радостью*): Я знала, что Писец тебя не поймает. Твой вид оживляет меня. Мне очень тяжело, но я скоро утешусь. Может быть, у меня будет минута покоя. Эрос здесь поблизости, и если он тебя увидит, и ты с ним поболтаешь, он, быть может, останется несколько времени... А пока возьми мою грудь; я дам тебе, что у меня есть.

Берет Басню на колени, протягивает ей грудь, улыбается.

Я сама виновата в том, что Эрос сделался таким диким и непостоянным. Но я не раскаиваюсь, ибо те часы, которые я провела в его объятиях, сделали меня бессмертной. Я таяла от его пламенных ласк, точно небесный хищник, он яростно тщился уничтожить меня и потом с гордостью торжествовал над своей трепетной жертвой. Мы поздно проснулись после нашего запретного упоения в странно-измененном виде. Тогда случилось непоправимое. Длинные серебристо-белые крылья скрывали его белые плечи и очаровательную полноту гибкого стана. Сила, которая его внезапно превратила из мальчика в юношу, точно вся ушла в его сверкающие крылья, и он снова сделался мальчиком. Тихий зной его лица превратился в капризный, блуждающий огонек, священная строгость – в притворное лукавство, внушительно спокойствие – в детское непостоянство, благородная степенность – в изменчивую подвижность. Я почувствовала непреодолимое, страстное влечение к своенравному мальчику, и его веселые насмешки и равнодушие, в ответ на мои нежнейшие просьбы, причиняли мне страдание. Я увидела, как изменился мой облик. Моя беспечная веселость исчезла и уступила место печальной озабоченности, нежной робости. Мне хотелось скрыться с Эросом от всех глаз. У меня не хватало духа взглянуть в его оскорбляющие глаза, и я чувствовала себя пристыженной и униженной. Он один занимал мои мысли, и я готова была бы отдать жизнь, чтобы освободить его от недостатков. Я продолжала его обожать, как глубоко он ни ранил мои чувства (*Плачет*). С того времени, как он ушел и покинул меня, как трогательно и слезно я не молила его остаться со мной, я всюду следовала за ним. Он точно нарочно дразнил меня. Едва я настигала его, как он коварно улетал от меня! Его стрелы вносят всюду опустошение. Я должна все время утешать несчастных, а, между тем, сама нуждаюсь в утешении. Голоса несчастных, призывающих меня,

указывают мне его путь, а их горестный плач, когда мне приходится снова покинуть их, западает мне глубоко в душу. Писец преследует нас с ужасающей яростью и мстит бедным жертвам.

Басня обнимает ее, утирает слезы.

Плодом той таинственной ночи было множество странных детей, похожих на своего деда и названных по его имени. Окрыленные, как их отец, они постоянно сопровождают его и мучат несчастных, в которых попадает его стрела. (*Оборачивается к снежным склонам гор*). Но, смотри, вон приближается веселый караван! (*Целует Басню*). Я должна оставить тебя. Прощай, милое дитя! Я вижу Эроса. Будь счастлива в твоём начинании. Я слышала, ты хочешь спасти мир...

Басня (*тихо*): Нет, нет, ничего я не скажу им о Матери! Я должна сама спасти ее. О, боги! Только бы успеть! (*Плачет*).

Гинистана бежит навстречу Эросу. Он проходит мимо, не глядя на нее. Подходит к Басне, окруженный Мойрами и юными спутниками, едущими верхом на верблюдах. Мойры играют на лире, поют.

Басня (*обнимает Эроса*): Здравствуй, мой молочный брат!

Эрос: Я так рад видеть тебя, маленькая Басня!

Басня (*берет лиру у Мойр, поет*):

Шелест лиственный ежевесенне ¹
Пшат, орешник, миндаль, ольха
Шлют полям, и смеется цветенье,
Почва ласкова и горяча.
И земля позабыла обиды,
Злобы выюг и потопа веков,
И былые чащобы Колхиды –
Райский сад золотых облаков.
Сквозь прозрачность лазури, сквозь тучи,
Тронул сердце пронзительный зной...
Не забыть мне горячей, колючей,
Звонко звучной воды ключевой!

На глазах у Эроса появляются робкие слезы, лук попадает из его ладоней. Утомленные спутники Эроса засыпают на траве. Эрос раскрывает свои сверкающие крылья над Гинистаной, засыпает. Басня тихо играет на лире.

Басня (*тихо*): О, боги! Как найти мне ужасных тарантулов! До рассвета я должна вернуться и спасти Мать Эроса!

Неожиданно замечает огромных насекомых, обступающих его со всех сторон.

Басня (*вскрикнув*): Смотри, милая мать! Это тарантулы! Гинистана, встань, тарантулы протянули сверкающую сеть над травой и оживленно двигаются в такт по нитям. Счастье, что я осталась рядом с вами, иначе вы с Эросом погибли бы!

Гинистана (*просыпаясь, со страхом*): Но, что же делать?!

Басня (*собравшись с духом*): Милая мать! Я, кажется, знаю, как одолеть их! (*Смеется*). Тем паче, Писец и Парки велели привести мне тарантулов с собою. Ну-ка, брызни несколько капель из своего сосуда, чтобы спали путники.

Гинистана берет сосуд, брызгает на спящих. Басня продолжает играть на лире, берет у Гинистаны сосуд, осторожно движется вдоль берега. Очарованные нежным звучанием ее струн, тарантулы двигаются за ней по сотканным нитям, убавляемые волшебным звучанием лиры.

Будто ступая по осколкам звезд, по Млечному Пути сердца, Басня проходит через Ворота Превращений... Впереди... разбитый Алтарь Мудрости.

¹ Стихотворение Иосифа Нонешвили.

Басня замечает высокое пламя костра над прибрежным лесом. С грустью и отчаянием смотрит она в Небо – откуда, точно прозрачными волнами, тянется синее покрывало Софии...

Басня (шепчет): Покрой, покрой навеки страшную Бездну! Я спасаю Олимп Короля и Гинистану, но мне не успеть спасти Мать Человеческой Души! Сегодня на рассвете ее сожгут на костре!

...Уже Солнце, гневное, огненно-алое, стояло над землей. Разбушевавшееся пламя костра втягивало его свет. Солнце бледнело, пламя разгоралось, будто пожирая его сияние, превращая Солнце в тусклое блестящее пятно.

Басня (плачет, смотрит на Солнце): Мое Солнце! Мать Человеческой Души! От тебя остался только черный выгоревший мрак, и теперь он должен упасть в море! О, милое любящее Сердце Матери! Ты сгораешь сейчас вместе с Солнцем!

Тем временем пламя костра делается необычно блестящим, похожим на чешую взметнувшегося Дракона, поднявшегося из пепла и улетевшего – к северу...

...Помедлив мгновение, Басня ступает во двор, старый полуразвалившийся Дворец Мудрости видит она меж кустами терновника. В скважинах оконных карнизов растут ветви кустов и деревьев, по старым разбитым ступеням ползают насекомые. Из комнаты доносится страшный шум.

Писец: Я испытал величайшее счастье, когда увидел, как сгорела Мать! Но гибель Солнца! Это ужасно!

Товарищи Писца: Проклятье! Мы пытались загасить огонь, но только обожгли руки и головы!

В комнату входит Басня. Товарищи Писца и Писец бросаются к ней, на их лицах – злобные гримасы, они тянутся к Басне, пытаются схватить ее и излить на нее весь свой гнев. Басня, словно не замечая их, печально склонив голову, пробирается к колыбели, плачет.

Басня: Моя родная колыбель! Когда-то здесь кормили нас с Эросом Матери... О, горе, что же теперь сделается со всеми нами?!

Писец: Проклятая девчонка!

В своем неистовстве вместе со своими товарищами попадает в сеть тарантулов, насекомые кусают своих незваных гостей. Басня подходит к обломкам Алтаря Мудрости, берет в руки флейту, играет веселую, подвижную мелодию. Писец с товарищами пускаются в бешеный пляс, путаясь в сети тарантулов, покрывающих их тела бесконечными укусами.

Писец: Вампиры! Спасите! Здесь вампиры!

Басня смеется, открывает потайную дверь у Алтаря Мудрости, подходит к Воротам Превращений. Древний Сфинкс печально смотрит на нее и огромное количество насекомых, следуют точно по нотам, по ступеням темной лестницы. Басня не перестает играть на флейте. На ее глазах теперь догорающие угли костра, точно скупые слезы...

Сфинкс: Говори – что быстрее молнии?

Басня: Месть!

Сфинкс: Что всего непрочнее?

Басня: Обладание не по праву.

Сфинкс: Кто знает мир?

Басня: Тот, кто знает себя.

Сфинкс: Что составляет вечную тайну?

Басня: Любовь.

Сфинкс: У кого покоится эта тайна?

Басня: У Софии.

Сфинкс съеживается, Басня входит через Ворота Духов – Ворота превращений – в глубокую пещеру.

Глава 6. Театр богов. При тусклом свете.

При тусклом свете лампы усердно работают Старухи-Парки. Различив в темноте Басню, они испугались, съежились. Одна из Парок, схватив ножницы, подбежала к Басне, чтобы ее заколоть. Наступив в темноте на тарантула, вскрикнула от боли. Другие Парки бросились к ней. Но озлобленные тарантулы стали их нещадно жалить. Старухи, дико крича, прыгали по пещере.

1 Парка (*гневно*): Проклятая Басня! Это она выращивала в душе лепестки Голубых Цветов, наполняющих сердца радостью! Почему ты не боишься, не слушаешься нас?! Мы – Парки, Властительницы Мира, наш Царь – Писец! Он – Хозяин Дома Человеческой Души! Нет в нем другого Хозяина! Я знаю, Эроса околдовала Гинистана, и теперь на земле воцарился Грех! Запомни это! Душа Человека – в Грехе! В Грехе! И Человек не сможет больше Творить! Оттого и Мать сожгла себя на костре, эта старая, выжившая из ума ведьма! Ах, она – вся – Любящее Сердце! (*Хочочет*). Не быть Человеку Творцом и Поэтом! Мы уничтожим людей! В их душах – грязь и Грех!

Басня (*со слезами в голосе*): Замолчи! Иначе тарантулы искусают тебя... насквозь! (*Помолчав*). Я знаю, Вы – Парки – Властительницы Мира, но в вашем мире все ненастоящее... Живой дух заменен мертвым механизмом, у вас нет души, вы всего лишь тени, слабые отблески мерцающей тьмы... В вашем мире, там где царствует Писец, эгоистическая чувственная мораль питается низменными влечениями души! Вы отравлены укусами тарантул! Вы дышите ядом! Минует ваше Царство, как минует Царство Солнца... Мать принесли в жертву, спалив ее тело на костре, но пламя костра, поглотившего ее, поглотило и свет Солнца... Наступает Царство Таинственной Ночи – царства Мудрости... Наступает для того, чтобы вернулась София к Королю Арктуру. Скоро, Вы слышите, глупые, бестолковые Парки – вернутся в наш Дом – София, Эрос и Гинистана...

2 Парка (*ежась и подпрыгивая от укусов тарантулов*): Хватит, Басня, мы сыты твоей болтовней! Сотки нам сейчас же легкие одежды для танцев! Иначе Писец изобьет тебя! Мы не можем пошевелиться в тугих юбках и изнываем от жары; но временно смочи нитку паучьим соком, чтобы она не порвалась; и нужно заткать пряжу цветами, что выросли в огне; а не то тебе грозит смерть! Ты слышала, пока еще мы и Писец – хозяева в Доме Души Человека!

Басня (*тихо, насмешливо*): Хорошо.

Уходит в соседнюю комнату. Там Пауки-Крестовики укрепляют свою воздушную пряжу вокруг потолка, на стенах.

Басня: Я добуду вам трех больших мух, но за это вы должны тотчас же соткать мне три красивых легких платья. Цветы, которыми нужно заткать платья, я сейчас принесу.

Пауки: Мы согласны.

Быстро принимают за работу. Поднявшись по лестнице, пройдя через ворота Духов – Ворота Превращений, Басня предстала перед Королем Арктуром.

Глава 7.

Театр богов. Олимп. Пряжа коварства. Гибель парок.

Басня: Государь, злые пляшут, а добрые отдыхают. Прибыло ли пламя Солнца в твой Дворец? Знаешь ли ты, что произошло на рассвете?

Король Арктур: Прибыло!.. Ночь миновала и лед тает. Солнечный Дракон улетел к Северу. О, милая Басня! Я видел сегодня, моя София, моя супруга показалась издалека! *(Плачет)*. Я знаю, какой ценой уничтожен – враг мой – и разлучник – ясное Солнце – союзник Писца, вечный Разум и сухое Просвещение.

Но я отправил огонь Солнца к Северу, обратив его в немеркнущий свет... Скоро наступит вечность Таинственной Ночи – Царство Мудрости. Все оживет... *(Помолчав)*. Но я не могу еще показаться, ибо один я – не Король... Я должен ждать Софию.

Басня: Она вернется... *(Помолчав)*. Мы все могли погибнуть от бесчисленных ядовитых тарантулов... или мог погибнуть Олимп... Или... должно было померкнуть Солнце и сгореть Любящее Сердце Матери...

Король Арктур: Но ты... ведь ты прошла через Ворота Превращений... чтобы попасть сюда... Скажи, чего ты хочешь? Проси, я все отдам...

Басня *(решительно, со слезами в голосе)*: Мне нужны цветы, выросшие в огне Солнца. Я знаю, что у тебя есть искусный садовник, который умеет взращивать их.

Король Арктур *(громко)*: Цинк! Дай нам цветов!

Входит Садовник Цинк, берет горшок, полный огня, сыплет в него сверкающую семенную пыльцу. Из горшка восходят, точно звезды – цветы. Рассыпаются по полу Дворца. Басня собирает их в подол своего светлого платья и спешит к Воротам Превращений. Спустившись по темной подземной лестнице, она отыскивает Пауков-Крестовиков.

Басня: О, вы много поработали за это время! Мне остается только прикрепить цветы!

Принимается за работу вместе с Пауками. Через несколько минут относит готовые платья уставшим плясуньям, не обрывая тонкие нити – концы пряжи, тянущиеся от платьев к Паукам. Старухи-Парки падают на пол, изнемогая от усталости. Басня помогает им одеться.

Басня: Милые Парки, сестры, как вы изящны, как прекрасны в своих великолепных платьях!

Парки: Мы восхищены тобой, Басня, и красотой нарядов!

1 Парка *(коварно)*: Я обещаю тебе долгую жизнь и хорошую награду!

Снова танцуют, весело кружась. Басня возвращается в комнату к Паукам-Крестовикам.

Басня: Теперь вам разрешается съесть мух, которых я заманила в вашу ткань.

1 Паук-Крестовик: Это очень приятно, нас уже раздражает дерганье ниток, за концы которых мы прикреплены....

2 Паук-Крестовик: Видимо, Старухи кружатся, как безумные.

Вползают из своей комнаты, бросаются на Парок. Старухи ищут ножницы, спрятанные Басней, чтобы перерезать нити, связывающие их одежду с Пауками, но не успевают. Пауки затягивают их в свои сети.

1 Паук-Крестовик: Вы пряли свою пряжу коварства и зла, мы – свою!

Гаснет лампа. Басня выбегает из пещеры. Навстречу ей идет прекрасный Персей с большим железным щитом в руках. Ножницы, которые держит в руках Басня, ударяются о щит юноши Персея.

Басня: Возьми эти ножницы, обрежь ими птичьи крылья Эроса, моего молочного брата, милый Персей! Пусть он вновь обретет силу и мужество! И увековечь своим могучим щитом тела трех сестер – Парок, оставшихся в этом подземелье!

Персей берет ножницы, входит в пещеру, покрывает щитом тела погибших Парок, минуя Ворота Превращений, поднимается по Звездному Мосту... Басня спешит за ним следом, вокруг него рокошет море Безвременья, холодные кристаллы звезд обжигают лицо прикосновением ветра. И – сквозь Безвременье – слышится ей гул – похожий на далекое горное эхо...

Басня (тихо): Словно юный Пастушок играет на золотой флейте!

Пройдя через Ворота Духов, взволнованная, но полная счастливых предчувствий, Басня вбегает во Дворец Короля Арктура, бросается к престолу Олимпа.

Басня: Лен весь соткан. Неживое снова бездыханно. Живое будет царствовать, создавать безжизненное и пользоваться им. Внутреннее выявится, внешнее сокроется. Занавес скоро поднимется, и представление начнется! Еще один раз я обращаюсь к тебе с просьбой, а потом я буду прясть дни вечности.

Король (растроганный): Счастливое дитя! Ты наша избавительница!

Басня: Я только крестница Софии... Разреши своим слугам – Турмалину, Цинку, Золоту и Слоновой Кости проводить меня! Мне нужно собрать пепел моей приемной матери, и свет древнего огня немеркнувшего Солнца, должен снова подняться, чтобы земля опять вознеслась, а не лежала в хаосе.

Король зовет Турмалина, Цинка, Золото и Слоновую Кость, они уходят вслед за Басней.

Глава 8. Театр богов. Утес скорби.

На городских улицах светло и оживленно. Минуя спящего Великана – Утес скорби – Басня в королевской карете вместе со своими провожатыми – Турмалином, Цинком, Золотом и Слоновой Костью вышла к морскому берегу.

Басня (разглядывая угли сгоревшего костра, со слезами): Здесь сгорела Мать... Ее Любящее Сердце.

Турмалин собирает пепел.

Басня (поет, в такт морским волнам):

Каждому песня ¹
Дана, говорят.
Из Поднебесья
Она, говорят.
Сердца источник,
Ключ, говорят.
Свадебной ночи
Луч, говорят.
О незабытом
Плач, говорят.
У колыбели
Урада уа!
В час погребенья –
Урада уа!
Грузом свинцовым –
Урада уа!

¹ стих Нелли Тарба.

Розой свинцовой
Уарада уа!
Горечи старше
Она, говорят,
Солнце усопших
Она, говорят.
Потухший огонь
Гнезда, говорят
Крик человека
Векам, говорят.
У колыбели
Уарада уа!
Грузом свинцовым –
Уарада уа!
Розой свинцовой
Уарада уа!
В час погребенья
Уарада уа!
Розой пунцовой –
Уарада уа!
Грузом свинцовым –
Уарада уа!

Иногда ее голос срывается и становится похожим на крик одинокой чайки...

Вместе со своими друзьями она взбирается на плечи каменного Великана – Утеса Скорби, будто застывшего в полусне над холодной морской гладью, словно пытаясь найти там, на морском дне человеческой души – свое отражение. Басня касается его глаз, выливает воду из своего сосуда на каменный лоб. Вода наполняет трещины жизнью, стекает по древним камням, молния жизни отдаленным гулом сверкает из скалистой древней глубины.

Утес Скорби открывает глаза, выпрямляется. Груды камней ссыпаются с его склонов, падая в море. Морская гладь колеблется, на ее поверхности показываются диковинные Голубые Цветы. Они улыбаются Вечному Небу, как крохотные птенчики.

Утес скорби: Ты снова пришла, милое дитя? Я все время видел тебя во сне. Я знал, что ты явишься прежде, чем отяжелеют мои глаза и земля станет мне бременем. Я, верно, долго спал...

Басня (улыбается): Земля опять стала легкой, как и была всегда легка добром. Старые времена возвращаются. Скоро ты снова будешь среди старых знакомых. Я сотку тебе радостные дни и у тебя будет помощник для того, чтобы ты иногда принимал участие в наших радостях и мог бы вдыхать молодость и силу. Где наши приятели, Геспериды?

Старый Утес: У Софии. Вскоре их Сад снова зацветет и золотой плод будет по-прежнему благоухать. Они ходят и собирают сладостные растения.

Басня вместе со своими спутниками спешит к Дому.

Басня (дотрагивается до старых стен): О, что сделал проклятый Писец со своими слугами! Весь Дом Человеческой Души обратился в развалины! Вокруг стен развалился плющ! (Плачет). Высокие кустарники покрывают своей тенью прежний Двор, а мягкий мох устилает старые ступени.

Входит в комнату вместе со своими друзьями. Замечает у вновь отстроенного Алтаря Мудрости Софию. Бросается к ней на грудь со слезами радости. София целует ее. У ног Софии лежит Эрос, в блестящих доспехах, серьезный и благородный. С потолка свисает великолепная люстра. Пол выложен пестрыми камнями, широким кругом они обводят Алтарь, складываясь в благородно-значительные Фигуры.

Погруженный в глубокий сон, на ложе лежит Отец. Басня обнимает его, плачет.

Басня (отдавая урну с пеплом Софии): Вот, в этой урне – пепел Матери Эроса, ее Любящего Сердца.

София: Милое дитя, рвение и твоя верность дарят тебе место среди вечных звезд блаженства. Ты избрала бессмертное в себе. Феникс – Прекрасная Птица Короля Арктура принадлежит тебе. Ты будешь Душой нашей жизни.

На Алтаре Мудрости тихо покачиваются Голубые Цветы.

Теперь разбуди жениха. Глашатай зовет, Эрос снова должен отправиться в поиски за Фреей и разбудить ее! Она томится в полусне, и тот, кто высвободит ее, внесет нравственное начало в природу и тем восстановит единство духа в бытии.

Басня: Как прекрасно это, милая София... Я попробую разбудить Отца. Хотя он и недостаточно молод для роли жениха, но само счастье – улыбается ему с Алтаря Мудрости ясными Голубыми Цветами.

Вместе с Золотом, Цинком и Слоновой Костью подходит к ложу, где лежит Отец. Гинистана стоит рядом с Алтарем, с печалью, восхищением и слезами в сердце глядя на Басню. Сердце ее замерло в ожидании. Золото расплавляет монету и наполняет сверкающей струей место, где лежит Отец. Цинк подходит к Гинистане, обвивает грудь цепью. Слоновая Кость одевает браслеты на ее руку. Ее тело плывет по дрожащим золотым волнам.

Басня (Гинистане): Наклонись, милая мать, положи руку на сердце возлюбленного.

Гинистана наклоняется. В золотом потоке, словно в наполненном незримым светом – море – видит свой, многократно отраженный образ. Цепь касается золотого потока, ладонь Гинистаны, украшенная браслетом, касается сердца возлюбленного. Отец просыпается, привлекает невесту к себе на грудь. Металл сплавляется, обращается в светлое зеркало. Отец поднимается, в его глазах – сверкает Солнце. Все его тело кажется вечной тонкой подвижной влагой, передающей, точно световая струя, любое впечатление разнообразными, великолепными, грациозными движениями. Счастливые, Отец и Гинистана, подходят к Софии, она благословляет их.

София (с радостью): Усердней глядите в зеркало, оно отражает все в истинном виде, уничтожает всякую мишуру и вечно хранит первообраз.

Берет урну, высыпает пепел, собранный Турмалином, в чашу на Алтаре. По волосам и лицам всех присутствующих проносится легкий ветер. По мягкому шипению в чаше Басня догадалась, что пепел растворился. София передает чашу Эросу, он – другим.

Басня: Я ощущаю несказанную незримую радость, будто Мать приветствует нас...

Эрос: Ее близость ощущается всеми, ее тайное присутствие точно все преображает...

Гинистана: Наша комната стала обиталищем блаженных.

София: Великая тайна всем открыта и остается на веки разгаданной. Из страданий рождается новый мир; в слезах пепел растворяется и становится Нектаром вечной жизни. В каждом обитает Небесная Мать, чтобы вечно рождать новое дитя. Чувствуете ли вы сладостное рождение в ударах вашего сердца?

Выливает на Алтарь остаток из чаши. Земля сотрясается, будто клокочет из глубины. Над Дворцом Мудрости, над безмятежным горизонтом восходит Солнце.

София: Эрос, поспеши вместе в сестрой к твоей возлюбленной. Вскоре вы снова меня увидите.

Басня и Эрос уходят вместе со своими провожатыми. Над землей разливается мощная Весна. Все поднимается, шевелится, разрастается, тянется ввысь. Месяц и Облака, весело переговариваясь, точно птицы, мчатся на Север.

Отражение – Золотой поток.

Над великолепным морем Вечности сияет прекрасный Королевский Замок. На его зубцах, окруженный свитой, стоит Знаком и Символом, словно в оцепенении, Король Арктур. В вихрях пыли угадываются знаками фигуры. Они встречают толпы юношей и девушек, стремящихся в Замок, восторженно их приветствуя. На цветущих холмах сидят счастливые, будто только что проснувшиеся влюбленные пары. Новый мир кажется им сновидением. Холмы, древние горы и Сады покрываются цветами и зеленью. Все становится одушевленным, сказочно-возвышенным, необычайным.

Звери подходят к проснувшимся людям, ласково их приветствуя. Растения дарят плоды, тенистую прохладу ветвей и цветущий аромат.

Басня: Смотри, Эрос, ни один камень не давит больше человеческой груди!

Эрос: Идем к морю!

Вместе с Золотом, Цинком, Слоновой Костью и Турмалином они идут к морю. Садятся в судно, привязанное к берегу. Отплывают к Царственному Городу, к седому золотому Олимпу Вечности, туда, где в золотых потоках Безвременья стоит Дворец Короля Арктура. Во дворе бьет оживший фонтан, роца тихо шелестит, в стволах и листьях цветет новая жизнь.

Старый Герой (у Дворца): Рад видеть тебя, Басня, и твоих друзей.

Басня: Милый – Железо! Почтенный старец, Эросу нужен твой меч! Он получил от Золота цепь, которая одним концом спускается в море, а другим охватывает его грудь. Возьмись за нее вместе со мной и поведи нас в зал, где покоится Принцесса Фрея.

Эрос берет меч из рук Старого Героя, приставляет к груди, наклоня острие вперед. Двери зала распахиваются, восхищенный Эрос подходит к спящей Фрее.

Неожиданно, будто свет молнии, пронизывает воздух. Светлая искра вырывается внезапной огненной зарницей, летит от Принцессы к мечу. Меч и цепь, блеснув, издают мелодичный глухой звон. Басня, пошатнувшись, едва удержалась на ногах. Всколыхнулся султан на шлеме Эроса.

Басня (кричит): Эрос, брось сейчас же меч, пощади память своей Матери! Не играй со смертью! Иди и разбуди твою возлюбленную!

Эрос роняет меч, устремляется к Принцессе, целует ее. Она открывает свои темные глаза и узнает любимого. С купола спускается Король Арктур, он смеется, держа Софию за руку.

Созвездия и Духи Природы свиваются в прекрасный сказочный орнамент. Над Дворцом, городом, над залом, над Вечным Олимпом – блестит ясный день. Многолюдная толпа, словно морской прилив, наполняет покои Дворца. Все склоняются перед Королем и Королевой Софией. Король снимает со своей головы венец, возлагает на золотые кудри Эроса. Старый Герой снимает с Эроса блестящие доспехи и Король набрасывает на плечи юноши свою мантию. В левую руку дает ему лилию. София одевает свой венец на темные кудри Фреи, соединяет руки любящих очаровательным браслетом.

Народ: Слава нашим повелителям! Они всегда жили среди нас, но мы их не знали! Благо нам! Они будут вечно властвовать нами! Благословите и нас!

София (Фрее): Брось браслет, знаменующий ваш союз, на воздух, для того, чтобы народ и мир оставались в союзе с вами.

Браслет, обратившись в лучистые круги, сверкает золотом над головами присутствующих. Блестящая лента тянется, точно полоса далекого горизонта, над морем и землей. Входит Персей. В его руках веретено и корзинка.

Персей: Пусть приходит вечный праздник Весны. Вот останки – твоих врагов, Королева Фрея!

В корзине – каменная доска с черными и белыми квадратами, рядом фигуры из алебаstra и черного мрамора.

София: Это – шахматы. Все войны в мире сведены к этой доске и к этим фигурам. Это памятник смутного времени.

Персей дарит Басне веретено.

Персей: В твоих руках это веретено будет вечно нас радовать, и ты будешь прясть нам из самой себя золотую неразрывную нить.

Прекрасная Птица – Феникс раскрывает над головой Басни свои крылья, проносится над троном.

Басня (*берет в руки веретено, нить будто вьется из ее груди, поет*):

Ты выше сил моих, как призрак сновидений ¹,
Так испытай меня и узами свяжи...
О, Солнце! Я иду по рубежу, по краю
Миража или сна, сквозь марево огня,
И умираю я, и руки простираю
А ты вдали, вове... не смотришь на меня...
И солнечных лучей меня пронзает жало,
И жизнью внеземной душа моя полна.
Меж Небом и землей всем телом задрожала
Венера, наклонясь над раковиной дня...

В дверях Дворца раздается ликование. Является Старый Месяц со своей свитой. Будто триумфальное шествие сопровождает его. На руках вносят Гинистану и ее жениха. Благоухание цветов наполняет Дворец.

Король Арктур: Я провозглашаю свою младшую дочь, Гинистану, и ее жениха, Отца Человеческой Души – (*Житейский Разум*) – своими наместниками на земле!

Все смеются.

Старый Месяц: Отдайте мне Царство Парок, причудливые строения которого только что выступили из-под земли на Дворцовом дворе. Я позабавлю вас там представлениями, для чего мне понадобится помощь маленькой Басни.

Король Арктур: Согласен.

Все радостно кивают, улыбаются. Тихо звучит музыка. Многочисленные гости заполняют Дворец, поздравляя молодых.

Покои преображаются, делаются пышным брачным ложем, над троном летает Прекрасная Птица Феникс и смеется маленькая Басня.

Три Кариатиды из темного коридора подхватывают полог, который покоится на базальтовой фигуре Сфинкса.

Король Арктур (*обнимает Софию*): Теперь мы навеки вместе.

Молодые женихи обнимают своих невест, следуя примеру Короля. Слышатся нежные поцелуи и шепот.

София: Мать Души Человеческой – Любящее Сердце среди нас, ее присутствие несет нам счастье навеки. Последуйте за нами в наше жилище под голубым Небом. Мы будем вечно жить там в незримом храме и будем хранить тайну мира.

Басня (*прядет Судьбы, поет*):

Основан Вечности заветный град
В любви и мире позабыт разлад.
Прошли, как сон, страданья вековые,
Властительница Душ навек София!

¹ стихи Джансуга Чарквиани.

Глава 9. Колхида.

– Сейчас мы пройдем через Ворота Духов, – сказала Афродита, когда после представления они поднялись на Золотой Колеснице в Небо и, обогнув Лунный Круг, вновь коснулись земли. – Теперь мы попали в будущую жизнь, – серьезно сказала она. – Здесь оканчивается сказочное прошлое и начинается Музыка Будущей Жизни.

Гейнрих задумался. Ему вдруг вспомнилась Тюрингия, дом детства с распахнутым в Сад окном, где впервые услышал он таинственные слова Незнакомца о Голубом Цветке...

Вспомнились бесконечные прогулки по цветущим горным склонам с Придворным Капелланом, которого Гейнрих любил не меньше, чем родных Отца и Мать. Он вдруг вспомнил о подарке, дотронулся до золотой цепи, висящей на его груди. Сердце затрепетало быстрее, чем птичьи крылья.

– Милый, милый Придворный Капеллан, – подумал Гейнрих, – интересно, как он теперь поживает, бродит ли по нашим любимым прибрежным тропам, любит ли, как прежде, Лунным светом и радуется ли утренней росе? Помнит ли он обо мне?

Мягкий ветер теребил волосы Гейнриха.

Матильда: О чем ты задумался, Гейнрих?

Гейнрих: Я вспомнил слова своего близкого друга, Придворного Капеллана. Когда мы однажды бродили по окрестным тропам Тюрингии, мне вдруг показалось, хотя я, конечно, не признался ему в этом, мне показалось тогда, что мы так же, как теперь, путешествуем в Будущем... Это было так прекрасно... Я даже слышу теперь его слова: он сравнил наши прогулки с путешествием в различные эпохи, времена и культуры...

И самой удивительной нам казалась вдумчивая романтическая эпоха... *(Задумчиво теребит золотую цепь на груди)*. Знаешь, Матильда, теперь мне кажется, что я – отчаянный Новый Романтик, пришедший на странную землю в поисках Голубого Цветка, который в действительности найти невозможно...

Обнимает Матильду, задумчиво смотрит в ее глаза.

Может быть, только встреча с тобой, Матильда, и есть моя исполнившаяся вечная романтика, безумный порыв моей души к Высокому и Несказанному...

Гейнрих вдруг увидел стоящего у входа в темную пещеру, усыпанную сталактитами, своего родного Отца. Он стоял и тихо смотрел на Небо, освещенный Лунным сиянием, и, казалось, почти не замечал Гейнриха.

– Отец! – воскликнул Гейнрих. – Как ты попал сюда?

– Прошел свой Путь и достиг Ворот Духов, так я оказался с вами, – улыбнулся Отец.

Клингсор подошел к Матери Генриха и с волнением заглянул ей в глаза. Она смущенно улыбнулась в ответ.

Здесь же, недалеко, печалилась Зулейма, а рядом с ней ... Гейнрих не мог поверить своим глазам... он увидел Таинственного Незнакомца своего детства.

– Ансельм, – произнес Гейнрих неуверенно.

Ансельм шагнул навстречу, кивнул...

Зулейма встrepенулась, подбежала к Гейнриху и подарила ему Голубой цветок.

– Возьми, это твой Цветок, Гейнрих, – улыбнулась она, – ты ведь мечтал найти его. Это голубая лилия – Ирис.

Гейнрих взял Цветок и неуверенно огляделся. «Не снится ли?»

Вокруг было тихо и безлюдно. Разрушенные дома с выбитыми стеклами, покосившиеся телеграфные столбы... разбросанная, истерзанная земля. Горным эхом звучало древнее море. И слышались одинокие выстрелы. Матильда молча, сдерживая слезы счастья и боли, с трепещущим сердцем, взяла Голубой цветок из рук Гейнриха и, сделав несколько шагов в Неизвестное, посадила его во влажную росистую землю. Огляделась.

– Как странно, – тихо проговорила она, – здесь ничего нет и никто не живет. Неужели это и есть Будущее древней Цветущей Колхиды, Земли богов, и Крылатой Надежды?! Земли тех, кто умел читать по звездам и знал тайны Вселенной, неужели это земля одной из самых высочайших цивилизаций, нашедшей корень жизни в Красоте и Гармонии, сделавшей искусство самой жизнью?! (Плачет). А я так люблю древнюю греческую поэзию!

Клингсор: Просто теперь на этой земле идет война...

Матильда (прислушивается к выстрелам. Быстро, с сияющими слезами на глазах): Я ненавижу войну! Я... (Задыхаясь). Я обращаю ее в шахматную фигуру! Слышите, я ненавижу войну! Я... Я посажу здесь Божественный Сад! Пусть снова вернется блаженство на эту землю, пусть в горах зазвучит смех и игры древних Эллинов! Тех, кто из Любви творил Мир и Стихи!

В горах слышалось эхо отдаленных выстрелов.

Мать Гейнриха (Матильде): Что ты?! Что ты?! А если нас убьют?

Пауза.

С отчаянно бьющимся, kloкочущим, готовым вспорхнуть, выскользнуть ввысь – в Несказанное – сердцем, прислушивался Гейнрих к далеким взрывам, будто переворачивающим навзничь далекое Солнце. Оттуда, из Безвременья, долетала до него печальная песня, далекая песня. Будто кто-то там, в далеком вечном Безвременье, играл на лютне.

– Звенят голубые бубенчики,
Как чистого облака звук...
И первые вылетят птенчики,
Из тихого слова «люблю».

Прежде цветущая, только что найденная древняя Колхидская земля и впрямь казалась Гейнриху высохшей, пустынной... На склонах гор, точно ореховая скорлупа, пролегали обезвоженные русла рек, озер, темнели – будто выскользнув из Безвременья – горные впадины, будто кто-то невидимый приподнял на миг паранджу облачного дыма скалистой вековой древности. Камни осыпались со склонов гор и холмов и плакали темные глаза древней земли, слезы катились по ее лицу, покрытому бесчисленной морицинистой паутиной. Из безвременья звучала лютня.

Афродита (тихо): Вернется красота твоя, древняя Колхида...

Она склонилась над тускнеющей Вечностью, расплела волосы, укрыла ими, будто утренними лучами, горные склоны.

Матильда: Но здесь нет ни души, ни цветов, ни травы. Что же делать? (Целует землю).

Гейнрих: Тише... Тише...

Уже через миг, согретые теплом сердца и дыхания прекрасной богини, зашелестели на ветру голубые лепестки цветов, покрывая древние холмы голубым облаком. Будто из Вечности, из тишины летел девичий голос, эхом опускался на горы, плыл над ручьями, над цветами и деревьями, плыл над морем. В венке из голубых лилий, окруженная подругами – ясными Утренними Звездами, в Небе появилась юная Колхида. Она улыбнулась, скинула с плеч темное траурное покрывало и потянулась к Солнцу, точно юный пышный цветок.

Колхида:

Дерзкого детства радость ¹,
Юности моей сладость,
Мудрости моей властность,
Старости моей ясность –
Поэзия ты моя!
Вечной души горенье,
Верного сердца биенье,
Вольного духа мятежность,
Горечи неизбежность –
Поэзия ты моя!
Смех мой и мои слезы,
Тишь моя, мои грозы,
Сомнения и доверие,
Вера моя и неверие –
Поэзия ты моя!
Имя мое простое,
Знание мое пустое,
Сотое перерождение
Дальнее освобождение –
Поэзия ты моя!
Речь моя, мое слово,
Песни моей основа,
Песни моей скитания,
В толщу лет прораствание –
Поэзия ты моя!
Встречи мои и разлуки,
Долгие мои муки,
Все, что могла понять я,
Смерть моя и бессмертие –
Поэзия ты моя!
Будь же благословенна
Кровь твоя в моих венах,
Небо твое высокое,
Поле твое широкое
Поэзия ты моя!

Гейнрих: Она похожа на маленький хрупкий цветок!

Матильда (*смеется*): Смотрите, их становится все больше!

Один за одним, будто из-под снега, будто из облачной скорлупы, вылуплялись, как птенцы, Голубые Ирисы, трепетали крыльями, точно бабочки...

Афродита: Когда на этой земле родится столько же Поэтов, сколько Голубых Цветов, сюда снова вернется счастье и земля станет обителью Вечного Немеркнувшего Света!

Ее теплое дыхание пронеслось над морем древности серебристой паранджой, словно распахнутая белизна крыла Чайки. Над землей – цвела Весна; постепенно пробуждались деревья, набирали силу голубые реки, согретыые дыханием Весны, радуясь внезапному теплу, оживали голоса птиц.

Голубой Ирис, посаженный Матильдой в горькую землю, качнулся, будто в ответ общей музыке, зашелестел на ветру, будто перебирая крылышками лепестков. Еще мгновение – и израненные войной склоны гор стали покрываться, точно морской пеной,

¹ стихи Нелли Тарба.

диковинными Голубыми Цветами. Словно Юные Мойры плели над истерзанным миром звездное кружево.

Цветочное войско шелестело на ветру нежными голубыми крыльями, рассыпая серебро немеркнувшего света. Улыбалась Юная Колхида. Смеялись в ответ Утренние Звезды.

Гейнрих: Мы останемся здесь!

Матильда: Где будешь ты, там и я!

Клингсор: Я тоже останусь с вами!

Мать Гейнриха: Я тоже! *(Обнимает Гейнриха и Матильду), (Клингсору):* Вы – самый чудесный Король атлантиды!

Отец Гейнриха: Где будете вы все, там останусь и я!

Шванинг: И я, пожалуй.

Ансельм: Я навсегда останусь с вами!

Зулейма: Мне не хочется уходить отсюда!

Девочка стояла рядом с Зулеймой, утирая слезы радости на ее лице.

Горным эхом звучала ее тихая лютня. Утренние Звезды складывались в Млечный Узор Золотой Колесницы, приготовленной для богини Афродиты.

Афродита *(с улыбкой):* Нам пора в путь!.. Сначала мы отправимся к Солнцу и заберем день, затем поедem к ночи, потом на Север за зимой и на Юг за летом, с Востока мы привезем весну, с Запада – Осень. Затем мы поспешим к Юности, потом к Старости, к Прошлomu и Будущему. Колхида – страна Софии, карбункул – для северной короны Короля Арктура, Колхида – это аллегорическая природа, это Земля богов. Такая, какой она была, какой она могла бы быть... Мы с вами нашли этот талисман... В этой земле – великая тайна... Тайна белоснежных вершин, тайна Олимпа... Когда окончится война, на этой земле воздух и вода, цветы и животные будут совершенно другого рода! Люди, животные, растения, камни и звезды, стихии, краски сольются. Как одна семья, будут одним родом, будут говорить о Любви, о Красоте... сказочный мир станет видимым, действительный мир будет казаться Сказкой...

В предутренней тишине раздаются крики птиц, волны древнего моря шепчут им свои песни.

Утес Скорби *(жалобно вздыхал, из сказочного Древнего Безвременья):* Это голоса моих детей... Они услышат меня и скоро вернутся...

Послесловие

В утреннем Небе, освещенном холодным месяцем, раздавался едва уловимый, но настойчивый, повторяющийся гул, будто из далекой незримой Звездной Мастерской Вечности.

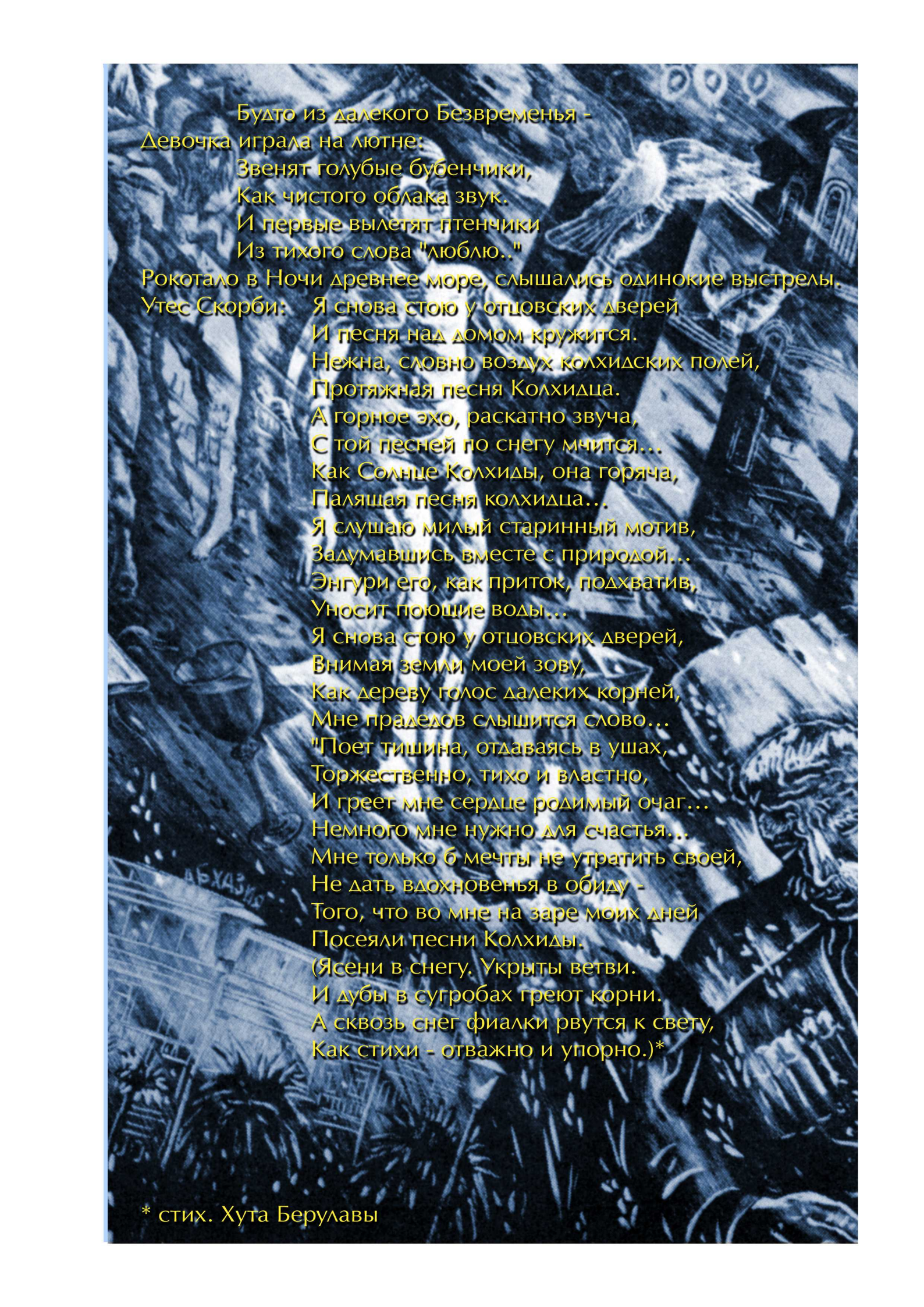
Над морем Древности всходили голубые звезды и складывались в узор, в млечный орнамент, в светящуюся Корону, словно лепестки, словно капли утренней росы, тянулись к чаше Голубого Цветка, улыбались над морем Древности Серебристым Северным Сиянием. В этой Млечности, среди изумрудов и карбункулов Вселенской Короны появилась и рассмеялась, внезапно вскрикнув, юная звезда.

«Я родилась», – нежно прошептала она Утесу Скорби. – «Меня зовут Колхида»... И улыбнулась – в Сказку, в Древнее Седое Безвременье.

... Они плыли на Золотой Колеснице, будто скользя в безмятежности, будто в вечном блаженстве, предчувствуя далекое, как еще не распустившийся бутон, Будущее, угадывая сердцем направление светил, прислушиваясь к плеску звезд, проносясь сквозь Безвременье.

Крохотным казался мир – огромным – Сердце.

Синим сапфиром трепетала на ладони Афродиты земля. Покрытая словно серебристо-голубым птичьим пухом, бесчисленными Ирисами, готовыми защитить, укрыть, спасти...

Будто из далекого Безвременья -
Девочка играла на лютне:

Звонят голубые бубенчики,
Как чистого облака звук.
И первые вылетят птенчики
Из тихого слова "люблю.."

Рокотало в Ночи древнее море, слышались одинокие выстрелы.

Утес Скорби: Я снова стою у отцовских дверей
И песня над домом кружится.
Нежна, словно воздух колхидских полей,
Протяжная песня Колхидца.
А горное эхо, раскатно звуча,
С той песней по снегу мчится...
Как Солнце Колхиды, она горяча,
Палящая песня колхидца...
Я слушаю милый старинный мотив,
Задумавшись вместе с природой...
Энгури его, как приток, подхватив,
Уносит поющие воды...
Я снова стою у отцовских дверей,
Внимая земли моей зову,
Как дереву голос далеких корней,
Мне прадедов слышится слово...
"Поет тишина, отдаваясь в ушах,
Торжественно, тихо и властно,
И греет мне сердце родимый очаг...
Немного мне нужно для счастья...
Мне только б мечты не утратить своей,
Не дать вдохновенья в обиду -
Того, что во мне на заре моих дней
Посеяли песни Колхиды.
(Ясени в снегу. Укрыты ветви.
И дубы в сугробах греют корни.
А сквозь снег фиалки рвутся к свету,
Как стихи - отважно и упорно.)*

* стих. Хута Берулавы

Светлана Черникова – актриса, сценарист. Родилась в г. Краснодаре. После школы поступила в Казанское театральное училище, которое закончила в 1986 году, получив специальность «актриса драматического театра». Перед поступлением в училище снялась в фильме Талиба Хамидова с рабочим названием «Воскресенье» (г. Москва, курсовая работа студента ВГИКа). После училища работала в ТЮЗе г. Кирова актрисой. В 1988 г. работала в Экспериментальном Творческом Объединении «Амадеус» в г. Минске. Потом работала в издательском кооперативе «Литература» редактором. В 90-х годах написала сценарии и снялась в главной роли в фильмах «Гудьба по Скорине» и «Времена года» на Белорусском телевидении, написала сценарий к фильму «Крещение» для студии «Белвидеоцентр», снятый в 2002 году. Работала руководителем детско-юношеских театральных коллективов в Минске и Краснодаре. В 2007 году снялась в Фильме Валерия Тодоровского «Буги на костях» (Мосфильм), В 2008 в телесериале «Рейдерство – слияние и поглощение».

© **Черникова Светлана Анатольевна**

Голубой цветок. Трилогия: «Согласие», «Солнечный Кот или Танцующие деревья», «Голубой цветок». Вольные музыкально-поэтические философские фантазии для не-простотеатра и против войны. В книге использованы графика Р. Барцица, Шри Чинмоя и фото А. Дегтярёва, Я. Дегтярёва. Минск, «Кухняпринт», 2008 г. 280 стр.

Подписано к печати 25.07.2008. Формат А4. Бумага Офисная. Гарнитура Arial. Усл. авт. л. 13,77. Усл. изд. л. 17,77. Заказ № :-)), Экземпляр № 2.